

Пролог

Яфир – самый молодой из вещунов, обитающих при Скале Сияния.

Самый молодой, а вот, поди ж ты, не спалось ему. Ночь уже за половину перевалила, а он, как старик с бока на бок ворочается, придрёмывая на несколько минут.

Нет, так дело не пойдёт! Это не бессонница, это беспокойство зудит, спать не даёт. Ещё с полдня исподволь, потихоньку волнение стало копиться. И вроде, никакой причины нет, а... ожидалось чего-то.

Точно... Яфира так и подбросило. Мужчина стал торопливо одеваться, ругаясь сквозь зубы:

– Дурак! Болван! А ещё вещун называется. Ясно ж, с чего дёргаюсь... на старость грешу... а там, может, сейчас какое предсказание великое засияло

Предсказанием великим оправдывался и Верховный вещун Аинтас, настолько древний старик, что дунь на него, и кости посыпятся. Не раз, и не два приходилось от него слышать:

– Вот, как приму от Скалы великое пророчество, так и освобожу вам место Верховного, – и хихикал, не старчески остро оглядывая пятерых поднадзорных ему вещунов.

Яфир-то и не мечтал о звании Верховного. Его лишь недавно взяли в обитель при Скале, аж, с окраины княжества. И так был рад до помрачения ума, что из всех кандидатов его выбрали. Ясно, что мыслей стать Верховным у Яфира пока даже не возникало.

Зато остальные четверо только зубами скрипели в ответ на усмешки Аинтаса. Каждый из них считал Верховного выжившим из ума стариком, и про себя желал ему поскорее очокуриться, освободив вожделенное место. И в мыслях каждый из четверых не единожды примерился к посоху Верховного вещуна.

Только вот в эту ночь спали все четверо. А возле Скалы сегодня дежурил сам почтенный Аинтас – Верховный вещун княжества Осиян. Да Яфир чего-то не заспался, примчался по темени от домов вещунов, построенных на отлёте. Он и бежал, сломя голову, потому как увидел сияющий свет предсказания, что струился над Скалой. И даже успел прочитать последнюю часть пророчества.

Видать, надпись своё время уже отсияла, строки стремительно таяли, но Яфир успел ухватить последние: «...потомки его сумеют приручить зверя, и перестанут люди опасаться оборотней, а семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапого будет особенным».

Точно, какое-то грандиозное пророчество, раз Великого Оборотня упомянули. Но ничего, Верховный вещун, наверняка, запомнил. Старый-то он старый, а своё дело крепко знает, и память у него ещё цепкая. Яфир оглянулся на скамью под навесом, на которой коротал своё время дежурный вещун.

Всё правильно, как и положено, почтенный Аинтас восседал на скамье с посохом Верховного на коленях и, откинувшись на спинку, не сводил глаз с поверхности Скалы – остаточный фон ещё несколько часов будет проблёскивать после предсказания.

Яфир, осматривая Скалу на всякий случай, шевелил губами, повторяя про себя слова пророчества – те, что успел углядеть. И, вздрогнув от шума падения, снова оглянулся на Аинтаса.

Упал и покотился посох Верховного. А сам старик, как сидел, так и остался сидеть, вытаращив стеклянные глаза на Сияющую Скалу предсказаний. Ни движения, ни вдоха...

Верховный вещун княжества Осиян, почтенный Аинтас, был лучшим предсказателем!

Как и говорил, он, приняв великое пророчество, сразу же освободил место Верховного... и унёс почти весь текст предсказания с собой в могилу...

С тех пор по распоряжению Верховного вещуна Яфира возле Скалы Сияния днём и ночью дежурили вещуны не менее, чем по двое, а то и по трое.

Часть 1. Неправильный оборотень

Семья

– Бабуль, а мой новый дружок Мирак уже перекидывался прошлой луной.

– Это тот чтоль, который нового пришлого сынок? Маненький такой, утром к тебе забегал? Дак они ж дикие. Ежели ему, как тебе, годков шесть, то самый раз перекидываться.

– Ага, он. Они тогда ещё только собирались к нам. Баб, я тоже хочу щас перекинуться. Скажи папке, он тя слушает.

– Да ты что, сдурел? Спроси того Рика, Мирака папку, зачем дикий к нам пришёл? Да за тем, чтоб придержать сыночка – штоб тот смог договориться со зверем, а это только шаман поможет... Вот скажи, рассказал тебе твой Мирак, как это оно – перекидываться?

– Ага, говорит, почти не помнит, лапы у себя мохнатые увидёл да так жрать захотел – папка ему зайку и кинул. Он ему зайку загодя поймал, лапку закусил, чтоб тот шибко не бегал. А как Мирак перекинулся, так и кинул ему.

– Да, зайка вкусны-ый! – протянула бабка задумчиво. И смачно облизнулась.

– Мирак тоже говорит – вкусный. Баб, да как же это? Он же сырой! Как его неварёного-то есть? Невкусно ж!

– Это когда в человечесем обличье тебе невкусно. Ты ж – человек! А вот когда зверем становишься, да спервоначалу перекидываешься, знашь, как вкусно? Первый раз оно самое вкусное, – бабка снова причмокнула. – А у зверя вовсе мозги отшибает.

– Как это – мозги отшибает?

– А так. В однораз, как зверем становишься – видеть по-другому начинаешь, глаза по-другому смотрят, уши кажанный шорох слышат, в нос шибает всякой вонью. Вместо рук-ног лапы враслопырку стоят, а из задницы хвост торчит. Вроде б, и знаешь, что так должно быть! Но это человек внутрях знает! А ты уже зверем стал, который ни мамки, ни папки не видал никогда, никого знать не знает, ниче не понимает – он же только сичас родился, и сила у него уже есть, а мозгов ещё не завелось. А жрать-то как в энто время хочется! Вот в тот самый момент, если без пригляду, беда и случается. Зверь могёт и маму-папу загрызть, если те человеками рядом будут. Он же не соображат ничо, у него энти... кстинты. Вот Рик-то, это знаючи, зайку-т и приготовил – правильно сделал.

– Баб, а чё такое кстинты?

– А эт, кода мозгов не хватает у всякой мелочи пузастой. Бабке совсем отдохнуть не даёт! Прилегла только на минуточку, а энто, как репей в хвосте – чё да как. Вон, братьёв прорва, у них спрашивай! Которы уж и поперекидывались, и девок по кустам пошарахали, особливо одну рыжую вертихвостку, у-у, блох ей в шкуру – лиса облезлая, а туда ж... Брысь отседова! – ш-ш-шух, хлопнула дверь, да кровать заскрипела под утихающее бабкино ворчание.

Этот забавный разговор бабки Мьяры с самым младшим в нашей семье – шестилетним Арыской – был хорошо слышен из-за приоткрытой створки окна.

На последних бабкиных словах я с усмешкой покосился на старшего брата Уруса – большого знатока по рыжим шурам. А тот сидел рядом на лавке, привалившись к избушке стене, щурил хищные глаза да улыбался шкодливо.

В тенёк, под куст сирени возле бабкиного окна мы от бабки же и сбежали. Ведь не посмотрит, что законный выходной, чего-нибудь да велит делать – дрова колоть или сарай чистить. А то, как девок, заставит полы в избе мыть... Может, бабка нас под своим окном-то не углядит? Где в другом месте искать будет... она же, вон, вернулась в комнату, а тут и Арыска появился со своими детскими любопытными вопросами.

Ну и ладно, что выходной у брата – ему одному отдыхать скучно. В компании-то веселее!

Брат встал, гибко потянулся. Среди своих ровесников Урус – вожак! Я с завистью оглядел поджарое тело – стать волка и просторная рубашка не испортит. Урус хоть и кажется худым и даже костлявым, но это только видимость. Под рубашкой сухое тело мышцами, будто канатами перевито. Шаг бесшумный и быстрый, движения плавные, да зубы скалит вроде нечаянно, не злобно, а выходит со значением – совсем, как у старших оборотней. Одно слово, волк!

Мне же только четырнадцать исполнилось, а ростом почти со старшим сравнялся. Сила тоже есть, хотя бы и не такая, как у брата. И в плечах лишь чуток не догнал. Глаза вот подкачали – какие-то непонятные, коричневого цвета и вытянутые к вискам. Ресницы, что у девки, почти до бровей загибаются. Бабка говорит, оленьи глаза – тьфу, срамота!

А девки даже заглядываются, хотя мне стеснительно. Вот не могу я, не краснея, в иное девичье лицо прямо поглядеть. Ага, какая девчонка глазами поиграет. И ладно, если просто косу потеревит, а то в прошлый раз Варинка и шнурок на воротах распустила – это весной-то, когда возвратные холода случились, а от стылого ветра все вокруг в тёплые кофты укутались. Варинка же «взопрела» ненароком рядом со мной!

Я-то сам взопрел и покраснел, стыдясь того, что в вырезе рубашки увидал. Думал, нечаянно она... Ну и сбежал. А Суворка – друг мой – хохоча, потом рассказывал, что после моего ухода Варинка сразу же зазябла и шаль накинула, не давая себя рассмотреть любопытным. Ну её!

А ещё заметил я, что парни до перекидывания в зверя – всё равно, что дети. По виду вроде большие, но какие-то... невзрослые. Да уже после первого перекида пацан другим становился – и взгляд, и движения менялись – будто, какую тайну узнал.

А я ещё и не перекидывался ни разу! Вот через неделю полнолуние, будет праздник. Наступит и моё время!

По вечерам вся наша семья, как правило, собирается за столом в большой горнице.

Во главе стола восседает бабка Мьяра, вернее, прабабка наша – самая старая в нашей деревне, самая уважаемая, старейшина нашего рода Щир.

Вот так вот! У кого-то Серые Волки, Рыжие Рыси, а у нас Щир. И понимай, как хочешь, что за зверь такой! В нашей семье все оборотни в волков перекидываются, но именуется род почему-то вот так странно – Щир.

За столом после Мьяры рассаживаемся по сложившемуся порядку.

Когда приходит Ррык – бабкин сын и отцов дядя – то садится по правую бабкину лапу... Тьфу! Руку. Он – вожак не только в наших Волчихах, но и... Короче, вожак!

Отец – бабуле приходится внуком – располагается слева от неё. Рядом с отцом присаживается мама, когда подаст всю еду на стол. У неё в помощницах Урсунa, наша десятилетняя сестрёнка. Урус, как самый старший из детей, рядом с вожакoм. Дальше по старшинству сажусь я. А в конце стола место младшего Арыски – того самого, что донимал бабку распросами.

Говорят, у высокородных не принято за едой разговаривать. Вот скукота-то...

Не знаю, как у других, а у нас, когда за столом собирается семья, разговоры почти не смолкают. В деревне, в стае, в школе, да и дома всегда что-то случается и уж точно найдётся, что обсудить. А уж когда дядька заходит – вроде больше молчит, несколько слов скажет, а так направит разговор, что всё вылезает – кто чего сказал да сделал. А то, смотря по настроению, может и сам что интересное рассказать.

Сегодня разговор Ррык и начал:

– Что-то смотрю, Арит, в последние дни к тебе народ зачастил.

– Да уж. Сегодня Димран, Крык и Румис, вчера Гремил, Заран и даже кузнец. Третьего дня...

– А кузнецу чего надо? Он же человек, никак не оборотень?

– Да того же, чего и другим, – отец глазами на меня повёл и усмехнулся. – Особенный. Каждому свою девку пристроить охота. Да по-особенному.

Бабка ахнула:

– Совсем срам потеряли! Да где эт видано, штоб вместо девки ейный отец хвостом крутил перед кобелём?

О-ох, действительно, сраму не оберёшься – бабка, как скажет, так на всё село ославит!

Вон, Арыска от хохота даже с лавки скатился под стол, аж поскуливает. Мать в полотенце лицом уткнулась. Урсунка с блюдом лепёшек по стенке на пол сползла, заливаясь звонким колокольчиком. Урус в плечо толкает, из-за смеха выговорить ничего не может.

Отец с дядькой сидят с серьёзными застывшими лицами, глаза в никуда глядят – нельзя смехом неуважение к старейшине рода показать, да и к бабкиным высказываниям за столько лет попривыкли.

А бабка не унималась:

– Ишь, охальники! Когда эт было, штоб кобель суку по отцову уговору покрывал? – повернулась к отцу. – Ты, Арит, гони-ка всех в шею! Наш Горушка ишшо молодой, ни одной течной суки не нюхнул. Вот будет гон, тады и пристроит, котора к сердцу припадёт, а не энтих... тьфу, срамота!

– Баб, ты погоди... Вишь, у людей-то принято загодя переговорить с желательной партией, чтоб, когда сватать придёшь, тебя не умыли, не отказали, стало быть. Мы ж теперь с людьми живём, вроде...

– Цыц, говорю! Вот у людёв пусть по-людски и будет. Мы – нелюди! Мы пару по-волчьи выбираем! На тебя, Аритка, в своё время Гурунка как пялилась, помнишь? Вожакова дочка, между прочим. Ну и что, что от соседней стаи! А сговорили б с Соваром? И чево бы, пошёл бы с ней волчат строгать? Чевой-то, ты нос с Гурунки своротил, на двор к Тарусе убежал?

– А у Таруси течка раньше началась.

– Ах, ты ж паразит! – тут уж мама на отца полотенцем замахала. – У меня, значит, раньше! А то б к Гурунке пошёл?! И были б твои щенки с бурыми клоками, да с короткими лапами.

Отец присмирел, того гляди, хвост отрастит, да заметёт им виновато по полу:

– Тарусечка, милая, да вспомни, как я бегал за тобой. У тебя ж лапки... ни у кого таких стройных и красивых нет! И у деток наших твои лапки! А уж шёрстка с таким подпалом! Охотникам облизнуться только останется. Я от Гурунки знаешь, как прятался, от охотников так не убежал. Ох и злилась же она, ох и рычала...

– Во-во! И сговорили б, не пошёл к Гурунке, к Тарусе побежал бы, потому как, эти кси... кстинты не уговоришь – у их своя правда. Нам, оборотням, насильно мил не будешь, никаким уговором жить не заставишь. В таких делах ни отец, ни вожак – не указ!

– Да знает он, мать, – хмыкает отцов дядька. – Просто мужики любопытничают да шутят. Кузнец, может, и правда какие планы строит насчёт своей Христи. Вроде, прабабка его с оборотнем путалась. А остальные порядок знают. Никто твоего Горушку заставлять не станет.

– Н-ну, смотрите у меня, Горушку в обиду не дам!

Вообще-то, полное моё имя – Ар-Лагор, и обычно все зовут Лагор или Гор, а бабка сюсюкает, как со щенком – Горушка, Горушка. Стыдно!

А особенный... Просто я, вроде, и есть тот самый семьдесят пятый потомок Рруса Трёхлапого. Из совсем старого пророчества, что на Скале Сияния нашли. Вожак на все вопросы о пророчестве только плечами пожимает да хмурится.

А люди говорят, что все пророчества со Скалы обязательно сбываются!

Вот в соседней деревне мельник Кариш живёт, так он рассказывал, что приехал в наши места как раз после того, как у Скалы Сияния побывал.

Оборотень, проживал Кариш в Окреше – столице нашего княжества Осиян. Его, ещё молодого парня, собиравшегося по примеру отца служить князю, матушка вдруг стала уговаривать съездить к Скале Сияния, благо, что вещей камень и находится где-то там, в окрестностях столицы. Парню, вроде как, неловко бабьим уговорам поддаваться.

Да и Скала... она ведь тоже не всякому пророчит – многие от неё несолоно хлебавши уходят. Говорят, вещуны всякому любопытному предсказывать могут... да и то, то ли правду скажут, то ли соврут – сказывают, всяко бывает.

Не то дело – Скала! На Сияющей проявляются самые настоящие, истинные пророчества, а бывают просто указания, которые лучше исполнять всем, кого они коснулись. А иначе... плохо заканчивается, если не следовать тем указаниям.

И матушка Кариша упёрлась – езжай к Скале, и всё тут! И в слёзы, мол, предчувствие у неё. Материнское сердце, верно, беду учуяло.

Поехал Кариш. И спросить ничего у Скалы не успел. Рассказывал:

– Ещё на подходе встретили меня вещуны, что при Скале всё время обитаются, и передали, чтоб торопился домой, не мешкая, родителей забирал. И ехать было велено на родину родителя, мельничное дело поднимать. Так и поступил. Только отец упёрся. Сказал, что столько лет верно князю служил и сбегать не собирается. Матушка слезами обливалась, но супружника не оставила.

Уже здесь, по приезду, догнала Кариша печальная весть. В столице волнения случились. Причиной послужило опять чьё-то недовольство оборотнями.... Погибли родители Кариша. Не соврало пророчество Скалы Сияния, когда торопило уезжать. Да и совет учиться на мельника пригодился. Со временем стал Кариш знающим мастером. И жизнь у него сложилась, как и положено – обжился, женился, детишек завёл.

Издавна в народе ходит множество других историй про пророчества от Скалы. Где там правда, а где выдумка? Поди, разбери.

Но пророчество о потомке Рруса Трёхлапого уж точно много шума наделало ещё в те времена, когда надпись проявилась на Скале Сияния нежданно-негаданно. Даже не целое пророчество, а его часть.

И какая-то непонятная история случилась тогда у Скалы. Кто говорит, вещуна, что пророчество увидел, враги убили, он только и успел перед смертью шепнуть другу несколько слов. А кто говорит, вещун с перепугу, от того, что увидел, ума лишился, и из его путанных слов едва-едва что поняли.

С тех пор, сказывают, оно, это пророчество, на контроле у самого князя!

И по всеобщему мнению, именно я этим потомком из пророчества и являюсь.

А окружающим интересно – взрослые приглядываются, пацаны кругами ходят. Правда, не задирают. Хотя ещё ни разу не оборачивался, а сила зверя, пусть и смутно, но ощущается – среди сверстников уж точно больше всех. Потому в мальчишечьей ватаге против меня за лидерство с самого раннего детства никто слова против не говорит. А перед остальными за меня ж, если по-серьёзному, и брат вступить может. Да и род в стороне не останется.

Девки плятятся да шушукуются, а которые со смешками да намёками подкатывают, как та же Варинка. А уж Христя, кузнецова дочка, совсем проходу не даёт. Даром что человек, а прицепилась – вот поди угадай, взаправду втрескалась или, как другие, особенным интересуется.

А поутру сегодня к Урсунке забегала её подружка Орринка. Мелюзга десятилетняя, а туда же – пока не ушла, так глаз с меня и не сводила. Урус всё насмехался, что невесты мои из пелёнок повылазили, смотрины предлагал устроить.

А особенный... Ничего я не особенный. Парень как парень. Руки, ноги на месте, скоро лапы и хвост добавятся. И чего тут особенного?

Разговор за столом потёк дальше. Обсуждали пришлых, будущий праздник и полнолуние. После ужина я подкатил к бабке, когда та устроилась в кресле возле окна. Знаю же, что бесполезно просить, но в очередной раз попытался:

– Баб, ну чё ты меня как маленького кличешь? Я ж большой уже...

Из-за спинки бабкиного кресла приподнялся Урус с насмешливой ухмылкой. У-у, волчара!

На бабку невозможно злиться и обижаться, ласковая она.

– Оленёнок ты мой, Горушка, – ещё хлеще сказанула. Эх, бабка! – Ты ишо не большой, вот после праздничка побольшеешь маненько. Как обернёшься, как покажешь, кто ты есть таков, так и большим считать можно. А так... побудь пока маненьким, дальше уж не придётся.

Урус совсем разухмылялся, над башкой руками рога маячит, а из-за его спины Арыска рожи корчит. Обидно.

Реву раненым оленем:

– Баб, да какой я тебе оленёнок, я даже салат не ем!

– Глазоньки-т у тя прямо оленёнковы, больши да ласковы, даже кады на бабку обижаисси. Глянeshь в твои глазыньки, будто олешек из лесу прибежал. Так бы и схрумала!

– Ба, я волком буду, хищником!

– Хищником? Ха, а ты знашь, оленьи-то тоже хищники?!

У Арыски с Урусом, да и у меня наверно, глаза круглыми стали, и рты пооткрывались. Правда, Урус схватился, пасть прихлопнул, но глаза тарашил.

– Ты думаешь, олешек на лугу просто так травку щипет? А вот, ежели в травке той птичкино гнездо с яичками встретится, он его и схрумает заздорово живёшь. А и не с яичками, даже с птенчиками не побрезгует. Зайков, конечно, не ест, а вот гусеничка какая на листке, быстро в живот отправится. Эт ладно. А вот ты думал когда, почему волки и оборотни редко оленину едят? А и едят, то какого-нибудь старого или калечного оленя? Они ж знашь, какие сильные! На вожака кинуться только сдуру можно. Копытом звезданёт, сам волчьей звездой станешь! К вожаку, даже к покалеченному, не вздумай подходить, только кода сам помрёт. Охотиться можно, ежели какой оленёнок от мамки да от стада сдуру отбежал. Или какой старый аль больной, там с ногой переломанной, попадётся. А если к оленёнку другие олени побегут, собирай зубы, лапы и удирай, а то быстро на рога подымут. Вот как, любого хищника умоют.

Бабка пожевала тонкими сморщенными губами и, припоминая, продолжила:

– Правдоть, мы с Тырком, вашим прадедом, однораз такого олешку освеживали. Мясо молоденько, мягонько, косточки сахарные...

Бабка рассказывала, а сама облизывалась, да так, что у нас слюни закапали, тоже заоблизывались.

– Значит, пошли мы в лес с мальцами – Ларс, дед ваш, да Ррык постарше, они уже вовсю перекидывались. Да Гронт, он-то в первый раз. Ну, в полнолуние как и положено попервости. Надо ж мясо приготовить малышу. А с утраца в лесу-то облава была – говорили, людоед завёлся. Грешили на оборотней. Ан, нет! Волк оказался, потом нашли. Ну так, стало быть, облава-то была, знамо дело, всё зверьё расшугали. Оно бы и бестолку – в лес соваться после облавы. Однако вот оно, полнолуние. Гронту перекидываться пора, хошь-нехошь пойдёшь. Это щас шаман оборотёнку мозги на место поставит, уговорит зверя не вылазить, а тогда-то Ррык да Ларс знать не знали, что придумают таково... Ну вот, пошли мы, значит, в лес. Да курицу прихватили. Знамо дело, дикий зверь налучше всего, да ведь облава... Ну, стал быть, идём покамест человеками, Тырк перекинулся, штоб пробежаться, авось, како-нить зайку пришмыгнуть. Ан, нет. Даже белки не цвыркают – и их напужали. А слышу, Тырк рычит. Хруст поднялся. Рёв такой громкий, трубной! И не поймёшь спервоначалу, что за зверь-то такой? Я бегом перекинулась, Ларс и Ррык за мной, да к Тырку. А там олень молоденький, да не телёнок уже, рога растут, в тело вошёл, в самом соку. Молодой, а силища-то – не балуй! На такого охотиться стайей нужно, а нас два волка да щенки. Правда, у олешка нога сломана, как щас помню, левая передняя. Видать, бежал от облавы-то, не глядя, да в ямину али нору угодил. Да только силища, ему ж тож жить охота! Тырк, значит, справа оленя отвлекает, а тот башку наклонил да рогами качает. А рога-то о пяти отростках – красотень, только заденет такой красотенью, враз щенки осиротеют. Мы ж не на охоту шли, оружия никакого не прихватили, только зубы. Ну я, значит, пока олень меня со щенками не чуёт, оббежала кругом, да из-за кустов и вцепилась ему в левый бок да отпрыгнула скорей. Олень-то от боли совсем забыл про ногу-то, взвился, а нога возьми и подломись! А тут ещё и подвезло, ямина небольшая подвернулась. Нам-то о четырёх лапах и незаметно, а ему-то в самый раз пришлось. Оступился зверь, грохнулся, да рог евоный один с размаху ка-ак в землю воткнётся – и ни туды его, и ни сюды. Лежит на спине, ногами дрыгает, от рогу-то башку ему вывернуло, горлом кверху. Давай кусай! Тырк-то и рванул. А глаз у олешка, прям как у нашего Горушки, красивы-ый! Только жалобный, слезой затёк. Ну, как ни жалко, а кушать надо. Оглянулась на пацанов – бежали за мной два щенка да пацан человеческий, а прибежали три щенка. Так и не поняли, как Гронт перекинулся. Ох, щенкам и радости было! Напрыгались, потявкали, пока олень отходил – он же ещё потом ногами дрыгал. Наели-ись! Потом с собой ещё на суп взяли. Большой олешек был! А вкусный-то какой! Об эту пору, пока молодые, олени самые вкусные. Да, говорю ж, такого не завалишь без стаи, да играючи, как у нас сподобилось. То удача...

– А ну, ребятня, совсем бабку заболтали, дайте ей отдохнуть!

С вожакон не спорят. Я поглядел на бабку – и правда, старенькая она у нас, хорохорится, но видно же, что притомилась. Сунулся ей носом в руку да пошёл с Урусом во двор, скотину пора встречать.

Ну и что, что мы оборотни! У нас скотина самая ухоженная! Мы всегда знаем, на каком лугу трава сочнее, всегда учуем куртины ядовитой травы и отгоним от неё глупых телят. А уж о том, чтоб скотина у нас пропала, и разговора быть не может – ни зверь, ни вор не позарится на стада, охраняемые оборотнями, и никакая дурная тёлка никогда не отобьётся и не заблудится – не дадут.

Пастухи-оборотни у нас в почёте, их и из человеческих сёл к нам приходят нанимать. Вот и Урус вместе с другими пока работает пастухом в стадах. Потому что ещё только закончил обучаться в школе.

А стада, как и пастбища, в нашей деревни большие. Там пасётся как личная скотина от деревенских дворов, так и общественная.

Нашей семье, кроме нескольких коров и племенного быка, ещё табун лошадей принадлежит. Но разведение коней брата особо пока не привлекает. Говорит, что хочет посмотреть, как народ в иных местах живёт. Бабка ворчит, но вожак и родители понимающе хмыкают. И пока сговорились, что к концу лета Урус уйдёт в город, попытает себя в стражниках.

Многие из наших стражниками служат. В замках земельных владетелей, в городах разных. Да и в стражниках многие оборотни не задерживаются. Как покажут себя, так их переманивают в сыскари, потому как, говорят, многие преступления только с нашим чутьём и раскрываются.

И знахари из оборотней знатные! Хороший знахарь должен знать, когда лечебную траву собирать, как сохранить, чтоб она силу не потеряла. А уж травяные сборы у нас самые лучшие, самые выверенные получаются.

И всё благодаря врождённым инстинктам и нюху – у кого волчьему или лисьему, медвежьему бывает, рысьему.

И если раньше, во времена детства моего деда и его братьев, оборотней редко брали на службу, то теперь, после того, как мой дед Ларс со своим братом Ррыком создали систему «осознания», как они её назвали, наши оборотни – ого-го! – всем нужны.

Говорят, даже на службу к князю приглашают.

Оно ж как раньше было?

Оборотни были дикими, как сейчас говорят, да и нынче таких хватает. Зверь в человеке просыпался годков в шесть. И человек-то ещё не больно большой и умный! А как зверь в нём просыпается в первое полнолуние, после того как исполнится шесть лет, так и вовсе без контроля старших оборотней малыш лютым зверем стать мог, а то и людоедом.

Потому что в этом возрасте звериное сознание сильнее человеческого и подавляет его. Зверёныш, подчиняясь инстинктам, и на человека может напасть. Взрослого не осилит, а вот ребёнка, пошедшего в лес по грибы, запросто. Человек бегать быстро не умеет, зубы и руки у него слабые, особенно, у ребёнка. Его и поймать легче, чем того же зайца или утку.

Так и становится «дикий» оборотень опасным и для людей, и для других оборотней. Потому как неразборчивым становится, может и щенка оборотня загрызть.

Да и невиновным, правильным оборотням приходилось отдуваться за нелюдей. И будь хоть трижды уважаемым знахарем, если прознавали, что ты оборотень, ничего не спасало! Забивали кольями, даже если на сто вёрст вокруг других знахарей нету. Настолько люди нас боялись.

Вожак Ррык вместе со своим братом Ларсом, нашим дедом, додумались, как образумить зверя в оборотне и договориться с ним сызмальства.

Оборотень – существо полумагическое. Говорят, умные учёные люди изучают, какие энергии влияют на появление оборотней. Пока выяснили только, что магия каким-то образом задействована, и что оборотничество передаётся по наследству. Даже если все твои родственники люди, но в предках затесался оборотень, то появляется возможность рождения оборотня.

Ну, и у дедов наших вроде что-то с кем-то произошло. И они поняли, что со второй половиной нашей, звериной, можно наладить контакт. Но для этого зверя надо успокоить, уговорить, научить его понимать человеческую половину, не разрешая ему проявляться до определённого момента. А в этом могут помочь опытные оборотни и маги, даже не очень сильные.

И когда начинаешь внутри зверя чувствовать и понимать его, а он тебя – вот тут и проводится перекидывание человека в зверя. Осознанно.

Дед наш Ларс со своим братом Ррыком, что сейчас у нас вожаком, выработали методику «осознания». Дед-то не дожил. А брат его Ррык при поддержке княжеских магов стали предлагать «осознание» другим оборотням, организовали школу для молодых оборотней. Так появилась официальная раса оборотней культурных или цивилизованных. Среди таких оборотней людоедов и чудовищ не бывает – это просто люди со специфическими способностями.

Вот в таком виде нам рассказывали историю в нашей школе.

Семейные истории

На следующий день, когда шли домой после занятий в лесной школе, мы с сестрой заспорили, выясняя, куда пропали наш прадед Тырк, дед Ларс, его брат Гронт, сестра Раста и другие родственники – говорили, что погибли в какой-то войне. Оказалось, что мы толком-то и не знаем ничего о тех событиях.

Никого из взрослых, кроме бабки, дома не было. Нам не хватило терпения дожидаться отца или Ррыка, переговариваясь с Урсуней, побежали с вопросами к бабке Мьяре.

И бабка рассказала:

– Ох, и времена были тяжкие! Нас, оборотней, как гоняли-то! И жгли, охотники нас травили, крестьяне кольями протыкали, на вилы подымали! Какой медведь-шатун зимой поднимется, оборотней ругают. Псиная глупая бабу какую тяпнет, «оборотень» блажат. Ох, тяжко-о! И вздумалось тут Гронту любовь закрутить. Да какую любовь-то ненормальную! Как мозгов лишился. Ничё не слышит, не соображат совсем! Один свет в окошке – Листавией её звали. Ох, змея! Ведьма! Лицом чисто ангел. Кожа тоненька, гладенька, молодая. Носик ровненький. Губки пухленькие, что твой цветочек. Глазки навроде наивненьки, а иной раз огоньками вспыхивают – Гронту-то заливаешь, мол, от любви большой к нему, Гронту, значит. Волосья сыпятся по плечам. А вот цветом-то волоски уж больно диковинные – черны, что у ворона, а по черноте белые пряди переливаются. Сзаду посмотришь, подумаешь – старуха перед тобой. Спереду глядишь, девка – красотой странная. Говорит ласково, что ручеек журчит. Глазки-то при разговоре всё вниз опускает, прямо не смотрит. С виду такая простота, такая ласкова. Вот Гронт и втюрился. Из-за неё-то всё и случилось!

Бабка горестно вздохнула и, уставившись куда-то поверх наших голов, продолжила:

– Она в деревню нашу с тремя мужиками приехала, на лошадях верхами. Едет улицей к трактиру, да мимо Гронта с Ларсом. А лошадь-то непривычна. Возьми да шарахнись от парней – коняку-то не обманешь, она оборотня всегда чует и шарахается, если непривычна. Тут-то Листавия эта на Гронта и взглянула. А чё? Парень видный, красивый, глазами-то на девку в штанах выпялился. Где это видано, баба в штанах, в плаще и шляпе – одета как мужик, а причиндалы все бабьи? Ляжки без стыда выставлены, а притом глазки из-под ресничек стреляют, щёчки аленьки, вроде как от скромности. Проехала она со своими мужиками до трактира, еду заказали. А после мужики-то дальше поехали, а она в трактире комнату сняла, говорила – то попутчики были, а она, вишь, притомилась в дороге, отдохнуть хочет. Куда ехала-то – так и не сказала, всё юлила. Вроде языком чегой-то мелет, а никак не поймёшь, об чём сказать хотела. Да так завернёт, что забудешь, что у ей спрашивал. Так и морочила. Это ж потом мы узнали, что она – ведьма, а те мужики – помощники еёные по злым делам. Она, вишь, нам в доверье втиралась, говорила – изучай оборотней, чтоб, значит, помочь нам. Для того, значит, брала у нас плевки, кровь... говорила – изучай. Она и взаправду изучала, да только затем, чтоб над оборотнями командовать. Надо было одним магам над другими победить, вот и хотели они послушниками сделать оборотней, чтоб мы по их приказу убивали. А оборотней потом ещё больше бы извиновали и пуще прежнего нас травили бы. Вот и начала она с Гронта. Хи-хи да ха-ха, на свиданья, значит. Любовью ему голову закружила, говорит, хочу по-волчьи. Тот перекинулся, весь в томленьях, а у ей сетка волшебная приготовлена, с которой не то что оборотень, а и маг не вывернется. Кликнула помощничков, они у ей недалече спрятались, да давай Гронта-то доить – ей не любовь нужна была, а ещё и сок, жизнь дающий, понадобился для изученьев. Вот какие непотребства творила! Ррык говорил, страшные дела сотворились бы, если б она свои изученья закончила – всяких бы чудищ наделала, и беда ко всем пришла бы, по всем деревням, городам и странам... Гронт-то поначалу взъерепенился, обиделся, что она за любовь его так срамно ему сделала. А ведьма энта ему и говорит – от любви большой, помочь хочу, опоила его зельем... Мы так думаем, она на ём испытывала, чтоб оборотень ей подчинялся. У Гронта уж совсем мозги снесло, только ей в рот и глядит, на нас рычит, огрызается. Худо ли бедно, мы ещё как-то терпели. Гронт-то всё время у Листавии отирался. А тут слухи пошли – люди пропадают... В лесу, и даже в домах людей, а то и оборотней, растерзанных находили. Как-то повстречали на улице Гронта, шёл человеком. Глядим, глаза дурные, а от него кровью несёт – и это в людском виде! Я к нему, зову, чтоб пришёл домой пирога поесть да поговорить, а он рот кривит, угрюмится – не пойдёт, грит, у него жизнь другая с любимой женщиной. И усмеяется страшно, зло. А потом Раста – самая младшая моя доченька увидела, как он из дома наших соседей весь в крови выходил. А сосед наш – Тирас, оборотень, женился на человеческой женщине, сын у них дружкой Гронта с детства был. Мы, как Раста всё рассказала, сразу к соседям побежали, а там...

Бабка зажмурилась, по щеке потекла прозрачная слеза, промокнув щеку краем платка, надрывно продолжила:

– Там все растерзанные лежат – и дружок его, и мать, и оборотившийся отец. Всё перевернуто, переломано, лужи крови... Видать, дрались! У отца лапы передние отгрызены. Страшно стало всем. Это ж какая подлость и силища! Гронт же их всегда любил, они с Фаринном неразлучниками были. И он всегда таким добрым был. Вот тут мы и поняли, какая она страшная, эта Листавия! Она моего мальчика в чудище превратила. Она на ём и ещё на двух оборотнях опыты проводила – поила их чем-то, колдовала. Она ж и тех оборотней любовью поманила. Они друг друга и Гронта не замечали, только на её смотрели, еёные приказы сполняли. Из деревни народ в один день побежал. Трактирщик с женой даже деньгу с собой не взяли. Как есть бежали. Ох, и страшно было! Все – и оборотни, и даже люди – собрались мы в соседней деревне и порешили – бежать-то некуда. Нужно остановить Листавию и людоедов! Набралось нас изрядно – людей и оборотней – под сотню. Луками и мечами запаслись, а кто вилами. Детвору с выбранными оставили, с утра окружили нашу деревеньку, да и напали на ведьму со всеми её...

У бабки по щекам текли ручейки слёз, голос прерывался. Мы с Урсунной прижались друг к другу, замерев.

– Дрались страшно... С заколдованными поди справишься! Она ж их кровью повязала, наколдовала им силу. Гронт на моих глазах сначала сестрёнке своей Расте голову открутил, а потом отца своего Тырка порешил...

И тут бабка не выдержала, завывала громко, протяжно, истово, в волчьем поминальном вое.

– И Ларс, и жена его Горинка... У-у-у-у-у!..

В соседних дворах горестно подхватили вой, а следом взвыла вся деревня!

Громко хлопнула входная дверь. В комнату с перекошенным лицом ворвался вожак Ррык, следом отец, бросились к бабке.

Ррык подхватил бабулю на руки, а отец надвинулся на меня, спрашивая, что произошло. Урсунка нырнула ко мне за спину, а я развёл руками – спросили у бабули, что случилось с дедом, его братьями, сестрой и вот...

Ага, и получил затрещину от отца, видимо, за честность.

Ррык, укачивая мать на руках, метнул разъярённый взгляд – м-да, похоже затрещиной не обойдётся – рыкнул сквозь зубы:

– Зови знахарку. Быстро!

Знахарка Верена уже бежала, благо, через два двора жила – поняла, что переполох от нас начался. Напоили бабку успокаивающим травяным настоем. После того, как она заснула, хмурый вожак выволок меня на крыльцо за ухо. Ррык никогда не распускал руки. Видимо, здорово его пробрало, перепугался за бабку.

– Рассказывай!

– Ну, мы знаем про деда и прадеда, а как они умерли, никогда не говорят. И сестра ваша, и брат... Мы ж с Урсункой не знали, что так будет. Спросили, а она вон...

Ррык совсем потемнел лицом. Отец цыкнул огорчённо:

– Говорил тебе, хоть как-то нужно рассказать. У них всегда вопросы будут. Это ж их семья.

Вожак опустил на ступени, обхватил голову руками и вдруг заскулил – тонко, жалобно. Отец жестами показал, чтобы я проваливал с глаз долой побыстрее.

Ну, её эту историю, да хотя бы и историю семьи! Вон как всё повернулось. Лишь бы бабка не заболела. Жалко её – добрая и ласковая она, а меня, так вообще, больше всех правнуков выделяет.

И Ррык вон как расстроился! Слышал, жена его в той заварухе погибла. Наверно, тогда же, когда и дед с прадедом и другими. Ррык-то после её гибели так и не женился, и детей своих нет. Вся его семья – мы, стая и деревня.

Да, вот такая история!..

Весь вечер отец с Ррыком избавлялись от расстройства, как все человеческие мужики делают – бутылкой с самогонном да закуской. Бабка в своей комнате спала, в горнице отец с Ррыком негромко бубнили. Нас, детей, мать тихо покормила на кухне.

Урус, учуяв тяжёлое настроение в доме, вопросительно глянул на меня. Шёпотом на ухо рассказал ему, и тот, покрутив пальцем у виска, прошипел:

– Терпения не хватило меня дождаться? И бабка, и Ррык от этой темы, знаешь, какие?

– Теперь знаю. Мог бы и сам раньше рассказать.

Брат смутился:

– Да... понимаешь, я сам не всё знаю. Они ж никто толком до конца не могут рассказать, и каждый по-своему толкует. Мне-то повезло, я у отца спросил. А-а, ладно, как вышло, так вышло... бабку жалко... да и Ррык... У них с женой любовь бешеная была, они тогда только поженились. Они ж совсем молодые были, их не хотели брать в драку. Только там такие злодейства творились, Ррык с Биарой упёрлись – пойдём со всеми. Они и драку с небольшими ранениями пережили. Тебе сказали, что Гронт с Листавией и Йортом, ещё одним оборотнем, прорвались и ушли? За ними погоня пошла. Из той погони только Ррык и уцелел. Нашли его почти умирающим, еле выходили. Остальные все погибли, Гронт и Йорт тоже. Не нашли Листавию, ушла ведьма. У Ррыка, говорят, волосы с детства почти чёрного цвета были, и волком был очень тёмным, почти чёрным, а нашли его седым. Еле выжил. И с тех пор больше не женится и даже думать про то не хочет, до сих пор тоскует.

Это был ещё не конец истории.

Через день, утром в школе меня остановил вожак и сказал, чтобы после занятий остался – есть разговор. Последнее занятие как раз он же сам, Ррык, и вёл – следоведение по теме «следы в сухую погоду летом».

Урок проходил в лесу, примерно в версте от деревни. Обычно уроки, которые вёл Ррык, длились намного дольше положенного времени, но сегодня не затягивал – ограничился следами крупных зверей и задал урок на внимательность, чьи следы можно ещё увидеть на изучаемой территории.

Когда другие ученики, переговариваясь и споря, ушли по тропинке в сторону деревни, Ррык придержал меня за плечо и, кивнув, развернулся в противоположную сторону, в направлении лесного озера. Всю дорогу вожак молчал, о чём-то сосредоточенно думая, а я не задавал вопросов, мне позавчерашних хватило.

Следуя за старшим, я с любопытством крутил головой. У этого лесного озера было очень красивое имя – Хрустальный омут. Но детям и подросткам строго-настрою было запрещено приближаться к нему ближе, чем на две версты. И тропинок в ту сторону не было. Ррык вёл меня по нехоженой траве, машинально огибая непроходимые кусты и ямины – так ходят, когда местность очень хорошо знакома.

Мы вышли на берег озера, и я не удержался от восхищённого восклицания.

Как же тут было красиво! Высокие сосны подступали почти к самой воде. Чистейшую воду этого небольшого озера окаймляла узкая полоса зарослей осоки и камыша. Рядом с камышами распластались водяные лилии с крупными белоснежными цветками.

Но особое очарование открывшейся картине придавал крохотный водопад – один из родников бил из каменного холма на противоположном берегу и ниспадал двойным каскадом, раскидывая капли воды, которые радугой переливались на солнце. Вода озера была настолько чиста и прозрачна, что очень хорошо

просматривались водоросли на дне и рыбы, снующие вокруг. Видно, что рыба непуганая, подплывает близко, тыкаясь носами в берег.

Ох, а глубина-то здесь какая! Дно в нескольких метрах от берега резко уходило вниз, и прозрачность воды переходила в непроглядную черноту. Я невольно сделал шаг назад и перевёл дух – надо же, оказывается, всё время, пока осматривался, почти не дышал.

Ррык сидел на траве. Брови нахмурил, губы сжал, глаза неприязненно смотрели на окружающую красоту.

– Красиво? Вижу, понравилось...

Вожак замолчал, не в силах говорить. Видно было, что ему очень не хочется что-либо рассказывать, но почему-то, считал, что это нужно сделать.

– Я привёл тебя сюда, чтобы рассказать и кое-что показать – думаю, тебе это необходимо. Не знаю, как сложится твоя жизнь, но некоторые события тебе – именно, тебе, Лагор – нужно знать. Пока не задавай вопросов. Что будет неясно, спросишь позже. Сейчас...

Ррык, закрыв лицо руками, сглотнул комок в горле, потом продолжил глухим голосом:

– Постараюсь о главном. То, о чём вам с Урсуней рассказала моя мать, касается не только нашей деревни и семьи. На самом деле, такого рода заварушки никогда не случаются просто так. Нас, оборотней, люто ненавидели люди. Да что говорить, и сейчас не любят, кто-то и терпеть не хочет, также убивают, как и раньше. Вам, ребятам, вольготно здесь в деревне под охраной княжеской грамоты. Там, дальше, в городах и почти во всём Осияне нас не любят, но хотя бы терпят. Вот уже в соседнем герцогстве придётся опасаться и прятать свою натуру. Нас боятся. Глупцы! Они просто боятся неизвестности. Знаешь, Лагор, иногда неизвестность совершенно не опасна, но люди истово боятся только потому, что им непонятно, чего ожидать от неведомого, – невесело усмехнулся, – а вдруг укусит.

Немного помолчав, продолжил:

– Но мы, оборотни, в этом мире сила определённого рода – дикая, неподдающаяся, но сила. И кто нас приручит, тот станет одним из сильнейших. Мы – существа магические. Превращение человека в зверя нереально без магии. В нас эта магия присутствует изначально, заставляя в определённое время превращаться в зверя и давая недюжинную силу. Только сознание зверя при пробуждении совершенно не связано с человеческим, хотя является нашим же. Дикому оборотню только с возрастом удаётся контролировать себя в обеих ипостасях, если доживёт до того возраста, а таких не так уж много. И это твоему деду, моему брату Ларсу, пришло понимание – учить человеческую половину в оборотне брать контроль над зверем. Как мы сейчас это делаем, ты знаешь, но в те времена был только один ребёнок, прошедший «осознание» – твой отец. А вот Листавия со своими дружками занимались разработками полного подчинения оборотней. Она и разъезжала по деревням в поисках подопытных. На нашу беду нашла нас. Когда случилась вся эта история, Ариту было около десяти лет. Он впервые перекинулся, именно здесь, на озере – и был результат, его зверь проявился в сознании... Когда мы оставили детей в соседней деревне перед дракой, Арит сбежал вслед за взрослыми, а потом увязался за погоней и всё видел. Видишь на той стороне холм с ручьём и водопадом? Рядом с истоком камень, а за ним спрятан ход в пещеру. Никому и в голову не приходило, что в этом чудесном месте творятся чёрные дела. В той пещере Листавия держала пленников – сына князя и детей некоторых знатных дворян. Ей удалось их захватить, когда они направлялись в какую-то увеселительную поездку. Когда мы искали ведьму в деревне, Листавия с Йортом были здесь, пытались заставить княжича написать письмо отцу. Из деревни Гронт прорвался к ним. Мы кинулись за ним в погоню и оказались тут. Листавия, Гронт и Йорт – их было только трое, а нас пятнадцать оборотней. Мы окружили их и потребовали, чтобы сдавались. Нам хотелось честного суда, не хотели быть братоубийцами! Наивные, мы ещё не понимали, как изощрён и подл разум ведьмы! Листавия всё-таки нашла возможность каким-то образом влиять на звериную сущность оборотня. Она смеялась и выкрикивала слова заклятия, полоснув ножом свою руку и разбрызгивая кровь. И случилось страшное!

Ррык мучительно застонал и, зажмурив глаза, затряс головой. Прикрыв ладонью глаза, продолжил прерывисто:

– Мы стали драться и убивать друг друга! Я помню безумную ярость, мысли не поддавались контролю... какое-то помрачение рассудка! Мы перекидывались и нападали на того, кто подвернётся, истово вгрызаясь в чужую плоть. Иногда несколько оборотней на одного, не разбираясь, кто перед тобой, друг или враг... или любимая, – голос дрогнул. – Я очнулся от пронзительного визга, осознал, что остервенело грызу человеческую кисть. Оторвал руку Листавии и, видимо, этим прервал действие колдовства. Ведьма с криком упала в воду, и её утянуло в глубину. Из живых я остался один.

Ррык замолчал, повесив голову.

– А... – мой голос охрип от долгого молчания. Откашлялся. – А Арит? Мой отец?

Я боялся спросить о Биаре.

– Арит спрятался за деревьями и наблюдал со стороны. На него заклятие подействовало, и он перекинулся в волка, но помутнения мыслей и ярости не почувствовал. Мы так и не поняли, по какой причине. Может, от расстояния заклятие слабеет. Может, сработало то, что у Арита было тесное общение со второй ипостасью, а заклятие действовало только на звериную сущность, человеческая же половина контролировала зверя. Он видел всё от начала до конца и очень испугался... Видел, как мы рвали друг друга... и Биара... – без того смуглое лицо вожака совсем потемнело, он говорил с трудом. – Он сказал, что я целенаправленно через всех прорывался к Листавии... Я ничего не помню.

– Пленники... Зачем они ей?

– Власть – она же политика. Может, хотели свергнуть князя с помощью оборотней. Для этого искали ключик, с помощью которого могли нами безнаказанно управлять. Тот княжич, которого мы спасли – теперь наш нынешний князь Светлан. Когда он сам побывал в такой передряге, увидел нас вблизи и то, что оборотни спасли его от злобной ведьмы, сильно повлияло на его мнение. Да и в советниках у него сейчас те самые друзья, с которыми он побывал в плену. Потому отношение к оборотням в нашем княжестве намного лучше, чем у соседей. И поддержка магическая, и школа ваша для оборотней – всё от князя. И на службу стали сначала брать по указу князя, а потом многие и сами поняли, что от нас пользы много. Хотя ещё побаиваются.

– А я почему?

– Мы повторно обращались к оракулу. Он подтвердил пророчество Скалы Сияния и то, что именно ты – семьдесят пятый потомок. Что-то случится, с чем только ты сможешь справиться. Честно скажу, Лагор, я не понимаю... Если бы выбор пал на Уруса, да даже на Арыса, я согласился бы. Но ты... мать правильно говорит – Горушка. Уж очень ты добрый, никакой хищности и хитрости. Вроде верховодишь среди молодняка, но с тобой и не спорят. Тебя не задирают, любят, знают, что уступишь... Не из-за трусости! А потому что совсем не честолюбивый, да и пользуются этим – а ты только улыбаешься.

Ну вот, опять Горушка!

– Да мне не интересно драться просто так, не из-за чего.

– Наверно, я не прав. Может, в этом твоя сила? Посмотрим... – вздохнул. – Ну, как бы там ни было, но после оборота, как определится твой зверь, усиливаем занятия в звериной ипостаси. Учиться будешь в ускоренном темпе. Что-то мне подсказывает, что доучиться у тебя не получится.

Вот это да!

– От князя уже приезжали, спрашивали про тебя.

Наверно, вид у меня был настолько ошарашенным, что Ррык рассмеялся, потрепал по вихрам, коротко прижав меня к себе.

– Не только мы пророчества изучаем. Властителям без этого никуда. Им обязательно нужно быть в курсе всего мало-мальски важного, а иначе долго не продержатся. Желających подобраться к власти много.

– Да зачем она нужна-то, власть эта? Нам и так хорошо!

– Да, хорошо под умной-то властью, а вот под дурной, например, под Листавией... Представляешь, каково было бы?оборотням точно жизни не было бы.

Уже на обратном пути я спросил:

– А почему нас к Хрустальному омуту столько лет не пускали? Там столько рыбы.

– Рыбы много, говоришь... – Ррык невесело хмыкнул. – Тогда тоже много рыбы было, да сдохла вся, когда Листавия в озеро упала. И водоросли погибли, и камыши засохли. Раньше озеро просто Хрустальным называлось. И омута никакого не было. Вода чистейшая, аж с голубым отливом... и речонка из озера вытекала, даже говорят – русалка была. А после Листавии этот провал и появился. Озеро чернотой отливает, речушки не стало, и вода неизвестно куда уходит. И русалки точно нет. Я постоянно запускаю мальков в озеро, водоросли притаскиваю. Приживаются, а через два-три года в один момент гибнут. Если человек приходит со мной или Аритом к озеру, с ним ничего не происходит, а если без нас, то потом не находим. Вещь какая-нибудь на берегу лежит, а от человека ничего найти не можем, даже запаха. Потому никого и не подпускаем, особенно, детвору. Что-то там нечисто – потому и о смерти Листавии не объявляем, чем-то она причастна к происходящему на озере. Да, Лагор, о чём я тебе рассказал, другим знать не нужно. Придёт время, сам решишь, что делать. А оно придёт...

Шагая рядом с вожаком, я думал: «Сам князь мной интересуется. О-о, как! И чего им всем от меня нужно? Что-то неуютно. Ну, не ощущаю я себя таким уж особенным и выдающимся. Да и не умею ничего особенного».

Праздник на полнолуние

Как правило, первое перекидывание в зверя – праздник семейный.

После того, как была принята система «осознания», наступает он в первое полнолуние после четырнадцатилетия и обычно касается только самого оборотня и его семьи, ну, разве ещё друзьям интересно. Иногда приглашают гостей: вожака зовут, мага, ведущего оборотёнка сызмальства, наставников из школы.

Полнолуние выбирается потому, что в эту ночь перекидывание происходит легче всего – каким-то образом фаза луны влияет на процесс.

Десять дней назад мне исполнилось четырнадцать лет, Арысу шесть – он родился в тот же день, что и я, но на восемь лет позже.

Сегодняшней ночью будет полнолуние и моё первое перекидывание в зверя, Арыс же впервые пойдёт на «осознание». Также первый раз перекинутся мой друг Сувор – ему тоже недавно исполнилось четырнадцать – и Рамиса, первая из детей в своей семье подвергшаяся «осознанию», её семья пришла в нашу деревню восемь лет назад.

Из-за пророчества об «особенном семьдесят пятом потомке» было решено провести официальное празднование – собирается вся деревня. Даже родственники со стороны мамы придут. Не все, наверно, но уж мамыны родители – дед Тариок и бабушка Раллара – точно обещались быть. Может, ещё какие родственники надумают приехать.

А сегодня узнал, что прибыл представитель от княжеского двора и будут посланцы от других поселений, не только волчьих, но и рысей, и медведей, даже с юга кого-то ждали.

За свою жизнь я привык не обращать внимания на интерес к своей персоне. Просто жил, играл, дружил с друзьями и никогда не задумывался – кто я для них и их родителей, зачем соседи и другие интересуются мной?

И вдруг пришло понимание, как их много – этих совсем посторонних людей, которые чего-то ждут от меня, которым я чем-то интересен. Меня впервые в жизни пробрал страх перед чужим мнением.

С утра я спрятался за сарай. Настроение было настолько подавленным, что я не пошёл обедать и не откликнулся на зов матери. Там, за сараем, и нашёл меня Урус вскоре после обеда.

— Что это с тобой, братишка? Надо же, на обед не пришёл! Когда такое бывало?

Я сидел на старых досках, сваленных сюда невесть когда, сжавшись в комок и обняв колени руками, угрюмо уставившись в стену. Брат толкнул меня плечом, присаживаясь рядом:

— Вот это да-а, м любопытными глазами заглянул мне в лицо, — я тебя никогда таким не видел.

— Ур, а каким ты меня видишь?

— Чего?

— Да вот, даже вожак не видит во мне особенного. Он говорит, что ты или Арыс больше подходите.

— Ну, не скажи. Мы с Арыской как раз самые обыкновенные. А особенный... не знаю, тебе больше подходит.

— Да чем же? Морда обыкновенная, я даже не очень умный.

— Ну, насчёт ума ты загнул. Нормальный ты... Э-э, брат, да ты никак перекидывания испугался?

— Нет, Ур, перекидывания я не боюсь. Чувствую, как зверь во мне наружу просится — прямо сейчас бы перекинулся!

Я не мог подобрать слова, как объяснить свои ощущения и страх.

— Знаешь, они все смотрят на меня, заглядывают, как будто я невидаль какая, чудо-юдо какое-то. Всем превращение по-семейному делают, а мне целый праздник устроили. Ещё послу эти...

— Так ты из-за этого? Гор, да на тебя всегда внимание обращали — ты ж спокойно к этому относился! Чего сейчас-то на тебя нашло?

Ну, как объяснить ему, такому близкому человеку, как мне страшно... нет, не выйти к ним, а не оправдать их ожиданий!

— Гор, ты боишься... что не понравишься им?

— Да! Боюсь! — от облегчения к глазам подступили слёзы.

Урус крепко обнял меня за плечи.

— Лагор, я всегда был братом особенного. Думаешь, к нам не пристают? О тебе не спрашивают? И Ррыка, и отца, и мать с Урсунной, и даже Арыску. Фиг его знает, чем ты особенный! Но, знаешь, любой другой на твоём месте возгордился бы и строил из себя невесть кого, а ты... ты отмахиваешься от этого и остаёшься самим собой — этому-то все и удивляются. Вот этим ты и особенный.

— Да ну тебя! Разве это важно?

— Не скажи. Ещё как важно. Правда, Гор, чего ты заморачиваешься? Плюнь, жизнь покажет, что дальше будет.

Хм, прав Ур, чего-то я расклеился, как девчонка — накрутил себя, напридумывал невесть чего. До перекидывания остались считанные часы, а я вздумал философствовать — вот уж сроду этого не делал.

— Спасибо, Урус! Мне, правда, легче стало.

— Во, держи нос поверху! Ты есть ты, а на других внимания не обращай! Жрать хочешь?

Мой живот согласно заурчал, а брат захохотал.

– Смотри-ка, твой зверь отозвался. На! Я тебе кусок мяса с лепёшкой стащил.

Хор-роший кусок, с румяной поджаристой корочкой, и душистая мягкая лепёшка величиной с тарелку. Я с рычанием вгрызся в бутерброд.

– Ешь-ешь. В следующий раз уже зверем ужинать будешь, сырым мясом.

– Умгу...

Хорошо иметь старшего брата!

С одной стороны полыхал закат, а над ограждением площадки, где проходили все деревенские собрания, в ещё светлом небе плыла полная луна.

Мы – Сувор, Рамиса и я – разодетые в красивые нарядные одежды, стоя возле ограды, ждали, когда нас позовут.

Праздник праздником, а порядок своим чередом. Сначала маг и наставники работают с сознанием тех, кто не «выпускает» зверя, начиная с самых младших детей, шестилеток, постепенно продолжая с более старшими.

Хотя мы знали всю процедуру происходящего сейчас за оградой, сами не раз её проходили, но с любопытством заглядывали в щели между толстыми кольями.

Ещё бы! Никогда такого не было, чтобы на, в общем-то, рядовое событие собиралось так много народу. На совете деревни было решено проводить процедуру «осознания» с младшими как обычно, наше перекидывание в зверей тоже. Только решили сделать «смотрины» – допустить всех желающих посмотреть «осознание» и перекидывание – для этого по внутреннему периметру площади сколотили скамейки для гостей и сделали лёгкое ограждение.

А после всех этих событий было решено накрыть столы для празднования. Да, такого размаха для обыкновенного события ещё не было!

Ещё одно нарушение. Обычно все, подвергающиеся «процедуре», с начала и до конца находились внутри ограды. Но сегодня набилось столько народу, что нам не хватило там места. Потому и стояли за оградой, ожидая своей очереди.

Я заглядывал в щель между кольями, стараясь высмотреть братишку. Сегодня Арыска со своим дружком Мираком впервые шли на «осознание».

Я помню, как было интересно в первый раз. Интересно и жутко. А вдруг зверь не послушается? Ка-ак выскочит! Ка-ак начнёт всех рвать зубами! Такими страшилками малыши всегда пугают друг друга перед первым «осознанием». Хотя Мирак уже перекидывался и знает, каково это – чувствовать себя зверем.

У магов всё отлажено – быстро вводят детей в транс и держат их под контролем. К каждому подходит наставник и разговаривает с ним. А вот о чём, не вспомнить! Сознание в этот момент уплывает. Разве уловишь, что тебе там говорят?

Ррык как-то объяснял о внушении. Наговаривают ребёнку что-то вроде молитвы или стишка с учётом характера малыша, акцентируя на подчинении зверя человеку. Позже в школе учат чувствовать звериную часть, разговаривать с ним, объясняя зверю жизненные устои человека. Со мной, с братьями и с Урсунной вожак всегда сам занимался, других наставников не подпускал!

На гостей тоже было интересно взглянуть – я пропустил их приезд, сидя за сараем. А говорят, что даже с юга кто-то из оборотней прибыл, а там совсем необычные звери водятся. Вот увидеть бы!

Кто-то настойчиво затеребил мой рукав, обернулся – Орринка, Урсункина подружка. В длинном нарядном платье, на голове венки.

– Чего ты, Орри? Вам скоро идти...

Девчонка, подняв ко мне лицо и придерживая рукой венки на голове, быстро зачастила:

– Гор, после превращения, когда будут вас мясом кормить, возьми у меня – я тоже буду мясо давать.

Сувор тут же развернулся, хмыкнул:

– А чё это у тебя? Будто у тебя вкуснее?

– Ага, вкуснее! Это мой отец с другими сегодня на охоту бегал. За зайцами-русаками, у них же мясо слаще. Специально к празднику – на стол и на кормёжку при превращении. Он сказал, на лопатке самое сочное мясо будет. Вот я и приготовила заячью лопатку.

Неудивительно, что Орринкин отец возглавил охоту. Он после Ррыка и отца самый сильный оборотень в деревне. А охота для праздника... так ведь праздник общедеревенский.

А Сувор совсем разулыбался:

– Ладно, Орринка, уговорила! Я к тебе обязательно подойду.

Девчонкины щёки запылали.

– Да я не тебе...

Дружок деланно нахмурил брови:

– Как это не мне? А кому?!

Орринка съёжилась, совсем тихо проговорив:

– Я это... Лагору...

– Ха, всё Лагору! А нас кто кормить будет? Так нечестно!

Пришлось мне вмешаться:

– Эй, Сувор! Это меня угощают! На мой кусок пасть не раскрывай! А ты, Орринка, беги, сейчас с вами шаманить будут.

Девчонка облегчённо вздохнула и, подобрав подол платья, побежала к подружкам – десятилетние уже заходили в ограду.

Рамиса, прищурив и скосив глаза, ехидно пропела дразнилку:

– Тили-тили-тесто, у Лагора Орринка в невестах! Слышь, Лагор, а на юге у людей, говорят, по несколько жён сразу держат – гарема называется.

Друг обнял меня за плечи:

– Эх, завидую тебе, Лагор! Все девки твои! Даже Орринка! Красавица Орринка смотрит только на Лагора! Имей совесть, хоть другу уступи! Ну, хоть одну!

– Сувор, друг мой, так и быть, дарю тебе... Рамису. Рамиска, пойдёшь к Сувору?

– Эй, превращенцы, чего расшумелись? Шаману мешаете, – шикнул на нас наставник Рамон, следящий за порядком на входе в ограду. – Им перекидываться, а они всё как щенки малые тявкают.

Мы затихли, но Сувор исподтишка всё толкался локтем, подмигивая. А Рамиска, зар-раза, мало того что на ногу наступила, за бок ущипнула, ещё и в ухо зашипела: « А я тож-же к тебе хочу-у».

Так и пихались, подхихикивая, в ожидании. Рядом с друзьями было спокойнее на душе.

За своего зверя я совершенно не волновался, у нас уже года четыре как наладился контакт. Я довольно хорошо ощущал эмоции и чувства своего зверя. Бывало и такое, что его реакция на события не совпадали с моими. С чем это было связано? Наверно, из-за того, что реакции и чувства человека и зверя различны. Но мы оба с нетерпением ожидали сегодняшнего события.

И Сувор жаловался, что его зверь весь извёлся в нетерпении. Рамиса тоже нервничала.

Но вот уже зашли в ограду тринадцатилетние...

Позвали Сувора и Рамису, меня пока оставили томиться в ожидании. Наверно, оставили на «закуску».

Стоял, вытянувшись и сжав руки в кулаки. Ну, что ж так долго-то? За оградой слышался шум голосов, одобрительные выкрики, голос вожака, призывающего к тишине.

Наставник Рамон оглянулся на меня от ворот, негромко позвал:

– Лагор, пора...

Нырнул в ворота, шёл мимо земляков, ни на кого не оглядываясь, подошёл к вожаку, стоящему на середине большой площадки. Ррык ободряюще и даже с гордостью улыбнулся.

Осмотрелся.

Площадка была огорожена лёгкими перилами, за которыми толпились оборотни и люди. Перед перилами на краю стояло только одно кресло, в котором сидела наша прабабка Мьяра и радостно мне улыбалась. Рядом с ней расположились Урсунa и Оррина, держащие в руках блюда с кусками сырого мяса.

Дальше Сора, сестра Сувора, кормила мясом молодого светло-серого волка – да это же Суворка! А вон и Рамиса в волчьей шкуре тоже вырывает куски мяса из рук своего младшего братишки.

За бабкиным креслом, уже за перилами расположились мать, держащая за руку Арыса, и Урус.

А вот это интересно! На краю площадки было установлено большое зеркало на подставке. Я его видел в горнице у знахарки Верены. Надо же, придумали, чтобы мы, обернувшись, увидели себя в облике зверя в полный рост! А я гнал от себя мысли, что это всё затеяно из-за меня.

Приобняв меня за плечи, Ррык спросил:

– Готов? Сосредоточься, торопиться не нужно. Если не получится, не стесняйся – помогу.

И отошёл на несколько шагов.

Я осмотрелся ещё раз, сотни глаз внимательно взирали на меня. Присел, опершись одной рукой о колено, и кончиками пальцев другой руки о землю, опустил голову, закрыл глаза, постарался успокоить дыхание и отрешиться от окружающего – так нас инструктировали наставники в школе. Глубоко вздохнул и мысленно позвал, обратившись вовнутрь:

– Время пришло, выходи. Не бойся, я с тобой!

Почувствовал, что в какой-то момент не опираюсь рукой о колено, а стою руками и ногами на земле. По площадке от одной стороны к другой прокатился непонятный шум, похожий на изумлённое восклицание, и наступила тишина...

Я распахнул глаза и увидел прямо перед собой... удивлённые глаза коричневого цвета. Рога.

Рога?!

Переступил ногами и руками. Руками?

Напротив меня переступил копытами молодой олень. В зеркале.

Олень?!

Я вытянул шею, олень в зеркале напротив потянулся ко мне, чёрный бархатный нос зашевелился, пытаюсь что-то унюхать. В нос шибанул сильный запах травы, изрядно истоптанной, потом накатила волна смеси запахов людей и звериных шкур. В ушах зазвенели голоса птиц и жужжание насекомых.

Раздался чей-то шёпот, прогремевший в ушах:

– Какой краси-ивый!

Я нервно дернулся, в зеркале напротив олень передёрнул золотистой шкурой и запрядал ушами.

Вдруг послышались мягкие шлепки прыжков и низкое утробное рычание. Слегка повернувшись вправо, увидел, как на поле выбегают оборотни и сразу оборачиваются в волков. Вон ещё один.

Да это же дикие!

Взрослые оборотни, не проходившие «осознание». Да что взрослые! Вон и Мирак, дружок Арыса, перекинулся в толстолапного волчонка, к своим родителям пятится. Сразу и вожак у диких обозначился – Гром, волк-одиночка, уже немолодой, и шкура вся в шрамах.

Я стоял, ничего не понимая, когда рядом со мной возникли перекинувшиеся отец и мать. Увидел седую шкуру вожака, вот и Урус скалится на диких, целительница Верена, Арон, Орринкин отец, даже мать её – полярная лисица, и другие «осознанцы».

А это что такое? Бабка! Бабка Мьяра перекинулась! Старая волчица... Шкура совсем седая, кое-где даже с проплешинами, на холке шерсть дыбом поднялась, лапы тряслись от напряжения – того и гляди, свалится на землю, но рычит, рычит изо всех сил!

Бабка была ближе всех к диким. Гром рыкнул на старуху, и на меня накатило понимание, что бабку сейчас сметут и могут даже убить. Из-за меня! Диким я не понравился.

Да плевать! Не дам мою бабулю в обиду!

Один прыжок, и я перед самой мордой Грома. Наклонил свою – оленью, оскалил зубы и злобно зарычал, заревел. Я наступал на дикого, не прислушиваясь к звукам, только сосредоточился на волчьей морде с рваным шрамом, распахавшим нос и нижнее веко левого глаза. Краем сознания уловил, что моё горло издаёт какие-то странные утробные звуки, но сейчас самое главное, что этот дикий чуть не убил мою бабулю-у...

– Загр-р-ры-с-с-з-зу-угр-р-ры!

Волк и вся его свора медленно стали отступать. Гром сначала прижал уши, поджал хвост и, коротко взвизгнув, отвёл глаза. Я поднял голову, обвёл взглядом свору диких. Волки прятали глаза и уже не скалились, поджимая хвосты.

Рявкнул коротко, но громко:

– Убью!

Развернулся к вожаку диких и шаркнул попеременно задними ногами, так что комья земли с травой полетели в морды диких оборотней, фыркнул презрительно через плечо.

Что-то есть захотелось!

Ага, вон девчонки. Ещё прыжок. Орринка с заячьей лопаткой в руках стояла, открыв рот. Чем это так пахнет? Хрм-рм, а травы в венке на Орринкиной голове очень даже не дурны на вкус! Но чего-то не хватало.

Вот оно! Наклонился и выхватил кусок мяса из девчонкиной руки. Чвак-чвак, мям... Вкуснятина-а!

Оглянулся. Все присутствующие будто оцепенели, уставившись на меня круглыми глазами. У многих рты открыты, даже у волков. Насмешливо фыркнул и обернулся.

И только, когда все увидели меня в привычном облике, оцепенение спало. Народ зашевелился, волки стали перекидываться в людей. Вожак, напоследок рыкнув на диких, быстро обернулся и бросился к бабке, которую уже поддерживал отец.

Урус подскочил ко мне, хлопнул по плечу и захохотал:

– Гор, ну ты всех...

Меня за руку ухватили тонкие горячие пальчики, опустил глаза. Ну, конечно, Орринка! Глаза восторженно блестят, щёки разругались, в белых волосах застряла ромашка из венка, шёпотом:

– Лагор! У тебя зверь такой красивый!

И тут накатило.

Зверь... ОЛЕНЬ!

Я – оборотень-олень!

Стыдоба-а!

Зажмурив глаза, застонал, стукнул кулаком себя по лбу. Подбежала мама, обняла, прижала мою голову к своему плечу, а я-то уже много выше её макушки.

– Горюшка, ты молодец! Вон какой красавец-зверь получился!

Сквозь зубы просипел:

– Мам, какой красавец? Какой зверь? ОЛЕНЬ! Сты-ы-ыдно!

– Ты не простой олень, ты – особенный! Вот увидишь, как всё ещё обернётся.

Сзади меня хлопнули по плечу, раздался негромкий голос вожака:

– Таруся, ну-ка, отпусти оборотня, – шёпотом добавил: – Ещё подолом ему нос утри. С ума сошла? Народ кругом, и гости высокие.

Мама отскочила, как ошпаренная, виновато закусив губу. Огрызнулась так же шёпотом:

– Гости, гости... Он мой сын, кровиночка моя! Кто ж его утешит? Гости твои?

Ррык нахмурил брови:

– Так, Лагор, подбирай сопли! Иди-ка, торжественно проводи главу рода к столу. Со старшими и с гостями не забывай кланяться, как вас учили. Взрослый уже, держи себя в руках, не смей ронять честь семьи!

Вспомнил: «...ты ишшо не большой, вот после праздничка побольшеешь маненько. Как обернёшься, как покажешь, кто ты есть таков, так и большим считать можно...».

Напророчила бабка, как в воду глядела!

Мьяра встретила меня, радостно улыбаясь, расцеловала в обе щёки. Изрекла во весь голос:

– Ты ж мой оленёнок, Горушка! Ух, какой зверюга у ты получился! Всем зверям зверь!

– Баб, ты ж потише, – старался утихомирить её. – Зверь и зверь... Пошли, к столу провожу.

Бабка уцепилась за руку, гордо оглядываясь на односельчан и гостей. Только мне все эти взгляды – у кого недоумённые, у кого приветливые, а у кого-то и злые – как ножом по сердцу! Не люблю я быть мишенью для пересудов.

Кинул взгляд на гостей, машинально отмечая расы присутствующих. Кроме наших деревенских оборотней и людей, мелькали в толпе косы до колен и причудливой формы уши немногочисленных эльфов. Удивила мшисто-зелёная шевелюра, невесть зачем забредшего сюда дриада. Глаза невольно задержались на широких с просинью скулах двух орков...

В такой толпе не сразу бросались отличия оборотней от людей. Наиболее значительной разница была видимой у взрослых мужчин.

А дети оборотней внешне ничем не отличались от человеческих детей. Ну, разве что в сильном возбуждении пересверкнут глазами, как бывает у животных, у иных ещё зрачок может вытянуться.

А вот взрослого оборотня было легче угадать, особенно, в мужчинах. Просто у взрослых оборотней-самцов не было растительности на лице. Не знаю, зачем так распорядилась Зверяна. Видимо, в противовес густому шерстяному покрову в звериной ипостаси.

Ну, и выглядели оборотни – что мужчины, что женщины – моложавее своих человеческих сверстников. Причём, чем старше, тем большая разница видна...

Бабку посадили во главе стола, очень уж она не хотела меня от себя отпускать, но Ррык уговорил. Сказал, что негоже молодому оборотню, пусть и особенному, сидеть выше именитых гостей и управителей деревни.

Я, облегчённо переведя дух, отправился к столу молодых, к Урусу и друзьям. За столом было весело – нам, как взрослым, выставили брагу, только градусом пониже. Мне кажется, что я никогда ещё не видел своего брата таким весёлым и оживлённым. Торкнул его в бок и тихо спросил:

– Ур, ты чего весёлый такой? Даже нисколько за меня не стыдно?

Урус вытаращил глаза и зашипел:

– Чего стыдно? Кого стыдно? Я знаешь, как горжусь своим братом! Ты ж всем им доказал, что ты действительно особенный!

– Ага, особенный? Олень! Рогатый олень! Все нормальные волки, ну, там может, медведи, да даже лисы, а я один ненормальный олень. Тьфу!

При напоминании о лисах брат захохотал, сжал моё плечо и восторженно заговорил:

– Ага, волки да медведи... Да только те волки от этого бедного олешка чуть на месте не обмочились. Как ты их! Загрр-рыз-зу!.. Да этот Гром на место Рыка метит, всё гадости ему подстраивает, диких под себя подмял. А тут олень ему хвост прижал. Как он от тебя пятился да хвост поджимал! Ему ж теперь от оборотней совсем поддержки не будет. Здорово ты дядьке помог!

Вот оно как! Никогда не интересовался делами взрослых, действительно, как бабка говорит «маненький», а выходит, не зная, всё же помог жожаку.

Приободрившись от мыслей, что от меня и такого всё-таки есть какой-никакой толк, успокоился, постепенно втягиваясь в общее веселье.

Наутро жутко болела голова, потому сначала даже не понял, где нахожусь.

Над головой навис наклонный потолок из неструганных досок. Сам лежу на чём-то шуршащем – ага, сено, ещё прошлогоднее. Откуда-то из щелей пробивались солнечные лучи, в которых густой струёй закручивались пылинки. Похоже на сеновал. Только чей?

Повернул голову. На соседнем ворохе сена тоже кто-то лежал. Привстал, глянул, но тут же рухнул обратно, чувствуя, как лицо обдало жаром.

Рядом лежали полураздетый Урус в обнимку с Лийсой, той самой рыжей лисой-оборотницей, которую хаяла наша бабка Мьяра.

Смотрел какую-то секунду, а в памяти моментально запечатлелось.

Сливочная кожа Лийсы, нереально белая и нежная на фоне загорелого Уруса, и яркая медно-рыжая грива густых длинных волос лисицы. Полуголый Урус без рубахи, но в штанах, лежит на животе, уткнувшись в женское плечо. Одна нога закинута на Лийскины ноги, выше колен обнажённые из-под задранной юбки. А рука брата по-хозяйски расположилась на девичьей груди, едва прикрытой расстёгнутой рубахой.

От интимности подсмотренной картины перехватило дыхание, сердце часто-часто забилося, и даже головная боль куда-то на время отступила.

Пацаны, бывало, трепали языками про девок. Да только, кажется, разговорами всё и ограничивалось.

Частенько мы с дружками девчонок задирали – «зубы мыли» по бабкиному выражению. На грани приличия, когда от сказанного уши да щёки полыхали у всех, глаза блестели, но дальше ни-ни...

Вот, разве что, за купанием девчонок на речке подглядывали. Как они барахтались в полотняных рубахах в тёплой воде. Мокрые рубахи облепляли тело и сразу было видно, у которой девчонки грудь начинала расти. У которых и фигура уже не на стиральную доску, а на кувшин становилась похожа.

Девчонки в свою очередь за нами подглядывали, только и слышны были хиханьки из ближайших кустов. Штаны нам так поперепутывают да пояса поперевязывают, пока мы с пацанами плещемся в воде. Так что потом мы, сверкая белыми задами, не сразу могли разобраться, где чьи портки. А тем временем из кустов неслись замечания, у кого из пацанов что интересное мелькнуло. В общем мстили...

А потом после купания всей гурьбой, не торопясь, брели в деревню, до которой рукой было подать. Всеи ходьбы-то – пять минуток неспешным шагом. Только у компании будто отшибало память – все направлялись по домам самой дальней дорогой вокруг деревни...

Приподнялся ещё раз. Стараясь не смотреть на брата с лисой, огляделся. Ага, выход с сеновала с моей стороны.

На четвереньках, стараясь не шуршать сеном, прокрался к лестнице. А сеновал-то наш! Это что же вчера было-то? Как я в такой компании на сеновале очутился? А раньше мы с братом часто тут ночевали, пока он не начал бегать на игры в Лийскин двор... И чего вдруг бабка её невзлюбила?

Ох, а голову-то как разламывает! Помнился перекид... олень... ОЛЕНЬ! Дикие... застолье.

Брат, весело балагуря, разливает брагу по кружкам. Откуда-то из-за пазухи украдкой достаёт флягу. Оглядываясь на старших, понемногу что-то плещет в каждую посудину. Потом делает знак нам, молодым оборотням, чтобы разбирали кружки.

Музыка... девичьи руки, тянущие меня в круг... чьё-то жаркое дыхание, губы... плач Орринки: «Отпусти! Отпусти его! Он не хочет с тобой! Я всем расскажу, какая ты...».

Всё! Дальше не помню.

Еле добрёл до крыльца, плюхнулся на ступени. Слава Сиянию, в это время суток крыльцо укрывалось в тени, солнце добиралось до него только ближе к вечеру.

О-ох, как плохо-то – голову ломило, кишки в животе в комок стянулись.

– А чегось, Горюшка, за головку-то держисьси? Брага-т на вашем столе совсем никакая была... Компот прям, а не брага. Неуж, не доглядели, винцо вам выставили? Аль самогону кто дал? Ужо, скажу Ррыку-то, пошто молодых портют...

– Баб, это...

Ох! Голову не поднять! Да что б такое придумать, чтобы бабка жожаку чего лишнего не сказала?

– Баб, ну, мы сами там бутылку какую-то нашли, попробовали... интересно ж.

– Ишь ты, попробовали! Пробовальщики... Я ж смотрю, рожит у молодых больно красны-то стали... Которы девок прям на кругу цуловать принялись... Срамота!

– Ба-аб, голова трещит, у тя травки никакой не заварено? Пить хочется...

– Иди-ползи на кухню-то, там кринка с рассолом капустным стоять. По такому делу рассол – самое наилучшее средство... от бутылей найденных.

Бабку не переспоришь! Да и я не в том состоянии, чтобы перечить.

А кухня-то как далеко у нас устроена! Раньше никогда не замечал... Ох! Наконец-то, добрался. Вот он – капустный рассол... холодненький, кисленький... самое то!

Под бабкино ворчание голову потихоньку стало отпускать, и животу полегчало. Всё ещё придерживая голову рукой, сидел на лавке, наслаждаясь ощущениями. Невольно вспомнил Уруса с Лийской.

И что меня торкнуло спросить?

– Баб, а ты чего так Лийсу невзлюбила?

Бабка так и застыла возле ларя, из которого доставала хлеб, напечёный матерью впрок. А после развернулась и села на ларь, как на лавку – за что нас, детей, всё время ругала нещадно.

– А ты чегось Лийску-то помянул? Аль опять Уруска с ей любится? Вот, лисица окаянная! Опять парня с панталыку сбивает! Зараза такая! Сколько ж вокруг её оборотней вьётся – бери любого. Так нет ведь, никого не подпускает, с Уруской по углам тискается, а его из-за её, того и гляди, порешат...

– Баб, ты чего говоришь-то? С чего это Уруса порешат?

– Да ты глупый штоль совсем, Горка? Вспомни-к, пять днёв назад – каков Уруска домой-то приполз? Весь рванный да покусанный... У его ж и ребра поломаны были, лапы совсем не шли... Говорю, приполз, дружок евоный приволок! Таруся ему траву оборотнюю заваривала. Так отделали, что без травы обернуться силов не хватало!

– Да меня дома тогда не было. Мы с Сувором да другими в ночное подались...

– Во-во, ночное... а дома был бы – полюбовалси бы на братца-то! Ладнось, мы оборотни, обернулся – и нет ничо, а если б человеком был? Как есть, помёр бы от таких битьёв!

– А кто его и за что?

– Ну, правда, Лагор, маненький ты совсем – как есть малец. Это ж надо, у оборотнихи течка, а тебе и нет ничо, даже носом не повёл...

– Баб, да скажи толком – при чём тут оборо... Баб, это у Лийски течка была? И Урус опять ходил на игры?

– Дошло! – бабка аж руками всплеснула. – Он к ей на энти жениховские игры кажный год бегаает! Как заневестилась лисица в пятнадцать, а ему ж тады только двенадцать сполнилось – щенок, как есть щенок – а туды ж, побёг. Он же тады ишшо не оборачивался даже, так в человечьем виде и побежал! Ох, деревенские и насмешничали! Там такие волки матёрые, а он... – всхлипнула, – они ж его из жалости не загрызають. Прикусють лапу аль хвост, да измываются всяко, по двору лискиному катают, как шарик, да елозят им навроде венником. Он же каженный раз еле приползает.

Да видел я... Из-за тех унижений брата на Лийскиных игрищах я не любил такие сборища. Хотя раньше, как и все мелкие пацаны, бегал поглазеть на драки претендентов на девушек. И азартно обсуждал с друзьями шансы соперников. А вида поражения старшего брата не переносил. Понимал, что мальчишка – не соперник взрослым оборотням, но не терпел их глумления над Урусом.

– А Лийска что?

– Чо-чо... Не выходит ни к кому! Уж пятый год пошёл... фырчит из окна на женихов-то... они дерутся меж собой, выдываются, хвостами перед ей метут... а она фырчит на них, из дому носа не кажет, пока течка не пройдёт, а потом по кустам с Урусом обжимается. Изведёт его эта лисица. Ты штоль ничё не замечал?

– Да я...

– А и ладно, успеешь ишшо наигратся. Заматереть ишшо надобно перед игрищами-то, а то костёв не соберёшь.

Я что? Спал всё это время? Вокруг меня столько происходит – «дикие» под Ррыка копают. Знаю, что у Уруса любовь давняя. Но чтобы всё зашло так далеко, что брата, того гляди, порешат...

Спросил про лисицу:

– Баб, Лийска – лисица рыжая, а тётка Верена, её мать – волчица, а отец кто?

– У Верены мужа-то никогда не было, она всю жизнь по Ррыку страдает. А Лийска у ей приёмная, да и всем эт известно. А ты никак опять ничо не знашь?

Виновато похлопал глазами. Мне сроду не интересно было, кто по ком вздыхает. Намного интереснее было, когда с дружками в лес подадимся в охотников играть.

– А откуда ж Лийса взялась-то у знахарки?

– А эт, кады Уруску скрали, ему тады токмо три годочка было...

– Чего? Уруса украли?

– Ага-ага... Значит, ты ж тады токмо народился у Таруси, она с тобой тетёшкалась, а Уруса-то во двор поигратся вывела, котёночка ему дала – кошка тоже приплодила. Время к обеду. Мамка-т кашку наварила, да за дитём во двор. А во дворе только котёнка маячит, а Уруса-то и нет! Сараи закрыты, и ворота с калиткой прикрыты, дитё само не откроет. Замков-то отродясь не вешаем – нету таких дураков, у оборотней воровать. А тут нашлись, дураки-то! Таруся унюхала чужой дух да взвыла так, что Арит с Ррыком с другого конца деревни в момент примчались. Да и деревенские сбежались – как же, дитё пропало! Так сворой и след взяли, а за деревней-то и потеряли. Ворюги знали всё ж, к кому полезли, пахучего табаку сыпанули. Да не дотумкали, что от табаку у пса нюх отшибёт, а оборотню прочихаться, круг сделать, и он опять на след станет. Ну, те ворюги уже далеконько отбежать успели, на конях ускакали. Всё норовили погоню запутать – то разбежуются, то сбежуются, да табак и травы пахучие сыпят. Только оборотню то не помеха, всё равно догонют. День и ночь без роздыху гнали, одни попеременно оборачивались, а другие на конях скакали... – бабка приложилась к кружке с квасом, видимо, в горле пересохло.

– А кони тоже без роздыху?

– Тадысь новый маг приехал... Да ты его знашь, наш Тимофеич. Он тоже погнался, у ево травы волшебные какий-то были, вот он их в зубы коням и сувал. Говорят, едет, руками машет, чевой-то бубнит, а у всех сил прибавляется – и ходу! Кады ворьёв энтих догнали, Тимофеич без сил свалился, наши его домой в телеге везли. А у ворьёв навроде зверинца было. По клеткам зверьё разное сидело. А в одной клетке наш Уруска и лисичка маненькая. Лисичка мелконькая в ошейнике, а хвостик у ей почти наполовинку отрубленный. А из ранки-то сукровица бежит. Наши-то клетку открыли, а лисичка твякает. Зубки-то молочные, щекотные, а она рычит, прям по-сурьёзному, кусается! А сама Уруса-то в уголок задвигает да собой загораживает – защищает, значит...

От жалостливых воспоминаний бабка сама взволновалась, захлюпала носом.

– Маг-то сразу понял, что у ей за ошейник – против обороту. Ошейник сняли, а она не оборачивается. Потом унюхали – у ей и в миске с питьём снадобье противу оборота налито было. Она ишло два дня лисичкой-то была. Верена тады совсем молодая была, тоже со всеми ворьёв догоняла. Всё с лиской возилась, хвостик перевязывала да тетешкалась. Всё хотели проведать, откуда ж в зверинце дитё оборотня? Да наши, кады ворьёв догнали, сгоряча-то на месте всех и порешили, и спросить не с кого. Тимофеич сказывал, бывают такие шаманы – икроматы, которы с мёртвых чево спросить могут. А у нас нету таких.

– А Лийска что сказала?

– Да чо дитё после таких мученьев скажет? Как перекинулась, беленька, крохотная, худющая, одни глазищи зелёные на лице да волосёшки, что огонь. Говорит, то ли Лийса, то ли Вийса. Только и лепечет: «Лийса-Вийса». А видать, раз перекинулась, то годков пять-шесть есть, а больше ничё не знаем. Уж сколько годов-то прошло – никто её не ищет. Вот и думаем, что ворюги те её родителей порешили, а её, верно, магам на опыты везли, и Уруску покрали для того же... А зверёв выпустили с клеток. Правда, не все в лес-то побежали. Да ты ж нашего Волчка помнишь, он в прошлом году сдох – вот он из тех. Увязался за Ррыком, верно, вожака признал, так у Ррыка поначалу во дворе и жил. Ррык его потом к нам привёл, потому как сам – то здесь, то уезжает. И покормить-то волка может забыть, у него ж и скотины сроду не было.

Я вспомнил нашего угрюмого сторожа, что жил во дворе. Он, действительно, никогда не играл, домашних не трогал, но и панибратства не позволял. Аккуратно освобождаясь от детских ручонок, нырял куда-нибудь под сарай, чтобы не достали. И только при появлении Ррыка оживлялся, ходил следом, не сводя с него глаз, и с радостью бросался выполнять нехитрые поручения вожака – привести того-то или унести что-нибудь тому-то. И никогда не ошибался, хотя был простым зверем.

Впрочем, он довольно долго прожил для волка – надо бы спросить у отца или Ррыка...

– ...Верена-то и приютила девчонку. А рыжая эта только с Вереной да с Урусом ласковая. Сам, чать, слышал, как языком чешет. Ты ей слово скажешь – она те десять, иной раз не посмотрит, что старше...

Да уж, всем в деревне ведомо, что Лийсу лучше не задевать, а лучше всех это знают несостоявшиеся женихи. Хотя вот который год, только начинается течка у лисицы, а уж полный двор оборотней.

А ведь по годам Лийска считается перестарком, но желающих не становится меньше. Неужто, лисица и впрямь ждёт, когда Урус в силу войдёт?

Вспомнилась картина на сеновале, да так ярко, что опять кинуло в жар. Так ведь, действительно, Уруса могут убить.

В этом году Гром к ней в женихи набивался. А он зверь матёрый, злой и хитрый, с ним мало кто потягаться может. Да и я бы даже и не подумал с ним спорить, я ж – щенок против него. Вспомнилась радость Уруса и моя стычка с дикими – я даже не понял, на кого пошёл, сгоряча заступился за своих.

– Да видать, девчонка-т не из простых...

Это о ком бабка говорит? А-а, всё ещё про Лийску.

– За стол-то, как вперво раз сели, она на краешке стула присела, спинка пряменько-пряменько, ручки сложила по-благородному. Каша-то простая, овсяная. А она ложечку так красиво ручкой-то взяла, понемножечку в ротик накладывает. Не хлюпает, не дуёт на кашу и не сопит. Пряма вся такая, как картинка. После еды «спасибо» говорит. А вот работу какую, там полы помыть аль посуду, ничё не умела, всему её Верена учила. Видать, с прислужниками жила. Вот вся такая благородная, а не искали никто... А может, издалеча привезли... Илка у ей есть.

– Чего?

– Илка. Да ты ж видал, Уруска тоже теперь илкой в мясо тыкает.

Вспомнилось, что, действительно, брат за столом ел не просто ножом, а с помощью приспособления, похожего на маленькие вилы. Вилка, вот как называется. Ну да, уже год как пользуется, мне как-то всё равно было.

– Это всяки благородные илкой-то кушают, а она и Уруса приохотила. И ведь не ищут... А гости на празднике-то тож илками тыкались... Оборотень заморский был, хвастал, тигрой перекидывается. Тигра – эт кошка полосатая большая, незнай, страшная аль нет. Ррык про тигру сказывал. А с ём маг заморский, сам важный, а всё про тя выпрашивал – чё да как. Ну, там Ррык с Ариткой отбрёхивались...

Чего ещё бабка понарасказывала бы – неизвестно, в двери ввалился Арыска. Взлохмаченный, рубашка разодрана, штаны на коленке порваны, один глаз совсем заплыл, ободранным кулаком под носом кровь вперемешку с соплями подтирает. Тихо всхлиывая, упрямо супил брови.

– Арыс! Арыска, чевой-то с тобой сдеялось? Кто ж те рожу-то начистил?

– А чо... а чо! Он предатель! На нашего Гора напал! Ы-ы-ы-ы...

Не выдержав, братишка заревел басом, размазывая по ссадинам солёные слёзы, добавляя сукровицу из носа – щиплет же ссадины, поморщился я.

– Ты ж смотри, Лагора защищал! Ах, защитник ты наш! Правильно в морду им дал, своих защищать надо. А ты тож ему наподдал никак?

Слёзный поток моментально иссяк.

– Я ему в ухо дал! А потом по кумполу... и пинул по задку, когда он пошёл. Вот! И ещё врежу, только придёт играть! – размахивал руками, показывая, как дрался, Арыска и не заметил, что уже сидит у меня на коленях.

– Да никак ты с дружкой своим Мираком сцепился?

– Он мне не дружок теперь, он – предатель! Он на нашего Гора напал!

– А чево ж он предатель-то? Гор ему кто? Никто. Эт тебе он – братка любимый, а Мираку он не нужен! – на этих словах мальчишка опять сдвинул брови и сжал кулачки. – А там мамка с папкой евойные любимые! Как же он их-то предаст? Никак нельзя папку с мамкой предавать, хоть ты сто раз ему дружок.

– Так чо ж, папку не предавал, да. А на Гора-то нашего напал!

– Вот за то, што он на брательника твоего напал, ты правильно ему всыпал, только он не предатель. Разумеешь отличья-то?

– Разумею. Баб, я ему ещё всыплю и игратья с ним не буду!

Насчёт «всыплю», похоже, всё наоборот. Скорее, Мирак всыпал Арыске. Как-никак, он уже перекидывался, а это уже давало перевес в силах. Надо бы позаниматься с братишкой, научить приёмам в драке.

– Ты, Арыс, большой уже! А большие, они только за волчицу дерутся.

– Ещё за жоака... – Арыска перебрался поближе к бабке, а я тихонько улизнул от вопросов и ответов.

Вечером Урус передал наказ жоака прийти с утра на занятия.

Я разлёгся на траве у ручья, протекающего позади нашего ряда домов. За ручьём начинался луг, на котором деревенские выпасали коз да гусей – всякую мелкую скотину. А дальше шёл лес, перемежающийся выпасными лугами. На тех лугах росла столь отменная трава, что все понимающие, видевшие луга впервые, поражались. Ещё бы! Трава там была по пояс самому высокому человеку. Мягкая, не грубая. Что важно, ядовитых для скотины трав почти не было. Такие благодатные пастбища трудно найти.

Вот на этих лугах и паслись основные стада коров и лошадей, принадлежащих деревенским и нашей семье в том числе. Там-то и подрабатывал Урус пастухом-табунщиком до поры. Вчера да сегодня брат отдыхал. Кому пастушить на время праздника, табунщики бросали жребий, от которого Ура благородно отстранили – все понимали, что брату «особенного» необходимо быть на празднике.

Отец вместе с Ррыком и сегодня встречались с гостями да посланниками, всё вели какие-то переговоры – чую, в тех переговорах не однажды перемыли мне все кости. Мать с другими женщинами тоже находилась где-то возле отца с жоаком – гостей необходимо было и накормить, и напоить.

А ко мне приходили друзья. Вспоминали праздник, делились тем, кто что услышал, кто чего увидел, кто с кем ушёл. Смеясь, вспоминали, как мы все с девчонками удрали от взрослых к овину, играли в бутылочку с поцелуями. Как Рамиса, Варина и Орринка – вот егоза, втёрлась-таки в игры старших – мухлевали, чтобы поцеловаться со мной. И как кузнецова дочка Христя, видя такое безобразие, вытащила меня из круга, уволокла за овин, да там сама накинулась с поцелуями, уже начала и кофту на себе расстёгивать. А Орринка, визжа, бросилась в драку с этой Христей.

Конец Христиным притязаниям положил Урус, вдруг появившийся из-за того самого овина. Верно, они с Лийской там устроились, а тут мы!

Парни долго хохотали после моего признания, что мало что помню из того, что происходило после застолья, и с кем из девчонок целовался, смеялись: «Только им не говори!».

Друзья уже ушли, а я сидел, смотрел на закат, ручей и луга. Мыслей никаких не было. Было просто хорошо!

Урус пришёл и устроился рядом, когда заря уже догорала. Откинулся на пологую кочку за спиной, потянулся. Вид у брата был довольный, в сгущающихся сумерках глаза его пересверкивали по-волчьи.

– Хорошо-то как...

Помолчали.

– Ррык передал, что завтра с утра ждёт тебя на занятия.

– Так быстро?

– Знаешь, там такое творится ...

– Где? С кем?

– Ты же сегодня со двора, считай, не выходил. А в деревне из-за этих гостей дым коромыслом стоит. Ррыку с отцом достаётся, – хмыкнул. – Представляешь, маг из Бормита свою дочь за тебя сватает! Говорит, звездочёты напорочили ей выйти замуж за великого оборотня!

Глядя на моё ошеломлённое лицо, расхохотался от души.

– Лагор – ты сейчас самый завидный жених по всем государствам. Как принц или король! К тебе как обращаться? Ваше Величество или ещё как? Ты только скажи... Ха-ха-ха! Говорит, дети великими магами буду-у-у...

Урус согнулся, хохоча в голос, а у меня волосы дыбом встали от перспективы женитьбы. Да ещё на неизвестной девице!

– А-а вожак что говорит?

– Говорит – мал ещё, не дорос... женилка не выросла... Ха-ха-ха-а! Так и говорит, – Урус от хохота совсем обессилен, из глаз уже слёзы текли.

Кое-как успокоившись, пояснил:

– Это он сказанул, когда маг совсем на него насел – мол, дочь в самом соку, самое время замуж выдавать. Говорит, звездочёты не врут.

– А Ррык что?

– А Ррык говорит – раз звездочёты не врут, то значит, так и будет. Говорит – мы тоже звездочётов спросим, мол, не думали так быстро женить, а теперь спросим.

– Ур! Да что ж такое творится-то?! Зверь ненормальный, да ещё женить хотят! Зачем мне-то это всё?! Я обычным быть хочу-у...

– Но-но! Зверя не обижай! Ты его ещё толком не чувствуешь, а вот прислушайся к себе, каково ему! Он у тебя послушный и правильный, а ты его так... как предаёшь... – с Уруса всё веселье как ветром сдуло, на скулах желваки застыли, и глаза зло сощурились.

Я прислушался к себе и показалось, что слышу тихое сопение, как будто, всхлипы... волной откуда-то изнутри наплыла обида... Вроде, долго-долго копилась, и вот именно сейчас осозналась.

– Я правда его обидел.

– Ты себя обидел! Он – часть тебя, и выходит, ты сам себе не понравился, сам себя невзлюбил... сам себя предал! Нельзя так, Горка! Он же теперь опасаться станет всего. Обычные олени в лесу волков обязательно опасаются, и никакому рогатому в башку не придёт – на волка напасть. А твой зверь, не глядя на такие правила для оленей, на целую стаю попёр!

– Да я из-за бабули, за неё испугался, вот и не думал...

– Не думал он! Да пойми ты, есть звери и есть мы. У зверей свои законы, а мы-то сначала люди, потом только звери... Ну, не знаю, как тебе это объяснить! Понимаешь, да будь твой зверь хоть хомячком, он всё равно также поступил бы, и волки также бы отступили! М-м, ну как тебе ещё сказать? – Урус даже головой замотал в отчаянии.

Но до меня, наверное, что-то стало доходить:

– То есть, важен не вид зверя?

– Да, характер... решимость... Важно, что ты не испугался и пошёл на них. Это для «диких» важна видимость, и они считают себя сильными, потому что они волки. Они не понимают, что важнее не сила лап и челюстей, а характер... э-э-э, сила духа, вот, – помолчав, – потому, Гром и не станет никогда вожаком, потому что в душе опасается и трусит. Он только исподтишка гадить может.

Да-а, выдал мне брат!

– Ур, а когда ты ходишь на игрища к Лийсе, то....

Глядя в ночное небо, волк расцвёл мечтательной улыбкой.

– Лийса... – имя лисицы было произнесено с нежностью. – Я люблю её, Горка! И, кажется, уже больше никак, а я всё больше и больше её люблю! И никому не отдам! Гром в этом году приходил на игрища. Ты думаешь, ему лисица была нужна? Как же? Он знал, что я там буду. Я каждый год к Лийске прихожу. Я ведь, когда совсем пацаном был и ещё не перекидывался ни разу, знал, что не дорос до жениховских игрищ, но не мог её уступить. Всегда дрался за мою лисичку. И почти всегда мне доставалось. И Гром пришёл покуражиться, чтобы Ррыку досадить, унизив племянника. Только просчитался «дикий»! Да, мне досталось от него, но и я ему меток наставил! Видел, верно, у него шрам через всю морду? Это я ему метку поставил! Как только глаз уцелел? Получилась у нас ничья, а Лийса ко мне вышла. Представляешь? Лийса теперь моя! И никто теперь не поспорит. Я, как только очухался, Лийсу к Зверяне повёл, попросил её в невесты.

– А?

– И богиня разрешила! Вот, смотри! Это начальная метка! – брат сунул мне под нос левую руку, на котором с тыльной стороны и впрямь красовалась какая-то загогулина.

– Подожди, Ур. А бабка не знает. Волнуется за тебя, боится, что убьют из-за Лийсы. И если Лийса тебя выбрала, да и богиня согласилась, то почему вы ещё не вместе?

– Не вместе? Отец с Ррыком сказали, что после твоего оборота объявим, к камню при всех пойдём, а свадьбу ещё и по-людски сыграем. Я сначала обиделся, а сейчас вижу, что действительно, столько хлопот им от твоего оборота. Гости ещё эти...

– Да что такого особенного с моим оборотом? С чего столько гостей понаехало? Кто я им? Ну, пусть особенный. Вот олень получился... и только. Для этого нужно было в такие дали тащиться, аж, из самого Бормита? Никак, месяца полтора, а то и все два, добирались. Оно того стоило? Ррык говорил, что и наш князь постоянно обо мне справляется. Зачем я им нужен? На диковину посмотреть? Больно хлопотно, да и накладно!

Урус, помолчав, задумчиво произнёс:

– Краем уха слышал я, что нам не всё, что в пророчестве сказано, говорят. Видать, что-то совсем серьёзное там сказано, и ты там каким-то боком – вот и наблюдают. Наверно, от тебя какое-то важное дело зависеть будет.

– Да я мальчишка ещё!

– Не скажи, Лагор. Вроде бы и пацан, да ещё олень, уж точно не хищник, чего бы там бабка ни говорила, – хмыкнул, – но в четырнадцать лет, да в первом обороте ни один оборотень против стаи не выстоял бы.

– Ур, да говорил же, не специально я.

– А такое специально и не сделаешь. Оно само собой только может получиться.

Слова Уруса про пророчество подтвердились уже на следующий день. А пока мы пошли домой ужинать.

После праздника

Ох, и обиделась бабуля на Уруса, что тот ничего ей не сказал про Лийскин выбор. Она и услышала-то эту новость нечаянно от матери этим же вечером, когда та посетовала, что хлопоты не заканчиваются.

– Только Лагору «обращение» справили, да вот уже и Урусу свадьбу делать надо.

Бабка ахала и охала, что вот уже вся деревня слышала про скорую свадьбу, а она, родная прабабка, вынянчившая этого самого правнука, знать ничего не знает:

– И вот прям, как старая дура была бы, кабы кто с деревни спрашивать начал бы. И как эт так сверсталось-то, что никакая баба ишшо не спросила? Никак Горушке, оленёнку моему, ишшо косточки перемывают. А кабы спросили? А? Позору не оберёшься, родну бабку обошёл такой вестью!

Уруса было жалко, я никогда ещё не видел своего брата таким виноватым.

– Баб, вот ей-богу, мы тебе сюрприз сделать хотели! Да только...

– А-а, и сюриз ишшо какой-то, да всё мне на мою стару голову. Ростила, холила внучка старшенького и вот оно...

Мать, тоже чувствуя свою вину перед старшим сыном за то, что проговорила ненароком, вступилась:

– Баб, да успокойся ты. Сюрприз – это подарок неожиданный, радостный, значит...

– Ха, подарочком одарить, значить, решили?! Эт, кады Лийска в подоле уже притащила бы? На те, бабка, подарочек, сюриз называется! Уж все вокруг языками перетёрли, а родна бабуля ни сном, ни духом...

Урус не выдержал, бухнулся перед бабкой на колени, та так и застыла с открытым ртом.

– Баб, прости ты меня, неразумного. Не хотел я тебя обидеть! Честное благородное, вот прям сегодня собирались объявить. Ррык с отцом наказали объявление сделать только после оборота Лагорова.

Ррык с отцом легки на помине, как раз зашли в дом да так и замерли на пороге, узрев Уруса на коленях перед бабкой.

Услышав последние слова, вожак подтвердил:

– Да, мам, ты уж прости, но соединение и свадьбу Уруса мы немного отодвинули. Сама видишь, сколько хлопот с приезжими гостями. Лийса, вроде бы, не в обиде. Взрослая уже, понимает такие обстоятельства. Да и не на годы, только на несколько дней задержка.

Урус, уткнувшись в бабкины колени, пробубнил:

– Баб, мы с Лийсой первенца нашего в твою честь назовём, всё равно, кто будет.

Ошарашенная бабка перевела глаза с вожака на Уруса, погладив его по голове, растроганно всхлинула:

– Сам-то ишшо из пелёнок давно ли вывалилси, а туды ж, уж первенца называть, ты его поначалу сделай...

Урус, пользуясь только что полученным благорасположением, подхватился:

– Баб, я за Лийсой побегу. Чтоб всё честь по чести было.

– Ну, бежи-бежи. Жених, а никакой солидности – всё носится, всё бегаит...

Спозаранку, выгнав скотину в деревенское стадо, мать разбудила меня. Урус уже ушёл на дальнейшее пастбище. Прихлёбывая молоко из кринки, я посочувствовал брату, вынужденному подняться в такую рань, да ещё после того, как вчера засиделись допоздна.

На Лийсу и Уруса, восседавших возле бабки за столом, уставленном снедью, было интересно смотреть. Лисица была непривычно тихой и молчаливой, глаза её не отрывались от жениха, изумрудно посвёркивая. Урус тихо млел, бережно держа лисицу за руку, лицо его сияло. Никогда не видел своего брата таким счастливым!

Кроме простой любви к своей семье, я ещё не знал других привязанностей. Конечно, видел отношения мужчин и женщин в деревне, парней и девчонок, но были они какие-то... приземлённые что ли, иногда откровенно некрасивые. Временами казалось, что ничего особенного и не представляет эта, так называемая, любовь.

Но, глядя на брата с Лийсой, начал понимать, что, наверное, не всё так просто. Опять же, если взять отношения отца и матери – ровные, уважительные, с долей юмора. Да и бабуля рассказывала, что с мужем у них была любовь истинной пары – а это вообще из области легенд. Значит, что-то всё-таки есть во всех этих страстях?

М-да, мне ведь тоже когда-то встретится девушка, которую я полюблю? От этой мысли я малость офигел. Ну, никак не укладывалось у меня в голове, что я могу относиться к какой-нибудь совершенно чужой девчонке так... как, например, Урус к своей Лийсе.

Вот именно! Лийса-то своя! Вредная, языкастая, но одновременно своя, знакомая с детства. И даже на такую вредную мой брат смотрит с бесконечной нежностью!

Я попытался представить, как смотрю с нежностью на... да на Варинку, хотя бы. Нет, на Христю... А-а-а! Да на малолетнюю Орринку приятнее смотреть, чем на Варинку и Христю вместе взятых! Ну их всех! Лучше совсем никого не представлять.

По другую сторону стола, напротив жениха с невестой расположились мать и Верена, то и дело всхлипывающие – то вместе, то попеременно. Отец пристроился возле матери, которая тут же уткнулась мокрым носом ему в плечо.

А Ррык присел рядом со знахаркой и, вроде бы ненароком, приобнял её, что-то проговорив на ухо. Та, опустив глаза, засмушалась, щёки полыхнули румянцем.

Интересно. Помнится, прабабка говорила, что Верена по Ррыку всю жизнь страдает. Может, закончатся её страдания? Да и Ррыку давно пора личную жизнь налаживать. Отчаянно хотелось добра этому сильному волку, который был для меня даже роднее отца – настолько он был близок нашей семье. Да что там, он и был нашей семьёй!

Сколько себя помню, Ррык постоянно присутствовал в нашей жизни, ничего в семье не решалось без него. Он был вожаком оборотней в деревне, верховным вожаком всего ареала оборотней и неформальным главой нашей семьи. Отец, сильный и властный волк во многом, физически равный дяде, а, может, даже и превосходящий его по силе – он, тем не менее, безоговорочно признавал главенство вожака и полностью поддерживал его.

Во! Поймал себя на мысли, что даже про дядьку думаю с большей нежностью, чем про знакомых девчонок. Конечно, он же мне родной, а те совсем чужие.

А-а, так нужно встретить такую, которая родной мне покажется? Хм...

Вообще-то у оборотней принято обходиться без сватовства и всяких свадеб. Это у людей наворочено всяких обычаев да обрядов, ритуалов разных – всё, чтобы найти причину поприазновать да покуролесить.

А оборотни обычно проще обходятся. Сходят молодые к камню Зверяны, отдадут по капле своей крови, богиня их и поженит, поставив парные метки. Такая вот свадьба оборотней!

От величины и места расположения меток сразу видно, насколько пара подходит друг другу. Зверяна и пошутить может. Поставит метки на пятках. Или под мышками. Отец, смеясь, рассказывал, как видел супругов с метками на ушах.

Но так, говорят, раньше соединялись.

Нынче же, по-новомодному принято заручиться предварительным разрешением у Зверяны, получить начальные метки. А потом уже можно свидетелей приглашать на соединение, чтобы все желающие могли лицезреть момент одобрения богиней. Вот эта самая мода на свидетелей и пришла к нам от людей.

– Будто знаку богини доверье потеряли, – ворчала бабка Мьяра, но сама же горячо пожелала присутствовать на соединении у камня. – Порадуюсь за внука. Авось и Зверяну прочувствую! Давненько я с ей не встречалась.

Хм, вот так вот запросто с богиней повстречаться? Похоже, бабуля много что может!

Ритуал сватовства тоже пришёл к нам от людей.

Само сватовство было проведено не совсем по правилам. По-людски положено было делать обряд у невесты дома. Но из уважения к главе рода, старейшине оборотней – нашей прабабке Мьяре – Верена совсем не была против нарушения обычаев. А Лийсе, похоже, было абсолютно наплевать, как всё происходит – по обычаям или нет – главное, наконец, она с Урусом вместе, и богиня своё разрешение дала.

Их нежная и столь долгая привязанность друг к другу поражала и удивляла. Пожалуй, ни с кем Урус не был так близок, как с рыжей лисицей. Я, бывало, даже иногда ревновал брата.

Ещё детьми они раз по десять на дню бегали друг к другу по каждой малости. Урус старался придумать любую причину, чтобы лишний раз сходить в дом к знахарке. Да и голосок Лийсы частенько звенел в нашем дворе, а рыжая огненная шевелюра резко выделялась среди наших тёмных голов за обеденным столом.

Бабуля верно говорила – было что-то другое, отличное от других деревенских, в поведении лисицы. Несмотря на бойкий характер, она во время еды всегда вела себя чинно, не болтала, ела очень аккуратно – не таскала куски из соседней тарелки, не чавкала и не чмокала. Даже мама, по-моему, подбиралась в её присутствии и тоже старалась вести себя соответствующе.

А уж сколько нареканий мы выслушали от матери и бабки за поведение, когда нам в пример ставили Лийсу.

Было дело, я, семилетний мальчишка, налетел с кулаками на лисицу. Она уже вступила в подростковую пору и была много выше меня. Уж больно достали тогда нравоучения старших с экивоками на Лийсу, как нужно вести себя. Ну, и не нашёл ничего лучше, как выместить свою досаду на рыжей девчонке – причине многочисленных выговоров и наказаний, как мне тогда казалось.

Урус не дал даже один разочек стукнуть рыжую, так навалил мне, заступаясь за подружку, что после того случая я стал десятой дорогой обходить лисицу. С тех пор и стал избегать общества Лийсы, стараясь не вникать в события, так или иначе связанные с ней. Вот и прогляпил тот момент, когда нежная дружба брата и лисицы переросла в любовные отношения.

И ведь смеялись над ними в деревне, особенно в пору, когда Лийска стала подростком. Девчонка вытянулась и стала выше Уруса на две головы. И всё равно, эти двое ходили по деревне, держась за руки.

Уже тогда, услышав очередную колкость, брат кидался с кулаками в защиту подружки, несмотря на рост, возраст и количество насмешников. И часто ходил битый, с синяками, пока не начал оборачиваться. Сразу добавилось сил и скорости, да и побои моментально залечивались оборотом.

Может, такая истовая самоотверженность друга и покорила сердце лисицы? Лийса упрямо гоняла многочисленных женихов и вопреки обычаям встречалась с парнем младше себя, что осуждалось деревенскими. Но мало-помалу односельчане свыклись и даже стали гордиться такой примечательной парой.

Года три назад отец взял меня с собой на мельницу за мукой. А там я подслушал, как Рона, волчица с другой улицы, рассказывала тётке из соседней деревни про брата с подружкой да всё сетовала, что не пришлось ей в жизни встретить такого мужчину, который так хлестался б за неё, и всё недоумевала:

– За какие ж такие хорошести так свезло рыжей малолетке?

Эти два слова – «хлестался» и «хорошести» – привели меня в полное недоумение.

Слово «хлестался» прочно ассоциировалось с «хлестанием кнутом», и я мучительно старался вспомнить, с кем же мой брат мог хлестаться кнутом. Да и «хорошести»... Ну да, к двенадцати годам я уже понял, что Лийса всё-таки хорошая, но что такое «хорошести»? Как-то звучало это... не по-доброму, что ли.

Меня так занимали эти вопросы, что, помучавшись догадками, напрямую спросил у Уруса – вид выпученных, обалделых глаз брата повеселил. Он никак не мог понять из моих путаных слов, кого же отхлестал, кроме той вредной пятнистой тёлки из стада, то и дело норовившей удрать в лес, в котором нет добрых оборотней, а недавно завелась новая волчья стая, которую...

– Тьфу, Лагор, да кого ж я мог хлестать-то? А-а, так «хлестался» означает драку?

И тут, видимо, вспомнив толстую Рону – и как только она умудряется оборачиваться? – захохотал.

– Да-а, за тётку Рону вряд ли волки дрались. Скорее, она своего мужика у какой-нибудь бабы кулаками отбила! А хорошести... – зло сощурились глаза. – Запуш-ка я эту вредную тёлку к тётке Роне в огород и скажу, что сама сбежала. Будут ей хорошести в полном объёме, чтоб языком трепать некогда было!

Тряхнув головой, я отогнал мысли о брате. Взглянув на небо, понял, что пора поторапливаться на встречу с Ррыком.

Странно, почему вожак не захотел переговорить со мной дома, даже словом не обмолвился накануне, а официально велел прийти на занятия, хотя, как я понял, других обучающихся кроме меня не будет.

Что гадать? Встречусь с вожаком, тогда узнаю.

Ррык вышел мне навстречу, когда я только подходил к его дому. Махнул рукой в сторону соседнего, там жил наш главный деревенский маг Тимофеич. А к нему-то зачем? Я ж уже перекинулся, мне теперь помощь мага не нужна. Недоумевая, шагнул вслед за Ррыком на двор мага, поморщился.

Всем хорош наш главный маг! Приветлив, обаятелен... У нас его любят. Рядом с ним возникало ощущение... надёжности, что ли. Только... запах. Мне совершенно не нравился запах Тимофеича – кислый, с примесью какой-то противной сладости. Но, кажется, кроме меня никого это не беспокоило. Даже Урус на мои расспросы недоумённо пожимал плечами.

– Ну, да. Запашок от него не очень... Но мужик хороший! Надёжный.

Тем не менее, избегая неприятного запаха, я старался общаться с магом как можно меньше. Потому, в отличие от многих, на усадьбе Тимофеича мне бывать не приходилось.

Огляделся с любопытством.

О подворье мага среди деревенских ходило много разных слухов. Рассказывали о чудной птице с большущим красочным хвостом. А посреди двора, говорили, росла дивная яблоня, на которой одновременно цвели цветы, зеленели завязи плодов, да тут же висели спелые румяные яблоки.

Хотя и слышал такие рассказы не раз, а всё-таки увидев чудную яблоню, не удержался, открыл рот от удивления.

Под самой яблоней стоял деревянный стол с деревянными же скамьями. Позади скамеек были приделаны доски, так думаю, чтобы спину подпирали, если сидеть прямо устанешь. Как у бабкиного кресла. У деревенских-то так делать не принято. А зря. Удобно сидеть, наверно.

В ожидании хозяина Ррык сел на скамью, кивнув мне, чтобы устраивался. Со склонившейся ветки сорвал спелое яблоко, смачно захрустел. Засмеялся моему ошарашенному взгляду:

– Рви яблоки, хозяин не обидится. Он на этой яблоне тренируется магией. Даже в морозы цвести и плодоносить заставляет. Хочет секреты эльфийской магии разгадать. Ему эти яблоки уже поперёк горла стоят – одному ж столько не съесть. Ты думаешь, откуда я зимой-то вам яблоки таскал? Вот соседу помогаю урожай собирать.

Вспомнил – и правда, Ррык частенько приносил яблоки. А я никогда не задумывался, откуда он их берёт в конце зимы – такие наливные, сочные и сладкие, лопал от души и не спрашивал. А ведь зимние сорта яблок, даже если хорошо хранятся, к весне теряют сочность.

– Ррык, знаешь? У меня такое странное ощущение...

– Будто спал, а теперь вдруг проснулся?

Я вскинулся:

– Ты знаешь?

– А чего ж не знать-то?

Слегка усмехнулся.

– Это перекид, Лагор. До перекида оборотень, что ребёнок. Только б играть. Вас и учить-то в это время трудно. А вот после перекида... Как почувствуете слух и обоняние зверя, так будто просыпаетесь. На жизнь по-другому смотреть начинаете.

Помолчал.

– Вот и подумаешь иной раз – не зря же так завелось-то, чтобы оборотень в пять-шесть лет зверя обрёл, хоть и безмозглое. Но дикий оборотень сразу становится взрослее и к твоим годам много чего может, чего ты даже в половину не умеешь.

– Да-а, «дикий» в его года много взрослее и охотится лучше, да и в лесу не пропадёт в отличие от вас, поздних-то, – из-за угла избы вышел Тимофеич, неся в руках горячий самовар. – Лагор, сбегай-ка на крыльцо, притащи посуду, я её туда выставил.

От движения на руке мага сверкнул камень, и россыпь разноцветных лучиков брызнула в стороны, отразившись от связки подвесок на поясе. Вот это мне тоже не нравилось!

Ладно, когда женщины побрякушками обвешиваются, но Тимофеич-то похлеще иной щеголихи обряжался. Довольно высокий, не так, чтобы толстый, но грузный. И борода лопатой. А все пальцы перстнями унизаны, на ином и по два помещались. На запястьях каждой руки по два браслета. На шее сразу несколько – как их назвать-то? – ожерелий разной формы – тут тебе и круглые с загогулинами, и пластинки какие-то на цепочках висят. Даже пояс из квадратов узорчатых набран, а на нём подвески разные гроздьями телепаются. Ещё брошки по рубахе приколоты. И всё в камнях! И в ухе большая круглая серьга с тремя блескушками мотается.

И думается мне, что вся эта «красота» не из простой меди делана, да ещё и весит пару пудов, наверное. А если посмотреть на мага при солнце... да какое там посмотреть? Глаза от переливчатого блеска до слёз режет!

Бывает, конечно, и мужчины человеческие, и оборотни носят браслет какой, или пояс нарядный оденут. В том-то и дело, что «или». Чтобы обвешиваться побрякушками с ног до головы, хоть бы и дорогими, ни у кого в обычае не было.

Но было в Тимофеиче и другое! Надёжный он был, основательный, несмотря на страсть женские побрякушки напяливать. Поговоришь с ним немного, и уже кажется тебе роднее самого близкого человека. Потому любят его у нас в деревне и на странности внимания не обращают.

Уже позже, принимая от мага чашку с душистым чаем спросил:

– Так зачем же тогда нам «осознание» делать, если «дикие» в нашем возрасте лучше и взрослее?

– Эх, Лагор-Лагор, столько учился, а разницу так и не понял. Да, к жизни в первое время дикий молодой приспособленнее будет. Только со зверем своим он очень долго не в ладах. Зверь в нём сильнее человека. И пока обуздает он своего зверя, может и жизни лишиться. Да и видел ты, чтобы кто из «диких» чего-нибудь существенного в жизни добился? Ну, кроме вожака вашего, конечно. Он исключение.

– Да ладно тебе, Тимофеич, кого из «диких», кроме деревенских, Лагор видел? Ты же сам не раз наблюдал, как после перекида осознанцы первое время пасуют перед «дикими», зато потом навёрстывают.

– А вот не скажи, Ррык. Смотри-ка, наш Лагор не спасовал! Как он этого Грома с прихвостнями... их ведь с десяток было, а на место-то как ловко поставил!

Маг аж языком прицокнул, довольно сощурился.

Ррык с хрустом разгрыз зачерствевшую баранку, прихлебнув чаю, задумчиво сказал:

– Думаю, наследство сказалось.

– Ясно дело, что наследство. Но характер тоже никуда не денешь.

Я с недоумением переводил глаза с одного на другого. Наследство... характер... чего это они? Я за бабулю испугался, что зашибут, больше ни о чём другом и не думал. А все восхищаются какой-то смелостью... аж стыдно. Ладно, другие... но и эти туда же.

– Не стыдись Лагор!

Маг что, ещё и мысли читает?

– Тут ведь дело не в том, что ты собирался делать, а в том, что получилось. Мало у кого духу-то хватило бы поперёк стаи пойти. Честно скажу, я б, наверно, спасовал. Сначала глянул бы, кто из своих рядом, чтоб спину прикрыли, да взвесил бы шансы свои и противника. И у них на то расчёт был. А там, скорее всего, отступил бы так, чтобы достоинство не уронить. А ты, не глядя, махнул да в самую морду вожака ощерился! Так не то, что олени себя не ведут, на такое любой взрослый волк, а то и медведь, не решится. А Гром-то струсил – думал, заломает оленя и скажет, что инстинкты сработали – и никто ему возразить ничего бы не смог. Поди докажи, что не со зла. А вот накося, выкуси! Олень зубастый сам нападает! Хо-хо-хо! Ну, ладно, – прихлопнул о стол ладонями, – поели, делом пора заняться.

Уже после того, как прибрали после завтрака, опять чинно уселись за стол. Ррык молчал, уступая первенство Тимофеичу.

Маг пригладил встопорщенную после еды бороду:

– Ну, Лагор, давай заново знакомиться. Знал ты меня, как деревенского и школьного мага, как уважаемая Мьяра говорит, шамана, – хмыкнул, – но... Позволь представиться, главный маг княжества Осиян – Гилон Тимофеичер Нол.

Чего?! Сам знаменитый Гроза Гилон? Княжеский главный маг? В нашей деревне? Да быть такого не может!

Я же сколько живу, столько его и помню – простой деревенский маг, наш наставник на «осознании».

Хотя... Оглянулся.

Яблоня чудная. Забор, отгораживающий двор от деревенской улицы, вовсе и забором не назовёшь – так, штакетник. Отсюда со двора всю улицу видать, как на ладони, а с улицы ни двора, ни макушки яблони не видно. Только кусты густые, через которые никакими силами не продраться. Деревенские мальчишки по-всякому пытались пролезть – я-то знаю. Уж больно завлекательно яблочка по весне попробовать да птицу заморскую рассмотреть, может, и перо выдрать – больно красивые, говорят – а потом похвастать удалью.

И надо же, в самый этот момент из-за угла избы птица появилась.

Смотри-ка, на курицу походит. Да только таких больших кур я не видел никогда. А сама-то синяя, на голове коронка из перьев. Идёт, а хвост из-за угла всё тянется и тянется... да когда ж он кончится-то?

Нет, такие чудеса другие шаманы делать не умеют. Уж точно много проще живут.

Среди деревенских столько рассказов и историй про знаменитого мага ходит. А он, выходит, среди нас живёт? И никто НЕ ЗНАЕТ?

Я, ошавший от такого известия, очумело переводил глаза с мага на жоака и обратно. Нет, жоак-то, скорее всего, в курсе статуса нашего Тимофеича – вон, нисколько не удивлён новостью. Однако...

– Ну, полно. Поудивлялся, и хватит глаза таращить. Ты что ж думал, особенного потомка Рруса Трёхлапого без присмотра оставят? Тут, брат, такие дела творятся, тебя у нас из-под носа увезти нороят.

Чего? Увезти? Зачем я кому-то сдался?

– Так, Тимофеич, ты мальчика-то с толку не сбивай, объясняй по порядку. Не забывай, он только третьего дня оборотился, считай, только проснулся. Ему твои мировые проблемы, сам знаешь...

– Прав, прав ты, Ррык. Это я, то ли от радости, что дождались, то ли от того, с чего начать не знаю.

Да чего их так разбирает? Чтобы наш Тимофеич так волновался, это что-то неординарное должно случиться. Конечно, исполнение пророчества – событие важное, да только с пророчеством этим не всё ясно.

Из горла вырвался сип. Откашлялся.

– Тимофеич, а точно я под это пророчество подхожу? Может, и не я вовсе тот семьдесят пятый потомок-то? Может, сбились где со счёту?

Маг задумчиво огладил окладистую бороду:

– Были такие сомнения. Всё-таки число не маленькое. После ухода Рруса оба его сына погибли, а вскоре враги и всю семью старшего сына вырезали. Сначала думали – всё, прервался род Великого Оборотня. Да только и в те времена уже была служба безопасности при князе. Семейку старшего сына Армета спасти не смогли, как ни сторожили – уж больно враги хорошо подготовились, предателя при княжьем дворе нашли, и такое бывает. М-да, не уберегли... Но вот зазубу младшего сына в расчёт не взяли. Младший-то, Рассверт, уж больно до женщин охоч был. Даже смешно. Оборотни ведь верностью своим любимым женщинам известны. А Рассверт, кажется, ни одной юбки не пропускал. Как утро, так из его покоев новая красotka выходит. Всех придворных дам... кх-м... – закашлялся после жоакова тычка в бок, – осчастливил.

Тимофеич с Ррыком, ухмыляясь, переглядывались, видимо, вспомнили что-то своё. Пришлось напомнить о продолжении, этой истории я ещё не знал:

– А кто же стала нашей прародительницей?

– А прародительницей, – магу смешно, – стала дочь стражника-оборотня, про которую, Слава Сиянию, никто почти не знал. Звали её Рианой, от Рассверта-то она одна из всех и понесла.

– Думаю, всё ж-таки, сыновья Рруса знали про пророчество, – Ррык вступил в разговор, – наверно, они и разыграли такую комбинацию про запас.

– А вообще-то умно! У старшего – семья, а враги не дремлют. Всякое может случиться.

– Во-во, оно и случилось. А младший не женат, баб меняет...

– Эй, Ррык, повежливее о бабах... тьфу, женщинах!

Эти два дружка ещё и зубоскалят! Хохочут. Я тоже не сдержался:

– Уважаемые наставники, вы, между прочим, о моих предках говорите!

Теперь маг толкает жоака в бок, тыча в меня пальцем:

– Смотри-ка, щенок зубы молочные скалит!

– А то... Породы! Вот подрастёт, ты ему на один зуб сгодишься!

Два уважаемых человека, а ведут себя, как щенки, ей богу!

Я оглянулся на забор, опасаясь – не услышал бы кто с улицы неприличные выражения, которыми обменивались эти... такие уважаемые. Тимофеич перехватил мой опасливый взгляд:

– Не бойся, Лагор, с улицы ни звука с этого двора не слышать, – подмигнул, – работать умеем.

– Мьиу-а-а-а-у-у...! – казалось, в самое ухо с перепугу заорала кошка.

От неожиданности я высоко подпрыгнул прямо со скамьи, в воздухе оборачиваясь, приземлился оленем рядом уже на четыре ноги и вытаращился.

Посреди двора стояла Тимофеичева «птичка» с развёрнутым хвостом! Я так пасть и разинул. Вот это да!

Птица-то и сама много больше курицы, а уж хвост-то у неё раза в три длиннее тулова будет, а тут она ещё его и распустила – вот диво дивное! Хвост, что веер, на полдвора размахался! Тулово птицы синим переливается, а хвост изумрудной зеленью полыхает, и по вееру пятна, на глаза похожие, рассыпались. Тут «птичка» шею вытянула да как опять завизжит драной кошкой, хоть уши затыкай – ага, копытами.

Старшие, привалившись друг к другу, совсем от хохота зашлись. Обернулся в человека, сплюнув с досадой в сторону дурной птицы. Пригладив растрепавшиеся волосы, сел на своё место и сердито уставился на веселящихся жоака с магом.

– Ох-хо-хо! У Оша-то брачный период! Никак, про баб услышал, себе требует! Ах-ха!

Тимофеич совсем согнулся от хохота.

И это главный маг княжества Гроза Гилон!

Утирая выступившую влагу с глаз, маг пояснил:

– Мне Оша в Бормите подарили, когда я туда посольство сопровождал. Оша и ещё одного павлина, самку. Я чего-то не додумал, когда другую птицу князю передарил. Теперь и та у князя на птичьем дворе мается, и этот всё норовит к соседским курам сбежать. Благо, защита не пускает. Всё хочу Оша к невесте отправить, да руки не доходят. То забуду, то в спешке уезжаю, не до павлина. Вот поедешь к князю, с собой Оша заберёшь.

– К князю?

– К князю, к князю. Подучим, и вперёд – на службу! Иль ты решил насовсем в деревне остаться, коровам хвосты крутить?

Недоумённо потрянул головой – вот уж о чём-о чём, а о будущем я особо ещё и не задумывался.

А интересно, как князья живут? Говорят, и сын у него есть, почти Урусов ровесник. Да, вроде, и не один. А...

Старшие наконец-то отсмеялись, Тимофеич хлопнул ладонью по столешнице:

– На чём мы остановились?

– На бабах, то бишь, на женщинах, – хмыкнул Ррык и уже серьёзнее, – думаю, Рассверт видимость создавал, когда с разными бабами спал, зато и Риану уберёг.

– Похоже на то. Про Риану-то считаным людям было известно, это уж сейчас об этом открыто говорят, а тогда к государственным тайнам её беременность приравнивали. Да и потом не светили. Приглядывали только. Князь всегда знал, да пара доверенных лиц. Даже не охраняли. Вроде как обыкновенная оборотница. Дочь родилась, Раста. Так, в основном, по женской линии пошла наследственность – это-то недругов и сбило с толку. Никто и не держал Расту с мужем, когда они из столицы в леса подались – оно и спокойнее вроде. Но приглядывали. Ох, и досталось вашим предкам! Вроде детей нарожают, правда, больше трёх только у Мьяры да твоего отца было, да толку-то! Что-нибудь да случается, и каждый раз только один ребёнок в живых оставался. У Мьяры-то одного брата медведь-шатун ещё подростком задрал, когда тот решил перед друзьями похвастаться удачью. Другой тоже на охоте за зайцем погнался да в хитрую болотину угодил. Не выбрался – следы только до болотины довели. И всё, с концами... – вздохнул. – А уж когда история с ведьмой случилась, да в живых только Ррык с Аритом остались, тогдашний князь совсем обеспокоился. Тут ещё и на сына его покушение. Маг-то для пригляда рядом находился, да Листавия его самого первого убрала – никто ничего и не понял. Видно, за столько лет расслабились, кто-то где чего сказал, что кому намекнул. Не уследили. Листавия-то из Тирриэла приехала. Потом, после всех событий её путь отследили – прямиком ехала, не петляла, знала куда. И не одна, трое магов её сопровождали. Двое от зубов оборотней погибли, ещё одного израненного поймали. Только допросить не смогли. У него блокирующее заклинание сработало – а это очень редкая магия! А Листавию, похоже, пытались сделать матерью особенного – немного не рассчитали... Вот тогда-то власть и зашевелилась. Было решено плотнее вас охранять. Благо, Ррык с твоим дедом до «осознания» додумались! Тут уж и школу для маленьких оборотней открыли. И маги, что есть в деревне, все из службы безопасности княжества. Да и понятно стало – часть пророчества сбылась, значит, всё верно.

– Но, может, всё равно где-то сбились со счёту, – упрямо гну свою линию. – Урус тоже может быть семьдесят пятым, или даже Арыска?

– Эх, как же тебе не хочется быть особенным, – глаза мага лучились участием, а мне стало почему-то неловко.

– Понимаю, Гор. Ответственность. Тебя ведь очень долго ждали, на тебе очень много важного завязано.

Как-то совсем неуютно стало после слов шамана, невольно ссутулился, передёрнув плечами.

– Только, если и были сомнения, что где-то что упустили, не так сосчитали, то после твоего оборота всё по местам встало. Не ошиблись, правильно посчитали. И, – маг довольно заулыбался, – это хорошо, что ты оленем обернулся! Удачно-то как! Вас ведь в последнее время трудно скрывать стало. Сам знаешь, в тебя разве что пальцами не показывали – вон, особенный идёт. Были мнения дать тебе раньше обернуться, но тут уж мы с Ррыком отстояли, чтоб зверя твоего получше приручить да и ... детство немного продлить. Ты уж извини, брат, но теперь придётся резко взрослеть – пора пришла.

Мне совсем тоскливо стало от этих слов.

– Ну-ну, Лагор! Во взрослой жизни тоже много чего интересного есть. Обещаю, что скучно не будет!

– А-а...

Если уж заставляют взрослеть, то пусть на вопросы отвечают.

– А зачем удачно... ну, что оленем?

– Хм... Понимаешь? Ясно, что особенный должен был быть необычным оборотнем. Но если бы ты оказался каким-нибудь там... драконом, например. Даже пусть безобидного доброго дракона, если такие бывают,

можно было бы расценивать, как угрозу. Всё же, опасная живность. А олень... что олень? По сути своей мирное животное. Видел же, сколько иноземцев на празднике было?

Киваю – ага, мельком видел, да и бабка с друзьями что-то говорили.

– Это только официальные гости были, которых, заметь, никто не приглашал, но, что будут, знали.

– А ещё какие были?

– А ещё и тайные соглядатаи были. Это те, что в нашей деревне живут, да в соседних деревнях пристроились.

Я недоуменно посмотрел в горящие глаза мага и перевёл взгляд на Ррыка. Тот спокойно грыз яблоко, ничему не удивляясь. Выходит, вожак в курсе того, что творится вокруг?

– Эх, Лагор, тебя ещё учить и учить...

– Как это? В нашей деревне живут?

– Ну да, в нашей. Кто-то ещё до твоего рождения сюда пришёл, семьи завели, обжились. Кто-то недавно появился. Мы тоже приглядываем и за вашей семьёй, и за пришлыми. В прошлом году маг ассиарский всё пытался в школу наставником устроиться. Мы ему такую проверку устроили. Когда на службу к князю кого берём, такую не устраиваем. Еле-еле отвязались. Он тут ещё месяца два крутился, пытался в деревне пристроиться – тут уж Ррык за него взялся. У соседей пытался закрепиться, пришлось тамошних вожаков в тайную службу вызывать. Шуганули его.

– Настырный, нахрапом пытался влезть. Но дурак! Кто ж так дела делает? – Ррык швырнул огрызок яблока птице.

– Два покушения на вашу семью было. Про одно-то все знают, правда, думали, что те из зверинца просто пытались любого ребёнка оборотня выкрасть для перепродажи...

Я вспомнил бабкин рассказ про то, как Уруса маленьким украли, а в результате спасли ещё и Лийсу.

– А бабуля говорила, что воров всех порвали.

– Ну, один-то поцелее остался. Я подсуетился, некроманта вызвал. Оч-чень редкие маги. Они мёртвого допросить могут, если на нём специальных заклятий не было. Вот он и допросил одного более-менее уцелевшего. Только маг через сутки приехал после того, что тогда случилось. А в таком деле, чем быстрее, тем лучше. М-да... И допрашиваемый оказался не самым главным, но что-то увидел, услышал. Сказал, что приходил к ним важный господин, высокий, в плаще, лицо закрытое, о чём-то разговаривал с главарём – тот потом довольным выглядел. Говорит, деньги у главаря появились, купили в каком-то зверинце несколько зверей и напрямиком к нам направились. Они-то прежде грабежом купцов занимались на границе с Тирриэлом. Заметь, Листавия тоже из Тирриэла была. Сказал, что пока добирались к нам, где-то в лесу им человек попался, по виду слуга богатого господина, они его по старой привычке ограбили и убили, только из всего, что было при нём, так это пара золотых монет да лисёнок-оборотень в мешке с порубленным хвостом. Лисёнка они в клетку засунули, главарь всё подхихикивал, что будет их подопечному подружка, – хмыкнул. – Никак главарь провидцем был – Лийса и вправду подружкой Урусу стала. Как видишь, враги тоже чего-то считали, и у них выбор на Уруса пал. Ну, а во второй раз никого даже к деревне не подпустили. Те уже из Ассиара были. Взяли всю группу заговорщиков ещё в столице. А там не только ассиарские были, но и один из приближённых княжеского вельможи. Ассиарские грубо работают, их быстрее других вычисляют, а вельможа тот... Я его тебе потом покажу, чтобы знал.

А его разве не поймали? Тимофеич будто мои мысли прочитал:

– Приближённого вместе с ассиарскими взяли, а вельможа ото всего отказался, и от друга детства своего – мол, знать не знает, чем тот занимался. Всё плакался, что жизнь свою другу доверял, а тот его предал. Только мы с тех пор с него глаз не спускаем. Знаем, что связан он с Ассиаром, но подловить пока ни на чём не можем, а без доказательств к нему не подступишься, – вздохнул. – Не всё так просто в жизни-то. И знаешь,

что подлец, а сделать ничего нельзя. Ну, ладно, – прихлопнул ладонью по столу, – сегодня поговорили. А завтра придёшь вместе с Урусом, буду вас магии обучать.

Магии? Мы ж оборотни, ни разу не маги.

– Магии, магии! Вот придёте завтра с Урусом, всё объясню. Да не сюда – ещё не хватало, чтобы дурной силой двор мне разнесли. Ррык знает, куда идти.

Сила перекида

После визита к магу Ррык повёл меня в лес. Заставил вспомнить все уроки нахождения в лесу, которые мы изучали в школе только в человеческом виде. А вот в виде зверя знали только в теории.

Да уж, лес в звериной ипостаси воспринимался совсем по-другому. Как там бабка говорила? «В однораз, как зверем становишься – видеть по-другому начинаешь, глаза по-другому смотрят, уши каженный шорох слышат, в нос шибает всякой вонью...» Точно, и видишь по-другому, и слышишь ... и вонью шибает, да ещё как!

Ррык тоже перекинулся в волка и начал меня гонять по лесу.

Долго в звериной ипостаси я не выдерживал, всё же навыка ещё не было. Тогда вожак устраивал перерыв в практике, но заставлял анализировать свои действия. Что унюхал, какого зверя почуял, старые и свежие следы, почему кусты не обогнул, кору на дереве ободрал? Нельзя было оставлять свои следы в мокрой мочажине и многое другое, что касалось безопасности нахождения в лесу. И говорил, что нужно ещё перекидываться.

Я старался. А к вечеру уже еле таскал как ноги, так и лапы... Тьфу, копыта!

Живот от голода подводило, хотя в ипостаси оленя и пожевал листья с куста. Да что листья – ими разве насытишься? И как олени всю жизнь только ими питаются? Эх... Мне б сейчас ту заячью лопатку, которую Орринка предлагала на превращении...

Наконец-то, вожак повернул к деревне.

Я уже не помнил, как бежал домой. От чувства острого голода казалось, что живот прилип к спине, руки тряслись, в глазах темнело, одна мысль в голове – поесть. По пути, кажется, уже в деревне кто-то меня окликнул, но не было сил даже повернуть голову и хотя бы поздороваться. Возле самого дома пытались остановить, ухватив за рукав рубахи. Не оглядываясь, из последних сил рванулся, рубаха затрещала, и рукав остался в чьих-то руках...

Ввалившись в избу, тут же кинулся к хлебному ларю, в который – я видел – мать поутру складывала караваи испечённого хлеба. Схватил половину карава и тут же впился в него зубами. Обернулся – на кухонный стол Урсунка, пыхтя, умащивала горшок с молоком. Не знаю, зачем ей понадобилось молоко, но мне оно очень пригодилось.

Я рвал хлеб зубами, почти не жуя, и жадно запивал молоком. Но прихваченная еда быстро закончилась, а голод также терзал живот. И тут почти под носом увидел большую миску, наполненную до краёв тушёным мясом с грибами. Довольно урча, придвинул еду к себе и, наверное, начал бы есть чумазыми руками прямо из посуды, если бы в варево не плюхнулась ложка. Рядом с миской на столе появились тарелки с сыром, маринованными овощами, нарезанным копчёным окороком, пирогами с мясом, капустой и другими лакомствами.

Лишь почти полностью опустошив тарелки, я оглянулся. Вокруг были родичи. Мать с бабкой жалостливо вздыхали, подкладывая куски на мою тарелку. Отец с вожак сидели на лавке у стены, о чём-то переговариваясь. Возле них пристроились Урсунка с Арыской, с любопытством таращившие на меня глаза. А Урус облокотился о дверной косяк и весело улыбался, из-за его плеча так же, как мать с бабкой, жалостливо смотрела Лийса.

Я с недоумением оглядел родственников и стол – тут до меня стало доходить... Судя по количеству выставленных тарелок, и насколько они первоначально были полны, то я один уничтожил обед, приготовленный для всей нашей семьи. А ведь даже не заметил присутствия родичей, поглощая еду.

Кровь ударила в лицо, и я попытался вскочить, но бабка придержала моё плечо:

– Сиди, сиди, Горушка! Кушай, мой оленёночек! Ишь, дядька-то поизмывался. Дитё голодное, а он его мучаит. Чай, в зверя перекидываться заставлял, да обратно? Ась? – развернувшись к мужчинам и повысив голос. – Ррык, тебе говорю! Никак заставлял Горушку перекидываться туды-сюды? Заставлял?

Вожак примирительно заговорил:

– Мам, ты ж знаешь, надо перекидываться – проверить, насколько сил хватит.

– И как? Насколько разов получилось? Надолго ли хватило-то? – бабка даже рот приоткрыла от любопытства.

Ррык почесал в затылке, обвёл взглядом родичей, не торопясь с ответом, и торжественно объявил:

– Семь раз! И ещё один раз, когда мы у мага были, – усмехнулся, – Ош, павлин его, криком напугал. Итого восемь раз за день! А зверем один раз до полутора часов продержался! Один раз час с минутками пробыл, а после уже меньше – по полчаса, по четверти часа. Последний раз минут семь выдержал. Может, и ещё бы перекинулся, да уже на ногах еле держался. Видно было, истощился парень, совсем оголодал.

Урус от удивления присвистнул, мать охнула, младшие загомонили, перебивая друг друга.

А я стукнул себя кулаком по голове – только сейчас вспомнил, чему нас учили в лесной школе. Через день после первого перекида проверяется сила молодого оборотня – сколько раз он за день перекинется да сколь долго пробудет в звериной ипостаси.

Луна проходит свою самую активную фазу полнолуния и понемногу начинает терять свою силу воздействия на оборотня. В это самое время и проверяется устойчивость на оборот.

Взглянув на брата, вспомнил – Урус пять раз в своё первое испытание перекинулся, что было выдающимся достижением для молодого оборотня. Если молодой в своё первое испытание два-три раза в день перекинется в зверя – уже считается, что он будет сильным оборотнем. И, как правило, в первое время дольше получаса в звериной ипостаси за один раз трудно продержаться.

Вспомнилось, ведь тогда ещё разговоры пошли, что это Урус – особенный.

Отец подошёл ко мне и крепко обнял, а я с удивлением разглядел его повлажневшие глаза и даже крохотную слезинку на щеке. Мама, причитая и заламывая руки, кружила вокруг.

Бабка расцвела улыбкой и разве что не приплясывала:

– Ох, Лагорка, да как же ты стерпел-то? Это ж сколько силов-то надо? А мы дивимся, чево ж наш Горка так оголодал? Как копыта-то не откинул? И сам до дому добежал-то! А отоцал-то как! За один-единный денёчек... Сколько ж силов-то поклат!

Брат подал голос:

– А что, Лагор, поел... Может, ещё попробуешь перекинуться?

Все замерли, глядя на меня. Вопросительно посмотрел на вожака. Ррык задумался, посмотрел на меня с сомнением, сказал:

– Можно попробовать... Смотри сам, если сдюжишь. Сильно-то насильничать над собой не нужно.

Заглянул в себя, стоит ли? Вообще-то, голод утолил... Изнутри пришла тёплая умиротворяющая волна согласия.

Семья смотрела с ожиданием, а мне чего-то неловко стало, бурчу:

– Здесь разве?

– На двор идите. Неча тут половики топтать.

Бабка и приласкать может, и на место быстро поставит.

Пошли во двор. Впереди старшие, потом я, Урсун с Арыской – вот удивительное дело, ведут себя чинно, смиренно топают за мной, только тихо шушукуются.

Над деревней уже понемногу стали сгущаться вечерние сумерки. Из-за крыши сарая высунулась луна, ещё бледная при свете дня, с одного края будто немного обкусанная.

Неторопливо прошёл на середину двора. Ощутил приятную сытость в теле. Расслабился, вдохнул полной грудью свежий воздух и перекинулся.

И вот именно сейчас накатила эйфория – как опьянение, но много приятнее. По мускулам ног прокатилась волна дрожи, не ослабляя, а, наоборот, накачивая энергией всё тело. Казалось, что даже по шкуре пробежали искры.

Раздалось дружное:

– О-ох!

Я вскинул голову и притопнул передней ногой, высоко подпрыгнул на месте, разворачиваясь в воздухе в другую сторону. Захотелось прыгать, бегать, бодаться, дурачиться... Не тут-то было!

За воротами замычали коровы, идущие с пастбища, и заревел вожак стада, наш племенной бык Покат. Покат, умница, сам открывал ворота с улицы, поддевая защёлку кончиком рога, загонял наших коров во двор и ревел до тех пор, пока кто-нибудь из домашних, чаще всего я, выходил и угощал его круто посоленной краюхой хлеба за хорошо сделанную работу. И только после этого ритуала успокаивался, степенно заходил в стойло, подавая пример коровам.

Вот и сегодня Покат открыл ворота, чтобы попасть домой, и замер на входе, увидев меня – оленя. Я без всякой задней мысли подскочил к Покату и пару раз прошёлся перед ним – мол, полюбуйся на хозяина!

Бык остолбенел и вдруг заревел, хвост его пришёл в движение и остервенело начал хлестать по бокам, выпученные глаза налились кровью. За Покатом столпились коровы, недовольные, что их не пускают во двор.

Со двора раздались крики, и до меня дошла мысль, что не стоило бы в оленьей ипостаси встречаться с быком. От греха подальше! Олень – он тоже парнокопытное, как-никак...

Ещё только додумывал эту мысль, а ноги сами понесли прочь от ворот. Только куда деваться-то? В ворота не проскочить, Покат ярился всё сильнее, да и коровы добавляли переполоха своим мычанием. Во дворе сарай да сбоку от избы огородный плетень...

Эх, была не была, придётся в огороде спасаться!

Махнул через плетень, приземляясь копытами посреди грядки с морковью.

«Попадёт от бабки...»

Пока озирался на морковные всходы, затрещала ограда. Покат сохранностью хозяйского добра не заморачивался, выбрал самый короткий путь – прямо сквозь плетень.

Да чего ж ты привязался, скотина?

Напрямик через огород по грядкам домчался до заднего забора, и снова пришлось брать препятствие. Земля тряслась под скачущей тушей разъярённого быка – чего ж его так разобрало-то?

Все деревенские отмечали ум нашего быка и редкое миролюбие – и это при его весьма внушительных габаритах. А со мной Покат дружил ещё с тех времён, когда отец привёл его несмышлёным телком. Мне и пришлось возиться с ним чаще всех. Между делом обучил смышлёного бычка нехитрым командам – вся деревня потешалась, глядя на пыхтящего неуклюжего телка, усердно ползущего на пузе по двору за вознаграждение в виде сладкой свеклы.

Правда, когда телок вырос в огромного бугая, дрессировка прекратилась, но наша дружба осталась. Потому и относился ко мне бык лучше, чем к другим, а тут ... неужто не узнал?

Мысли пронеслись в голове, а ноги удирали прочь от двора.

Да только за задним забором тоже больно-то не разбежишься. Четыре оленьих прыжка, и я на берегу ручья.

Ручей он и есть ручей. Вроде бы, невелико препятствие, да только знаю, что дно у него сильно каменистое, и где-то под берегом притаилась коварная бочажина. Не хотелось бы из-за дурной скотины ноги переломать!

Заметался по берегу, а бык уже и забор разломал – с рёвом вынес сразу несколько досок и припустил по берегу за мной. За быком нёсся Урус с кнутом в руке и что-то орал. Имя своё разобрал, а вот, что дальше – непонятно.

Так и бегали по кругу. Впереди я оленем... По берегу вдоль ручья до холма, перепрыгиваю через невысокий куст, что мне по пояс, в сторону нашего забора. И в обратную сторону вдоль забора мимо дыры, из которой выглядывают отец с вожакom и тоже что-то орут.

Мимо них до соседского огорода, а там как раз большой дуб растёт, и примыкающие к нему кусты вместе с деревом образуют довольно обширную куртину. Разворачиваюсь за ней, выскакиваю снова на берег ручья и бегу дальше до холма...

За мной, отставая на два корпуса и исступлённо ревя, Покат, а за быком Урус с кнутом в руках.

Ещё раз через куст, вдоль забора, мимо дыры, в которой машут руками и что-то кричат отец с дядькой, и дальше до куртины...

О, расслышал:

– Перекинься!

В прыжке и перекинулся.

Так и влетел головой в кусты возле дуба, ладно, не под копыта быку да не в ствол дерева. Покат тараном пролетел рядом. За ним мчался Урус, а вот он уже со всего маху влетел в куст вслед за мной.

Пока барахтались, выпутываясь из кустов, Покат успел сделать круг и перешёл с бега на шаг, потеряв из виду врага. Бока бугая ходили ходуном, но злость понемногу проходила. Бык уже не хлестал себя хвостом, а увидев меня, подбежал и, заглядывая в глаза, замычал, да так выразительно, будто жаловался на обидчиков.

Охлопывая быка по шее, почесал его между рогов. Ласка понравилась. Покат довольно вздохнул, совсем успокаиваясь, и послушно пошёл к разломанному забору и дальше во двор через разорённый огород.

Честно говоря, ноги тряслись и еле держали. Спиной облокотился о забор, опершись руками о колени, пытался прийти в себя. Рядом, пыхтя, притулился Урус.

Чуть отдышавшись, переглянулись с братом и зашлись хохотом.

– О-ой, не могу!.. Ур, да Покат никак решил, что я к его коровам подкатываюсь! Ха-ха...

– Ага... Бормитскую принцессу по боку. Наши коровы милее...

– И красивше...

– И-и-и... Коровкин жених!

Мы с братом уже валялись на земле от хохота, когда за забором раздался бабкин голос:

– Весь огород уделали, охальники! – бабка выглянула из дыры в заборе и сморщенной рукой потрясла хворостиной. – Безобразники.... растудить...

И загнула такое, что мы с Уром только рты поразевали. Вот уж от кого, от кого, а от бабки такое услышать мы никак не ожидали.

– Это ж надо, с бугаём наперегонки скакать по огороду! Вот, вместо Урускиной свадьбы будете огород мне садить! Ж-женихи коровины!

Учёба

Такими же словами да с усмешкой встретил нас и Тимофеич, когда поутру по росе мы с Урусом вслед за Ррыком пришли к нему на урок по магии.

Занятие проходило на лесной поляне недалеко от деревни. И вся она пропиталась вонь... запахом мага.

Почти на самой середине поляны валялся толстый древесный ствол, тут же торчал пенёк. Дерево было когда-то спилено, но почему-то лежало здесь же, никем не оприходованное. Странно, кому понадобилось спилить дерево да тут же и бросить его? Как-то не по-хозяйски.

Брат, оглядываясь с недоумением, пробормотал:

– Что-то я такого места не упомню... а уж рядом с деревней-то я всё облазил и не единожды.

– А и не увидит эту полянку никто, кому не положено. Зачарована она. Только по разрешению сюда прийти можно.

Маг объявился сидящим на пеньке.

Да как же так? Только пустая полянка была, на пне видел только жука, куда-то ползущего по краю спила по своим жучиным делам, а тут ... на тебе, Тимофеич сидит на пеньке со всем своим удобством, закинув одну ногу на другую и, как обычно, камнями во все стороны сверкает.

Невольно глянул, не придавил ли маг букашку? Да нет – вон жук уже на кору сбоку перебрался, дальше поспешил.

А маг сидит, глаза довольно щурит да хохочет:

– Эх, вы вчера откололи, женихи коровины! Вся деревня судачит, как Покат за честь своих тёлочек заступался. Говорят, все заборы по огородам деревенским поносили, берег ручья так перерыли, что он теперь в другую сторону течёт!

Мы с Урусом обалдело переглянулись и негодуя уставились на мага. Только рты раскрыли, чтобы возмутиться наглым оговором, а Тимофеич на нас рукой махнул и уже серьёзно заговорил:

– Да ладно вам... Знаю, что сплетни. Специально пораньше встал, посмотрел, чего вы там натворили. Видно, что полная ерунда, а вот вам наука – будете знать, как людская молва работает. Вроде и не сделал ничего страшного, а молва уже всё преобразила и переименовала, и сплетни поползли одна другой причудливее.

Вздыхнул:

– Вот так людям жизнь и коверкают.

Хороший всё-таки человек наш Тимофеич! Понимающий.

После того, как мы с братом и вожаком устроились на бревне, маг приступил к уроку:

– В школе вы изучали, что в нашем мире много магических существ. В жизни, может, встречали? Да и так слышали, верно, от кого-нибудь? Магией в нашем мире фактически владеют все расы. У всех она выражается по-разному, в том или другом виде, с той или иной силой. Ну-ка, расскажите, что помните из школьных уроков.

Мы с братом переглянулись и синхронно вздохнули, понурились – не было печали, думали, отдохнём, побегаем по лесу. Предполагали, Ррык нас, конечно, погоняет, но всё-таки не учиться... А тут – вспоминай школьные уроки – вот уж, совсем неинтересно.

Брат, скорбно вздохнув и закатив глаза почти под самый лоб, тоскливо затыкнул:

– Эльфы и дриады с растениями связаны. Гномы с камнями ... – оживился, – ага, оборотни с животными, – задумчиво, – вроде как, драконы тоже оборотнями считаются ... – и замолчал.

Я попытался дополнить ответ брата:

– Есть ещё элифики. И люди, конечно, тоже магически одарены, – чувствуя, что что-то не так в последней фразе, помявшись, уточнил, – не все.

– М-да, не густо у нас с информацией, – маг задумчиво постучал согнутым пальцем по колену. – А где орки, тролли, природные сущности, наконец? И элифики... Лагор, кто такие элифики и с чем они связаны?

– Н-ну, это... элифики связаны с деревьями.

Мне совсем поплохело, и желание учиться магии что-то приутихло. Я чувствовал себя полным неучем, и не скажешь, что в школе был одним из лучших.

– Вроде, с душой дерева, – выдал на последнем издыхании с пунцовыми от стыда щеками.

– Ну-ну, Гор, не тушуйся. Вам-то про элификов ещё только упоминали и про магические создания не рассказывали, а вот Урус уже должен знать, что элифики не существа, а, можно сказать, искусственные создания.

Брат поёжился под укоризненным взглядом Тимофеича.

– Они действительно являются душой дерева, но не каждого. Дриады после смерти могут жить дальше, трансформируясь и сливаясь с растением, если ещё при жизни договорятся с каким-либо деревом о соединении душ после своей смерти. И вот эти объединённые души и называются элификами. Странное название, наверно, по аналогии с эльфами. Ведь, даже если дриада при жизни не была красавицей и умерла от старости, выглядя дряхлой старухой, то, возрождаясь элификой, она выглядит молодой и красивой и внешне уже не стареет до окончательной смерти дерева. А, как известно, эльфы самый красивый народ в

нашем мире, и, видимо, кто-то, не разобравшись, назвал эти магические создания элификами. Мне кажется, что красота элифика как-то связана с душевными качествами дриады. Не всем дриадам удаётся договориться с деревьями. Многие так и умирают, как простые существа.

– Тимофеич, а ты элификов видел? А как они живут? И как это, до смерти дерева? А их стукнуть можно?

Стало жутко интересно, и вопросы посыпались, как из ведра.

Маг засмеялся, но ответил:

– Что, интересно стало? А то скисли, только я про школу заикнулся. Элификов видел, и даже знакомство с ними водил. Живут они в дереве, рядом с деревом, прячутся в дерево. Иногда пройдёшь мимо элифика и даже не догадаешься, что рядом кто-то есть. Выглядят, как красивый молодой человек или девушка, и даже за руку поддержать его можно. Но передвигаются только в пределах кроны, куда самая длинная ветка дерева может дотянуться. Бить я их не бил, – глаза мага прищурились от смеха, – потому не знаю, можно ли их стукнуть. Дриады стараются договориться с деревьями, которые уже растут рядом с деревьями-элификами, чтобы и в этой ипостаси быть рядом с сородичами, но не всегда это удаётся. А вот этот элифик...

Тимофеич указал на древесный ствол, на котором мы сидели. Мы с братом, как по команде подскочили и вытаращились круглыми глазами на лесину.

– ...остался один. Когда Листавия здесь объявилась, она и элификам житься не дала. Раньше в лесу этой поляны не было, на этом месте было поселение элификов. Что уж они не поделили с магессой, мне узнать не удалось, но только пожгла она тут многих элификов. Один остался. Когда я набрёл на эту поляну, следы пожара уже исчезли от времени, а дерево Альфея одно стояло посреди поляны. Тосковал он сильно. Листавия, мало того, что деревья с элификами пожгла, но и договорные деревья уничтожила.

Маг пояснил наш невысказанный вопрос.

– Это деревья, с которыми дриады уже заключили договор, тем самым связав свои жизни с деревьями, при этом отдавая значительную часть своей жизненной энергии. А это значит, не только то, что дриада после смерти станет элификом, живя вместе с деревом. Но при этом срабатывает условие, что если жизнь дерева прервётся при жизни дриады, то она тоже погибнет. Поэтому, не все дриады идут на этот договор. А те, которые решаются, очень тщательно прячут местоположение договорных деревьев, накладывают охранные чары на рощи элификов. Что случилось между элификами и магессой? От Альфея не было никакой возможности добиться каких-то ответов. Он лишь стенал, плакал и горевал о своей невесте, чьё договорное дерево тоже погибло в огне, а значит, умерла и дриада. Когда мы с ним встретились, он стал умолять меня срубить его дерево.

Маг вздохнул.

– Жаль было бедолагу, вот я и спилил.

– А-а...

– Мы что-то отвлеклись. В общем, подводим итог – все магические существа так или иначе владеют магией в той или иной степени в определённой направленности, то есть, по сути, являются магами. Только почему-то все считают, что у оборотней магия проявляется только на уровне перекидывания и никак больше.

Урус смотрел на мага огромными глазами с открытым ртом, застыв в напряжённой позе:

– А как же? Мы разве ещё что-нибудь можем?

Тимофеич насмешливо фыркнул:

– Да самое простое! Ур, вспомни-ка, сколько тумачков ты на игрищах у Лийсы получал. И ноги-лапы ломал, и бока так раздирал, как жив оставался... Помню раз, ты чуть без хвоста не остался? А перекинешься – и опять здоров, все кости целы, и о ранах не вспоминаешь.

Брат недоумённо пожал плечами.

– Это ты сейчас плечами пожимаешь. Руку сломал, перекинешься в волка да обратно – рука целая. Или наоборот. А вспомни-ка, до первого перекида синяк целую неделю сходил, как у обычного человека.

– Забыл, как в первый раз на игрищах ещё до перекида тебя отметелили? – от слов вожака, заставивших вспомнить неприятные ощущения, брат поёжился. – Волки-то так ... чуток поиграли, а ты почти месяц провалялся в постели под присмотром Верены. А в последний раз ты ведь сам даже идти не мог, хотя и одолел Грома, друзья тебя, считай, принесли.

Брат согласно кивнул:

– Ну, да. Перекинулся, сил нету, лапы трясутся, а раны все пропали. А что, Тимофеич, это разве магия?

– Она, родимая! Лагор-то вон ещё аккуратничает, его-то тело помнит, как долго всё заживает, а ты уже и забыл, каково простому человеку приходится лечиться без магии. Кстати, по результатам перекида можно определить силу магии оборотня. Возьмём Грома. Ему же тоже от тебя досталось? – Урус согласно кивнул. – А шрамы от ран после перекида у него остались, тогда как у тебя абсолютно никаких следов. И что это значит?

Мы с братом переглянулись и вопросительно уставились на мага.

– Это говорит о том, что у Грома магия много слабее твоей – раны заживает, да только скорость и сила регенерации меньше. Раны заживают, но из-за более медленной скорости на месте ран остаются рубцы. Даже среди его сторонников есть оборотни с более сильной магией, только пока не понимающие этого. Да и Гром – волк опытный, хитрый и коварный. Но такие всё равно долго у власти не удерживаются. Пусть сила магии оборотнями не осознаётся, но свою роль в определённый момент сыграет.

Брат радостно потёр руки, оскалив зубы в улыбке:

– Ну, всё, Гром, тебе конец! Прибью да ещё всем расскажу, что ты волк недоделанный!

– Но-но, Ур, не смей! – Вожак нахмурил брови. – Запомни, щенок, лучше враг явный, чем тайный!

Поколебался, говорить ли, но всё же хмуро добавил:

– И не так уж он слаб. Там у Лийсы мог и загрызть тебя, в силу-то ты ещё толком не вошёл. А ты сам знаешь, нечаянная смерть на игрищах неподсудна! Да только никто Грому не позволил бы это сделать, потому заранее его предупредили, что со двора Лийсы, в случае чего, даже выйти не успеет. Он прекрасно понял, что живым не уйдёт, если что... – брат поёжился. – Ещё удивительно, что у вас ничьей всё закончилось, и Лийса к тебе вышла. Сейчас-то мы знаем, чего ожидать от Грома. И ладно! Пусть бесится. Пусть гадит втихую. Даже пособники не так уж его поддерживают. Скорее, как привычного дикого, опасаясь наших нововведений. А если его травить, то совсем в лютого врага превратится, и неизвестно тогда, чем это всё закончится... Пособники однозначно встанут на его сторону. А ты ещё не знаешь, как слабые, но озлобленные волки опасны! Не-ет, Грома трогать нельзя – лучше маленький прыщ, чем большой чирей.

– Эк ты заговорил, – засмеялся маг. – Знать не знаешь на своей шкуре, что такое прыщ и чирей, а говоришь, как переболевший человек, – и уже обращаясь к нам. – А вот ещё для вас загадка. При превращении у

оборотней одежда никуда не девается и, что интересно, иногда какие-то прорванные дырки пропадают. Мы с Ррыком проверяли. Иной раз после перекида рубаха целее становится, прорехи зарастают, будто их и не было. А иной раз, как было, так и остаётся. Мы пока не можем уловить закономерности – отчего так происходит и от чего зависит? Но явно прослеживается влияние восстанавливающей магии. Вот и думаю, залечивание ран происходит не только под влиянием регенерации, но и восстанавливающей магии оборота, что отражается и на одежде.

Тимофеич ненадолго погрузился в раздумья, устремив взор куда-то между мной и Урусом, но быстро опомнился и заулыбался, узрев наши ошеломлённые лица.

В голове не укладывалось, что мы – вот такие простые оборотни – оказывается, можем быть и магами! Не верится что-то. Царапнула какая-то мысль-вопрос, но тут же затерялась среди других.

Ну, оборот происходит с помощью магии – ладно, пусть будет так. А как же всякие такие магические штуки? Там... зажечь огонь, поднять бурю?

Вот эти сомнения я и озвучил вслух.

– Учиться будете. Как молодых магов обучают, так и вас начну учить. У претендентов проверяют одарённость определёнными тестами. Вот, давайте с них и начнём.

Тимофеич поставил нас с братом рядом в трёх шагах друг от друга, а Ррыка напротив нас.

– С Ррыком мы уже занимаемся некоторое время и, должен признать, у него довольно неплохо стало получаться.

Мы с восторгом и удивлением уставились на смущённого жожака. Маг же горделиво оглядывал взрослого ученика, который вдруг покраснелся скулами.

– Где солнечное сплетение, знаете?

Мы с братом старательно вытарацились в небо, благо, на солнце напозло облако, выискивая солнечное сплетение.

– Да не там, не на небе, а на теле вашем! И-эх, сколько ж вас ещё учить и учить. Вот тут, на ладонь выше пупка. Во-от ... А теперь руки установите напротив солнечного сплетения, как вам Ррык показывает.

Ррык как-то чудно вывернул руки, держа их возле живота. Ладонями навстречу и одна другой выше, будто шар в руках держит.

Попробовал также вывернуть руки, искоса глянул, как Ур в своих руках разбирается, вопросительно посмотрел на мага.

– Во-от, правильно. А теперь представь, что в руках у тебя твоя магия! Смотрите на Ррыка, как у него получается.

Жожек стоял, расслабившись, и даже глаза полуприкрыты, а между ладоней потихоньку разгорался шар света... светло-сиреневый. Величиной с небольшое яблоко. Красиво!

У меня тоже может так получиться? Прикрыл глаза, даже дышать перестал... живот закаменел от натуги. Глянул одним глазом – нет, ничего не светится. Пых-х-х! Воздух в груди совсем кончился, и ничего не получалось.

Урус рядом пыхтит. Тимофеич молча ждёт. Помог Ррык:

– Урус, Гор, помните то ощущение в момент превращения в зверя?

Брат кивнул головой, я же только плечами пожал – оборачивался-то всего ничего. Чего там запомнишь? Подумал.

Это было... вроде, как что-то внутри выдохнуло... и то, что высвободилось, обволокло тело изнутри ... а потом, вот он зверь во всей красе!

Сбиваясь на каждом слове, попытался озвучить ощущения. Ррык поддержал:

– Вот-вот, когда ты вызываешь зверя, попроси его не превращаться, а проявиться вот так между ладонями. Во всяком случае, у меня именно таким способом получается.

Тимофеич хмыкнул:

– Надо же, магию зверем называют.

Я попытался сосредоточиться и... обратился в зверя. Потоптался на месте, перекинулся обратно.

У Уруса между ладонями засветилось. Шар помельче будет, чем у Ррыка, и цвет вроде такой же сиреневый, но уже с серебристыми прожилками.

Маг уважительно присвистнул, дядька довольно улыбался. Ур погасил свечение между ладоней, по его виску скатилась капля пота.

Все вопросительно посмотрели на меня.

А что я? Может, мой зверь не хочет в шар превращаться! От этой мысли внутри возник протест. Ничего себе – он что же, ещё и соглашаться со мной не будет?

– Гор, – на плечо легла крепкая рука, – ну, что ты?

Ррык участливо заглянул мне в глаза.

– Достается твоему зверю? От первого оборота не очухался, тебя уж дальше за уши тянут?

Неожиданно к горлу подкатил комок, подбородок мелко задрожал, из глаз, того и гляди, слёзы хлынут – ещё не хватало сопли распускать! Ага, оборотень после перекида, да ещё особенный, и разревётся сейчас как... как маленький! Стыдоба-а!

Зажмурил глаза, давя слёзы и пытаясь протолкнуть комок в горле, который, зараза, застрял и никак вздохнуть не даёт.

Донеслось тихое:

– Может, погодить? Как бы не сорвался парень. После оборота ещё мозги толком на место не стали. Не привык он ещё к себе, новому, а мы его так напрягаем.

– Ты, Ррык, не паникуй. Лагор – он сильный. Сейчас чуть вздохнёт, и всё у него получится. А погодить... Сам знаешь, не дадут нам погодить. И дальше ему, что ни день, то к новому приспосабливаться придётся. А там рядом тебя не будет, и меня может не оказаться. Ему, хочешь – не хочешь, придётся самому силы находить.

Я тряхнул головой, открывая глаза – слёзы удалось удержать и комок в горле, наконец, протолкнуть, дав лёгким возможность вдохнуть.

– Тимофеич, а почему у Ррыка шар сиреневый был, а у меня с жилками серебряными?

Урус переключил внимание старших на себя, дав мне краткую передышку. Маг аж расцвёл, услышав интересный, по всей видимости, вопрос.

Я отошёл в сторону, слушая объяснения и стараясь успокоиться.

– Цвет магии показывает её особенности и частично происхождение человека. Вот у Ррыка шар сиреневый. Такой цвет присущ всем оборотням. Но ты, наверно, не заметил – у него тоже прожилки были, но белые полупрозрачные, то есть, примешалась человеческая магия. Она молочно-белая, полупрозрачная. В серебристый же цвет окрашена магия эльфов.

– Откуда эльфы у нас в роду?

Маг усмехнулся:

– Я, когда ещё только прибыл в вашу деревню, обратил внимание, что ваша мама Таруся внешне достаточно сильно отличается от других деревенских женщин. Вроде волчица, а черты лица тонкие, правильные... Телосложение, – прищёлкнул пальцами, – более тонкокостное, лёгкое. Да и двигается быстро и легко. Красивая женщина! Очень! В общем, выделяется на фоне остальных. И стало мне интересно, каких же она кровей?

Маг замолчал и обвёл весёлым взглядом всю нашу компанию.

Мы же рты пораскрывали, даже вожаку интересно, видать, не задавался никогда такими вопросами, хотя наша мама у него на глазах не один десяток лет промелькала.

И правда, мы привыкли, что по отцовой линии у нас в предках сам Ррус Трёхлапый. А вот по материнской вроде все – обычные оборотни.

Вспомнил деда Тариока, отца матери, очень сильного оборотня, но, тем не менее, с виду более тонкого и лёгкого, чем оборотни других стай. Вспомнил – по соседству его сестра, материна тётка живёт. Тоже очень красивая женщина. Да и многие оборотни в их стае отличаются изящностью и миловидностью. Вот эта тонкость черт и лёгкость, наверно, и присуща их роду.

А ведь мама на своего отца сильно похожа, и мы с братом внешне в материну родню удались. Похоже, что и Урсунa с Арыской унаследуют изящество Тариока.

– Да не томи, Тимофеич, чего узнал-то? – не выдержал брат.

– А узнал я кое-что интересное. Когда ваша пра-пра-пра, в общем, прародительница Раста, внучка Рруса Трёхлапого, ушла со своим мужем в леса, наши недруги потеряли их из виду и, видимо, пытались их искать и как-то проконтролировать... деторождение, – усмехнулся и переглянулся с вожаком. – Эльфы тоже попытались установить контроль, это точно известно. И отправили в леса такого... контролёра. Где уж он ходил, как искал – неведомо. А вот нашёл одну из ваших прабабок по материнской линии. И видимо, не один ребёнок у них получился. Род вашей матери всегда славился красивыми мужчинами и женщинами. Знаем, что эльфы и позже посылали своих... контролёров. Видимо пытались удержать этот самый контроль. Наверно, перепутали потомков Рруса с другими оборотнями. Только в стае о них почти ничего не помнят, что-то случилось там – оборотни не очень-то любят... контроль.

Шаман совсем развеселился.

– Ну, рано или поздно ваши стаи должны были встретиться, как-никак, недалеко друг от друга находятся. А теперь, судя по цвету магии Уруса, все предположения подтвердились. Есть в ваших предках эльфы.

– А эльфы не смогут права предъявить?

Тут уже и Ррык засмеялся в голос:

– Многие могут заявить права на вас. В ваших предках кто только не отметился – и маги человеческие, эльфы с нашей стороны тоже были, и оборотни разных видов, гномка была, говорят, даже дриада. Да кого только не было. А права мы сами им предъявим!

– Верно, Ррык! И в предках вашей матери всякие побывали, не только эльфы. А унаследовал ты, Ур, магию оборотней, людей и эльфов, кстати, весьма нелишнюю, пригодится ещё. Интересно, что Лагор нам покажет? Магия у него точно есть и весьма мощная, судя по признакам.

Мне самому интересно. Установил руки перед солнечным сплетением, как показывал вожак, потянулся к своему притихшему зверю, позвал. Мгновение ничего не происходило, внутри как будто зависло недоумение. Вдруг ладоням стало... ласково. Что-то тёплое заворочалось, меж пальцев заструился свет.

Я с любопытством слегка сдвинул правую руку, которая располагалась сверху. На ладони левой руки лежал шар величиной почти как у брата и переливался – красный, зелёный, серебристый, змеились молочные спирали, проскакивали золотистые искры. Ни один цвет не задерживался, плавно переходя в другой, постоянно двигаясь.

Он был живой, уютный и родной – такой... мой! Тёплый шар лежал на ладони и, казалось, подмигивал мне. А я смотрел, не дыша, и очень скоро ощутил, как в груди заломило без доступа воздуха. Шар тихо растаял.

– Ух, ты! Гор, здорово! – обрадовался брат.

Перебив Уруса, Тимофеич произнёс уважительно:

– Лагор, да как же ты такую силищу держал? За столько времени ни разу не показал, не сорвался, – видя наше недоумение, пояснил, – так принято, что чем больше силы у молодого необученного мага, тем он более нестабилен – вспыльчив, драчлив. До тех пор, пока не научится силу контролировать. Даже самые упорные, нет-нет, да срываются. А ты ни разу! Со стороны ведь даже и не скажешь, что силён, только вот сейчас до конца видно, насколько!

На мой вопросительный взгляд пояснил:

– Вы у меня тут все трое уникальные. Понятно, что наследство Ррусово даёт себя знать не только у Лагора. Магия такой величины, какую показали вы все трое, уже достаточно редко встречается. Даже среди именитых магов. А тут, как считается, у простых оборотней! Ты, Ур, ещё совсем молодой и даже не знал, что магией обладаешь, а она у тебя величиной почти как у вожака – скоро Ррыка потеснишь. Лагор! В таком возрасте у самых сильных магов магия величиной с вишню будет, да и то они с нею едва справляются. А у Лагора магия сейчас уже величиной ненамного меньше братовой, а дальше-то что будет?

Шаман как-то растерянно покачал головой.

Ррык задумчиво смотрел на меня.

А я вдруг вспомнил, какая мысль не давала мне покоя. Сопоставляя полученные знания с давно известными фактами, спросил:

– Ррус Трёхлапый был сильным оборотнем. А вы сказали, что оборотни при обороте залечивают свои раны. Так почему же он был трёхлапым? Что с ним случилось, что даже сильная магия не смогла восстановить лапу?

У мага довольно заблестели глаза.

– Ррус Трёхлапый был очень сильным магом-оборотнем, и он никогда не терял своих лап!

Свадьба оборотней

Вскоре Урус с Лийсой сыграли свадьбу.

Ну, как свадьбу... Это у людей застолье да гуляния всякие свадьбой называются. А у оборотней всё совсем по-другому.

Идут молодые к камню Зверяны, а там уж как она решит. Всяко метки поставит. Только вот какие? Метки-то – они разные бывают. Ясно-понятно, что супружеские чаще всего обозначаются. А то для побратимов есть. Зверяна даже кровную вражду пометить может. Если поставит супружеские метки – значит, одобряет союз. А может и по сторонам раскидать. Такое бывает совсем редко. И уж точно на то есть причины.

Потому, как правило, молодые сначала старались получить предварительное одобрение Зверяны, так сказать, закрепить статус жених и невесты. И лишь после этого оповещали о радостном событии окружающих и заключали брачный союз.

Бабуля рассказала, как та самая Рона, что Лийсе позавидовала, будучи совсем ещё девчонкой, пошла со своим избранником к камню Зверяны без предварительного одобрения. Самоуверенны были молодые! Говорят, любовь у них была жаркая.

Что бабка подразумевала под этими словами, я не совсем понял, воспринял услышанное просто с любопытством, впрочем, как и младшие. А вот Ур с Лийсой покраснели, тогда как мама с отцом переглянулись как-то понимающе и с улыбками переплели руки – аж смотреть на них стало неловко...

Вот тогда совсем молодые Рона с избранником и решили похвастать перед всеми своими чувствами, даже пригласили друзей да подруг присутствовать на церемонии соединения. Двух ли – трёх человек? Неважно. Главное, что свидетели были. От них-то потом всё в подробностях и стало известно.

В общем, когда молодые пролили кровь на камень, то Зверяна раскидала их в разные стороны, как котят. Да с такой силой, что жених руку сломал.

Но богиня и метки им поставила. А как же? Она всегда метки ставит, если к ней кто обратится. Только те метки были не супружескими. И поначалу никто не понимал, что они означали.

Стоило только несостоявшемуся жениху взять Рону за руку, как его вновь шандарахало силой, хотя и находились они уже в деревне довольно далеко от божественного камня.

Конечно, оборотню довольно просто перекидом залечить конечность, которой и доставалось изрядно раз за разом. Но не при каждом же прикосновении такое терпеть!

– Да, это как-то утомляет, – насмешливо прокомментировал Ррык этот момент в услышанной истории. Младшие недоумённо переглядывались, а старшие откровенно хохотали.

Я не понимал такой насмешки до того момента, как узнал имя незадачливого избранника Роны. Им оказался Гром. Да и причина гнева богини оказалась совсем некрасивой. Оказалось, что Гром и Рона – брат и сестра по отцу. Только они об этом сами узнали после выяснения отношений двух родительниц.

– Как так получилось, что оборотень блудил с двумя оборотницами так, что ни одна из них про другую не знала, а женился на третьей? Ведь оборотень не должен изменять своей паре?

От заданных мной вопросов отец густо покраснел, а мама застыла с открытым ртом. Брат же ухватил меня за руку и утащил за сарай.

Ур задумчиво смотрел на меня, хмурился и всё никак не начинал разговор. Я нетерпеливо топтался на одном месте, не понимая трудностей брата, и аж подпрыгнул от неожиданного вопроса:

– Гор, а скажи-ка ты мне... Ты хоть раз с девчонкой целовался?

Теперь покраснел уже я.

– Ну, да... На празднике оборота в бутылочку играли, тогда и...

– И всё?

Брат смотрел на меня, как на диковину.

– Да твой друг Сувор уже Наррианку сводил в стога, а ты до сих пор толком ни одну девчонку по-настоящему не поцеловал?

Я густо покраснел. Что значит выражение «водил в стога», я знал, а вот то, что Сувор сводил в стога... Наррианку? Да она же старше его на семь лет! Открыл рот, но от возмущения даже слов не мог найти.

– Всё с тобой ясно, – вздохнул брат. – Наверно, даже и целоваться не умеешь.

Стыдно-то как! Среди пацанов – вожак, а оказывается, какие-то вещи до сих пор не знаю в отличие от сверстников.

– Подожди-ка, Ур, – послушался голос отца. – Наш Гор, конечно, в этом вопросе немного отстал от своих друзей, но на то есть причина...

А? Причина? Какая причина?

– Сила. До перекида ему силу приходилось держать. Она у него поболее, чем у других, вот ни на что другое и не отвлекался. Ты, будучи со своей Лийсой, толком и не увидел разницы. А у меня в своё время почти то же самое было. Развивался позже своих диких сверстников. Взрослел позже. Зато потом перегнал. По нашим наблюдениям за осознанцами – чем больше сила в ребёнке, тем дольше он в детстве застревает. Зато после перекида своё нагоняет. Так что наш Гор ещё нацелуется с девчонками!

Отец подмигнул мне и, заново вгоняя в краску, добавил:

– И в стога ещё кого сводит!

Ага, свожу... А как же пара?

А вот так!

Оказывается, не все оборотницы дома сидят в ожидании игрищ. В основном те, что определились с выбором партнёра и ждут, что он завернёт на их двор. Ну, или красавицы какие... не знаю. А что делать, если твоя пара в другой деревне живёт или, ещё хлеще – это человек? Человек-то уж точно на игрища не пойдёт. Вот и выходят между течками оборотницы на охоту – вынюхивать свою пару.

Ну да, судьба по запаху определяется. Нравится тебе запах девушки? Значит, она самая подходящая кандидатура в спутницы жизни. Рассказывают, что при встрече с истинной парой вообще от запаха крышу сносит.

Ну, вот такие «ищущие» и ходят иногда... в стога. Похоже, что Сувор подходит Нарриане, а вот выберет ли мой друг парой эту девушку – ещё вопрос.

Потому так и вышло, что отец Грома и Роны в своё время ходил в стога с их родительницами, а, может, и не только с ними, а выбрал парой совсем другую...

На свадьбу, ясно, не только местные, но и родственники приехали. С отцовой стороны в живых, кажется, кроме бабули и Ррыка даже дальних родичей не осталось. Зато у мамы родственников было много – её родители, братья, сёстры, двоюродные, троюродные и ещё сколько-то-родные.

Понятно, что все никак приехать не могли, да и разместить их негде было бы. Но мамыны родители, Тариок и Райра, были желанными гостями.

Приехали они из Проврага ещё за два дня до свадьбы Уруса.

Дед был хорошо знаком со многими из нашей деревни, потому повидаться с ним в день приезда наведальсь достаточно много оборотней. Мужчины, разгорячённые вином, заспорили, как это часто бывает, о преимуществах того или иного оружия и способов владения им. И когда зашёл разговор о том, что кнут – это не серьёзно, да и оружием его трудно назвать, то Ррык с отцом переглянулись и замолчали, зная реакцию Тариока.

В Провраге все деревенские виртуозно владели кнутами. Ясно, что наш дед Тариок – один из лучших. Любой кнут, даже обыкновенный пастуший, превращался в его руках в грозное оружие. Да что кнут! При необходимости и поясной ремень можно было использовать с не меньшей эффективностью.

Дед, конечно же, обиделся за своё излюбленное оружие и предложил спор, что отобьётся, как минимум от троих, а то и пяти нападающих с помощью кнута.

Оборотням только дай побороться, а то и подраться! Желаящие поспорить тут же нашлись, и все повалили во двор.

Ну, и ребятня тут как тут, рассеялась по заборам. Мы с братом и Сувором на сарай вскарабкались, оттуда лучше видно.

Дед Тариок расположился почти на середине двора, а четверо добровольцев рассредоточились перед ним. Дед держал в руках кнут, с которым почти никогда не расставался. Его противники вооружились кто чем – у двоих длинные охотничьи ножи, третий с непонятно откуда-то взявшимся деревянным мечом, а четвёртый взял просто длинную палку.

Четверо – это уже стая. И потому нападающие постарались действовать слаженно, как в бою или на охоте – переглянулись и одновременно шагнули к Тариоку.

Не тут-то было, дед несколько раз хлестнул кнутом по кругу на разной высоте, не давая приблизиться к себе, и, шагнув, дёрнул кнутом так, что на излёте тот выдернул палку из рук четвёртого. И та палка, отлетая в сторону, шандарахнула по спине одного из тех, что вооружился ножом, чем нарушил согласованность нападающих. Один, считай, выбыл. Да и стукнутому, видать, крепко попало. Вон как перекинулся.

А дальше... Свист и щёлканье хлыста. Быстрые хитрые движения кисти руки, кнутовище выделяет замысловатые петли, а кончик хлыста, как размазанное марево.

Вот, кажется, конец хлыста устремился к одному противнику, а шипит, тряся ушибленными пальцами совсем другой. Так, вырисовывая свой неожиданный узор движений, не давая приблизиться к себе, дед и обезоружил ещё двоих.

Последний противник, раззадорившись, метнул нож. И как метнул-то! Уже не шутя, со всем умением и немалой силой.

Но и этот бросок ножа дед отбил, остро сверкнув глазами на Грома, а именно Гром и был последним противником. Дрались-то, по уговору, без членовредительства.

Видно, не всё так просто было с этим последним броском, и многие это поняли. Оборотни возмутились, даже раздали голоса, потребовавшие травлю. А вот это уже о чём-то говорило!

Видимо, многим Гром подгадил, что оборотни вспомнили о травле. Применяли её редко и только к преступникам, осуждённым на Совете Стаи.

Травля! Страшный приговор!

Когда собственная стая изгоняет оборотня из своих рядов. Тогда вся стая оборачивается в зверей и гонит отступника прочь. И нет ему прощения! А если загрызут в травле, то, значит, то изгой и заслужил.

Гром струсил! До травли, конечно, дело вряд ли дошло бы, но напугал его сам факт прозвучавших требований.

С таким приговором, как травля, даже если уцелеешь при изгнании, трудно будет устроиться в жизни. Если какая стая и примет по незнанию, то узнав, устроит повторную травлю за то, что скрыл приговор. Скажешь правду – могут не принять, а примут – так клеймо до конца жизни носить придётся.

Не-ет! Травли все оборотни, как волки огня, боятся!

Гром сразу же извинился, отговорился горячкой драки. А в качестве жеста примирения предложил тот самый нож, с которым нападал на деда. Похоже, волк дорожил ножом, но в свете угрозы травлей, решил не жадничать.

Тариок чиниться не стал, согласился на нож для примирения, хотя он ему и так по факту победы, как трофей, должен был достаться.

Ближайший камень Зверяны располагался на уютной лесной полянке довольно далеко от Волчиков – почти равноудалённо от нашей и ещё двух деревень, но к соседям чуток поближе. Вот и бегали к нему из Волчиков, Подосиновки и Грани.

По прибытии на поляну Богини, пока подтягивались желающие присутствовать на обряде соединения Уруса и Лийсы, а набралось таких, к нашему удивлению, немало, я подошёл к камню Зверяны.

По виду – обыкновенный обломок скалы, каких много по лесу валяется, но от других отличается. Другие камни, как камни. А этот... он сильный!

Я с любопытством прикоснулся к шершавой поверхности, слегка погладил. На ощупь обычная, разогревшаяся на солнце каменная поверхность. Ага, обычная...

Глянул вверх. Ветви огромных деревьев переплетались в вышине, в знойный полдень накидывая на поляну полог прохлады. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь листву, игриво скользили по траве и уж точно не смогли бы так разогреть каменную поверхность почти с человека.

Ещё странность. Вон другие камни мхом поросли, козявки какие-то по ним ползают. А на этом даже следов от счищенного мха нет, никаких насекомых, даже вездесущих ящериц не видно.

А ещё... при прикосновении возникло странное ощущение, будто кто-то в меня заглянул. Ага, прямо в мысли...

Конец бабкиной клюки, ткнувшийся в спину между лопаток, быстро заставил отступить от волшебного камня. Сразу вспомнились все предупреждения, что Зверяна не любит панибратства, когда её камень трогают. Даже в школе нам постоянно об этом говорили, заставляя разучивать правила проведения обрядов у камня.

Любого вида обряды не подразумевали прикосновений к камню. Да и не рекомендовалось его трогать. Говорят, обжечь может. Вроде кого-то богиня даже при невинном прикосновении на месте спалила. Да? Недоумённо хмыкнул. А ничего, я вот жив-здоров остался. И всё-таки поёжился под строгим бабкиным взглядом.

Наконец, наступило обговоренное время, и собравшиеся гости внимательно стали наблюдать за обрядом.

Молодые друг другу надрезали ладони. При появлении достаточного количества крови соединили руки, пролили её на камень и обратились с просьбой к Зверяне соединить их судьбы. Все напряженно молчали.

Я всё ждал какого-нибудь знака – ну, там... молнии или сияния. А брат с лисицей повернулись к нам и просто показали сцепленные руки. У Уруса на правой, а у Лийсы на левой руке красовались узорные полоски в виде браслетов. Не просто метки, а узорные брачные браслеты! Старшие очень довольны были.

Накануне обряда мама нам поясняла, что такими браслетами наша богиня Зверяна не просто фиксирует, а благословляет и оберегает союз. Это почти как истинную пару найти. С той разницей, что когда найдёшь истинного спутника, то метки и без камня Зверяны проявиться могут.

А ещё по ширине и замысловатости узоров такого вот браслета можно было судить о величине благорасположения богини. А такое бывает, ой, как редко! Потому что благословляет и оберегает она только тех, кто предназначен друг другу – чуть ли не истинную пару. Нашли друг друга – ваше счастье, получайте благословение! Не нашли? Сами виноваты, нечего было торопиться.

Ага, ещё понять бы – благословен будет союз или нет? Ведь выясняется это только на самом обряде, никак не раньше.

У родителей тоже были схожие полоски. Потому мать с отцом очень хотели, чтобы и у нас, их детей, случилось так же. И вот Уру повезло!

А я-то всю жизнь пялился на родительские полоски-браслеты и до недавнего времени даже не подозревал, что они благословление и оберег самой богини означают!

В общем, ширине и замысловатости браслетов Ура и Лийсы я порадовался, а вот сама процедура обряда меня разочаровала. Как-то всё быстро и обыкновенно получилось.

После благословения Зверяны уже в деревне сыграли свадьбу по людским обычаям, накрыв столы прямо на улице да выставив на них угощения.

Деревня гуляла два дня. Весело и бесшабашно! Потом ещё долго вспоминали весёлые проделки, учинённые парнями да девушками.

И ещё...

На деревенской свадьбе, как положено, встречали всех приезжих да мимо проезжающих и сажали за стол.

И даже если путник торопился, то хотя бы выпить за здоровье молодых да переломить свадебный пирог был обязан. А там уж, как ему хочется – мог остаться пировать или дальше продолжать свой путь.

Так и попал за стол полуэльф, месяца два назад осевший в соседней Подосиновке, где в основном проживали простые люди.

Куда и зачем направлялся полуэльф, неизвестно, но на свадебный пир попал почти с самого начала. Ну, и упился в дымину.

Размазывая пьяные слёзы и привалившись к плечу Тимофеича, чуть не падая ему в объятья, жаловался магу на тяжкую долю согладата.

– Начальство придирается, требует сведений. А где эти сведения? К-кто даст? К особенному не подступишься, оборотни смотрят подозрительно... И собаки гавкают... гавкают... А может, собаки и есть оборотни... и все особенные. Вот псина в соседском дворе точно по-особому гавкает. И кусается, с-су... А главное, главное-то... денег мало платят, да ещё и зажимают на расходы – а их, знаете, сколько?! И-и-эх!

Под этим соусом маг вытряс из пьяницы всю агентурную сеть Тирриэла. Вернее, ту её часть, про которую знал незадачливый согладата.

Когда Тимофеич напомнил недоэльфу, едва очухавшемуся после свадьбы, его откровения, с ушастым приключилась истерика, потом он впал в чёрную меланхолию, а под конец попросил покровительства. В результате согласился работать двойным агентом.

Маг радовался.

На свадьбе себя раскрыл ещё один агент. Из Бормита. Ни много ни мало, кузнецов подмастерье Нихон.

Этот мужик появился у нас в деревне задолго до моего рождения. Обжился, женился, детей растил. И никто его ни в чём не подозревал.

Тихий, незаметный, всегда в тени шумного кузнеца Толи. Сам уже давно мог бы работать кузнецом – силы и сноровки не занимать, да и умения набрался за столько-то лет. Ан, нет!

Двум кузнецам у нас в деревне делать нечего, а в какую другую ему уходить было не с руки. Вот и ходил в подмастерьях. А на расспросы отмахивался – мол, ему и так неплохо живётся. И пьяным его никогда не видели.

А тут за гостевым столом к нему по соседству Ильгимар сел – оборотень с нравом шепутным да крикливым. Его отец когда-то себе жену из Бормита привёз, вот и любил Ильгимар в разговоре бормитскими словами щегольнуть.

И на празднике оборота он всё возле бормитских гостей крутился, один из них даже для личного разговора с Ильгимаром уединился да вскоре и сбежал от него. По вздорности такого, как Ильгимар, стоит поискать. Видимо, бормитец и не выдержал.

Вот такой субъект и сел за стол рядом с кузнецовым подмастерьем и... напоил непьющего.

А вскоре Ильгимар, как обычно, вставил в разговор бормитское словцо, и пьянящий Нихон прицепился к тому, что слово не так произносится и по значению не совсем подходит. Ильгимар, ясное дело, взвился, раскричался, своё доказывает. А этот всегда незаметный тихоня с пьяных глаз своё кинулся доказывать, и мы впервые услышали, как он возражать может. Да как орал!

Нихон всегда разговаривал мало и тихо, чуть не шептал, в основном обходясь жестами. Никто не ожидал, что у здорового сильного мужика с косою саженью в плечах окажется пронзительный с подвизгиванием, похожий на бабий, голос.

А Нихон визжал, что он – коренной бормитец, и какой-то драный волк ему не указ, и остальные все... знаете, где? Потрясал кулаком. Все, вместе со своим особенным, здесь, в его кулаке... Он всем скоро покажет! Ой, покажет...

Ну, мужики во главе с магом и скрутили его да увели, чтоб показал, чего он там хотел показать.

В общем, интересно и весело свадьба прошла. И результативно – шурился в усмешке Тимофеич. Дово-о-ольно так, как кот, объевшийся сливок.

Почти, как в сказке

Свадьба свадьбой, а Тимофеич спуску в учёбе нам не дал.

Ладно, мы с вожакон, а у брата с молодой женой только первая брачная ночь прошла. Но маг ещё накануне предупредил молодых, что каждый день на счету, а из-за свадебных хлопот и так два дня пропустили. Так что рассвет молодые встречали на лесной поляне с нами.

Да, да, и Лийса тоже! Своенравная оборотница, как только узнала от Уруса об уроках магии, тут же потребовала, чтобы и её обучали.

А в деревне-то их потеряли!

Друзья потом рассказывали. Утром у нас во дворе собралась молодёжь, да кое-кто из взрослых подошли. Ждали молодых, чтобы по обычаю встретить солёными шутками да подколками, розыгрышами, пожеланиями счастья...

В общем, в этот день по традиции новобрачные общались с такими же молодыми друзьями и соседями, как бы рассказывая о своём начальном опыте семейной жизни. Женатые друзья помогали им, делясь своими выводами, а неженатые спрашивали – какова эта семейная жизнь.

И всё это превращалось в очередное гуляние, не такое многолюдное, как в первые два дня, но по-своему увлекательное для девчонок и парней. В этот день большое застолье не подразумевается, но накрывается небольшой стол, на который выставляют некрепкие напитки для жаждущих и лёгкие закуски.

Вот и собрался народ под окнами комнаты, которую выделили для молодожёнов. Ждут-пождут... Наши-то знают, что мы все на учёбу ушли.

Но Тимофеич запретил распространяться о том, чем мы занимаемся. Сказал, такое открытие, что оборот является одной из разновидностей магии, требует тщательного изучения и прогнозирования последствий обнародования. И такие сведения приравниваются к государственной тайне! От семьи-то не скроешься, а вот дальше, наказал, чтобы никому, даже самым близким друзьям ни слова.

Народ ждёт-пождёт. Поди-ка, объясни им – где молодые пропадают.

Вот бабка Мьяра и решила стариной тряхнуть. Вырядилась в отцову одежду, не забыв клюку свою прихватить, а Арыса одели в платье Урсуну, голову кружевной накидкой замотали.

Так и вышли к людям! Целое представление устроили. Все обхохотались, поначалу даже про молодожёнов забыли. Но к вечеру всё же вспомнили.

Родные, как могли исхитрялись в объяснениях для гостей. И, мол, похитили, молодых... А, может, кто их обидел? А ну, выходи, кто это сделал... И сбежали, потому, как ходят тут всякие... И всё это с шуточками и прибауточками, со смехом. Бабуля расстаралась, низкий поклон ей.

Вечером молодые подошли, пришлось им по-своему объясняться, изворачиваться. Отбрехались – так бабка выразилась.

А там покатались дни за днями, до отказа заполненные новыми знаниями и отработкой новых умений.

Ох, и помучились же мы, стараясь направить то внутреннее, что мы, оборотни, называли зверем, а шаман магией, на создание какого-либо действия кроме оборота.

Вот, стараешься-стараешься зажечь свечу так, как маг объяснил, сконцентрировавшись и направив энергию из солнечного сплетения в руку, а потом на свечу...

Ага, и перекидываешься в зверя, от натуги перекувыркнувшись через голову и с размаху шлёпнувшись на эту самую свечу! Мало того, шибанёшь копытом по плечу ничего не подозревающего брата, колдующего по соседству. Ох, и ругался Урус! А я что? Я ж стараюсь...

Тимофеич вздыхает:

– Много сил – ума не надо. Лагор, у тебя силы много, научись её правильно расходовать. Контролировать... по понемножку... аккуратненько... тонко... Понимаешь?

Я согласно киваю – понимаю – и тоже вздыхаю. Понять-то понятно, а как бы ещё и сделать это самое тонко и аккуратно?

Поднимаю многострадальную свечу, всю разломанную, выбираю кусок побольше, пристраиваю перед собой и... завистливо кошусь на горящую свечу Лийсы, которая раньше всех справилась с заданием.

У Лийсы самый слабый среди нас дар, величиной меньше горошины, почти искра. Но лисица быстро с ним освоилась, её магия достаточно послушна хозяйке.

Тимофеич говорит, что знахари да целители неосознанно всегда применяют магию. Просто их действия при изготовлении снадобий целенаправленны и сосредоточены, и магия поневоле начинает своё воздействие, не дожидаясь разрешения от владельца.

А вот если её использовать осознано, то результат становится более явным. А от частого применения, даже неосознанного, магия становится более пластичной и послушной. Помогая Верене, Лийса и научилась манипулировать своими способностями за недостатком силы магии – так Тимофеич объяснял нам с братом достижения лисицы.

Кстати, во время перекида Лийсы наблюдал вполне себе целый и пушистый лисий хвост – очень ухоженный и красивый, судя по всему, гордость хозяйки. А ведь, по словам бабки Мьяры и шамана, хвост у лисицы был ополовинен, когда её нашли ещё малышкой. На расспросы лисица почему-то отвечала неохотно, даже шипеть начала.

Брат, услышав мои вопросы и Лийскино шипение, оттащил меня в сторону, повертел пальцем у виска:

– Дурень любопытный! Думаешь, сладко ей вспоминать те мучения? Верена сколько сил положила, чтоб девчонку успокоить – она ж от всех шарахалась, тряслась вся с перепугу до истерики. Как мужика взрослого увидит, чуть в обморок не падала. А сколько раз Верена её по всяким закоулкам искала, где она ото всех пряталась. Что с ней было – не помнит, а боялась всех до страсти!

Видя, что мне стало стыдно, смягчил немного тон:

– Она даже к малышам не хотела подходить, меня только не боялась. И то, сначала только из-за того, что мы в одной переделке побывали, – и совсем тихо добавил: – Помню, прижмётся ко мне тесно-тесно и трясётся, а кто подходит и спрашивает что-нибудь, делает вид, будто всё нормально, а сама мне в руку вцепится, аж до крови. Я-то младше был, со стороны, верно, виделось, что это Лийса меня защищает, а на самом деле она только мне доверяла и цеплялась, как за последнюю надежду.

У меня-то жизнь благополучная была, в семье нас, детей, любили и даже баловали. В деревне относились хорошо. С друзьями, если и дрался иногда, то даже не по-настоящему и уж точно не смертным боем. Конечности мне никто не рубил и бояться никого не приходилось. Самое большое расстройство в своей жизни я испытал – это волнение перед перекидом. А Лийске с малолетства вон как досталось!

М-да, нехорошо-то как получилось с расспросами.

Брат, видя моё раскаяние, смягчился:

– Не любит она это вспоминать, а уж тем более, когда другим интересно. А хвост? Да восстановила она его понемножку перекидами да травами какими-то, что ей Верена давала. Не разом, года два отращивала... Отрастит чуть-чуть и хвалится, но только мне. Лийска, как в детстве первый раз перекинулась, когда с ней что-то страшное сотворили, так года три перекидываться не могла.

Ур грустно усмехнулся.

– Со всеми осознанием занимались, чтобы зверя укротить, а с ней Тимофеич и Верена возились, чтобы оборот подтолкнуть, зверя растормошить. Она так боялась перекидываться, что когда это случилось, под лавку у Верены забилась, скулила испуганно, еле выманили.

Я с удивлением глянул на лисицу – вот уж не скажешь, что она кого-нибудь или чего-нибудь боится. Вот только на днях видел, как она затрещины трём парням раздавала.

В проулке, что за двором Суворя, услышал гогот парней, а потом и звонкий голос Лийсы, чем-то возмущённой. Пока с Суворкой бежали со двора да за угол заворачивали, только и услышали, как гудят головы охальников да мат-перемат незадачливых ухажёров.

Парни с дальнего от нашего села, зачем к нам завернули – не знаю. Да, видать, решили с красивой девчонкой позабавиться. Придурки!

Простые люди к оборотнихе полезли, ну... и получили! Даже наша с Сувором помощь не понадобилась. Только звон стоял от раздаваемых оборотницей оплеух. И чего-то никакого страха у Лийсы я не наблюдал – так и сказал Урусу.

На что брат вздохнул:

– Привыкла. За столько времени научилась как-то справляться со страхами. Потому и хорохорится, спуску никому не даёт. Страх свой перебарывает, вот и кидается всеми силами в перепалку, как в омут, – брат задумался на минутку, потом задумчиво проговорил. – Знаешь, у меня такое чувство, что её, ещё маленькой, кто-то предал – очень близкий и любимый...

Ну, что тут скажешь?

Так всё лето и учились магии. Втроём... ох нет, ещё и Ррык наравне с нами осваивал магическое искусство. Не всегда он мог присутствовать на уроках, обязанности вожака требовали внимания, да и работу, связанную с деревней и школой оборотней, никто не отменял.

Магия... Да что там! Всё лето Тимофеич учил нас зажигать огонь, в основном, на свечке.

Сначала просто, установив свечу перед собой, сидя на поляне. Потом, когда мы уверенно могли зажечь её из положения сидя, стоя, лёжа и даже на бегу, заставил зажигать свечу на сильном ветру, а позже под водой.

Вот уж невидаль! Оказывается, огонь и под водой может гореть! И сколько ж сил он забирает – бр-р-р...

У Лийсы так вообще ничего не получалось, у брата и вожака огонёк только вспыхивал и тут же гас, как они ни бились. У меня горел какое-то время. И учились мы этому упражнению дольше всех остальных.

А как потешно получилось-то!

Про водяных байки мы, конечно, слышали. А как же в деревне без таких рассказней?

Среди лесов живём, и речек, озёр и ручейков в округе хватает. Если русалок кто-никто ещё где-нибудь углядит, а потом и понараскажет всем любопытным про встречу с невиданными красавицами. А по рассказам русалки – все, как одна, раскрасавицы, то о водяных никто толком ничего сказать не может.

Всё – с чьих-то слов, через пятые-десятые руки, что вот отец деда двоюродной тётки четвероюродного племянника встречал-де... И как выглядит, непонятно. Кто чудищем назовёт, а кто говорит, что водяной статным молодцем смотрится и даже на берег выходит девок сманить, русалок в свою свиту добавить.

Что бы ни рассказывали, а мы вслед за шаманом к озеру Зелёному без всяких мыслей о водяном подходили. Даже и не думали о водяных жителях, когда стали осваивать магическую науку зажигания огня под водой.

Тимофеич-то, может, и подозревал чего, но нам даже не обмолвился. Может, думал, что всё обойдётся?

А тогда привёл нас на берег Зелёного. От деревни довольно далеко, в двух с лишним часах хорошей ходьбы.

Место в разгар дня тихое и безлюдное. А вот на рассвете или на закате и рыбаков можно повстречать, озеро-то рыбой очень уж богато.

Рыба в нём разная водится, а особенно хороши караси, иные и на сковородку не помещаются – так разъедаются в вольготных водах.

Вкруг не такого уж маленького озера по берегам стоит высоченной стеной густой лес из зеленющих ёлок, которые отражаются в водах озера такой же глубоченной зелёной стеной.

Когда выйдешь к озеру, только по блеску и понятно, что перед тобой вода. Да и вода-то кажется изумрудной. А рукой или даже ведром зачерпнёшь – нет, обыкновенная, совсем не зелёная.

Пешком-то тащиться в такую даль желающие вряд ли найдутся. Если оборотиться, то в звериной ипостаси это совсем не расстояние. Ага, а рыбацкую снасть как волочить? Ни один уважающий себя оборотень никогда не навьютится в звериной ипостаси. Разве что добычу не зорко на себе нести!

А вот на лёгкой лодчонке по протокам, а потом волоком от реки Нирмы там, где от неё ближе всего до безымянного ручья, что впадает в речушку Ладную, которая в свою очередь вливается уже в Зелёное озеро, добраться вполне можно.

И если кто из рыбаков, не жалея времени и сил, добирался до Зелёного, то никогда не уходил отсюда с пустыми руками. Только и ближе к жилью есть, где рыбой разжиться. Не больно много охочих до жирного улова с Зелёного, но бывают...

Вот на этом озере в безлюдье, чтобы никто из посторонних чего лишнего не увидел, и начал Тимофеич нас обучать очередному магическому действию.

Поначалу показал, как горит огонь под водой.

Шаман прошёл на дощатые мостки, что рыбаки сделали для причаливания лодок, улёгся плашмя животом на доски и опустил руку по локоть в озеро. Сквозь толщу воды на ладони расцвёл огонёк многолепестковым цветком – зрелище необыкновенно красивое и какое-то нереальное.

Горящий огонь в воде, вот уж никогда не подумал бы, что такое может быть!

Вон и вода забурлила, кипящие брызги с паром полетели. И как у Тимофеича рука терпит?

А потом маг и нам предложил начинать, как всегда усмехаясь и не торопясь дать объяснения, как лучше сделать.

Мы помялись возле мостков и разбрелись по берегу, прилаживаясь со своими свечками кому как удобнее. Тимофеич-то без свечи и вообще без каких-либо приспособлений всегда обходился, а нам советовал всё-таки свечу жечь – говорил, психологическая привычка, мол, сначала на свече научимся, а потом и так получаться станет.

Брат разделся до подштанников, забрёл на мелководье и уселся прямо в воду в той же позе, как привык заниматься на поляне, только почти по пояс в воде. Позвал жену. Лийса не торопилась в воду, что-то обдумывая, но, махнув рукой, всё же устроилась рядом с мужем прямо в одежде, как была.

М-да, девке-то разоблачаться перед мужиками как-то не того... стеснительно. Чего-то не подумал никто.

Мне приглянулось дерево, чьи ветви опускались до самой воды. Я выбрал ветку покрепче и улёгся на неё животом. Как ни крепка была ветвь, но под моей тяжестью всё-таки опустилась до самого озера, а конец ушёл под воду.

Оглянулся. Ррык по примеру Уруса устроился на мелководье, но на отлёте от молодых. Вроде все расположились.

Я вздохнул и поёрзал, ветка закачалась, то глубже окунаясь макушкой в воду, то пружиня немного вверх. Лежать было вполне удобно – от основной густым веером расходились веточки помельче, создавая широкую упругую подушку. Вгляделся в воду – а свечку куда прилаживать?

Задумался. Тимофеич-то вовсе на ладони огонёк палил. И как же это? Верно, хитрость какая-то. Может, иллюзия? Маг про иллюзии рассказывал... Да нет, мы сейчас именно зажиганием огня занимаемся, а иллюзии изучать, помнится, он нам позже обещал.

Да вроде ж тут неглубоко, вон и дно песчаное просвечивает. Свечку в песок и воткнул.

А хорошо-то как! Водичка тихонько плещет, в деревьях птахи звенят. Тепло, солнышко светит, но лёгкие облака то и дело по небу скользят, не давая распалиться зною. А мне в тенёчке под кроной дерева и вовсе хорошо. Аж дремотно стало... После двухчасовой-то прогулки по лесу!

– Аоуа-а, – зевнул.

Да, не особо удаётся поспать в последнее время – Тимофеич нас совсем в оборот взял, даже по выходным заниматься заставляет, разве чуть раньше отпускает. Уж забыл, когда с друзьями последний раз встречался.

Точно, после праздника оборота сидели, смеялись – парни меня ещё дразнили, а потом никак не получалось, разве что на бегу, повстречавшись на улице, перекинешься парой слов. А брат ещё про поцелуи с девчатами говорил... Какие уж тут поцелуи да гуляния в стога?

Под такие мысли глаза стали потихоньку закрываться.

И тут ка-ак шарахнет!

Я только и увидел, запоздало вскинувшись, как на меня что-то сверху летит, как будто стенка падает. Ну, и упало... С ног до головы огромная волна окатила, сбросив с ветки в воду, да ещё по макушке палкой приложило. Не так больно, как ошарашило от неожиданности.

Ясно дело, воды хлебнул. Даром, что не над омутом устроился, воды по пояс не будет. Да когда с ветки-то стряхнуло в озеро, сразу и не разобрался где верх, где низ. Вода этим и коварна, особенно в момент неожиданности.

Высунул из воды, кашляю, плюю, глазами хлопаю, а недалече человек маячит лицом кверху. Глаза закрыты, вокруг головы рыжие волосы колыхнутся – вроде как баба, женщина то есть... Да не в себе. Вон, не шевелится! Того и гляди под воду уйдёт, захлебнётся. Я сходу бросился к ней, подхватил под мышки да поволок к берегу.

Мнилось, что рыжую Лийсу спасаю, а того невдомёк, что лисица от меня шагах в двадцати сидела, да ещё и Урусом отгородившись. Как бы она оказалась рядом так быстро? И в сарафане она была. О, а баба-то вроде как голая! Грудь интересно колыхается...

Да не до того – успеть бы спасти утопленницу. Уж возле самой кромки воды баба ожила, глаза вытаращила и стала из рук вырываться. Дурёха голосить принялась. Я поднатужился и выволок её на песок.

Ой, Ррус Трёхлапый, у неё хвост! Да не лисий, а рыбий хвост вместо ног! Это ж – не Лийса!

И как рыбина на песке извивается, к воде тянется, руками подпирается, хвостом крутит и к озеру ползёт. Плюх! Меня опять водой окатило!

А русалка, уж теперь понятно, что вовсе не Лийса, в воде на одном месте крутится и бранится – да так забористо, как не от каждого мужика услышишь. И обзывается. Козлом плешивым назвала. Обидно, я ж – олень и совсем не плешивый... И старался, спасал!

За спиной раздался смех. Оглянулся – брат аж на траву свалился, хохочет. Рядом с ним Лийска присела, в коленки уткнулась, а плечи ходуном ходят. Тимофеич вроде как не смеётся – стоит, усы да бороду оглаживает, а глаза-то всё равно щурятся в усмешке.

Развожу руками:

– Я думал, утонула... Ну, и спасать... а она того...

– Ха-ха-ха-ха!!! И-и-и... – заходился Ур.

Из-за куста за спиной мага показался Ррык. А вот дядьке чего-то невесело. Лицо потерянное, и глаза куда-то под ноги глядят. Чего это с ним?

А на озере-то вдруг вода расплескалась, на берег волны накатили одна за другой, не так чтоб большие, но частые. Поодаль от берега воронка в воде закрутилась, постепенно увеличиваясь. Уж казалось, какое-никакое чудище водяное сейчас вылезет!

Чего-то неуютно стало, даже поближе к магу отступил.

А Тимофеич-то стоит, также усмехается и безобразию водяное совсем его не смущает. Пока на шамана оглядывался, появление озёрного хозяина и проморгал.

К озеру повернулся, а там уже никакой воронки нет, а из воды мужик по пояс высовывается. По виду совсем обыкновенный – в рубахе полотняной, возрастом примерно, как Тимофеич, да и наружностью чем-то на мага похож, но волос на голове и в бороде чуть в зелень отдаёт. Хм, сам сидит в воде, а рубаха-то у него сухая! А голос совсем обыкновенный. Если бы столкнулся с таким на берегу или в лесу, то сроду бы не подумал, что с водяным жителем встретился.

А за спиной мужика вода разбурлилась, русалки... одна... другая... да ещё... И откуда их столько взялось-то? И озеро-то не такое уж и большое.

– Эй, Чирка, чего творишь? Уговор был тихонько магичить, а не безобразить. Ты почто фулюганов привёл? Смотри, как моих девок от ваших фокусов разобрало. Налинка, даром, что русалка, и то чуть не утопла – это ж надо, так над нежными моими рыбками изгаляться!

Это кому он говорит?

Недоумённо закрутил головой, ища глазами того, кого водяной Чиркой назвал. Кроме нашей компании во главе с Тимофеичем и вожакom никого на берегу не видно.

Странно... Кто же такой этот Чирка?

Тут шаман голос подал:

– Ты, старый сом, чего меня, как дитя именуешь? Перед младшими позоришь? Подумаешь, болото твоё взболтали немножко...

– Боло-ото? Боло-о-ото?! Ах, ты ж, жабий головастик, я без штанов ещё твоего прадеда видал, а ты... да ты против меня – малёк сушёный, а туды ж, плавники растопырил. Моё озеро любимое боло-отом обозвал!

По мере того как водяной возмущался, голос его становился всё громче, наливаясь силой. И если поначалу звучал по-человечески, то по мере того, как водяной хозяин сердился, его слова становились всё громче, трансформируясь в громовые раскаты. В нас полетели брызги воды, да не сверху, а из озера густым дождём плеснуло.

Из водяной мути неслись причитания:

– В болоте кикиморы живут. Слышите, рыбоньки? Он вас кикиморами обозвал...

Голос водяного вроде как потише стал, пообыкновеннее, а вот женские голоса возмущённо разгалделись. Точно так бабы да девки у нас за околицей блажат, когда соберутся больше двух.

Озёрные брызги стали оборачиваться густым туманом, который под жаркими лучами солнца достаточно быстро рассеялся. Перед глазами предстала небывалая картина.

Вокруг лес и солнце на небе – всё, как положено. А вот озеро представляло собой что-то невиданное. Толпа народа в воде вели себя, как... как толпа наших односельчан на деревенском сходе.

Озеро, конечно, не маленькое, но и не так чтоб совсем большое, а водяных жителей повсплывало сто-олько, что аж оторопь взяла – это ж где они все помещаются?

Да какие-то все невиданные и необычные!

Вон баба... поперхнёшься, такую бабой назвать – дама, вот! Вся разнаряженная да разукрашенная, платье листьями расшитое вокруг широким подолом колыхается, рукава пышные, да, видать, ткани не хватило – плечи голые и грудь только наполовину прикрыта. Бабке Мьяре рассказать, так та вся исплюётся от возмущения.

А на голове-то у этой водяники из волос целая башня накручена, вся бусами жемчужными изукрашена. А на руках-то, вот смехота, жаба здоровенная в нарядном ошейнике на тоненькой блестящей цепочке. И дама эта, прямо со всем таким великолепием, среди кувшинок плюхается – вроде, так и нужно!

А вон с плеском вода расступилась, на поверхность выпрыгнул огромный сом, а на спине у него девчонка сидит. Девчонка, как девчонка, в сорочку простую обряжена, по спине копна белых волос с прозеленью телепается. И ноги нормальные, никакого хвоста, как у других русалок, только кожа синюшного цвета, совсем без румянца. А посмотрела-то, посмотрела – прям королева! Пнула рыбину пяткой в бок и вместе с необычным скакуном скрылась в водах озера.

А вон... ух ты, какая хорошенькая! Что-то зелёное на голове намотано, только личико миленькое выглядывает. Красавица улыбнулась, а по спине будто кипятком плеснуло! Зубы тонкие и острые, как шила сапожные, в несколько рядов частоколом во рту проявились. И сразу миленькое личико стало хищным и уродливым. Бр-р-р, попадись такой на зуб!

Посмотрел, а кроме водного хозяина, других мужиков и не наблюдается. Одни бабы в воде плавают! А меж ними рыба так и плещет.

Ух! А вокруг водяного сплошь гологрудые хвостатые русалки кружат, на нас тарашатся и все разом балаболят. Эй, а что такое они говорят?

– ... наказать... забрать...

Чего-о? Как это забрать, кого?

Только Тимофеич не стал ожидать, пока ему претензии предъявлять начнут, сам водяному высказался, впрочем, стараясь сгладить ситуацию:

– А чего это, Водяныч, у тебя столько народу здесь собралось? Смотрю, даже госпожа Омутная из столицы прибыла. По уговору мы сегодня занимаемся подводной магией. Сам знаешь, у начинающего мага сила нестабильна, удержать трудно – того и гляди, куда улетит. И зашибить может. Вдруг госпоже Омутной прилетело бы? Потому и договаривался с тобой заранее, чтоб никто не вертелся поблизости. А ты, как нарочно, вон какую ораву собрал... – и вдруг о чём-то догадавшись, прищурился, – а ты никак смотрины своим дамам устроил?

Похоже, последним вопросом маг угодил в самую точку. Водяной, весь из себя важный и решительный, вдруг смутился, даже русалки притихли. Почёсывая в затылке, стал оправдываться:

– Да вот, девки... Сам знаешь, любопытничают, особенного им подавай – полюбоваться хотят. Замучили совсем! Говорил им, чтоб близко не лезли. Ай, разве баба послушает?

Смешно. Вроде, русалки да водяники – совсем не люди, а ведут себя, как самые обыкновенные деревенские бабы.

Водяной, косясь на свой выводок и прикрывая рот ладонью, проговорил таинственным шёпотом, гремевшим над гладью озера:

– А ещё ручейница рассказывала, как твои парни бегали... Один другого палкой колотил, чтоб бежал быстрее, а тот козлом скакал, а потом с коровой бодался. А вот который из них кто, не разобрала. И почто задирались, не поняла. Расскажите?

Водяной с детским любопытством уставился на шамана.

И наступила тишина, в которой отчётливо слышались только писк комаров и плеск рыбы.

Вся водная нечисть замерла, взирая на нашу компанию в ожидании объяснений. Мы же оцепенели в полном одурении от слов озёрного хозяина.

Это ж надо так всё перевернуть!

Сбоку раздался приглушённый всхлип.

Повернув голову к своим, увидел молодожёнов – они стояли, тесно обнявшись и... тряслись: ходили ходуном плечи, спины, а руки судорожно цеплялись за одежду. Урус поднял голову, по перекошенному лицу струились слёзы, вытекая из зажмуренных глаз. Состояние брата меня напугало настолько, что возмущение наглой клеветой о моём обороте отступило на задний план.

И тут... грянул хохот!

Я возмущённо огляделся. Хохотали маг и Ррык! От души – с охами, вздохами и хрипами. Брат и Лийса, опустившись на траву там, где стояли, уже не просто смеялись, а выли в истерике!

Обидно! Я... Я же – не козёл, а олень!

Отвернулся от своих к озеру, а там... эти... водяные смотрят на нас, переговариваются да подхихикивают. А зубастая в меня пальцем тычет, скалится и чего-то госпоже Омутной говорит...

У берега в воде колыхалась та самая палка, которой меня по макушке приложило.

И так меня за сердце взяло! Такая обида вскипела!

Не понял как, но палка в воде загорелась! Взялась вся разом по всей длине. Пламя горело сильно, трещало, вода вокруг палки бурлила и кипела, разбрызгивая кипятком...

Все уставились на костёр в воде, и смех постепенно стих. Только и я перестал видеть и слышать окружающее... просто шлёпнулся в обморок. От истощения. Магического.

В себя пришёл не сразу. Как во сне слышались вокруг голоса, среди фраз расслышалась одна:

–... Да девчонка малая она совсем – ручейница-то! Ей всего-то сто двадцать шесть годков. Пигалица совсем. Ей, что козёл, что олень, всё одно. Как с быком-то не перепутала?

Четыре бусины

Ага, позже познакомился я с той ручейницей.

И правда, малая... да только прозрачная, как есть, из воды сделанная – и волосёнки, и рубашоночка по хрустальным ножкам водой течёт. По виду девчоночка выглядит ровесницей Арыске, а то и помладше кажется. Вот уж, ста двадцати шести лет ей точно не дашь! Да и по разговору оказалась совсем малая.

– ... Да я только козлов и коров знаю, – шмыгнула курносый прозрачным носиком. – А козлы, они всякие бывают... и поменьше с острыми рогами, а у иных на башке ветки торчат, как у тя. Ну, тогда, когда ты прыгал по бережку над омутом. Я его, омут-то, всё делаю, делаю, а ваши мужики-безобразники в него камни с огородов швыряют. Вот как мне омут сделать, когда камни мешаются? Я-ж речкой стать хочу, ну хотя бы маленькой! – огорчённо развела пухлые ручки. И убеждённо добавила: – А на речке омут обязательно должен быть. Без него никак.

Мне смешно:

– Без омута совсем никак?

Маленькие, едва видные, бровки нахмурились, и последовал ответ, явно скопированный с чьих-то слов:

– Совсем никак. У самой заваливающей речки омут должен быть! А то где рыбам-то прятаться? Сомы там, да щуки только в омутах-то и водятся. Да и русалку позвать жить куда прикажешь?

Убеждённо.

– Нет, как хошь, а омут – он нужен.

И по-детски простодушно похвасталась:

– А у меня уже и рыбки завелись! Из Нирмы-то по весне с разливом пескарята да ерши заплыли. Я их обратно-то не пустила! Пусть у меня живут, разводятся. А Нирма – она добрая, не ругается. Только... – понурилась, – кормить мне их особо нечем. На дне-то камни, даже тины нет... Я уж и мошек им сама ловлю. Мушка мимо летит, а я ка-ак плескану водой, вот и закуска моим малышам. Ох, и дерутся за мошку-то!

Вздохнула совсем жалостливо, попеняла:

– Растут быстро, не хватает еды-то. Верно, обратно Нирме отдать придётся... А какая из меня речка, ежели даже пустяковой рыбёшки не водится?

Вот малая, малая... А за сто двадцать шесть лет людьми крутить научилась. И глазки жалобные, и рыбки голодные... Подайте бедным...

Тьфу! Уговорила ведь!

Из сеней стащил немного мешанки, приготовленной для кур. А то рыбы мальки от голода загнутся! Как же... м-мальки! С мою ладонь будут, икру мечут... мальки. Зажрались, лишний раз плавником не шевельнут. Ручейница им то одно, то другое подсовывает, а эти... ЖРУТ! И ничего не делают!

Под причитания ручейницы на следующий день я уже выворачивал камни со дна ручья и строил запруды... для мальков.

Два дня возился! Нет худа без добра – на другой берег, на луг и к лесу теперь напрямик с огорода по камням через ручей перебраться можно.

Домашним, конечно же, стало любопытно – зачем я в ручье копаюсь. Про ручейницу рассказал, про мальков-проглотов, про её желание речкой стать.

Всем тут же возжелалось познакомиться с водяницей. Да кабы не так! Эта «малолетка» общаться ни с кем не пожелала – видишь ли, она и так все законы нечисти нарушила, разговаривая со мной. Не положено им себя людям показывать. Расчётливая интриганка!

Как работать заставлять, так можно, а как...

Я вслух «подумал» и «порадовался», что вот теперь за рыбой для кота далеко ходить не нужно. Во-он та рыбёшка вполне уже подросла, прямо сейчас и ловить можно. Благо, что рыба совсем обленилась, верно, даже плавать почти разучилась. И удочка не нужна, руками поймаю.

Тут водяная девчонка поняла, что перегнула палку, и согласилась встретиться с моей семьёй, предварительно выторговав обещание, что о ней никто не расскажет посторонним. И долго причитала и жаловалась детским голосом, но совсем не по-девчоночьи, а точь-в-точь, как бабка старая.

Встречу ручейницы и домашних стоило видеть!

Ради такого события младшие встали до рассвета без понуканий и обычных капризов. Пошли мы на рассвете, как было обговорено. Выходили на берег через огород и заднюю калитку. А там!

Посреди ручья стояла девчонка росточком с Арыску, вся сотканная из воды – в пышном прозрачном сарафанчике с оборками из взбитой пены. Тщательно заплетённая толстая косичка переливалась в лучах рассветного солнца, а на лбу кудрявились прозрачные волосёнки, совсем как у обычной девчонки.

Вот кокетка! На шее низка из ракушек, и в волосах ракушки мелькают. Жемчугов-то в ручье не водится, да и ракушек-то не богато – наверно, все, что были, собрала, чтобы принарядиться. Но не это главное...

Малышка стояла, заносчиво задрал маленький носик, но пухлые щёчки не позволяли серьёзно воспринимать строгое выражение лица. А в руках... в руках она с важностью держала водяной пузырь со своим самым крупным пескарём. Поперёк тулова рыбёшки обвивалась длинная травинка, напоминающая поводок. Сразу вспомнилась госпожа Омутная и её жаба.

Ррык, Урус с Лийсой и я – все, кто видели госпожу Омутную – поневоле не могли сдержать улыбку. Ручейница очень старалась походить на неё. Видимо, эта дама сильно впечатлила юную стадвадцатилетнюю водянику.

Уж больно уморительна была девчонка в своей чопорности. Но хватило её ненадолго. Ещё бы! Стоило матери и бабке увидеть малышку, как они расквохтались над ней – ах, как же бедная девчонка живёт одна, да кто ж её кормит... и дальше, и дальше...

Нет, ну, где и кто видел, чем водяника питается? Она ж того... сущность природная!

Подумать-то я это подумал и даже повозмущался, но молча, наблюдая за тем, как ручейница разомлела от внимания и стала вести себя почти как обыкновенная девчонка.

И как-то так, походя, опять же, по-взрослому расчётливо, быстро со всеми разобралась. Причём строго по старшинству, обойдя меня – это мы поняли не сразу, а лишь вечером разобрались, когда вся семья собралась за ужином.

А тогда утром... Выглядывая из-за юбок нашей бабки и матери, ручейница поначалу нацелилась на Арыску:

– Ой, а я тебя видела прошлым днём, – Арыска обрадованно заулыбался. – Ага, ты с мальчишками был. Ты во-он с того забора выскакивал, а...

– А-ай! О-у, как больно! – Арыска согнулся, сморщившись и держась за живот. – Ма-ам, у меня живот прихватило. Побегу я.

Братишка бегом припустил обратно к дому. Мы проводили его недоумёнными взглядами. Пока глазели на Арыску, водяница с улыбкой обратилась к Урсуне:

– Тебя ведь Урсуну зовут? – сестра радостно закивала, блестя глазами. – На прошлой неделе ты с подружкой на том бережку была, – Урсуну уже не улыбалась, нервно закусив губу, – а ещё к вам потом подошли...

– Ай, мам! Ты чего-то порченного на завтрак дала! Молоко, что ли, прокисло? Я тоже того... побегу!

М-да, завтрака-то не было... и у Арыски как-то натуральнее получилось. Мы внимательно проводили взглядами фигурку сестры, резво улепётывающую через огород, и уже настороженно обратили взоры на невозмутимую ручейницу.

Девчонка, улыбаясь, как ни в чём не бывало, повернулась к Урсу с Лийсой и лукаво погрозила им пальчиком:

– А вечером на том же бережку я вас видала! – брат с женой запунцовели, но пока не сбегали. – Ой, забавники какие! – хихикнула.

– Ма-ам! Молоко, и вправду, несвежее было! – Урус не выдержал и, подхватив Лийсу под локоть, потащил её к калитке.

Отец с матерью одинаково напряжённо встретили слова этой водяной прохиндейки:

– И вас я частенько вижу. И на том бережку, и на этом... бывает, к истоку доберётесь, а то и до Нирмы спуститесь. А уж деткам вашим далеко до вас!

– Ох, совсем забыла, я ж хлеб в печь поставила. А скотину-то, Арит, никто не выгонял, совсем закрутились. Ай-я-яй!

Теперь уже родители припустили по огороду. Интересно, на что это ручейница намекает?

Ррык, весело ухмыляясь, рассматривал водянику. И даже приподнял одну бровь, как бы вопрошая, какой вопрос ему уготован. Получил без предисловий прямо в лоб:

– Ты почто с кошкой драной связался? Подлая она! Вот та знахарка – хорошая.

Ррыка сразу пробило на кашель. Такой... аж до слёз. Перед уходом еле выдавил, отводя глаза от построжевшей бабули:

– Дела... Вы уж тут сами.

Когда мы остались втроём – бабуля, я и ручейница – водяника уже серьёзно мне приказала:

– Лагор, ты бабушке-то сидушку сладь да иди, нечего тебе наши разговоры слушать. А мы с Мьярой поболтаем чуток.

Из сарая я притащил бабуле скамейку, сидя на которой мать коров доит. Ушёл, раз больше не нужен. Нет-нет, всё же заглядывал время от времени на берег ручья – бабуля всё вела разговоры с ручейницей.

С утра-то солнце за деревом пряталось, их разговорам не мешало. А через пару часов выплеснуло жаром на тот пятачок, где расположились Мьяра с водяникой. Пришлось подойти, передвинуть скамейку в тень высокого куста дальше по течению, провести бабулю за руку – по-моему, она, занятая разговором, даже не заметила ничего.

Ближе к обеду я увидел, как бабуля направилась к дому. Погружённая в думы, она даже не замечала, что наступает на грядки, чего никогда никому строжайше не позволялось.

Одной рукой опираясь на клюку, в другой что-то крепко сжимала. А зайдя в дом, проковыляла в своё кресло, устала в окно, ни на кого не обращая внимания, что было совершенно ей не свойственно.

Чего же такого ручейница ей наговорила? Да ещё так долго разговаривали-то.

Чуть позже мы заметили, как бабуля что-то перебирает в ладонях да вздыхает, изредка смахивая слезы со щёк. Она так и не встала с кресла с тех пор, как села в него.

Иногда от окна раздавалось тихое бормотание – как будто Мьяра корила или уговаривала кого-то невидимого. А раз раздался тихий смех, прервавшийся горьким всхлипом.

Мы сами не заметили, что постепенно собрались в гостиной и непроизвольно старались держаться недалеко от бабулиного кресла, и всё же никто не решался подойти к ней, но...

Я первый не выдержал и сунулся к бабке Мьяре. На четвереньках, как щенок, подполз к креслу и подсунул голову ей под руку – это была наша с ней забава, когда в детстве я играл, изображая пса, ластился.

Уловка удалась, бабуля отвлеклась от того, что было у неё в руке, и ласково улыбнулась, погладив меня по волосам. На мой молчаливый вопрос, вздохнув, разжала руку – на ладони лежали четыре бусины.

Обычные бусины, величиной немногим больше горошины... ну, разве что сделаны из невиданного красного камня. Рядом ахнула мать:

– Неуж те самые?

Бабуля согласно качнула головой, ответила осипшим от слёз голосом:

– Те самые, с коралу содеянные.

И лишь вечером, когда за столом собралась вся семья, нам, детям, была поведена ещё одна почти забытая история рода.

Откуда взялись коралловые бусы? Кто бы знал.

Бабка Мьяра утверждала, что в своё время их принёс откуда-то Ррус Трёхлапый и постановил – быть бусам своеобразным семейным оберегом.

С виду бусы как бусы – маги проверяли, но ничего магического в них не находили. Но, тем не менее, оберег работал и весьма необычно – предупреждал о грядущих бедах, когда ожерелье просто рассыпалось.

Нить лопалась, и бусины разлетались тем дальше, чем крупнее ожидалась неприятность. Потом бусины собирали, вновь нанизывали на крепкую нить до следующего предупреждения.

Иногда бусины терялись, как правило, когда предсказывали что-то глобальное. Так, перед смертью каждого бабулиного брата терялось по бусине.

Поначалу низка бус была длинной – вроде бы, будучи надетой на шею, свешивалась до самого пояса – но постепенно укорачивалась, по мере катаклизмов.

И замочек. Зачем длинному ожерелью замочек? Разве, что кому-нибудь из предков захотелось бы намотать бусы на шею в несколько рядов? Тьфу, да не носят оберег как украшение... Или носят?

Так или иначе, но к бабке Мьяре бусы попали уже в виде короткого браслета, который мог надеться, разве что, на детскую ручонку. Бусин в нём оставалось всего семь штук. И замочек. Вот за этот замочек бабуля и прицепила низку в качестве подвески к браслету, подаренному ей нашим прадедом, тогда ещё женихом. И носила долгие годы.

Было, рассыпались бусины, предупреждая о неприятностях. Не один раз спасали они серые шкуры семейства оборотней от облав и смертельных ловушек...

Но терялись бусины по одной и достаточно редко ровно до тех пор, пока не объявилась в деревне ведьма Листавия.

Мьяра с Атырком любили друг друга, были счастливы и, несмотря на долгие годы брака и уже вполне взрослых детей, относились друг к другу трепетно.

Вот и тогда, понадобилось перейти на другую сторону ручья. И Тырк, дурачась и смеясь, подхватил Мьяру на руки и шагнул в ручей. А оберег возьми и порвись прямо там, на середине ручья! Бусины так и брызнули в стороны, моментально затерявшись в струях воды. Только замочек с оборванной нитью качался на браслете.

Давно было подмечено, что потерянная бусина означала смерть одного из наследников Рруса Трёхлапого.

Мьяра выла в голос, ползая по дну ручья и переворачивая камни...

Уже после побоища с Листавией, когда погибли муж, трое детей и две невестки, всё тряслась, ожидая новых бед – ведь, бусины не нашлись! Ни одной. Только замочек и обрывок нитки.

И только сегодня ручейница призналась бабуле, что четыре бусины не пропали; стоило им упасть в воду, как водяника их тотчас и присвоила, прельстившись красотой.

Давно уже она присмотрела те красные яркие шарики, от которых даже издали веяло Большой Водой. Да, как оказалось, кораллы, из которых выточены шарики бусин, это морские деревья. А ей, водяной сущности, очень драгоценна хотя бы такая связь с морскими родственниками.

Только заметила девчонка, что в основном бусины лежали недалеко одна от другой, как ни пыталась она раскатать их струями воды в разные стороны. А иной раз брызгали в разные стороны без всякой причины. Впрочем, вскоре вновь скатывались вместе.

Эти наблюдения и привели её к выводу, что совсем не простые эти бусины и уж явно предназначены не для лежания в водах ручья. Только сил у неё не было расстаться с такой красотой, да ещё и из моря.

Вот недаром я подозревал эту прохиндейку. Лицемерка! Любовь у неё к морю проснулась! Как же? Воровка!

Примерно, в таких словах я высказался по отношению к этой... Удивлённым моей горячностью родственникам пожаловался:

– Ну, допекла эта... пиявка!

Старшие расхохотались. И поведали ещё одну историю.

Когда-то этот ручеёк питал крохотный мелкий болотистый прудик, весь заросший мусорной травой. Местные прозвали его Пиявкой, потому что воды болотца кишели этими тварями. И были они отменно большими и жирными. Верно с того, что нет-нет да какая-нибудь живность забредала в тот прудик. Особенно в жару.

И ладно, если хватало ума побыстрее выбраться – и то, всю шкуру облепляли чёрные пиявки. А если задерживалась скотинка в воде, то бывало, что и конец ей там приходил.

Надоело это деревенским. Слава Сиянию, нашёлся умный человек, подсказал, что нужно просто развернуть течение ручья.

Возвели небольшую плотинку, отгораживая от пруда. Вдоль задних огородов прокопали неглубокую канаву – вот и потёк ручей, осваивая новое русло, в сторону Нирмы. От пруда за лето одно воспоминание осталось, а ручей долго Пиявкой называли. А сейчас только старики и помнят изначальное название, а так все просто ручьём зовут.

Впрочем, Арыска, дорвавшийся в свою очередь «потрогать» бусины, отвлёк от рассказа. Тыкая пальцем в каждый шарик, сосредоточенно считал:

– Раз, два, три, четыре. Это Уру, Лагору, эту Урсуне и мне. Ба-аб, я возьму свой шарик? Это ж мой?! – потребовал.

Вот тут взрослые встрепенулись, пришикнули на мальчика и задались вопросом – почему бусин четыре, если сам особенный выходит пятым живым наследником Рруса Трёхлапого – бабуля, её сын Ррык, наш отец Арит, Урус и я. Уж не исчезла ли какая-нибудь совсем недавно?

Бабуля утверждала, что водяника клялась – в воду упало ровно четыре бусины. Выходит, три бусины исчезли сразу, как лопнула нитка, предсказывая гибель Ларса, Гронта и Расты – трёх прямых потомков Рруса Трёхлапого.

Вожак привёл свои довольно оригинальные догадки.

Он предположил, что в своё время ожерелье насчитывало семьдесят пять бусин, согласно количеству предсказанных потомков великого оборотня. Или семьдесят четыре, если считать наследников ДО особенного.

И ещё. Судя по всему, ожерелье являлось своеобразным мериллом отсчёта потомков до появления особенного.

Оберег бесстрастно фиксировал все изменения до последнего момента, невзирая на принудительное нахождение вдали от объекта. Вот только всё равно остаётся неясным – кто является Особенным?

Урус, на которого указывает последняя бусина, или всё же я, если учитывать, что все бусины указывают промежуточных наследников Рруса?

Мы с братом вопросительно переглянулись.

Троллева дюжина

А в середине лета пришёл указ о призыве меня и брата на службу князю с начала осени. Но почему-то нам вменялось ехать не в Окреш, как нам обещал Тимофеич, а в Лесной город.

Тимофеичу такое дело поначалу совсем не понравилось. Правда, почему – я так и не понял. Нам с Урусом как-то всё равно было, где служить. В столице, конечно, интересно, но и в Лесном очень хотелось побывать.

Ведь как раз в Лесном замке когда-то жил наш великий предок Ррус Трёхлапый. А после его ухода замок уже лет пятьсот стоит заколдованный.

Ну, как заколдованный? Не так, чтоб уж совсем... По слухам – народ-то там живёт, но не во всём замке, а только в какой-то части. А что с другой частью? Закрытая она почему-то, и непонятно каким образом – будто бы волшебством запечатана.

И ещё много чего разного говорят. Ясно дело, про несметные сокровища рассказывают, запрятанные в заколдованных подземельях. Что люди там пропадают... Про чудищ разных...

Ух, как интересно побывать в этом самом замке в Лесном!

Нигде в княжестве не сохранились изображения великого предка, а в закрытой части, говорят, есть два портрета: в человеческом виде и во второй ипостаси Рруса. А вдруг нам с Уром удастся попасть в ту закрытую часть? Вдруг сокровища найдём? Это, может, даже и поинтереснее столицы будет!

Вожак не раз бывал в Лесном, он туда периодически наведывается с какими-то отчётами, потому что живём мы на землях Лесного лордства. А Ррык – верховный вожак ареала оборотней в нашем лордстве.

Только на все вопросы о замке дядька в своей манере отмахивается:

– Когда-нибудь побываете, сами увидите.

Теперь вот поедем и увидим.

А ещё думается мне, что это дядька по каким-то своим соображениям подсуетился и организовал нам службу не в столице, а в Лесном. Уж больно загадочным взглядом он смотрит на Тимофеича в те моменты, когда тот возмущается, что князь не прислушался к его рекомендациям взять нас на службу в столицу. И то, что Ррык подсуетиться может, тоже знаю. Ведь именно при его участии наш князь Светлан спасся от злобной ведьмы.

Потому, думаю, вожак может напрямую с князем договориться по каким-то вопросам. Только дядька никогда не выпячивает свои связи и договорённости. И если Ррык считает, что нам с братом лучше служить в Лесном, а не в столице, значит, на то есть какие-то причины, впрочем, мне пока не совсем интересные.

А шаману очень хотелось нас при себе в Окреше держать. Говорит, что служба службой, но и магии учиться нужно, а он бы помог.

Нет, магом быть – это, конечно, здорово! Но уж больно Тимофеич нас загонял... Каждый день с утра и чуть ли не до сумерек мы учились магии. И домой не шли, а волочились. Как это маг говорит? С сухим резервом – вот!

Таким обессиленным я себя впервые почувствовал в тот день, когда меня Ррык на силу оборота проверял. Ха, да сейчас я с утра до вечера могу непрерывно перекидываться туда и обратно без всякой натуги и так не устану, как после занятий у мага.

И если до появления княжеского указа нам нет-нет, но перепали редкие выходные, чтобы можно было отоспаться и набраться сил, то после его получения Тимофеич стал гонять нас без продыху.

Да и еда... Поначалу съеденный ужин после уроков помогал восстановиться к утру. То, что мы с братом и Лийсой съедали втроём, было стыдно назвать ужином. Мы в буквальном смысле опустошали стол,

рассчитанный на десяток взрослых едоков. Наверно, мама с бабушкой целыми днями не отходили от печи, готовя горы снэди к нашему приходу. Мало того, поутру также ожидал обильный завтрак. Да и с собой на занятия нас нагружали твесаами да котомками с закусью.

А бабушка ещё и радовалась:

– Эх, какие умники у меня внуки-то растут! Прямо шаманские оборотни будут! Им Листавия на один зуб сгодилась бы.

Мда-а, что-то я сомневаюсь, что, умея зажигать свечку в ипостаси оленя, стану непобедимым шаманским оборотнем. Даже пригрезилось – вот, бегу я по лесу с горящей свечой между рогов, а навстречу из кустов выступает Листавия... ага, и помирает со смеху! Тьфу!

Я до того уставал, что и не сразу заметил, что на нашей кухне частенько стали крутиться две пришлые женщины – видать, мама наняла в помощь. Да и в погребах много просторнее стало.

Впрочем, вскоре обильной еды стало недостаточно. И если вожак посещал занятия изредка, то мы трое, выкладываясь на магических уроках, просто не успевали восстанавливаться к утру.

Наверно, нам нужно было пожаловаться Ррыку, чтобы он своей властью вмешался в ситуацию. Но мы ж с Уром – самые сильные среди сверстников! Как это мы будем жаловаться?

Помогла мама.

Медовое молоко мы очень любили. Другое дело, что это лакомство нам перепало не так уж часто. Лакомство на то оно и лакомство, чтобы угощаться им не каждый день. Обычно давали нам его изредка и малюсенькими порциями – по четверти чайной ложечки.

А тут, в один из вечеров мама подлила по целой ложке медового молока каждому в тарелку с кашей. Вку-у-сно! Но и результат не заставил себя ждать – сил ощутимо прибыло.

И сразу стало понятно, почему детям выдаются столь малые дозы вкуснятины и не так часто. Это ж магия чуть ли не в чистом виде! Маленькому оборотню и так нелегко удерживать зверя от проявления, а тут, если его магическим лакомством подстегнуть, совсем не удержишь. А мы-то думали, нам медового молока мало дают из-за того, что оно почти всё на продажу уходит.

Ну да, за нашим медовым молоком периодически приезжали торговцы – один из столицы, а другой из соседнего герцогства. Граница с герцогством не так далеко пролегла. Торговцы между собой даже очередь распределили, когда кому приезжать, благо, что молоко могло храниться годами, не портясь, если его с другими жидкостями не мешать. Впрочем, деревенские тоже иногда покупали, не чинясь ценой, а то просили маму сделать медовое из их молока.

Рецепт изготовления медового молока был нашей семейной тайной.

Бабуля говорила, что этот рецепт тоже из наследия Рруса Трёхлапого. Только меня что-то сомнение берёт, что великий оборотень бабскими рецептами заморачивался. Хотя от многих слышал высказывания, что оно того стоит. И это бабуля в своё время научила маму знаменитому рецепту.

Мама рассказывала, что молоко долго у неё не получалось. Сейчас она со смехом вспоминала прежние неудачи и неуверенность. На самой середине процесса вдруг колдовство расплылось – и хоть ты что делай!

– Продукты испорчены, оставшейся силы зверя даже на перекид не хватает, и виноватой себя чувствую, что вошла в знаменитый род Щир, а сил и умения недостаточно, – рассказывала. Мама очень боялась не соответствовать своему избраннику.

Но чуткая поддержка мужа и добродушное отношение свекрови к неудачам всё-таки сотворили доброе дело. В первый раз мама сделала молоко всего лишь с четверть стакана, а Урусу к тому времени было уже полтора года. Но, справедливости ради, домашние запрещали маме напрягаться с попытками сотворить медовое молоко в то время, когда она была в тягости и когда кормила детей грудью.

А так, после первого раза, когда мама уловила порядок и ритм колдовства, у неё стало получаться не хуже, чем у бабули. И в независимости от объёма исходного и конечного продукта.

Примерно раз в неделю в день изготовления медового молока, в специальной комнате на столе устанавливали несколько вёдер с обычным коровьим или козьим молоком и туюсок с мёдом. Мама обходила стол кругом, приглядываясь к тому, как стоят вёдра, и указывая помощникам, куда их передвинуть. По каким-то приметам удостоверившись, что все посудины располагаются так, как нужно по её мнению, выгоняла всех посторонних из комнаты.

Что она там делала? Как ни пытались мы с братом в своё время это выяснить, у нас это так и не получилось. Что за странные силы начинали действовать? Непонятно. Мама ведь даже дверь просто прикрывала и окно не занавешивала. Да сколько ни пялься в окошко, как ни дёргай дверь, даже малой малости не увидишь, только марево какое-то мельтешит перед глазами. Сейчас-то мы с братом выросли, уже давно не пытаемся подглядывать, но на наше место Урсуну с Арыской заступили. Теперь они, в свою очередь, пытаются подсмотреть секрет изготовления медового молока.

Обычно мама занималась молоком примерно с полчаса. И что удивительно, в результате оказывалось, что ни одно ведро с места ни на волос не сдвигалось. И туюсок для мёда, как стоял, так и оставался на том же самом месте. Да только был уже совершенно чистым, и лишь запах указывал, что в нём был мёд. А так, даже если языком полижешь, ни капли сладости не найдёшь. Ага, мы с Уром проверяли!

А молоко из всех вёдер оказывалось в одном, да и того едва на половину посудины набиралось. Только и молоком это уже не выглядело. Получившаяся масса была густой, тягучей, сладко-медовой с ореховым привкусом. Мням! Вку-усно! И необыкновенно полезно.

Это самое молоко и помогло нам продержаться до самого отъезда. Но делать по многу и часто у мамы не получалось. Почти всё сделанное медовое молоко уходило на нас троих. Мама этим летом и торговцам отказала в продаже.

В секрет изготовления медового молока Лийсу тоже посвятили. А как же? Лисица теперь тоже в нашей семье. Ну, ясно-понятно, что успеха от неё сразу никто не ждал. И так после уроков магии еле домой приползает, за лето белоснежная кожа сначала обгорела, потом облезла чуть не лоскутами, но после умываний из травяных настоек Верены всё же забронзовела. А ещё сарафаны лисице вдруг широки стали, но упрямо шла с Урусом на учёбу.

А через несколько дней после предписания о нашей службе пришёл ещё один указ о создании отряда для службы в Лесном, состоящего только из оборотней.

Поразмыслив, Тимофеич взял организацию отряда на себя. Решил, во-первых, набирать молодых оборотней, близких по возрасту нам с Урусом, так как подразумевалось, что отряд будет служить вместе с нами. Вторым критерием отбора была сила магии. Её определяли так же, как и у нас.

Объяснение, что зверь может проявиться в виде шара, оказалось для окружающих откровением. Вся деревня гудела от пересудов. Само событие произвело ажиотаж и по накалу эмоций затмило даже праздник оборота!

Показать светящийся шар между ладонями получалось не у всех. Величина и цвет шаров оказались тоже совсем разными. Сиреневый цвет был главным – всё-таки это цвет оборотня, а вот вариаций оказалось великое множество. Вот говорят, что оборотней не любят, и всё же, сколько рас перемешало свою кровь с нами – ведь чисто сиреневых шаров было мало.

Ну, а самым значимым оказался магический шар Сувора, хотя он был самым младшим – моих ровесников и допустили-то к отбору, скорее так, для порядку. Шарик величиной с вишню, не крупнее, чем у девятнадцатилетних Марина и Тариса, но, учитывая, что Сувору всего лишь четырнадцать лет, и он только недавно стал перекидываться, то перспективы, по словам магов и школьных наставников, были весьма обнадеживающими.

У остальных молодых оборотней, отобранных Тимофеичем, величина магии была немногим меньше. Что уж говорить, отобранные пятнадцать оборотней поначалу заважничали. Их семьи, соответственно, загордились.

Потом начались тренировки... военные, где нас учили правильно драться, в стае и в одиночку. Учили стратегии боя, как её понимают оборотни. И уже в ходе тренировок отсеялось ещё двое парней.

Один оказался откровенно ленивым. А другой был явным одиночкой.

Да, одиночки хороши там, где возникают нестандартные ситуации, но и обучение для них желательно индивидуальное. И если Ррык не возражал против такого индивидуалиста, считая это даже достоинством для отряда, то Тимофеич был категоричен:

– У нас и так хватает особенных. Лагор, Урус... да и Лийса – можно сказать, что особенная. Хватит!

Ну да, Лийса тоже с нами. О том, чтобы остаться в деревне хотя бы на время, лисица и слышать не хотела. Уперлась:

– С вами поеду. Не пущу Уруса одного... Служить? Ну, и буду служить!

Так и пришлось магу взять её в отряд. Кроме нас троих, осталось в нём тринадцать оборотней – ровно троллева дюжина.

В обычной жизни молодых оборотней подготавливают, в основном, к охоте, где требуются внимание, интуиция, ловкость. Умение же драться необходимо нам для выяснения споров, борьбы за иерархическое место в стае и для игрищ.

Игрища – это неотъемлемая «звериная» часть магии оборотней, как выразился Тимофеич.

Когда начавшаяся течка у свободной самки резко увеличивает её привлекательность в глазах холостых оборотней, редко кто из парней может пройти мимо дома прелестницы, в чьём дворе собираются те, кто хочет обратить на себя внимание девушки.

Эта борьба за внимание выливается в демонстрацию силы, как у зверей, и, реже, в драки между претендентами, опять же, в звериной ипостаси. Только в случае победы на игрищах, когда девушка выходила к лидеру, парень имел официальное право на ухаживания и свадебное предложение.

Правда, и победа в игрищах не гарантирует склонность красавицы – так было в случае с Урусом и Лийсой.

Из года в год, сколько бы ни было драк на игрищах, как ни уговаривали победители девушку – лисица упорно никого не хотела ни видеть, ни слушать. Закрывала наглухо двери, завешивала окна и не выходила из дому до окончания течки.

Это длилось до тех пор, пока Урус не выиграл все поединки на последних игрищах, лишь тогда Лийса вышла к моему брату. Их встречи до последних игрищ считались неприличными, порождали множество пересудов и сплетен, и только после победы над соперниками Уруса признали парой лисице.

В иерархической борьбе и спорах до драк доходило редко. Если в звериной ипостаси, то всё происходило примерно как в волчьей стае – встать в угрожающую позу, демонстрируя превосходство, морально подавить соперника, можно свалить противника на землю. Главное – показать своё превосходство.

А в человеческой ипостаси, как я сейчас понимаю, срабатывал механизм восприятия магической силы противника. То есть, любой оборотень интуитивно чувствовал силу зверя противника и автоматически действовал согласно полученной информации – отступить перед сильнейшим, нажать на более слабого, перед равным по силе заручиться поддержкой сильнейшего.

В общем, принцип действий получался сходным в обеих ипостасях.

Другое дело – война. У зверей войн не бывает... в человеческом понимании.

Не назовёшь же войной борьбу за территорию. Там так... единичные столкновения. А оборотни живут по человеческим правилам.

Мы так же, как люди, воюем. И по тем же причинам. И почти теми же способами.

Запрет для оборотней на ношение военного оружия действует издавна и фактически повсеместно. Во всяком случае, я знаю, что и в нашем княжестве, и в соседнем Озёрном герцогстве, и в эльфийском Тирриэле оборотням, если они не состоят на службе, запрещено иметь оружие.

Тем не менее, в нашей школе преподавали основы владения мечом. Конечно, пользовались мы деревянным оружием, а это совсем не то, что драться настоящим, но что-то всё-таки усваивали.

А ножи? Военными считаются только метательные ножи, а охотничьи вполне разрешены. Вот охотничьи ножи мы и учились метать с детства. Такой навык и на охоте лишним не бывает, хотя охотимся мы в основном в зверином облике. Но всякое бывает. Да и бороться с ножом нужно уметь – ведь, бывало, на охоте приходилось кому-то и с медведем-шатуном повстречаться.

Так что умение сражаться и в повседневной жизни многих выручало.

Оборотни, предчувствуя военный конфликт, приступают к особому обучению молодняка – тренировка выносливости, отработка определённых физических упражнений и, самое главное, умение взаимодействовать всей стаей, как единый организм.

Вот это взаимодействие в группе и в разных ситуациях и отработывали с нами и wybranными оборотнями.

Как правило, в каждой семье были свои уловки по владению оружием и в умении бороться. Именно это украдкой где-нибудь в лесу и отработывал каждый глава семьи со своими отпрысками.

Уруса тоже учили отец и вожак. Меня не успели. Я только недавно стал оборачиваться, а времени и сил на дополнительные занятия не оставалось.

Потому в конце лета было решено отправить нас к деду Тариоку, отцу нашей мамы. Планировалось сначала всё-таки немного отдохнуть. А потом Урус должен был передать семейные секреты нам с Лийсой, а заодно стоило научиться чему-нибудь у деда.

Семейные секреты

Тимофеич возражал против нашей поездки в Провраг к родственникам мамы, но тут уже вожак настоял под предлогом отдыха и скорой разлуки.

Маг уступил.

Сопровождали нас мама и младшие – сказали, что тоже соскучились по родственникам. Да и то сказать, вид у мамы был измождённый. Всё лето она все свои силы отдавала изготовлению медового молока. Без молока мы трое – я, Урус и Лийса – просто не выдержали бы той нагрузки, что взвалил на нас Тимофеич.

Встретили нас замечательно. Семь дней, что мы гостили у деда, пролетели быстро.

Только заняты были они не гостевыми визитами к многочисленным родственникам, а отработкой с этими же родственниками тех самых упражнений, что являлись достоянием каждой семьи.

Для Лийсы вообще всё было внове, и знакомиться с новоявленной роднёй ей пришлось на тренировочной площадке далеко в лесу за деревней.

В Провраге все жители ходили с кнутами, даже человеческие малыши. Смотришь, карапуз совсем, едва на ножках держится, а в беззубый рот игрушечную плётку тянет.

Дед Тариок и нас приучал с детства к владению кнутом. Такими умельцами, как провражские пацаны, мы, конечно, не стали, но в своей деревне среди сверстников орудовали кнутом лучше многих.

Ну, а этим летом дед сделал упор на умении защищаться от чужого кнута и оружия. Не просто уворачиваясь, но и применяя подручные предметы – учил сбивать движение хлыста или оружия, отнимать его у противника. Причём гонял нас и в звериной ипостаси.

Там же, в лесу за деревней Урус и мама показали нам приём, по семейной легенде – наследие Рруса Трёхлапого, который работал как защита – правда от чего, поначалу было неясно.

Выглядело действие довольно забавно. Мама поднимала руки и делала движения, как будто что-то вытягивала из головы наверх, а потом размазывала по телу сверху вниз. Иногда, в некоторых местах прихлопывая ладонью, как будто уплотняя, а иногда, наоборот, как будто отлепляя и отодвигая.

А потом схватила палку и со всей силы хряснула себя по голове! Ох, и напугала! Поначалу даже мысль возникла, что с ума сошла. А палка, тем временем, хрустнула и отпружинила, как от камня, не причинив голове никакого вреда.

Действительно, защита. И работает интересно.

Из макушки мама вытягивала, как я понял, свою магию и распределяла по телу, как бы напяливая на себя большой колпак. Колпак этот ощущался, как лёгкий полог силы – совершенно нейтральной и полностью проницаемой поначалу.

Прихлопыванием мама уплотняла некоторые участки, добавляя прочности и устойчивости к ударам. А отлепляющими движениями, наоборот, ещё больше разрыхляла структуру, чтобы воздух попадал, например, к органам дыхания. Или придавала гибкость в местах, где руки и ноги сгибались для свободного движения.

В общем, магия почему-то становилась податливой, как глина, а из силы создавалось что-то вроде прочного полога, защищающего от ударов ножа, меча и даже от магических заклинаний.

Как? Каким образом вдруг то, что мы называем зверем, становилось таким феноменом, как защита? Вот это и есть настоящее волшебство, а не то, чему нас учит Тимофеич.

Эх, спросить бы у кого знающего. Тимофеич, кроме, как в первый день, ничего нам и не пояснял почти, только требовал постоянных тренировок. Говорил, пока не отработаем все упражнения, что он даёт, до автоматизма, к другим приступать бесполезно. И всё время сокрушался, что вот сможет нас чему-либо серьёзному обучить только в Окреше, а так...

Может, действительно попросить перевода в столицу? Столько вопросов, а спросить не у кого. Как-то попытался наставника Рамона поспрашивать, так он всё равно к Тимофеичу направил. Выходит, Тимофеич – самый знающий?

– Эх! – стукнул себя по лбу. Конечно, он же – Гилон, главный княжеский маг. Главный и будет самым знающим. Мда, не очень-то он этими знаниями делится.

Я, конечно, совершенно ничего не понимаю в преподавании магии. Тренировки – дело важное, мы это понимали. Но... не тогда, когда вся учёба состоит из одних и тех же упражнений, без всяких объяснений, без теории.

Зажигать свечку, зажигать свечку, зажигать... до иссушения, до черноты в глазах! И лишь одно объяснение – магии без тренировок не научишься.

И хочется овладеть магией, но и такие нагрузки, какие были у нас этим летом, немыслимы. Ладно, ещё мы с Урусом, а Лийсе-то ещё рожать после таких диких трудов.

Уже перед самой поездкой в Провраг я был на взводе от монотонного повторения одних и тех же упражнений и с трудом удерживался, чтобы вместо свечки не запалить самого Тимофеича.

Не-ет, опять слушать этот нарочито-приветливый голос, нюхать во... запах и морщиться от переливов разноцветных камней? Не хочу! К Ррусу Трёхлапому эту магию, но Тимофеича в своей жизни я хочу видеть, как можно меньше! Каким бы он ни был хорошим!..

Показанная мамой защита требовала приличных затрат магии. Лийса такую защиту могла продержаться буквально пару минут. Но, по маминым словам, иногда и эти минуты спасали жизнь.

Таким способом можно было создать разные виды полога – лёгкий, соответственно, и менее магоёмкий, предохраняющий, разве что, от не особо сильного удара ножа, и в разной степени более прочные.

На создание каждого вида защиты приходилось затрачивать достаточно много времени и внимания к деталям, что никак не способствовало созданию такого щита в разгар боя. Потому разработку защиты со всеми нюансами проводили в свободное время в тихом месте и фиксировали её движением или словом, вкладывая силу – вот это и было, пожалуй, самым главным.

Стоило произнести фиксирующее слово во время драки, как на теле проявлялась защита. Удобно. Снимался щит так же – условным словом или жестом.

А если не лениться и создать несколько видов защит, закрепив каждую отдельным словом, то возникал выбор для каждой отдельной ситуации.

В драке на кулаках не нужна защита от меча, требующая больших затрат магии и работающая меньше по времени. А вот лёгкий щит на туловище и шею не затруднит движений и удержится достаточно долго даже у Лийсы.

Если создавать защитный «плащик», как его обозвала Лийса, у нас стало получаться достаточно быстро, то зафиксировать полученное у меня получилось не сразу.

Обидно – возишься целый час, а то и полтора, говоришь закрепляющее слово, и... бац! Всё рассеивается! И приходится начинать всё сначала.

Как-то не получалось вкладывать в решающее слово нужное количество силы. Да и непонятно сначала было, каким образом эта сила вкладывается в слово. Вот как это происходит?

Опять же, раньше меня получилось у лисицы. Она объяснила, что, соорудив щит, представила его в виде длинного плаща с глубоким капюшоном, который укутывает её с головы до пяток, и произнесла слово «плащ». И получилось!

Когда стало и у меня получаться, понял свою ошибку.

Сделав щит, я делал паузу, как бы осознавая: « Я сделал щит». За эти мгновения терялась концентрация и связь с внутренним зверем-магией, дальнейшие действия только рассеивали созданное.

М-да... эффектно! Действительно, защита. Только насколько надёжная? Как бы выяснить?

Подошёл к матери и... почувствовал то самое!

Уже с месяц, как я стал ощущать магию. Может, и не саму магию, но наложенные заклинания уж точно.

Сначала просто были раздражающие ощущения, появляющиеся время от времени и в какие-то моменты. Как-то раз, проходя мимо двора Тимофеича, почувствовал покалывание. Стало интересно.

Покалывание ощущалось возле кустов, а возле ворот и калитки появлялось лёгкое жжение. А ещё звуки как в тумане глохли. Только в одном месте возле калитки все неприятные ощущения пропадали, зато появлялось ощущение гулкости – словно, скажешь слово шёпотом, а оно прогремит, будто орёшь во всю глотку.

Я так думаю, в этом месте было наложено заклятие громкости, чтобы хозяин дома слышал, что к нему «гости» пришли. А по границе двора наоборот – заглушающее звуки и отвращающие от желания лезть через забор.

И хитрую полянку со спиленным стволом элифика нашёл по ощущениям. Тоже неприятным, но совсем другим.

Полянка проглядывалась сквозь размытое марево, и глаза так и норовили посмотреть мимо. Но пересилить себя можно было, только подташнивать начинало – чем дольше разглядываешь, тем сильнее тошнило. Тогда следовало резко сделать несколько шагов прямо в марево, и уже на полянке все неприятные ощущения пропадали.

Но воняло там сильно! Тимофеичем. Ну, не воняло... неприятно пахло прокисшей шерстью с противным сладким запахом, как у гниющих фруктов. Бывает, и хорошие люди пахнут не очень хорошо.

Я не понимал, что за умения у меня проявились, и пока не говорил никому.

Вот и сейчас от матери шла какая-то непонятная волна ощущений. Что-то давящее?

Мой взгляд сосредоточился на бусах на маминой шее. Бусы как бусы.

Мама, как и многие женщины – что оборотницы, что человеческие – любит всякие побрякушки. У неё две большущие шкатулки забиты всякими блестяшками. И Урсунa вечно на себя висюльки цепляет. Словом, женщины!

Вот мамины бусы и были сейчас источником какой-то магии. Я протянул руку к застёжке... как бы не так – рука резко отпружинила от мамы так же, как и палка. Я зашипел, тряся ушибленной конечностью.

Мама засмеялась и, сделав рукой отряхивающий жест, сняла защиту. Поняв, что меня почему-то заинтересовали её бусы, всё-таки сдёрнула низку через голову, не расстёгивая застёжку, и протянула их.

Я сосредоточенно рассматривал бусины – внутри золотистых каменных полупрозрачных кругляшей переливались светящиеся отсветы. Красиво. Но вблизи давящее ощущение усилилось – заломило глаза и виски. Захотелось избавиться от раздражителя.

Подчинившись сиюминутному желанию, швырнул бусы подальше в кусты. В кустах затрещало, и на поляну вылетел барсук, истошно визжа и трясая головой, а на шее у него мотались... мамины бусы. Забавно подкидывая толстым задом, зверь обогнул нас по дуге и скрылся на другой стороне поляны, визг скоро стих вдали.

Я недоумённо почесал в затылке – ведь специально так попытаешься сделать, не получится, а сейчас вот – не нарочно обидел животное. Посмотрел на своих.

И мама, и эти двое, Урус с Лийсой, хохочут – заливаются. Над чем, спрашивается? Мама что, даже на потерю бус не обиделась?

Оказалось, что любимые бусы сегодня почему-то очень сильно раздражали. На маминой шее даже краснота проявилась.

Зажмурился. А ведь неприятное чувство чужой магии пропало! Вот именно – чужой!

На всякий случай обследовал одежду на всех и украшения на женщинах. Похоже, остальные тоже что-то почувствовали, потому что настроение улучшилось у всех.

Мама пояснила, что с какого-то времени она сама, отец и Ррык стали ощущать что-то непонятное. И ощущения иногда совпадали, а иногда разнились.

Ррык припомнил, что нечто такое уже было во времена Листавии. Прибывшие после гибели ведьмы княжеские маги тогда сняли довольно много заклятий, раскиданных по деревне.

В трактире были подслушивающие и подсматривающие заклятия. На доме, где жила ведьма, висели защитные, в каком-то переулке – искажающие пространство и другие.

Вон как хитро сделано – заклятие на маминых бусах оказалось. И каким же образом оно там появилось? Мама только в недоумении разводила руками.

А когда, вернувшись после урока защиты, зашли в дом деда, то я вновь почувствовал неприятную магию. Огляделся. Бабка Райра возилась со стряпнёй на кухне, а дед Тариок что-то выстругивал ножом из деревяшки.

Хороший нож у деда, с узорной ручкой, удобно лежащейся в ладонь. И ведь как раз с этим ножом Гром напал на деда в том споре о применении кнута, как оружия.

Сейчас от ножа несло магией.

Дед положил нож на стол, потянулся за другим инструментом, а я взял нож в руки. Неприятные ощущения усилились. Недолго думая, откинул заслонку в печи и закинул нож в огонь.

Рвануло.

Не очень сильно, но неожиданно.

Бабка только недавно поставила в печь горшок с водой для какой-то надобности. Вот этот горшок и опрокинулся в печи, залил все угли и дрова. Поднявшийся горячий пар вперемешку с золой и горячими мокрыми углями вышиб давлением печную заслонку и обдал нас с дедом, стоявшими перед печью, с головы до ног. Вроде как не обожглись, но разукрасились знатно.

Заслонкой по ногам попало, а по затылку от деда...

– Чтобы сначала думал, а потом делал, – пояснил.

А я что? Я ж хотел, как лучше...

После того, как мы научились ставить щиты, дед Тариок открыл нам свой секрет. Кроме хлыста за поясом, дед своей магией «отращивал» из рук невидимые кнуты – сразу по несколько штук.

Для магических кнутов не требовался замах, они подчинялись командам и желаниям хозяина. Как это работает, дед продемонстрировал нам, предварительно велел сделать самые прочные щиты.

Сделали защиту.

И всё, больше ничего не успели – через несколько мгновений валялись на траве, повязанные невидимыми путами. Это нас только раззадорило.

Дед предложил нам вооружиться палками и нападать на него, что мы и сделали. Как ни ухищрялись, нападали вместе и порознь с разных сторон – результат всегда был одним и тем же – палки вырваны из рук невидимыми плетями, мы валяемся на земле.

А дед ещё издевается, подхватит магической петлёй за ногу и протащит носом по земле! Насмеявшись и отплевавшись от земли, взялись за новое занятие.

Отрастить магический хлыст из руки получилось достаточно легко.

А он не слушается! Его даже не видно – чего он там делает. Только чувствуется, что не за то, за что нужно цепляется – вон, куст репейника совсем в стороне из земли выдрался и летит вверх тормашками. Репей, подика, выдери просто так!

А то возьмёт этот хлыст и рассеется, даже не чувствуешь ничего, стоишь и машешь пустыми руками, как дурной.

Дед посмеялся над нами, конечно. Посоветовал для начала сделать магический хлыст видимым – в виде верёвки, кнута или чего захочется.

В результате у Лийсы получилась туманная полупрозрачная верёвка в руке, Урус отрастил палец длинный-предлинный – какое-то страшноватое зрелище получилось. А я сделал обыкновенный пастуший кнут.

А мама сидела в стороне и весело комментировала наши художества, её тоже в своё время дед учил, так она ежевичной веткой орудовала.

При отращивании кнута тоже пригодилось фиксирующее слово. А гибкость и послушные желанием движения магического хлыста стали получаться после того, как кнут стал ощущаться продолжением руки.

Вот тут Урус отличился – легче освоиться, если у тебя не кнут, а палец, хотя бы и такой ненормально длинный. Главное, забыть о том, что руки и пальцы ограничены в круговых движениях, магический хлыст не имеет сочленений и ограничений, загибается в любом месте и в любую сторону.

За день только совсем к ночи еле-еле освоились с видимым хлыстом. А дед несколькими сразу орудует, причём совершенно невидимыми, и все по-разному двигаются. Мастер, что сказать.

К отбытию домой мы худо-бедно научились ставить несколько видов щитов и отдельно научились чувствовать невидимый магический кнут. Но одновременно использовать два вида магии не получалось.

Дед Тариок наказывал больше тренироваться и обещал, что как только начнём свободно владеть каждым видом магии, то они со временем совместятся, и тогда даже фиксирующие слова не понадобятся – по желанию будут проявляться.

И верно, магия самая настоящая!

Интересно, в других семьях какие такие секреты? На наши похожи или другие?

Часть 2. Замок Лесной

Здравствуй, замок!

Провожая в Лесной, мама каждому из троих вручила по фляге с медовым молоком. И Лийсе наказала, чтобы та не отчаивалась и тренировалась в изготовлении волшебного лакомства – когда-нибудь оно у неё получится.

Тимофеич, случайно присутствующий при этом, аж перекривился. А я с неожиданным злорадством вспомнил.

Основными покупателями медового молока из местных были маги-наставники из школы. Магам очень нравилось волшебное лакомство. Но не Тимофеичу. Его почему-то тошнило от него.

Характер у меня достаточно спокойный и вывести из себя сравнительно трудно, но на Тимофеича я почему-то часто злился.

Вот и сейчас раздражённо косился на мага. Тимофеич, как его павлин Ош, разрядился в яркие одежды. Словно собрался ехать к соседям в гости, а не в дальнюю дорогу.

А камнями сверкает, кажется, пуще прежнего. Даже конскую упряжь всю изукрасил. И уздечка, и поводья унизаны камушками, и к седлу пучки подвесок прикреплены. На солнце все эти камушки начали нестерпимо сверкать. На мага взглянуть было невозможно – от блеска глаза резало до слёз.

А-а-а, лучше и не смотреть! Я недоумевал, оглядываясь на остальных своих спутников. Неужто лишь я такой придиричивый? Только меня раздражают маниакальная любовь мага к блестяшкам и дурной запах?

Да нет... Вон, Сувор направил своего коня к наставнику и непроизвольно поморщился прежде, чем о чём-то спросить. Чуть дальше на своём субаране ехал вожак и, задумавшись, смотрел на мага совсем неласково.

К слову, о субаранах.

Наша семья не бедствовала. Всё ж таки, отец – второй по значимости оборотень в деревне после Ррыка, да и в ареале оборотней тоже. По силе мог бы и за место вожака побороться, только против дядьки никогда не пойдёт, переборет свою звериную суть, но нарочно отступит.

Продажа медового молока – это так, приработок.

Смешно, но даже бык Покат приносил прибыль, конечно, меньше, чем от молока, но всё-таки... Покат был лучшим быком-производителем в окрестных деревнях. Удивительно было ещё то, что коровы, покрытые Покатом, всегда легко и без осложнений разрешались телятами. Потому спрос на быка был постоянным.

Но самый большой доход мы получали от продажи коней редкой породы субаран. Субараны были выведены оборотнями, точнее, моими предками.

Красивое пропорциональное телосложение, грациозная, утонченная шея, большая грудь, крепкие ровные ноги – такими статями могли похвастать кони и других пород. Скорость передвижения тоже хорошая, может, чуть выше, чем у других скакунов, но это не главное.

Выносливость!

Выносливость субаран обросла легендами. В этих легендах субараны могли скакать без перерыва целую неделю, на что мой отец залиvisto хохотал. На самом деле всё было совсем по-другому.

Да, субаран быстрее одолеет отрезок пути по сравнению с простой лошадей. И всадник быстрее устанет ехать, чем субаран скакать. А ещё субараны после дальней и долгой дороги восстанавливаются в два, а то и в три раза быстрее других лошадей. Субарана трудно загнать – этот конь очень долго не устаёт.

Торговцы и воины очень ценят такие качества в лошадях.

Соответственно, то, что кони субараны очень выносливы и сильны физически, отражается и на способе их содержания. Не любят они конюшен и сараев – замкнутых помещений. Потому содержат их в свободном выпасе в лесу или в поле. От хищника субаран или отобьётся, или убежит. И чужому человеку не даст приблизиться. Приходят же на зов хозяина, с которым проходят связь при покупке.

Людам, привыкшим к обычным лошадям, такие отношения дики и непривычны. Но из-за силы и выносливости хозяева субаран готовы терпеть их вольнолюбивый нрав.

Красив и их экзотический окрас – без единого пятна, ровный тёмно-серый цвет с синим переливом. Потому для многих субаран – это статус. Конь-то редкий, дорогой. А его покупку ещё заслужить нужно.

Отец сам принимал роды у кобылиц, каждый жеребёнок был на учёте. На каждого из них ещё до рождения выстраивалась очередь. Потому отец тщательно проверял покупателей.

Ни один разбойник не мог похвастать субараном. Такого коня не украдёшь, не перепродашь. Привязать и перепривязать коня могли только отец и Ррык. А на них не надавишь, за ними сила оборотней.

Ещё немаловажный факт. Субараны жили раза в два дольше простых лошадей. Человек получал друга на всю жизнь.

Как наследники будущего дела, мы с Уром знали основные секреты выведения субаран. Не так уж и сложно на самом деле, но ответственно...

Отец рассказал нам секрет выведения магических коней.

Люди, маги, эльфы и оборотни, как правило, считают, что силой наделены только разумные существа. Но и в мире животных есть экземпляры, которые каким-то образом могут усваивать пользоваться тем самым, что оборотни называют силой зверя, маги – магией, эльфы – маной.

Сколько таких животных? Неизвестно. Как они используют свои способности? Отец считает, что так, как наши субараны – повышенной силой и выносливостью, что в дикой природе помогает выживать.

Вот и кто-то из наших предков догадался, используя эту способность, вывести субаран. Оказывается, очень важно сразу после рождения жеребёнка, буквально в течение получаса, «открыть», «расширить» у него определённый канал силы и перекрыть два других. Именно эта «операция» и делает из новорожденного малыша субарана с заданными параметрами. Но не из каждого жеребёнка можно сделать субарана. Мало таких лошадей, у которых есть такие каналы.

Мои предки сумели найти таких магических коней и стали их благополучно размножать. После «операции» по расширению каналов новорожденного жеребёнка оставалось просто наблюдать, как он растёт в табуне.

Субараны уже с самого детства отличаются выносливостью и здоровьем. Неприхотливы в еде, не болеют, если нечаянно съедают ядовитую траву – видимо, работает сила зверя. В табуне жеребёнок растёт, учится у взрослых коней выбирать корм, отбиваться от хищников. И если всё-таки субаран умудрялся заболеть и пораниться до такой степени, что не мог сам себе помочь, тогда его лечил отец. Специальным заговором, который Тимофеич называл заклинанием, или медовым молоком. Интересно, что то и другое срабатывало мощно и очень быстро.

Когда же приходит время объездки, тогда субарана и знакомят с будущим хозяином, делают связку.

– Открываю один из закрытых каналов и замыкаю на «поводок» хозяина, – так выразился отец про процесс связки. Кстати, вот этот второй этап сложнее первого.

Так что не так уж много времени у отца занимала работа с субаранами – открыть каналы у жеребёнка, совсем редко подлечивать животных, выбрать будущего хозяина, сделать «связку», а с остальным благополучно справлялись табунщики.

А когда приезжал будущий хозяин субарана, он, как правило, недели две проживал у нас или в трактире. Две недели были необходимы для правильной объездки субарана, привыкания и понимания особенностей содержания волшебных коней. Связка и объездка происходила на специальных площадках в лесу.

Самое важное – работа с каналами. И делать её могли только бабуля, Ррык, отец и совсем немного Урус. Его уже брали к новорожденным жеребяткам и один раз доверили «расширить» канал. Делается это только при полном владении собственным зверем, поэтому мне пока в табунах делать нечего. Ну, кроме того, чтобы выезжать собственного субарана.

Да, да! Отец в своё время подарил субарана Урусу к первому обороту. Такой же подарок получил и я. Этих субаранов отец связал с нами ещё жеребятками. Потому в ночное с табунщиками и я частенько ездил, общался со своим Аррусом.

Отец говорил, что подозревал, что как только Ур войдёт в силу, понадобится субаран и Лийсе. Ни у кого даже сомнений не было, что у брата может быть другая невеста. Потому и лисице субаран был подготовлен заранее.

Что говорить, многие пытались повторить успех нашей семьи по выведению новых пород животных, но пока ни у кого не вышло. В семье-то такое получалось только у кровных наследников Рруса Трёхлапого. Мама вот освоила «медовое молоко», а волшба по открыванию каналов ей не подчинялась. А ведь субаранов при Великом обороте не было, их вывели позже. Но... вот такой результат.

И всё таки в Лесной решили нас отправить на простых конях. Кроме вожака – ему в Замке только ночь предстояло провести.

Поморщившись, Ррык пояснил:

– Управляющий Грахиаш уж больно завистлив и нас, оборотней, ненавидит. Не стоит пока привлекать к себе его внимание. Вот освоитесь, тогда уж...

Мы ехали шесть дней, и по дороге Ррык с Тимофеичем нас постоянно гоняли, каждый по своему – тренировали по их словам. В начале пути это было в радость и в охотку. Да только уже к вечеру первого дня

все основательно устали, и не только ученики, но и наставники выдохлись от постоянного напряжения, а ведь им ещё за дорогой и за направлением, чтобы не сбиться с пути, нужно было следить.

На шестой день Тимофеич стал нас торопить, приговаривая, что мы выбиваемся из графика. Потому ехали почти без роздыху. Лошадям, кроме субарана жожака, маг дал в обед какого-то зелья, накапанного на ломти засушенного хлеба, проконтролировав самолично, чтобы каждый конь съел только ему предназначенную порцию.

Некоторые лошади норовили прихватить ещё сухарик с зельем, но нам строго-настрого было наказано – не давать лишнего:

– Сбесятся и сдохнут, на своих двоих добираться придётся.

– На своих четырёх, – поправил Ррык, и вокруг захохотали. Кроме Тимофеича в отряде все были оборотнями и, в случае необходимости, могли передвигаться в звериной ипостаси.

Маг не остался в долгу:

– Смейтесь-смейтесь... Никогда не видел вьючных волков. То-то повеселюсь.

Смех стал растерянным. И дальше мы продвигались уже без отдыха до самого города, в котором и расположился замок Лесной.

На дальние расстояния ездили только маг и жожек. Остальные к таким переходам были непривычны, но стойко переносили невзгоды путешествия, даже Лийса.

В замок Лесной, одну из княжеских резиденций, мы прибыли вечером, точнее, уже достаточно поздно ночью. И хотя темнота – не такая уж помеха для оборотней, осматриваться было некогда.

У ворот нас встречали вооружённые люди, почему-то одетые в одинаковые куртки с нашитыми металлическими пластинами, даже штаны у них были одного цвета – тёмно-зелёного. И оружие у встречающих выглядело схожим. Наверно, это была та самая стража, в которой мечталось служить многим оборотням из нашей деревни.

А уже во дворе навстречу вышли ещё какие-то люди, большая часть которых также была обряжена в схожую по виду одежду, но в другую – более обычную и без оружия.

Никогда не видел столько людей, одетых одинаково.

Я, было, сунулся с вопросами к Тимофеичу. Но маг вдруг оказался озабочен какими-то делами и, прихватив с собой Уруса и Лийсу, куда-то ушёл.

Жожака увёл какой-то важный дядька. Я остался с другими молодыми оборотнями, которых Тимофеич и Ррык выбрали для службы князю.

Вскоре подбежал какой-то паренёк в простой одежде, как у встречающих во дворе, и спросил, кто из нас старший. Самым старшим среди молодых оборотней оказался Марин – один из друзей Уруса, он был даже старше моего брата на год. Вот Марин и зашагал следом за парнем, недоумённо оглядываясь на оставшихся.

Остальных тоже долго не держали на улице, видимо, ожидали и к встрече подготовились.

После сытного, но простого ужина нас разместили в комнатах по трое в здании, темнеющем в глубине замкового двора, на отлёте от основного здания – огромной высоченной громады, стены которого задирались много выше каменного ограждения.

Внизу, на первом этаже располагались конюшни, куда сразу же устроили лошадей, а на втором – жилые комнаты. Нам с Сувором досталась комната на двоих. Достаточно просторная, такая же по размеру, как соседние, но почему-то с двумя, а не тремя, кроватями, и обставленная мебелью качеством получше, чем в других комнатах.

Это потом я узнал, что эта комната предназначалась для главного по взводу – так называется малый военный отряд – и для его помощника. А в вечер прибытия оборотни сами предложили мне занять эту комнату с тем, кого я выберу. Я сразу же позвал Сувора. Парни, не возражая, разбрелись по комнатам.

Мужчина, который распоряжался нашим расселением, с удивлением наблюдал за нашим размещением и, уходя, всё оглядывался, будто не веря своим глазам. Чего его так разобрало, выяснять не было ни сил, ни желания.

На следующее утро после приезда в Лесной замок я проснулся, едва рассвело за окном – дома частенько приходилось выгонять коров и быка в стадо вместо матери.

Встав с постели, огляделся. С кровати, стоящей у противоположной стены, послышалось сопение – а-а, это ж Сувор...

Мда, это тебе не дома, где каждый обитает в своей собственной комнате. Всё же потребность в личном пространстве у оборотней выше, чем у людей.

Сувор сопел, не думая просыпаться. Я выспался, лежать больше не хотелось. А вот осмотреться на новом месте не помешает.

Окно в комнате было странное – узкое и высокое. Оно было настолько узким, что взрослый человек точно не протиснулся бы в проём. Разве что боком, и то не всякий. Я же пока мог пролезть достаточно свободно.

Распахнул створку, впустив в комнату свежий воздух и рассветные звуки: далёкую петушиную перекличку, мычание коров, выгоняемых в стадо, птичий щебет. Высунулся по пояс, перегнувшись через подоконник, огляделся.

Окно выходило не на ту сторону, откуда мы заходили в здание.

Как же его назвать-то, это здание? Конюшней? Внизу-то лошади расположены. А как же комнаты? Хорошие комнаты, явно предназначенные для проживания людей. Странно...

Так вот, с этой стороны рос лес. Какой-то не такой, каким обычно бывает – для леса не такой уж большой и вроде как огороженный. В рассветном тумане, достаточно далеко за деревьями виднелась такая же высокая стена, что у ворот замка.

Из окна свободно можно было вылезти сразу на какую-то плоскую крышу, что я и проделал. Осторожно приблизившись к краю кровли, увидел, что до земли не так уж и высоко. Ещё и дерево растёт рядом, свесив одну большую ветку над самой крышей. Совсем удобно.

Судя по царапинам на коре, этим спуском и подъёмом периодически пользовались. Ну, и я воспользуюсь. Надо ж посмотреть, куда мы попали.

Скользнул по стволу и мягко спрыгнул на землю. Сзади раздалось негромкое восклицание. Насторожившись, быстро развернулся, на всякий случай приготовившись защищаться.

Крыша оказалась большим навесом. Под навесом на лавке сидел белобрысый пацан, по виду много младше меня, с разинутым ртом и булкой в руке. За его спиной вдоль стены громоздились дрова и какие-то большие тюки. Меж тюками просматривалась небольшая деревянная дверь.

– Привет! – сел на лавку рядом с мальчишкой. – Тебя как зовут? Я – Лагор.

– А-а ты от-ткуда? – пацан закрыл рот, но серые глаза остались широко распахнутыми.

Поднял указательный палец над головой, закатив глаза под лоб, таинственно прошептал:

– Оттуда.

Мальчишка устал на крышу, но потом всё-таки понял, что над ним шутят. Сплюнул в сердцах и, не выдержав, рассмеялся.

И на меня просыпался целый ворох слов: имя пацана Алес, он приставлен в услужение к самому важному вашему, ну, ты должен знать... Тот, самый главный, всю ночь куролесил, ну, ты, конечно, должен его знать, только недавно угомонился, всё у него «интересно девки пляшут». И он, Алес, то есть, только присел перекусить, чем тролль или эльф послал, а точнее, Минка, кухарка, то есть... А тут ка-а-ак я прыгну, а он ка-а-ак удивится... Вот.

Я потряс головой. Из всего услышанного понял только, что мальчишку зовут Алес, а кухарку Минка. Кто с кем пляшет, не понял. Так и сказал.

Мне почти внятно разъяснили, что самый главный из наших, когда его спросили – чего он хочет – сел за богато накрытый стол, почесал в затылке и объявил:

– Интересно девки пляшут...

Служащие недоумённо попереглядывались, сбегали к управляющему, на что получили приказ – выполнять всё, что важный гость пожелает. Отрядили девок из прислуги плясать.

Девки из небогатых семей, по-господски плясать были не научены. Одна, которая побойчее, Лартана – ой, и бедовая девка – взялась деревенские припевки голосить да притопывать и кружиться в такт.

Этот, который наш главный, одобрительно кивнул, есть принял. Прислуга подглядела – ел по-простому, без господских выкрутасов, вроде того, чтоб пальцы в чашке полоскать да зубочисткой во рту ковыряться. Лартанка-то – девка голосистая да сильная, слабых-то в услуги не берут, но за полночи умаялась всё-таки. Другая девка её сменила.

Этот важный уж наелся, а сам сидит, в ладоши прихлопывает да ногой иногда притопывает. Управляющий подходил, тоже в щёлку поглядел, головой покачал, ушёл почивать. А слугам-то какво!

Наконец, под утро заметили, что этот, который главный из наших, позёвывает в кулак, и девки его уже не веселят. Алес самолично – мальчишка горделиво выпятил грудь – предложил уважаемому господину прилечь отдохнуть.

Важный господин снова почесал в затылке и с возгласом «интересно девки пляшут» прошёл в спальню и плюхнулся на кровать в бархат и шелка, не раздеваясь, не омывшись с дороги, разве что сапоги скинул.

Так что, считай, умаявшиеся слуги только недавно на отдых разошлись. Алеса, как самого молодого, оставили дежурить – вдруг чего понадобится этому.

– У нас даже главный маг, когда приезжает, так над слугами не изгаляется. Всё, как положено – подай, принеси, унеси и никаких плясок...

Озадачил меня Алес своим рассказом. Кто из наших мог заставить местных девок всю ночь плясать?

Если подумать, то Тимофеич, он же главный маг, отпадает. Урус вместе с Лийсой, на других девок даже внимания не обращает. Остаются Ррык и Марин. Ну, Ррык вряд ли... А может... Да нет, не в его характере такое. А вот Марин... Но Марин, однозначно, не главный!

– Алес, а ты не расскажешь, как этот важный выглядит?

– Да обыкновенно. Нам говорили, что будет такой – весь из себя. А тут простой... Постарше меня будет. И одет тоже просто, вот как ты.

– А волосы, глаза?

– Волосы тёмные. А глаза? Кто ж в глаза оборотню смотрит? Нельзя...

– Это почему нельзя в глаза оборотню смотреть?

– Ты чё? Все вокруг знают – оборотням в глаза нельзя смотреть, а то...

– И что будет?

– А то и будет. Кинется на тебя, искусает, и сам в оборотня превратишься, будешь с волками по лесу рыскать.

– Тю, вот же дурень! Ерунды глупой наслушался. Где только такое напридумывали? От укуса оборотня не обернёшься. А вот от волкодлака можно заразиться.

Эх, и завело белобрысого, чуть с кулаками на меня не бросился.

– Чего? Я – дурень? Это ты – дурень, ничего не знаешь про оборотней! И откуда только взялся умник такой?

Во, правильно, как полный дурак, в спор с человеческим мальчишкой ввязался. Я у себя в деревне никогда до криков с пацанами не доводил.

Постарался ответить, как можно спокойнее:

– От оборотней и взялся. Да и сам я оборотень.

У белобрысого опять челюсть отвисла. Тьфу, темнота...

Почти с самого начала разговора с мальчишкой я уловил присутствие третьего. И сейчас, отвернувшись от Алеса, успел разглядеть какого-то старика, юркнувшего в кусты поодаль. Вроде роста невысокого, без бороды, весь какой-то бесцветный.

Хотел у мальчишки спросить про старика, а тому всё неймётся:

– Врёшь ты всё! Так я тебе и поверил! Никакой ты не оборотень. И одежда у тебя обыкновенная, и глаза обычные, и когтей нет, и клыков не видать... Цену себе набиваешь! А сам такой же простой человек, как и я.

Мальчишка, доказывая своё, аж подпрыгивал на месте так, что лавка ходуном ходила. Теперь уже у меня челюсть отвисла, какой же отсталый народ здесь живёт?

А я, бывало, с недоверием относился к словам старших, что люди невесть какие байки про нас рассказывают. В нашей-то деревне простой народ от оборотней не шарахается и за честь считает породниться с нами. Считал, что и везде так. Ну, не так, чтобы и везде, может, чуток поменьше о нас знают... Но такого дикого несоответствия никак не ожидал.

– Хорошо, хорошо! Пусть я простой человек. Скажи, а тот, который важный и главный... У него что, клыки и когти были?

Алес опять замер, вытаращив глаза и раскрыв рот – ну никак не совмещались в его голове куцые понятия об оборотнях с их внешним видом. Не желая расставаться с заблуждениями, проговорил задумчиво:

– Значит, этот важный – вовсе и не оборотень? И нам неправильно сказали, а, может, и вовсе кто чего напутал.

Вот и поговори с таким упёртым.

За разговорами с местным «знатоком» оборотней не заметил, что времени прошло достаточно. Сверху послышались голоса моих друзей, видимо, другие тоже заинтересовались местными красотами.

Хлопнул пацана по плечу:

– Ладно, Алес, ещё познакомишься с оборотнями. А не покажешь ли, где тут умыться можно, другие дела сделать. Да и поесть бы не мешало...

Опасливо поглядывая на моих парней, Алес показал нам все бытовые удобства.

Деревянная мыльня была следующей после конюшни в ряду хозяйственных построек. Здесь можно и постираться, и просто умыться поутру или после трудов. Вода в мыльне текла из крана – так назвал Алес приспособление, выпускающее холодную воду. Горячую воду брали черпаками из больших железных баков, укрепленных над печами, сейчас потухшими, и мешали с холодной в тазах, в которых и плескались.

Вода в баках, приготовленная к нашему приезду, но не пригодившаяся из-за того, что приехали мы всё-таки поздно для помывки, оставалась ещё тёплой и в достаточном количестве. В дороге мы, конечно, не упустили случая умыться при случае во встреченных речках или ручьях, но всё-таки изрядно пропотели и пропылились. Потому все радостно и оживлённо восприняли утреннюю помывку.

Пока мы мылись, Алес прикорнул на лавке. Разглядывая сонно зевающего мальчишку, обратил внимание, что одет он так же, как встречающие нас вчера люди. На вопрос – почему все люди в замке одеты одинаково – с мальчишки слетел весь сон.

– Мы же служим в замке! – голос мальчишки от возмущения дал «петуха». – В каждом порядочном доме слугам выдаётся форма. А тут целый замок! И стражникам положена форма, и конюхам, и поварам. Горничным и лакеям тоже каждым своя одежда положена.

Сувор задал вопрос, который заинтересовал всех нас:

– А кто это гори... горничные и лакеи?

Алес воззрился на нас, как на последних невеж. Аж поперхнулся от возмущения:

– Откуда вы только взялись, такие тёмные? Да каждый младенец в городе знает, кто такие горничные и лакеи...

– А мы вот не знаем. Нет в наших краях таких зверей.

Оказалось, все эти горничные, лакеи, карди... камердинеры, конюхи – это просто люди, исполняющие каждый свой вид работы в замке. И одевают их в соответствующую по виду работы одежду, немного схожую по цвету и покрою с облачением других служащих, чтобы можно было отличить, например, от гостей замка и сопровождающих их слуг. Или от горожан, приходящих в замок по своим делам. Или от торговцев. Да мало ли от кого... в общем, чтобы отличались.

М-да, интересно. Действительно, откуда нам знать про этих горничных, если в деревне ни у кого нет слуг. Вот у кузнеца подмастерье есть... был.

Посмотрел на здание хозяйственным глазом – это сколько ж полов мыть надо в таком домине! Тут одна хозяйка точно не справится... даже если родню подключить – окинул взглядом высоченную громаду большого каменного здания, по-видимому, и являющемуся пресловутым замком – нет, не справится. Действительно, помощники нужны. Наверно, эти... камердинеры.

Чтобы попасть на кухню, Алес провёл нас через боковую дверь в пристрой основного здания. В просторной комнате располагалось несколько печей всяких видов и в каком-то странном порядке стояли различные столы и шкафы. Незагороженное пространство стен было увешано полками и всевозможной кухонной утварью. Разные по размеру сковородки и половники вперемешку с вязанками лука и чеснока свешивались даже со стоек над столами.

Между печами и столами сновали люди в... похоже, тоже какой-то форме, но отличной от той, что была надета на нашем проводнике. Каждый человек занимался своим делом – кто-то резал овощи, кто-то месил тесто, щекастый парень кидал куски мяса на горячую сковороду, светловолосая женщина перекладывала готовые пирожки с противня – м-м-м, как пахнут... И командовала всеми полная тётка, отдававшая распоряжения низким густым голосом.

Теперь уже у нас неприлично открылись рты. Мы, деревенские мальчишки, часто помогали матерям на кухне, и многие даже умели приготовить что-нибудь – это было нормально. Но такой большой кухни мы не видели никогда, да и нужды в такой кухне в деревне не было.

А чего я удивляюсь? Мама этим летом тоже помощниц на кухню готовить нанимала, чтобы мы, ученики мага, не загнулись от той учёбы. Ясно ведь, помощников-то замковых тоже кормить надо. И в деле готовки, видать, без подручных опять не обойтись. А командует на кухне, верно, сама хозяйка. Кто ж в таком деле постороннему доверится?

– Эт-то что такое? Кто разрешил на кухню толпой вваливаться?

Эх, и грозна хозяйка, а провожатый чего-то за нашими спинами затерялся... Я выступил вперёд, поклонился:

– Здравствуй, хозяйюшка. Не сердись, здешних порядков ещё не знаем. Только вчера прибыли. Может, слыхала? Вот умылись, есть захотелось, а куда пойти – не знаем. Если не вовремя пришли, придём позже, когда скажешь.

По мере того, как я говорил, у тётки на лице проступало удивление, насупленные брови разошлись, поджатые губы раздвинулись в улыбке:

– Ишь ты, молоденький, хорошенький и такой уважительный, не то, что мои охламоны – вечно перечить норовят, – тётка неожиданно ущипнула меня за щёку. – Проголодались, говоришь? Ну, так вы не в ту дверь зашли. Тут продукты да дрова таскают, а заходят с другой двери в столовую, там и кушать удобно... А-а, вижу-вижу, Леска – шельмец, посмеяться над новенькими удумал. Думал тётушка Авинья за то, что без спросу на кухню ввалились, новеньких и кормить не станет? А? Ну-ка, поди сюда!

Где там... Мальчишка порскнул к двери, и только створка хлопнула.

Всласть наругавшись вслед проказнику, тётушка Авинья провела нас в смежную комнату, размерами поболее кухни будет – здесь вдоль стен стояли деревянные буфеты и шкафы, заполненные посудой. На середине комнаты расположилось несколько столов с приставленными лавками, а один был покрыт скатертью, и стояли возле него не лавки, а стулья.

Я по привычке, было, направился к столу со скатертью – у нас дома тоже так столы покрывали. Парни двинулись за мной. Однако тётушка перехватила нас:

– Э-э, нет, голубки, тот стол не про вас. За тем столом управляющий да его прихлебатели кушать изволят, ежели сподобятся до нас дойти. Они, конечно, всё больше в господской столовой обитаются, но ежели князь или главный маг придут, то вся эта свора сюда спустится. А вы за любой другой стол садитесь пока, щас мои ребятки вам чего-нибудь спроворят – нежеже долгожданных гостей голодом морить. А ежели надолго останетесь, то кастелян вам время и очерёдность установит.

Еду нам принесли действительно быстро. Еда простая, но не тяжёлая и сытная – молочная каша с маслом, творог со сметаной, ломти свежего хлеба да холодный шипучий квас.

Тётушка Авинья, пристроившись с краю стола и умильно оглядывая нашу компанию, уписывающую кашу за обе щёки, приступила к расспросам – по её мнению, осторожным.

Ну, понятно, расспросы – это уж так положено. Ответим, да и свои вопросы зададим.

– И как же тебя звать-величать такого уважительного?

Встал, поклонился, приложив руку к груди, назвался. Уж, если быть уважительным, значит, буду.

– Это ваш отряд, значит, сопровождает этого... ну, вашего старшего? – узрев тринадцать изумлённых пар глаз, тётушка поправилась. – Главного вашего?

Передо мной в очередной раз встала дилемма – кого всё-таки считают здесь главным? Старшего?

Понимаю, что Ррык – он, действительно, и старший, и главный. Но Ррык должен уехать, и главными у оборотней остаёмся мы с Урусом. Я в статусе особенного, Урус же – вожак молодых. Его сила самая большая, и никто из молодых даже не думает это оспаривать. Но Марин по годам самый старший среди нас... и только. Преимущество в старшинстве ничего ему не даёт. Но, видимо, это наше мнение.

Ответил уклончиво:

– Сопровождаем...

– И откуда ж вас к нам привело?

– Из Волчилов мы.

Услышав название нашей деревни, тётушка Авинья аж подскочила:

– И много ли оборотней с вами приехало?

– Да почитай, все, кроме главного мага.

Мы с интересом уставились на тётушку. Лицо её резко покраснелось, глаза выпучились. Чую неладное, схватил ближайший стакан с квасом и попытался напоить женщину.

– Тишинью... – тётушка говорила с усилием, умоляюще взирая на нас по очереди, – знаете? Есть такая Тишинья у вас? И родинка на лбу возле волос.

– Мамка моя Тишинья, – отозвался Шоран, – про неё, что ль, спрашиваете? И родинка на лбу у неё есть.

– Жива? Правда, жива? Не съели? – по щекам тётушки заструились слёзы. – Мы ж её похоронили давно.

Мы в изумлении уставились на тётушку.

– И чего ж ей делается? – недоумённо отозвался Шоран. – Живут с папкой, не тужат. А кроме меня ещё сестрёнка младшая есть, мамка же опять в тягости ходит – ещё кого родит.

– Сестричка это моя, Тишинья-то, старшая. А ты, значит, племянником мне приходишься. Иди же сюда поближе, дай разгляжу, как следует. Как зовут-то тебя, племяш?

А я решил, что теперь моя очередь – уточнить кое-какие вопросы.

– Тётушка Авинья, с чего такие наговоры... жива – не жива, кто её съест-то должен был?

– Щас, скажу-обскажу, – женщина, прижав руку к груди, попыталась выровнять дыхание и всё-таки хлебнула квасу. – Тишка-т, как заневестилась, с Ниршаном встретилась – смотри-ка, племяш, да у ты имя с тяткиным схожее. Ну, значит, любовь у них. Ниршан замуж зовёт. И что он – оборотень, сказал. У нас, чего говорить, оборотней не больно-то любят. И родитель наш воспротивился, – тётушка Авинья как-то незаметно совсем сбилась на просторечный говорок, – Тишинья, даром, что послушная дочь всегда была, а тут взбрыкнула. Сбежали они, так полагали, в Волчики ваши – Ниршан-то сказывал, что оттуда родом. Отец с матерью уж и не рады были, что зятю-оборотню противились, на всё согласны, чтобы только дочка рядом была. Весточку послали через управляющего нашего господина Грахиаша, а ответа нету. Несколько раз весточки посылали, хотели к тем оборотням подойти поспрашивать, что от вас к управляющему приезжают. Только господин Грахиаш сказал, что оборотни больно злые – чуть что не так, кинуться могут. А потом сказал, что узнавал стороной, съели нашу Тишинью – мол, в Волчилах ваших сплошь людоеды живут. Потому, мол, и главный маг туда ездит – никакого сладу с людоедами нет. А матушка с батюшкой от таких вестей разом состарились, испереживались совсем, да и померли один за другим – терзало их, что дочка не просто померла, а что мучилась перед смертью, и что косточки её неизвестно где неприбранные лежат... А оно вон как повернулось. И Тишинья жива, счастлива даже, и детки у ней, как положено. Вон племяш рыжеватенький – в мамку, а уши, прям, как у деда, нашего батяни. Дед-то, вот внука не увидел... – тётушка Авинья прижала фартук к глазам.

Печальная история... А ещё печальнее, что кто-то наговаривает на оборотней, придумывает небылицы про нас – и явно не для развлечения, а с какими-то своими целями. Нужно обязательно переговорить с Ррыком до его отъезда, рассказать эту историю.

– Нет у нас в деревне людоедов. Главный маг к нам ездит, учит он нас в школе, потому и ездит. Он всех нас с самого детства знает, как облупленных.

– Лагорушка, – голос тётушки Авиньи стал просительным, – а если я сестрицу навещу, меня... – замялась.

– Не съедят, тётушка! У нас другой еды полно...

– Да поняла уже, что про людоедов брехня. Вон племянник мой тому порукой. Нет, ну, как на деда похож!.. Я о другом. Ваш главный-то, как думаешь, разрешит мне с сестрой повидаться? Я ж, как нарочно, с завтрева отпросилась на полмесяца, может, чуть подольше – родню дальнюю хотела проведать. Три года работала без продыху. Рядышком ни одного родного человека не осталось. Знаю, что у матушки в столице, в Окрешекакая-то родня была. Хотела поехать, разузнать. А тут такая радость – сестра жива!

– Конечно, разрешит, тётушка, слова не возразит. Вот хоть у Шорана спроси. Наш главный – вожак Ррык скоро поедет обратно в Волчики и тебя с собой возьмёт. Видишь, как удобно всё сложилось.

Шоран по мере продолжения разговора сидел рядом со своей тлькочтоприобретённой тётушкой, смотрел на неё круглыми глазами, но, тем не менее, исправно кивал и поддакивал в нужных местах – молодец, пацан.

Не приходилось сомневаться, к вечеру все окружающие будут знать, что тётушка Авинья обзавелась племянником, и что сестра её жива, счастлива, а вовсе не съедена людоедами, как предполагалось ранее.

Весьма познавательное утро выдалось. И это только начало!

Закончив завтрак, на выходе из столовой столкнулись, как я думаю, с воинами, явно, не только что проснувшимися, а чем-то занятыми ночью – вид у них был усталым. Вежливо пропустив воинов, вслед услышали пару смешков про молокососов, вывалившихся у мамок из-под юбок. Быстро развернулся, чтобы перехватить, уже рванувшегося Рьяна. Предостерегающе глянув на остальных парней, шагнул за порог.

На скамеечке возле двери развалился Алес. Паршивец даже не пошевелился при нашем появлении, исподтишка подглядывая из-под полуприкрытых век – дремлет он, якобы. А вот это непорядок.

Если от человека старше себя, хоть и слабее, можно вытерпеть пренебрежение, а иногда и насмешку, то от младшего это недопустимо, тем более мне – лидеру оборотней.

Чувствуя яростное неодобрение моей небольшой стаи, остановился перед пацаном. Не шевелится, только глаза зажмурил – ишь ты, характер пытается выдержать.

Склонился к мальчишке, в щёлке между веками блеснул зрачок.

– Укушу, – сказал негромко, но чётко, и, оскалившись, клацнул зубами.

Скорость, с которой пацан подскочил с места и припустил прочь, была приемлема даже для оборотня.

Ну что? Оглядел замковый двор... дальше-то нам как быть?

Ни Тимофеича, ни вожака, ни Уруса с Лийсой, даже Марина не видать. Похоже, это только нам на новом месте не спится. Да и местные вчера вечером толпились изрядно, а сегодня только мелькают вдалеке – не орать же им, в самом деле?

– Провожатых нету! Пошли, посмотрим – куда мы попали.

Осмотр решили начать от ворот – рассмотреть то, что накануне, усталые с дороги, в сумерках толком не увидели.

У ворот стояли два вооружённых человека, схожие одеждой с теми, что столоваться пошли. Они внимательно смотрели на нас, положив руки на рукояти мечей, и, похоже, начали нервничать по мере нашего приближения.

Один из стражей, приоткрыв дверь небольшого пристроя у ворот, что-то сказал вовнутрь. Я постарался замедлить продвижение стаи и принять более расслабленный вид, показывая мирные намерения.

Из пристроя вышел ещё один страж – видимо, главный, потому что двое первых непроизвольно подтянулись. Такая реакция отрабатывается на тренировках, это нам знакомо.

Этот главный так не нервничал, как подчинённые. Илмийл, так назвал себя сменный начальник караула, действительно в своё время встречался и служил с оборотнями. Потому отнёсся к нам довольно дружелюбно и совершенно спокойно. Объяснил, что мы встали довольно рано.

В замке утренняя жизнь, как правило, начинается позже, чем в городе, а в городе на час позже, чем в деревне – вот и они только недавно заступили на смену. И видели в столовой мы как раз стражников из ночной смены.

Указал на постройки, которые нам чаще всего придётся посещать, в том числе и знакомые нам конюшню с мыльней. Показал направление к казармам, где живёт основная масса стражников. И подсказал, как пройти к тренировочным площадкам, что тоже нам пригодится.

Ещё Илмийл что-то говорил про парк, чем невольно нас озадачил.

Не такие уж мы тёмные, и в книгах читали про парки, да и в школе на каких-то уроках шла о них речь – только, всё равно, не совсем ясно, что это такое.

Ну, вот как понять? «Парк – предназначенная для отдыха озеленённая территория».

Помню, ещё в школе ученики пытались выяснить этот вопрос у учителей. Потому что озеленённая территория – это лес, любому понятно. И отдохнуть там можно очень даже замечательно.

Однако наш наставник Рамон, когда услышал утверждение Рамисы, что наша деревня окружена парками, чем-то подавился и долго кашлял. И Рамон, и другие наставники пытались объяснить нам разницу между лесом и парком. Но... и там, и там могли быть ручьи и речки, озёра, пруды, различные растения.

Когда нам объясняли, что в парке специально сажают цветы и деревья, детскому удивлению не было предела – зачем сажать цветы и деревья, если они и так растут? Вон их сколько в лесу.

В парках нельзя охотиться? Но и возле деревни нельзя охотиться – это любой карапуз знает.

Рамиса однозначно заявила наставникам, что разницы между Колючей рощей, где любят пастись козы, и их мифическим парком не видит, и остальные ученики дружно её поддержали...

Потому упоминание о парке заинтересовало всех. Наконец-то мы увидим парк собственными глазами и поймём его отличие от леса.

В предвкушении новых впечатлений развернулись от ворот, посмотрели в сторону главного строения, и вот тут-то нас накрыло...

Отсюда, от ворот через площадь, основное здание замка выглядело... потрясающе! Возле здания возникало понимание – да, большое, даже не просто большое, а громадное. А отсюда на расстоянии, отделённом широкой площадью мощёного двора, была видна вся красота и мощь строения, совершенно не воспринимаемая вблизи.

Изображения конкретно этого замка в Лесном мы видели на картинках в книгах по истории ещё в начальных классах школы.

Но картинки... что картинки? – они же маленькие! Что там рассмотришь? Хотя... силуэт замка даже на картинках впечатлял своей необычностью.

Помню, мы всем классом удивлялись необычной форме избы с высокими окнами и крышей, сплошь утыканной дополнительными башенками. Мы долго гадали, для чего нужны эти башенки?

Высказывались мнения – что их используют в качестве сеновала или для хранения необходимого в хозяйстве инструмента... Хотя вскоре возникли возражения, что сеновал на чердаке ещё сойдёт, хотя и не очень-то удобно с такой верхотуры таскать корм скотине в сарай, да и непрактично в плане пожаробезопасности, а вот таскаться с хозяйственным скарбом точно не сподручно...

Наши наставники с изумлением слушали наши рассуждения, даже пытались что-то объяснять, но отступили под напором детской логики. И воспринимался нами замок по размерам, ну может, чуть больше среднестатистического деревенского дома – такая вот оригинальная изба.

Но даже тогда нас, ещё малышей, восхищала красота и какая-то гармония этого необычного дома. Было ощущение воздушности замка. Из-за взмывающих в небо шпилей башенок здание казалось нешироким в основании и не особо большим в объёме.

Ага, да в такой домик десятка три таких деревень, как наша, разом поместятся!

Наверное, издалека Лесной выглядел совсем игрушечным, но отсюда был виден почти весь фасад замка – толстые стены угадывались при взгляде на высокие, узкие окна. На нижнем цокольном этаже окна были настолько узки, что походили больше на щели и запирались тяжёлыми деревянными ставнями, а снаружи ещё были ограждены прочными, но красиво выкованными железными решётками.

Второй и третий этажи красовались уже более широкими и застеклёнными цветными витражами проёмами. На башнях тоже что-то поблёскивало под лучами солнца, но настолько высоко было уже не разглядеть, даже нашими глазами оборотня.

А ещё замок был выстроен не из дерева, как деревенские дома.

Стены были сложены из больших тёсаных камней. Видно было, что все камни одного размера.

Как если бы делать кирпичи в одной форме, то в результате получаешь груды кирпичей одного размера. Из таких кирпичей и стены получались ровными и красивыми. И здесь целый замок сложен из таких ровных камней, каждый из которых был в десятки, а то и сотню раз больше обычного кирпича.

А камень – это тебе не кирпич, который лепится из смеси глины и песка и, только высыхая или попав в отжиг, застывает. Камень – он изначально твёрдый. Его обработать нужно – отколоть, придать форму, обтесать. А уж чтобы получить блоки одинаковой формы и размера да так, чтобы один в один – то просто руками сделать такое трудно...

И если вблизи ничего особого не ощущалось, то отсюда, на расстоянии чувствовалась магия... мягкая, уютная, какая-то моя... и большая, вернее, обширная...

Мне нравится! Что ж... здравствуй, замок предков! Вот мы и встретились.

Над крышей величавого строения струилась тонкая прозрачная дымка... Моргнул... дымки нет. Наверно, показалось.

Первый день в замке

Пока любовались замком, нас разыскал мужчина, занимавшийся накануне нашим заселением.

Питим оказался служащим замка, которому в нагрузку к своим обязанностям вменили ознакомить нас с порядками в замке. Он, как и другие, не ожидал, что мы поднимемся так рано после дальней дороги, и был озадачен, когда обнаружил, что все комнаты пусты.

И так как добавить к тому, что мы сами узнали, он мог немного – нам было рекомендовано не ходить никуда за пределы конюшни, столовой, двора и площадки для тренировок и ни в коем случае в здание самого замка – то был послан к Марину, Урусу и Ррыку с сообщением, что нас можно найти на плацу.

Честно говоря, ограничения на передвижения по территории немного царапнули, но... посмотрим, как дальше будет.

Тренировочный плац с двух сторон ограждали солдатские казармы, с третьей – крепостная стена, с четвёртой стороны площадка была отгорожена негустыми кустами от замкового двора. Выглядел плац бедно.

У нас в лесу около деревни был оборудован целый тренировочный комплекс с самыми неожиданными элементами – столбы, канаты, висащие и натянутые между стволами деревьев на разной высоте и под разными углами, брёвна, лабиринты, препятствия...

Здесь же – один вкопанный в землю вертикальный столб, три столба с перекладинами на разной высоте... и всё. Физиономии моих парней как-то поскучнели от вида такого «разнообразия».

Но вид монолита крепостной стены натолкнул меня на мысль использовать её.

Я с энтузиазмом скинул куртку и сапоги, даже не оглядываясь на парней. Мы – стая, и сейчас я по праву сильного – вожак. Оборотни в стае повторяют действия вожака, если им не указано иное.

Выдвинулся на середину плаца, оборотни по знаку выстроились за мной в линию строго по величине силы – более слабый по силе не встанет впереди более сильного. Не важна физическая сила, важна сила оборотня. Когда мы повзрослеем и сформируемся окончательно, то физическая сила будет соответствовать силе оборотня и наоборот.

Пробежка по кругу лёгкой трусцой, постепенно наращивая темп после разогрева. Прибавить скорость, расширяя круг, при приближении к стене пробежать не вдоль, а с заскоком на вертикальную плоскость крепостной стены. С каждым кругом быстрее, выше и дальше пробегая по вертикали.

В какой-то момент высота забега по вертикали оказалась достаточной для прыжка с переворотом. Оттолкнувшись от стены в наивысшей точке забега, мягко приземлился отработанным «кошачьим» движением. Инерционный кувырок. Подскок и стелющийся «волчий» прыжок через бегущих последними. Разворот в другую сторону от первоначального направления, забег на стену, когда с неё слетел последний из цепочки.

По знаку разделились. Второй по силе – Тарис отвернул от меня в сторону, уводя за собой оборотней через одного. Всё чётко. Встретились с Тарисом в наивысшей точке забега по вертикальной стене, прыгнув слаженно один через другого наперерез так, чтобы не задеть друг друга. Бегущие следом повторяли наши движения.

Краем глаза заметил, как к нам присоединились Лийса и Марин. Лийса пристроилась в конец – всё правильно, она самая слабая. А Марин вклинился за Тарисом, но двигался тяжело, хотя и старательно поддерживал темп и амплитуду движений.

Мимоходом недоумеваю, где Урус? Но сейчас не до того... На площадке появился Ррык, по его команде: «Хэп!» – мы выстроились охотничьим, или боевым, клином. На острие клина я – вожак молодняка.

Мы, я и стая, готовы к дальнейшим действиям, но вожак медлит со следующей командой.

– Ты забыл... – сказано негромко, но...

Тр-роля пята, действительно забыл! За моей спиной едва слышно прошелестело – не только я запомнил.

Ещё в дороге Ррык предупредил нас, что не стоит демонстрировать свои способности перед простыми людьми – слишком неоднозначна реакция людей, редко видевших оборотней. Тимофеич поддержал вожака.

Простые люди с уважением относятся к магам, но в их понимании оборотни к магии не имеют никакого отношения, что и подтвердил утренний разговор с Алеской.

Но когда мы начинали разминку, никого на обозримом пространстве не наблюдалось... Стоило повернуть голову в сторону казарм, сразу же заметил – человек двадцать толпились по краю площадки. Сверху, с крепостной стены глазели несколько стражников, и со стороны замкового двора через кусты просматривались силуэты, для разнообразия, уже женские. М-да, вот и «не демонстрировали способности». И откуда кто только взялся? Эх!

Виновато понурился, поглядывая на вожака. Думаю, и парням неуютно, хотя... чего уж там, виноват именно я. Это ж я решил «опробовать» крепостную стену.

– Ррык! Волчара! Откуда ты тут взялся?

От казарм в нашу сторону двигался мужик звероватого вида. Совсем не мелкий Ррык рядом с ним выглядел, как... – пусть, самый крупный волк рядом с самым невзрачным медведем – всяко мельче этого здоровяка. И полураздет, вернее, одет был мужик только в штаны, а широченные грудь, плечи и спина мохнатились светлым, но густым волосом – ну, чисто медведь!

Оборотни в человеческой ипостаси редко бывают такими волосатыми, и на лице за редким исключением у них ничего не растёт. Лишь у тех, в ком достаточно человеческой крови, могут расти борода и усы.

А этот и телом волосат, и на лице широкая, но короткая бородка топорщится. Ишь ты, как по-свойски хлопает Ррыка по спине. Верно, давний знакомец. Вожак-то улыбается, тоже встрече рад. И чувствуется, не из наших мужик... может, капля крови оборотней и есть, но мало, совсем мало – можно сказать, чистокровный человек.

– Хэй, волчара, своих волчат дрессируешь? Из каких дремучих лесов ты их к нам приволок? – и скалится не хуже оборотня.

Ррык с гордостью осмотрел нас и, показав знаком окончание внеплановой тренировки, повернулся к знакомцу, тоже скалится и по плечам охлопывает...

Меня тревожило отсутствие Уруса, потому я сразу развернулся к Лийсе, но и она уже направилась ко мне, а за плечом окликал Марин.

Лийса грустно поведала:

– Урус с Тимофеичем уехал. Перед рассветом, по темноте ещё. Я даже не поняла, что случилось. И запасной одежды не захватил... Его Тимофеич поднял, я сквозь сон только услышала, как Урус мне сказал, чтоб не скучала, а проснулась, вскочила... муж уже из коридора рукой махнул и дверь закрыл. Даже не знаю, когда приедет – завтра или через неделю.

Странно, что такого могло случиться, что маг, не отдохнув, сорвался? Уруса взял... Тимофеич на протяжении пути не один раз заводил разговор про Окреш. Всё ж утащил Уруса. Что ему нужно? Зачем? Может, хочет, чтобы брат посмотрел, что маг нам предлагает, а потом и нас с Лийсой сманить?

– Слышь, Лагор, – Марин сбоку подступил, прямо в ухо шипит, – похоже, меня с тобой перепутали.

– Это как это?

– Они, кажись, эти слуги которые, всех вожаков старшими называют... А мы, того-этого, так и думали, что старшего позвали. Я-то пошёл, а потом услышал, как они меж собой шебуршат, мол, должен быть «весь из себя, особливый планом». Я и смекнул, что особенного им нужно. Да они, видать, сами не разобрались, что за особенный... Видать, думали, нос дерёт особенно или, может, одежда какая чудная? – и выдал в заключение. – Вот так вот, интересно девки пляшут...

Я аж сложился от смеха, остальные парни моментально окружили нас, с любопытством прислушиваясь к разговору:

– Так это ты девок всю ночь плясать заставлял?

Марин весь запунцовел, растерянно развёл руками:

– Да присказка у меня такая с малолетства, от бабки прицепилась. Я уж стараюсь не болтать её, а всё, нет-нет, да вырвется. Сказанул, а эти простодыры напрямки поняли.

Парням я уже рассказал про то, как кто-то заставил местных всю ночь плясать, ещё когда через замковый двор к воротам шли. Посудили-порядили, на кого подумать... Высказывались мнения, что и Марин может быть к этому причастен, но пока не было ясности, решили не делать выводов и выяснить всё аккуратно. А тут и спрашивать не пришлось, всё само прояснилось.

Ох, и гвалт поднялся. Пацаны хохотали в голос, представив, как девки перед Марином вытанцовывали под частушки до самого утра. Даже Лийса заулыбалась, смешливо щуря глаза и с лёту вникнув в происходящее. Только старшему из нас было неловко.

По какому такому наитию я вдруг предложил Марину:

– Знаешь, давай-ка оставим пока всё, как сложилось. Ты пока мной побудь, а я с парнями...

Парню, видно, что не по себе.

– Да как же... Там, знаешь, как кормят? Я даже не ведал, что утку так вкусно приготовить можно, – мечтательно закатил глаза, причмокнув, – с такими, знаешь, чёрными сливами под масляной подливкой.

– Вот, и поешь утку. И ещё, что дадут... Нас же не спрашивают, кто есть кто, сами они так решили. Ну, и мы пока ничего говорить не будем. Спросят – скажем, а на нет и суда нет. Правда, парни?

Я говорил, а сам всё больше утверждался в своём неожиданном решении. Вон, Марин просидел в комнате в компании утки под масляной подливкой и даже с девками, что перед ним плясали, словом не перемолвился. Как зовут, и то не узнал. А мы с парнями за утро столько увидели и услышали, знакомцами обзавелись...

Нет, не хочу в комнату в компанию к утке и девкам. Действительно, пока напрямую не спросят, незачем самим высовываться.

И парни совсем не против. Наоборот, им тоже интересно стало, чем же этакая путаница обернётся.

Ррык тем временем свой разговор со знакомым окончил, к нам подошёл. Парням велел отдыхать, оглядеться, пока он со мной переговорит, махнул мне рукой и направился куда-то за казармы.

Вожак, видимо, знал, где и что здесь находится, шёл уверенно. За казармами показалась каменная стена, чуть ниже крепостной, может, и поуже будет. А в стене проём перегораживала железная калитка, изукрашенная коваными узорами. Возле калитки почему-то стоял стражник с пикой. Я с любопытством уставился на него.

Ррык напрямиком направился к калитке, а стражник, наклонив пику, перегородил нам дорогу.

– Ведущий представитель, – голос вожака был сух.

Ну да, ведущий представитель оборотней – ещё одна обязанность Ррыка. В Волчихах он – вожак наших деревенских оборотней, хотя и простые люди ему охотно подчиняются. А по всему ареалу, включающему довольно приличную территорию с тремя десятками деревень, где обитают оборотни, Ррык – ведущий представитель оборотней – это, если по-человечески, а по-нашему, верховный вожак.

Стражник отступил и, склонив голову, открыл калитку. Всё правильно, и для замковых людей звание верховного вожака имеет значение.

А за калиткой был тот самый огороженный лес, который я видел поутру из окна своей комнаты. И вот думается мне, что никакой это не лес, а тот самый пресловутый парк и есть.

Мы шагали по мощёной камнями дорожке, окаймлённой по сторонам странными кустами.

Это ж надо так растения заставить, чтоб росли они ровной стеночкой – сверху донизу ровнёхонькая плоскость, и такая же по верху. Как есть стена стеной, только из кустов! Внутри стены густо переплетались ветки, но ни один сучочек не нарушал границы зелёной плоскости.

Я так сосредоточенно изучал стенку из кустов, даже обнюхивал, кажется, что Ррык обратил внимание на моё любопытство:

– Стригут их, Лагор. Специальными ножницами стригут, – и предложил, увидев, как я ошалел, – можем потом найти садовника, и спросишь у него, что непонятно. А сейчас давай отойдём подальше, обсудим кое-что.

Чем дальше мы шли, тем больше я удивлялся.

Очень многие деревья росли точно так, как в лесу, и меж ними вились дорожки, вымощенные камнем или присыпанные светлым песком, а то и измельчённой корой. Под деревьями красовались куртины необычных кустарников или живописные группы ярких цветов. Чувствовалось, что эти растения, явно, не сами выросли.

Красивые и удобные дорожки иногда пересекались или расходились в нескольких направлениях, и тогда на их пересечении располагались клумбы с необычными цветами, а иногда и с каменными изображениями людей или животных – скульптурами, вспомнил я из уроков. Иногда же дорожки расширялись и простирались по прямой линии, и тогда деревья почему-то росли по сторонам ровными рядами – в лесу они так точно не растут.

Довольно часто встречались всевозможные лавки и скамейки.

Кое-где в укромных местах, в основном полускрытые кустами или деревьями, стояли очень красивые, но, думаю, совсем бесполезные домики. Уж больно они были малы, а стены из деревянного или металлического ажюра.

Красиво, конечно, особенно, когда цветы по стенкам выются, но бестолково – дует же со всех сторон.

Нет, в таком домишке жить не получится, даже не заночуешь. У некоторых и крыша вся в узорах, но дырявая же! – в дождь, всяко, вымокнешь. И двери не во всех домиках были – верно, кто сломал.

Вот же, замок! Важные люди живут, стражники, опять же, а за таким порядком не уследили.

Не удержался, высказался по поводу домишек. Таких обалделых глаз, именно у Ррыка никогда раньше не видел. Что он обо мне только подумал? Похмыкал, похрюкал, пытаюсь сдержаться, но не выдержал – расхохотался до слёз, свалившись на первую попавшуюся скамейку.

– Ох, Лагор! Домики! Жить! Хах-ах-ха!..

Отсмеявшись, объяснил, то и дело хмыкая:

– Домики – это беседки. Двери в них не обязательно должны быть. В беседках можно отдыхать, бабы... то есть, женщины любят там сидеть, вышивать, сплетничать. Можно с девушкой туда прийти, целоваться, ну, и... – покосился на меня, – в общем, такие беседки только в садах и в парках у богачей стоят. Показать парням? Пока не стоит, видел же, вход в парк не для всех разрешён. Как освоишься, присмотришься – сам поймёшь, что можно, а что нельзя.

Кажется, я понял, парк – это приукрашенный лес, сделанный по вкусам и для удобства людей. А по мне так лес в природном виде больше по нраву.

– Гор, скажи-ка. Почему в твоих комнатах находился Марин, когда я зашёл тебя проведать?

Вожак только крякнул после моего рассказа про путаницу со старшим. И задумался, услышав о нашей затее – оставить пока всё так, как сложилось.

Рассказал про Алеску с его страхами перед оборотнями, про тётушку Авинью и её сестру Тишину, мать нашего Шорана.

Услышав про оборотней-людоедов, Ррык здорово разозлился:

– Уж очень хочется управляющему господину Грахиашу рассорить людей и оборотней. Это его стараниями в Лесном оборотней не осталось. Я же, приезжая с отчётами, спрашивал его по просьбе Тишины про её родственников. Грахиш утверждал, что они видеть её не хотят из-за того, что против воли родителей пошла. Я сам хотел с ними встретиться, так меня всё время или отговаривали, или чем-нибудь отвлекали, – Ррык аж взрыкнул, как в волчьей ипостаси.

– Гор, остерегайся управляющего с его подручными. Эти могут в обход главного мага чего-нибудь сотворить, уж очень они нас ненавидят. И стаю предупреди, пусть друг друга держатся. А с сестрой Тиши ты меня познакомь, возьму её с собой. Сегодня надо бы уехать – дел невпроворот, и видеть не могу этого лживого Грахиаша, но ради Тиши останусь до завтра. Пусть сестра её посмотрит, как оборотни с людьми живут, вернётся, остальным расскажет. А то, ишь – сожрали!

О том, что Урус уехал с Тимофеичем, вожак тоже не знал, и крепко ему это не понравилось.

– Вот, чувствую, что-то не то с нашим магом. И вроде правильный он, о княжестве заботится, с ребятишками возится, магии нас учит. И мужик свойский! Уже два десятка лет с нами, но не лежит у меня душа к нему, хоть ты что делай! Запах мне его совсем не по нраву. В звериной ипостаси стараюсь с ним вообще не встречаться, боюсь не сдержаться... М-да, я-то думал, Урус тут за тобой присмотрит, всё постарше тебя будет. Ты ж только недавно после первого оборота, и в голове ещё пока... домики дырявые.

Вожаку смешно, а мне досадно – про беседки-то нам на уроках говорили тогда же, когда и про парки рассказывали. А было-то это в младших классах, давно уже. И если дискуссия о парках помнилась, то про беседки за столько лет я напрочь забыл. В наших-то краях такого баловства нету, кому они интересны?..

– Впрочем, ты всё равно молодец. Общаешься хорошо, за утро столько узнал. Я про сестру Тиши за столько лет ничего узнать не смог, а ты сразу же... А ведь, наверно, действительно правильно будет, если ты со стаей останешься. Какой бы ни был Тимофеич, а парней правильных выбрал вам с Уром в сопровождение. Грахиш поначалу осторожничать будет, трогать пока вас не станет, но натуру не переделать – гадить начнёт. Так что осторожность и ещё раз осторожность! Старайтесь сдружиться с местными. И представлений не устраивать! Трудно будет, но людям не нужно показывать насколько вы их превосходите.

М-да, не продумал я последствия утреннего «выступления»...

– Хорошо бы всех твоих парней магии обучать, хотя бы самым началам. Да только боюсь, что местный маг Дикальмис – вот уж имечко! под стать этому индюку – этого делать не станет. Уж больно спесив. Никто ему не указ, разве что, Тимофеичу подчиняется. Может, ты сам с парнями позанимаешься? Хотя бы тому, что сам знаешь, научишь. Лийса что подскажет...

Мы с Ррыком слегка расслабились, увлечшись разговором, и не сразу обратили внимание, что к нам из-за куртины низких деревьев со странными крупными разлапистыми листьями приближался человек. Тоже странный, как и весь этот парк со всеми этими... домишками.

Непривычно короткие белые, будто выцветшие волосы, лицо в морщинах, и щетина на щеках седая. Складывается ощущение, что когда отрастает щетина, то старик одновременно бреет голову и лицо. Неимоверно худой, в какой-то старой потрёпанной одежде, почти в лохмотьях – а ведь сюда кого попало не пускают, а этот ходит запросто по-свойски... Вот, какой-то он не такой! Не пойму, в чём дело? И смотрит неправильно – чересчур пристально.

– Ррык? Это ты?

Вожак внимательно взгляделся в лицо подошедшего, показалось, что даже принялся. И я его узнал – тот самый старикашка, что утром подглядывал, когда я с Алесом знакомился. Если судить по виду, то

подошедший должен скрипеть и каркать, как ворона. А у него голос, как у певца-барда – красивый и как будто бархатный... Стоп! А жожака-то он откуда знает?

– Ну, надо же... Янсель? – в этот раз оборотень нисколько не обрадовался давнему знакомцу, держась настороженно, как с чужим.

Старик ухмыльнулся.

– Что, сразу не признал меня? Я тоже поначалу глазам своим не поверил... Не видать тебя и ничего про вас не слышно.

– Почему не слышно? Твой закадычный друг от нас последние двадцать лет не вылазит. Думали даже, женится на какой-нибудь из наших.

Любопытно, про какого друга они говорят? Старик непонятно хмыкнул:

– Друг... был, ага... кончился друг, – перевёл взгляд на меня. – Твой? И... её?

Ррык коротко мотнул головой – нет.

– Племянник.

– А...

– А её нет. Умерла. Давно.

Мужчины замолчали. Старик присел рядом, ссутулился.

– Хочу попросить у тебя прощения, Ррык.

Жожак выглядел удивлённым.

– Я неправ был тогда. Молод был. Влюбился... Я и потом долго её помнил. Только правильно, что она с тобой осталась... Со мной она ещё раньше погибла бы... «Друг» мой, как ты говоришь, постарался бы.

Ррык весь подобрался, и глаза вдруг полыхнули, но молчит. Старик, может, не заметив реакцию собеседника, продолжил:

– Знал ли ты? Я с Лагейном с детства дружил. Мы и учились у одного учителя... И всегда вместе. Он заводила, а я всегда его поддерживал. И на службе... и в жизни... Мы в ваши края по поручению князя поехали, а там Тифчир к нам потом уже прибил... Незадолго до встречи с вашими.

Кто такие – Лагейн и Тифчир? Почему жожак так напряжён? У меня возникло множество вопросов, но вмешиваться в разговор старших нельзя.

– Магом он был слабым. Только прилипчивый... Куда ни направимся – везде с Тифчиром сталкиваемся. Вечно где-то маячит. Ну, и привыкли как-то... Всегда как-то к месту и вовремя появляется. Байки травит, истории какие-то рассказывает. Похвастался исследованиями своей матери. Ведь чуть не проговорился! И почему нас это не насторожило?... Вот тогда мы с вами и встретились, – старик поднял глаза на Ррыка, только дядька сидел всё также неподвижно, вперив напряжённый взгляд в собеседника.

Тот продолжил:

– Тифчир потом хвастал, что специально нас подначивал тогда... с Биарой... – старик сглотнул и отвёл глаза, но, собравшись, опять посмотрел в глаза жожаку. – Каюсь, мы не понимали тогда, что он свои цели преследует. Нет-нет, подожди, выслушай. Нам за это знание очень дорого заплатить пришлось. Лагейн даже ничего не понял... Его Тифчир... Он пытался у него силу забрать... не получилось. Подсыпал в еду нам парализующего порошка. Всё видишь, слышишь, а сам даже пальцем двинуть не можешь, и магия не даётся... На меня ошейник антимагический надел, по рукам-ногам заковал. А Лагейна сразу на обряд передачи силы. Кровь

пустил, да лишнего... остановить не смог. Из Лагейна кровища хлещет, а этот тролль попытался хотя бы немного ухватить. Только даже с остатками силы Лагейна не справился. Может, видел – у него на груди шрам от одной подмышки до другой? Это – прощальный привет от Гилона! Этому троллеву выродку до дрожи в коленках хотелось силы. Как же, мать – сильная эльфийская ведьма, хоть и чокнутая. Папаша – тролль не из последних. А этот – маг недоделанный, всей силы с детский кукиш! Мамаша его, когда родила, даже забирать у отца не стала. Так у троллей и рос, да и там не прижился. Мелкий и слабый для тролля. Вот и корёжило его от зависти...

Как Гилон, и кто Гилон? Это ведь Тимофеичер – тот самый Гилон. Тимофеичер... Тифчир?..

А разговор становился всё более странным.

– А кто мамаша?

– О, а сведения о мамаше тогда были засекречены, что сейчас, верно, и не актуально, – Янсель усмехнулся. – Слышал, что погибла она.

Видно, дядьке было очень важно то, что рассказывает этот старик, но... я присмотрелся и уже кажется, что и не совсем старик – только волосы седые, отросшая щетина тоже седая, что на первый взгляд и прибавляет года, а так – может, и ненамного старше Ррыка. Лицо обыкновенное, но очень усталое какое-то, морщин мало, но весь, как будто припылённый.

Похоже, этот... справился с первым волнением, заговорил более связно:

– Ты, может быть, и слышал, что граф Лагейн Гилон был главным магом при князе Светломире – отце нынешнего князя. А я его правой рукой. Мы много чем занимались и в вашу глухомань не просто так приехали. Поступили сведения, что заявила к нам одна эльфийская ведьма. Много их всяких было, и никто им ни в чём не препятствовал. Только эта особая была. Очень сильная. Знающая. Вся в науке. Обожала эксперименты... Особые... Очень её интересовали вопросы свойств крови разных существ и увеличение магической силы. И ещё... Детей она любила. Интересны ей были дети разных рас и видов. Вот она и экспериментировала. Эльфы-то все снобы, родниться с другими расами не любят, эта же эльфийка ради науки и с другими спала... а потом детишек рожала... от гнома, дриада... Любила их, говорят, исследовала насколько магическая сила у детей-смесков отличается от чистокровных. Рассказывают, даже любила своих детей, сказки им рассказывала, учила чему-то, только... если в каком эксперименте ей силы магической не хватало, то любого подвернувшегося мага под нож пускала. Сильна была... А если какого слабого мага под рукой не было, то своего ребёнка использовала. Говорят, даже плакала, когда силу отбирала, но... только наука – она важнее... По одним данным детей у неё трое было, а кто говорит – пятеро. Из всех детей только Тифчир выжил. Тролли к магии не склонны, у них шаманизм распространён. А шаманизм – не магия, что-то другое. Тифчиру всё ж таки чуток магии перепало, только мамаше его эти крохи совсем не интересны были, вот и оставила она сыночка папаше Нолу. А сыночек, когда вырос, разыскал мамашу. Нежной любви у них особо не получилось, но мамаша, верно, всё ж таки решила подсобить сыночку, поделилась наработками по отъёму силы у других магов.

На Ррыка было страшно смотреть – лицо заострилось в полуобороте, на руках проявились когти, вонзившиеся в дерево скамьи, глаза полыхали жёлтым светом, но спросил почти нормальным голосом:

– Как её звали?

А этот, как будто, и вопроса не слышал, продолжил, как ни в чём не бывало:

– Вот и было нашим заданием, найти и выдворить из страны эту эльфийку. Только чуть не добрались, с Тифчиром встретились, – имя главного мага Янсель каждый раз произносил с ненавистью, как выплёвывал, – а мамашу его, Листавиэль из рода Нежный Ветерок, говорят, оборотни загрызли.

И замолчал...

– Листавию я погрыз, но она утонула.

Вожак перекинулся, волком скользнул в траву и, бросившись дальше в гущу кустов и деревьев, пропал из виду. Я сидел растерянный и оглушённый.

Это что же такое выходит? Тимофеич – сын той самой Листавии, из-за которой погибли не только наши родственники, но и многие жители нашей деревни?

– А-а... как же? Он же сам... вроде как осуждал... что тогда случилось... и про Листавию говорил... обвинял в преступлениях, – мой блуждающий растерянный взгляд встретился с сочувственным этого... Янселя.

– Боюсь, мальчик, что тебе ещё не один раз придётся убедиться в двуличности Тифчира.

Я с неприязнью посмотрел на старика в упор так, как смотрят волки, вызывая противника на драку.

Да что ж это такое? Опять лицо старика «поплыло», проявляя под видимым лицом образ совсем не старческий – мужчины, примерно, одного возраста с Ррыком. И... вот, вроде нет в нём магии... но она есть... неясная, неуловимая.

В горле невольно зародилось рычание. Не нравился мне двойной облик старого знакомого дяди, не нравилась новая информация о моём учителе, которого я любил и уважал всё время, сколько себя помнил. Трудно – резко поверить в злонамеренность наставника, когда видел от него только добро. И неважно, что я иногда на него злился, и запах его мне не нравился. Это всё по-свойски... Тимофеич добра нам желает, магии вот учит.

И сейчас я был растерян и зол, очень хотелось вцепиться в горло этого... Янселя, но я ещё никогда такого не делал. Как-то это не совсем правильно – желать убить человека.

Как же сложно быть вожаком! Принимать решения, когда не знаешь, какое же из них правильное.

Я искренне посочувствовал Ррыку, узнавшему правду через столько лет. Но и посочувствовал себе – вождь скоро уедет в деревню, и уже мне придётся как-то жить с этой информацией и что-то делать... или не делать? Уже не спрячешься за широкими спинами взрослых, не выслушаешь от вождя указания к действию, в результате которых от меня будет зависеть только исполнение. Теперь мне самому придётся принимать решения и брать ответственность на себя.

Захотелось смалодушничать, забыть то, что только что услышал.

– И что, дружок ваш помер, а вы чего-то здесь здоровёхонький сидите? – я был зол на старика, но воспитание не позволяло тыкать человеку, хоть и слабее, но много старше меня.

Но не выдержал, сорвался, рявкнул:

– Какого тролля, у вас магия... плавает?

– Ты видишь? – изумился этот... Янсель. – Неужели видишь?

Мне даже стало немного неловко, столько восхищения прозвучало в этом возгласе. Хмуро ответил:

– Ну, вижу два лица – то старик, то мужик помоложе... И магию... то чувствую, то исчезает, будто и не было.

Янсель присвистнул, с интересом рассматривая меня. Сбоку бесшумно проявился волк Ррыка, переводя взгляд то на меня, то на своего знакомого.

– Надо же, видящий! – с воодушевлением, но как-то непонятно выразился мужчина.

И что ему во мне вдруг так интересно стало? Ну вижу, как он «плавает»... И чего в том, что вижу, необычного? И вообще, что эти два лица значат? Вот эти самые вопросы я и озвучил.

– То, что ты видишь и есть ответ на твой вопрос – почему я тут сижу здоровёхонький, как ты выразился.

М-да, необычную, но не очень-то весёлую историю поведал нам этот Янсель с «двойным» лицом.

Янсель

Тифчир хорошо подготовился, планируя обзавестись «дармовой» магической силой согласно полученным инструкциям от своей матери.

Для полутролля это был первый опыт забора силы у другого мага. Мать его предупреждала, что начинать нужно со слабого мага. Он так и собирался сделать, но жадность восторжествовала.

Встреча с двумя самыми сильными магами княжества сбила с «праведного» пути, соблазнила быстрым достижением цели. Полутролля справедливо решил, что такая встреча может и не повториться.

Друзья, и одновременно сослуживцы – главный княжеский маг граф Лагейн Гилон и ведущий помощник и заместитель главного княжеского мага Янсель Липуре прибыли в Ляличи в поисках скандально известной эльфийки. Наверно, они быстро вышли бы на её след, если бы не встретили Тифчира.

Молодой полутролля действовал по наитию, и ему блестяще удалось отвести подозрения от себя и застопорить поиски матери. К тому же, Янселя угораздило влюбиться в оборотницу, встреченную на ярмарке в Ляличах.

Оборотница Биара приехала на ярмарку не одна, а с братом и женихом Ррыком. А Тифчир оказался мастером для создания острых ситуаций, при этом оставаясь в стороне. Он ловко использовал влюблённость Янселя, подначивая на конфронтации с Ррыком, тем самым отвлекая от поисков Листавиэль.

Тифчир устроил новым знакомым угощение с начинкой. Эти же простофили, несмотря на уже приобретённый опыт, даже не воспользовались амулетами, распознающими вредные примеси. Были у них такие. Жизнь в княжеском окружении не была безоблачной, да и рабочие ситуации предполагали возникновение эксцессов.

Да-а, нынешний главный маг умел втереться в доверие, если даже сверхподозрительные оборотни стали доверять ему почти полностью. Разве что у Ррыка по истечении двух десятилетий возникли какие-то сомнения, но настолько эфемерные, не подкреплённые ничем, что говорить об этом было бесполезно...

Маги общались с новым знакомым уже около десяти дней. И если поначалу усердно пользовались всевозможными амулетами и сканирующими заклинаниями, то уже через несколько дней воспринимали Тифчира, как хорошего человека и доброго знакомого, почти друга.

Уже казалось неловким, садясь за стол, проверять пищу на яды и сканировать одежду новоявленного друга на наличие спрятанного оружия. Если это и делалось, то так, чтобы Тифчир не заметил – во избежание обид. А вскоре проверки совсем прекратились, друзья решили, что слабый маг со столь добродушным характером совершенно безобиден.

– Идиоты! – это не я так сказал, это Янсель клял себя и своего лучшего друга за доверчивость.

Желание быстрее стать полноценным магом жгло «хорошего» человека!

Парализующее вещество Тифчир подсыпал в еду магам на пикнике, устроенном в честь их отбытия из Ляличей. Это ж как надо было задурить головы двум молодым, но опытным царедворцам? Те совершенно не обратили внимания, что хороший «друг», усердно потчует гостей, сам ничего не ест и не пьёт. Впрочем, Тифчиру недолго пришлось изображать хлебосолюство, так как вещество подействовало достаточно быстро.

Сработавший парализатор давал запас времени почти на восемь часов – мощная штука, даже на сильных магов действует. Листавиэль, было дело, на себе проверяла, а она-то была весьма сильной магессой. Ради достижения цели эльфийка готова была и на себе кое-что проверить, если это не несло угрозы собственной жизни...

От радости, что удалось обездвигнуть магов, полутролле впал в эйфорию и решил, что самое главное сделано и сила сразу двух магов уже у него.

Рекомендации Листавиэль – не торопиться, забирать силу небольшими порциями, разрабатывая внутренний резерв – были забыты. Тифчир трясло и лихорадило от мысли, что вот сейчас, немедленно он станет самым сильным магом княжества, а, может, даже и сильнее Листавиэль – женщины, которая всегда, глядя на сына, только снисходительно кривила губы.

Посещала ли голову Тифчира мысль о том, что будь его магический дар значительнее, то не пришлось бы ему в таком случае дожить даже до подросткового возраста, не то, что до взросления? Кто знает... Он не знал своих братьев и сестру, никогда не видел. А мать – вот она. С внешностью юной красавицы, всезнающая, подавляющая мощью своей магии...

Мечты о магической силе пьянили, но, тем не менее, подготовку к ритуалу полутролле провёл тщательно, согласно письменной инструкции, полученной от Листавиэль. Не забыл даже приобрести артефакт, заживляющий раны, что впоследствии и спасло его жизнь. К слову, артефакт был сработан в своё время Янселем по заказу одного торговца, сетующего на перипетии в дороге.

Пикник затевался достаточно далеко от села, на берегу озера в гуще леса, в стороне от проторенных троп, и ожидать помощи парализованным беспомощным магам было совершенно не от кого. Видимо, Тифчир давно присмотрел это место, у него даже был оборудован тайник, из которого он и извлёк всё необходимое для ритуала.

На всякий случай, дополнительно нейтрализовав Янсея антимагическим ошейником, Тифчир приступил к ритуалу над Гилоном, решив сразу захватить побольше силы.

Тут же на небольшой полянке разложил мага в форме звезды, разместил камни с нарисованными знаками – Янсель их рунами назвал.

Остального парализованный маг уже не видел, так как мешал передвижениям полутролля. И тот, недолго думая, отволоч Янсея в сторону. Потому что дальше случилось, мог только догадываться по доносящимся звукам.

Шелест шагов и шуршание, непродолжительный звук льющейся жидкости. Вот Тифчир произносит незнакомое заклинание на старозельфийском...

Янсель с Лагейном в своё время слышали от наставника о таких обрядах. В каждом виде магии их обставляли разными атрибутами и заклинаниями, но неизменным было одно – вскрывались вены, и током крови регулировалась скорость и сила исхода магии.

Главным в действе было извлечение и усвоение магии, что и было самым проблемным моментом. Именно тогда и терялась большая часть изымаемой силы по причине неспособности быстро уловить и усвоить краденую магию.

Наставник с брезгливой миной на лице, но достаточно подробно, рассказывал суть обряда ученикам. Брезгливость объяснялась негативным отношением большинства магов к таким ритуалам, считающимся постыдными и неприемлемыми в их среде. Тем не менее, учитель считал, что подопечным стоит знать о такой стороне жизни магов – мало ли что в жизни может случиться. Случилось...

По сильному характерному запаху Янсель предположил, что полутролле вскрыл вены Гилону, но что-то не рассчитал и не справился с силой, хлынувшей с кровью. В таких ритуалах обычно использовались ловители магии, иначе большая часть силы расплёскивалась в окружающее пространство, но Листавиэль изобрела способ узконаправленного забора силы напрямую от донора, почти исключаящего потери.

И вот эта концентрированная сила Гилона ударила Тифчиру прямо в середину грудины, сработав как боевой заряд.

Полутролля отбросило в сторону таким образом, что перед глазами парализованного Янселя вдруг оказалась развороченная грудная клетка, с торчащими из раны обломками рёбер.

Известно, что у троллей весьма высокий болевой порог. Тем не менее, Тифчир не выдержал и заорал от боли, но всё же, остался в сознании и вполне осмысленно добрался до сумки, чтобы найти артефакт для лечения открытых ран. От столь ужасающего ранения, когда не только простой человек, но и боевой маг потерял бы сознание от болевого шока, полутролля отделался болезненными ощущениями и несколькими часами сильнейшей слабости после срабатывания мощного лечащего артефакта.

Длинный рваный шрам на груди Тифчир так и не смог вывести.

Всё то время, что полутролля валялся, излечивая последствия своей глупости, парализованному Янселю также пришлось проваляться на траве без движения. Из всех движений парализатором допускалось только поверхностное дыхание – а иначе терялся смысл паралича, если жертва погибнет от нехватки воздуха. Все остальные движения исключались полностью, при этом оставляя возможность слышать, видеть, обонять, осязать – в общем, чувствовать в полном объёме.

Это было своего рода изощрённой пыткой, растянутой по времени. Всё тело вскоре начало неметь от продолжительной неподвижности. А самым страшным было то, что происходило с глазами. Невозможность моргать и как-то смазывать влагой роговицу глаз была катастрофической.

Вскоре слабый ветерок принёс лёгкое облачко цветочной пыльцы, значительная часть которой, конечно же, осела на поверхность роговицы глаз. Плюс ко всему, какие-то букашки заинтересовались неподвижным телом и стали его активно осваивать, в том числе, и многострадальные глаза. Всё это приводило к страшным режущим болям в глазах и голове.

Видимо, сильнейшие боли всё-таки заставили сработать тело вопреки мощному парализатору – Янселю удалось слегка пошевелиться и, наконец-то, опустить веки. Выступившие слёзы омыли сухую роговицу, и, хотя дискомфорт от сора в глазах оставался, стало чуть легче, и вернулась способность соображать.

Поначалу Янсель впал в панику, почувствовав, что полностью обездвижен и ничего не может сделать, а кровавая расправа с лучшим другом полностью дезориентировала. Но сумев вопреки парализатору, совершить пусть малое, но движение, он приказал себе: «Думай, Янс! В конце концов, маг ты или не маг!».

Так, тело обездвижено – это не даёт шевелить руками, чтобы создать заклинание, но есть же заклинания, не требующие участия рук, а произносить их можно и мысленно! Никогда так не делал, но теперь придётся осваивать новые методы владения магией.

Тролля горбатый! Про блокирующий ошейник забыл! Срочно вспомнить информацию по блокираторам.

Блокираторы бывали разными по форме, но работали всегда только двумя способами.

В первом случае магия запиралась, изолировалась в теле, не допуская поступления силы из окружающего пространства, соответственно, не давая выплёскиваться вовне в виде заклинаний.

Второй способ был много хуже. В этом случае магия даже не блокировалась, а просто вытягивалась из тела мага до определённого уровня, хватающего для поддержания жизни в организме. Во избежание потерь магической энергии к блокиратору прикреплялся накопитель.

Ох, как не хотелось стать совсем беспомощным. Если в первом случае были хоть какие-то шансы что-то сделать после прекращения действия парализующего вещества, то во втором случае шансов почти не было.

Прислушавшись к себе, Янсель сначала почувствовал движение воздуха в лёгких. Дышать глубоко не получалось, скорее, всё ещё поверхностно, но удавалось ухватить чуть большую порцию воздуха. К лёгким прилиwała кровь... медленнее, чем обычно, но, если сосредоточиться, то на грани восприятия ощущалось это движение крови.

А что кровь? Она несёт энергию магии, и магия в свою очередь движется со скоростью течения крови.

То есть, нет ощущения оттока магии. А это значит, что на нём блокиратор первого типа. Уже легче. Но это же наводит на размышления – видимо, Тифчир рассчитывал и второго мага пустить под нож, потому и озаботился сохранением магической энергии.

А станет ли полутролля повторять тот же самый ритуал после неудачи с Гилоном или, убоявшись последствий, применит что-то другое?

Янсель не обольщался надеждой, что Тифчир отпустит его после неудачи с Лагейном. Мысли о судьбе друга ввергали в пучину безысходности и лишали сил, потому маг приказывал себе не думать о худшем.

У Лагейна был крохотный шанс – совсем недавно друзья разработали новый амулет, который после спора, кому испытывать новинку, и надел главный княжеский маг. Вопрос – сработал ли амулет? И если сработал, то так ли, как задумывалось?

Слыша стоны и ругательства полутролля, маг лихорадочно прикидывал, что он может противопоставить в таком плачевном состоянии. Однозначно, необходим был щит.

Судя по топорным действиям, Тифчир многого не знал и не умел. Во всяком случае, не понимал опасности выплеска «сырой» силы. И о необходимости техники безопасности в момент ритуала не имел никакого представления, а иначе, не оставил бы лечащий артефакт в сумке, лежащей в стороне.

Вот наставник учил... А, что теперь вспоминать! Лишь бы сработал амулет на Лагейне! Именно этот амулет и являлся последней надеждой – той самой «техникой безопасности», сработанной не конкретно для этого случая, а так... для смутно осознаваемого момента «а вдруг пригодится». Пригодилось...

Так, не думать о Лагейне! В том состоянии, что находился Янсель, он ничем не мог помочь другу.

Щит, нужен щит!

Выставить щит можно было прямо по поверхности кожи, но блокиратор не даст отодвинуть его от тела ни на миллиметр. Какого вида щит ставить? От физических воздействий? Полноценный щит или частичный? Полноценный никак не сделать, а от частичного толку будет немного. От магических заклинаний? От трав и зелий? Не хватит ни сил, ни времени.

Что забирает Тифчир? Магию! Значит, нужен щит, удерживающий магию, то есть тот же самый блокиратор первого типа. Такой же, как тот, что на шее закреплен в виде ошейника, но как бы ошейник наоборот. Итак, решено – щит-блокиратор, не дающий уйти магии, но позволяющий силе поступать извне. Заклинания не помогут, значит, предстояло работать сырой силой. Никогда не делал? Учимся по ходу...

Медленно, с усилием магия пошла из крови. Янсель принялся осторожно и аккуратно выплетать щит. Стоило хоть одному плетению случайно выйти за границу кожного покрова, как всё сделанное моментально разрушалось блокиратором, и тогда приходилось начинать всё заново.

По размерам щит получался небольшим, по площади равным мужскому носовому платку – кровь по венам струилась медленно, из-за этого и магия к месту плетения поступала неторопливо. Да и немного её

набиралось, той самой магии, без внешнего источника. Нити выходили корявыми, неровными по толщине, но это была хоть какая-то защита, противодействие насилию. Что там говорить, недолгое противодействие, но оно было.

Даже скотина перед забоем сопротивляется, а они... Эх, Лагейн!

Щит получился небольшим, и возник вопрос – куда его установить. Если троллю не удастся вскрыть вены на одной руке, то есть другая... есть ноги, виски на голове...

Время поджимало, тролль понемногу приходил в себя, изредка прихлёбывая из бутылка, по-видимому, со стимулирующим отваром, ругаясь сквозь зубы на подлых магов. Очень хотелось возмутиться – кто тут подлец? Но парализатор и здравые мысли, что Тифчиру бесполезно что-то доказывать, заставляли дальше заниматься щитом, а не бессмысленными стенаниями по поводу несправедливости.

И в такой смертельно опасной ситуации Янселю пришла гениальная идея, как небольшим щитом можно обезопасить почти всё тело. При определённых условиях, конечно.

Если протянуть силовые нити в направлении ожидаемых ударов и в случае угрозы в определённом месте быстро передвигать щит по направляющим, то вполне возможно как-то обезопасить себя.

Как показали дальнейшие события, всё сработало не совсем так, как пытался предвидеть помощник и друг главного княжеского мага, но всё-таки помогло остаться в живых и даже сохранить память.

На долгие-долгие годы, даже десятилетия...

Выжил

Я не заметил, когда вожак перекинулся и присел рядом, внимательно слушая повествование Янсея. Тот странно выговаривал слова. Вроде бы правильно и грамотно выстраивал речь, но при этом тщательно проговаривал звуки. Так ребёнок выговаривает новые слова и звуки, совсем недавно освоенные...

По-видимому, сделав кое-какие выводы из неудачи, Тифчир применил к Янселю другой способ отбора магической силы. Медленный, по мнению тролля, но более надёжный в действии. Именно этот способ и рекомендовала Листавиэль сыну.

Тролль торопился провести ритуал со вторым магом, пока действие парализатора не закончилось. Янселю уже удалось слегка пошевелить пальцами. Едва-едва задёргалась жилка на щеке, отходя от действия парализатора.

Пленник уже начал ощущать, как кровь в венах заструилась быстрее. Ещё немного! Если не магией, то хотя бы скованными руками, но он двинет подлещу. Тот ослаблен после ранения и интенсивного лечения и, может быть, удастся...

Не успел. И сначала даже не понял, что полутролль задумал, когда тот грубо перевернул тело мага лицом в землю и небрежно вспорол ножом одежду на спине. Янсель судорожно проталкивал созданный щит к поверхности спины, судорожно перебирая в мыслях все знания в целительстве – где на спине может располагаться вена?.. – и выгнулся от дикой боли.

Тифчир вонзил нож в спину мага на расчётную глубину и несколькими движениями расширил рану, нисколько не заботясь о том, что тот чувствует. Янсель, как человек, совершенно не интересовал полутролля, он видел перед собой только сосуд с вожделенной магической силой, которую необходимо было забрать.

Суть происходящего состояла в том, что видоизменённый блокиратор второго типа вживлялся в тело подопытного мага. При этом способе маг оставался живым, но полноценная жизнь для него заканчивалась.

Блокиратор ненасытной пиявкой постоянно пил магическую силу и направлял её в накопитель. Впрочем, и в этом направлении поработала Листавиэль – она создала приёмник-передатчик, принимающий магическую энергию от блокиратора и передающий магу, владеющему приёмником. Усваивая магическую составляющую из пространства, тело донора тут же отдавало энергию блокиратору, оставляя минимум для поддержания жизни.

То есть маг превращался в дойную корову без житейских радостей, сопутствующих существованию скотины. Качество жизни мага регулировалось величиной потока магической энергии. Захочет реципиент* получить больше, значит, подопытному магу останется меньше сил. Решит уменьшить поток...

Какой там, решит уменьшить! За всё прошедшее время... а какой сейчас год? Что?.. Это ж сколько прошло времени? Больше тридцати лет!?. Так вот, за всё это время тролль ни разу не уменьшил поток, стараясь забрать магию по максимуму.

Спас Янселя крохотный корявый щит, так неожиданно изобретённый. Через боль от ножа, от камня блокиратора, грубо запиханного в рану, каким-то чудом он ухитрился удержать созданный щит, не упустить его и буквально в последний момент подвести к блокиратору, стараясь отсечь магические потоки тела от «пиявки».

Конечно же, отсечь «пиявку» ему не удалось, но получилось другое – щит окружил блокиратор и сработал, как фильтр, не давая магии полностью покинуть хозяина. Удерживая какую-то часть, которая тратилась на стабилизацию созданного щита и поддержание жизни в теле.

Жизнь, фактически, существование... без сил, без мыслей.

Янсель долгие дни и месяцы жил, как в тумане. Из всех сил удерживая щит, пытаюсь сделать его плотнее, боясь нечаянно упустить в какой-то момент. Особенно во сне, когда теряется контроль. Маг понимал, что если упустит щит, то ничто и никто не поможет ему спастись. Только сам!

Держать щит, держать... держать... держать.

Боль в спине из пронзительно режущей стала тупой и более терпимой – это Тифчир подлечил рану артефактом, заботясь о «дойной корове». Полутролль, прислушиваясь к ощущениям от поступления магической силы, щедрой струей наполняющей его небольшой резерв, довольно урчал и бормотал, что зря не послушал советов мамы сразу, тем не менее, высказавшись с претензией на обиду:

– Могла бы и получше объяснить, что мне подходит! Могла бы и настоять! Эх, сколько магии потерял! Тьфу!.. Надо ещё накопителей прикупить, а то резерв уже полон, а накопителей мало осталось... Жалко магию сливать в пространство.

Полутролль хлопотал, примеряясь по-хозяйски к чужой магии, как к своей, вполне заслуженной. И сетовал – вот, столько силы упустил! Как будто и не существовало на свете таких людей, как Лагейн Гилон и Янсель Липуре.

Тифчир ничего не чувствовал к магам – ни ненависти, ни благодарности за отобранную силу. Вот ещё! Никому же не приходит в голову благодарить кусок хлеба или мяса, которыми насыщался в обед. Так и Тифчир был совершенно равнодушен к жизни или смерти друзей. Ему требовался «кусочек» магии, и побольше!

Все перемещения прошли мимо сознания Янселя. Куда и каким способом вёз мага полутролль, он даже не воспринимал. Была только одна цель – удержать щит. Лишь эта тонюсенькая преграда отделяла его от неминуемой смерти, а потому держать щит. Держать...

Целенаправленное усилие помогло. Через какое-то время маг понял, что щит поддерживается автоматически, и можно чуть передохнуть. Но ещё довольно много дней просыпался в поту с дикой мыслью, что щит слетел.

Но корявое плетение «встало» намертво, сберегая крохи магии, которые постепенно возвращали Янселя к восприятию окружающей жизни.

И в какой-то момент маг обнаружил себя лежащим на полу в глухой камерке Лесного замка. Возле двери стояла плошка с засохшими остатками еды и кувшин с водой. Помещение было настолько мало, что ноги можно было вытянуть, только если лечь по диагонали кладовки. Как и когда он попал сюда, что ел и пил, как оправлял естественные надобности, совершенно не помнил. Руки, ноги шевелились, но были очень слабы.

Ещё долгое время маг не мог встать на ноги, ползком передвигаясь по камерке и выползая в коридор, где недалеко от порога стоял широкий низкий горшок, судя по запаху, предназначенный для отправления нужд.

Его не запирали, один раз в сутки приносили еду и воду, выносили помои. Кто-то из проходящих пытался с ним разговаривать, расспросить – кто он такой. Но Янс чётко определил для себя – молчать.

Так и повелось, за всё то время, за все годы до сегодняшнего дня никто не услышал от него ни слова.

Благодаря сбережённым крохам магии, молодому сильному организму и желанию жить Янсель постепенно стал восстанавливаться. И это был долгий процесс.

Маг до сих пор не мог сказать, сколько времени – недель, месяцев или лет – ушло у него на восстановление. Он просто не замечал минут, часов, смены дня и ночи, времён года...

Для него всё слилось в цепь маленьких достижений.

Суметь сесть, обливаясь потом... доползти до конца коридора, чтобы заглянуть за угол – что там? Попытаться встать и... осесть, цепляясь за стену... И добавить в щит ещё одно тоненькое плетение, которое поначалу съест всю накопленную магию, опять заставляя валяться без сил несколько дней, но в дальнейшем даст возможность отвоевать у «пиявки» ещё одну каплю резерва.

Таким образом, вся жизнь и все помыслы мага сосредоточились на противостоянии блокиратору, по-хозяйски расположившемуся у него в спине, чуть выше лопаток.

Постепенно маг начал вставать на ноги и выходить на улицу, благо его камерка располагалась в заброшенном коридоре, а в пяти шагах открывалась дверь на улицу, прямо в парк замка. Почему-то, имея свободный выход в парк, другой конец коридора по логике должен был продолжаться дальше в глубину замка, но, тем не менее, упирался в глухую стену.

Кроме его убежища, в коридоре была ещё одна дверь, ведущая в кладовую размерами побольше, с садовыми инструментами. И ухаживал за ним, если можно было так назвать доставку миски каши и вынос горшка один раз в сутки, старик садовник, которому, как позже выяснилось, и вменялось это в обязанности.

Судя по всему, Тифчир не рассчитывал на длительное донорство мага. По виду мага и расчётам полутролля, Янсель не должен был долго протянуть.

Зачем была нужна быстрая смерть мага? Выгоднее было бы оставить его в живых и, ослабив забор магии, «доить» его долгие годы и десятилетия, ведь собственного резерва Тифчиру даже с условием заимствованной магии намного не хватило бы. Но полутролля добивался смерти Янселя от магического истощения. Зачем?

По истечении времени Янсель пришёл к выводу, что Тифчир с самого начала не собирался оставлять их в живых – ему не нужны были свидетели преступления. Главный маг княжества и его помощник – это не те личности, которые безропотно дали бы себя доить.

Плюс ко всему, поиски двух самых известных людей могли привести к троллю, а двое обессиленных, но живых именитых свидетеля его преступления... Нет, ему проще потом найти «дойных коров», а этих сразу

выпить «досуха». Потому и решился полуграмотный Тифчир на кардинальный забор силы, не рассчитав своих возможностей, но заранее решив, что не оставит магов в живых.

В первое время Янсель все свои силы тратил на уплотнение созданного щита, всё больше отсекая магические потоки от «пиявки».

Но уплотнённый щит требовал больше сил для удержания, и был момент, когда Янселя резко выдернуло из сна ощущение, что щит «срывает». Каким-то чудом в последний момент он удержал его на месте.

Последствием стала работа, обратная предыдущей. Возврат щита к форме фильтра – иначе щит было невозможно удержать. Под напором «пиявки» он просто «уплывал».

Осмысливая причины неудачи, молодой маг пришёл к выводу – мало желания и магического воздействия в борьбе с блокиратором. Со всеми проблемами с магическими составляющими, он совершенно упустил физическое состояние своего организма.

А ведь наставник в своё время постоянно твердил своим ученикам о тесной связи физического здоровья с устойчивостью магии. Вот и пришёл момент преломления, когда физическое здоровье отразилось на магическом состоянии.

Осмотрев доступные взгляду части тела, Янсель горько усмехнулся.

Он никогда не отличался монументальным телосложением – рост средний, кость достаточно узкая, сказывалось эльфийское наследие предков, но тело было достаточно накачанным. Наставник заставлял активно развивать тело не только в магическом, но и в физическом плане.

Фехтование, бег, борьба – полная подготовка для наёмника без магии. Наставник частенько грозился надеть им с Лагейном блокираторы магии, чтобы ученики не халтурили.

Наставник не зря трудился – два его лучших ученика неплохо поработали, что сказалось не только на боеспособности, но и на внешности. Результатом были нескончаемые романы с красивейшими дамами столицы и репутация бойцов, по уговору дерущимися без магии, но с которыми, тем не менее, не стоило связываться.

Что ж, сейчас зрелище, доступное взгляду, весьма удручало. Руки... кости, обтянутые сухой морщинистой кожей без намёка на мускулатуру. Ноги... почти то же самое. Через рваные дыры просматривался впалый живот. И ни следа от накачанного пресса.

Янсель вдруг с удивлением осознал, что даже не знает, сколь долго находился в таком состоянии. Чтобы довести накаченное спортивное тело до старческого состояния...

А впрочем, о чём он? Столь интенсивное откачивание магии не способствует здоровью. И всё-таки физическим состоянием придётся озаботиться. Слабое тело не «держит» магию.

Таким образом, Янсель стал вылезать на улицу и помогать старику садовнику. Если поначалу помощь была скорее символической, то со временем маг окреп и стал брать на себя всё больше функций замкового садовника. Задолго до того момента, когда старик садовник отошёл в мир иной, всю работу в парке уже делал маг.

Так, незаметно для всех Янсель стал своим – садовником, который «давным-давно здесь работает». И молчал, всегда молчал, сколько бы его ни расспрашивали другие слуги. Старательно избегал общества старших слуг, и за все эти годы ухитрился ни разу не попасть на глаза управляющему и кастеляну, которые наверняка знали, каким образом он попал в замок, а значит, должны были знать и о предполагаемой скоротечности его пребывания здесь.

Восстанавливая физическую форму, Янсель по-прежнему укреплял щит возле «пиявки», стараясь действовать более аккуратно, сообразуясь с возможностями физического тела. От постоянной работы на свежем воздухе тело окрепло, внешность тоже стала изменяться.

Как-то разглядывая своё отражение в бочке с дождевой водой, Янсель обратил внимание, что выглядеть стал лучше, моложе и, чего стоило бы избегать, более узнаваемо. И стало понятным кокетливое внимание женской половины замковой прислуги.

Пока слухи не дошли до управляющего, нужно было что-то делать с внешностью. Что ему женское внимание? Янс по-прежнему был озабочен выживанием.

Задумавшись, припомнил шалости, творимые на пару с другом после уроков наложения иллюзии. Да, покуролесили они в детстве... А это мысль – скорректировать внешность иллюзией. Только те временные иллюзии из детства не совсем подходили к ситуации.

Необходима была «крепкая» иллюзия, которая не подведёт, не «сползёт» в самый неподходящий момент, не распознается другим магом.

Помог опыт со щитом. Создал иллюзию себя такого, как запомнил, когда впервые увидел своё отражение – усталое старое лицо, усеянное морщинами, седые волосы, немощное тело.

Впрочем, резко возвращаться к образу старика было нельзя, слуги удивятся столь резким переменам – ещё вчера интересный мужчина, а сегодня доходяга. «Возвращался» к первоначальному образу Янс постепенно. Сигналом к фиксации образа послужила реакция женской половины слуг, вернее, потеря реакции. Дальше «стареть» не стоило.

Вот так Янсель и сделал себе личину, чтобы не привлекать к себе внимание и во избежание узнавания. Совершенно нечаянно новая личина прошла проверку, правда, Янсель натерпелся страху.

В один из дней он катил тачку по дорожке, чтобы подсыпать песок туда, где возникла в нём надобность, и не заметил вовремя, как с боковой дорожки навстречу вывернул Тифчир в сопровождении местного мага. У Янсея дыхание перехватило от неожиданности. Хотел бы он схлестнуться с подлецом! Но на равных, а не в таком состоянии, когда магии едва хватает на поддержание щита и личины.

Полутроль окинул внимательным взглядом сгорбленную фигуру садовника и равнодушно отвернулся к собеседнику. Не узнал! Не понял, что перед ним человек под иллюзией!

И хотя Тифчир весь был увешан амулетами и накопителями, всё равно не понял, что перед ним прошёл не простой человек, а маг. Значит, не так уж помогала троллю чужая сила, не прибавляла ему знания и умений. Может, и научился чему-то, но ворованная магия не добавляла того, что было свойственно собственной силе. Такой была способность сильного мага прочувствовать иллюзию более слабого. А «сильный», увешанный накопителями тролль не распознал, не угадал иллюзию «слабого» Янсея.

А то, что Тифчир пользуется заимствованной силой, Янс понял по тому количеству накопителей, что успел увидеть на мужчине, все они были полны магией под завязку. Казалось, около тролля воздух дрожит от огромного количества магии и вокруг каждого заряженного камня мерещится ореол.

Так Янсель впервые увидел потоки магии. Очень слабо, но увидел и поначалу не понял. Это потом, позже придёт осознание, каким чудесным подарком одарила его судьба в награду за долгие годы мучений.

Договорённость

Янсель горел лишь одним желанием – встретить мага, лучше «видящего», который сможет помочь ему удалить из тела блокиратор. К местному магу Дикальмису, ставленнику Тифчира, обращаться опасался, а других в городе не было.

– И хотя давно известно, что все оборотни магически одарены, всё же я не ожидал, что встречу «видящего» среди оборотней, да ещё такого молодого!

На фразе о магически одарённых оборотнях мы с вожакom переглянулись – сразу вспомнились слова Тимофеича, что факт обладания магией оборотнями только недавно им установлен и является чуть ли не государственной тайной. А сейчас выясняется, что никакая это не тайна, а, наоборот, давно известная истина.

Я был в смятении. Неприязнь к угрюмому садовнику под влиянием жуткого рассказа сменилась сочувствием. Но Тимофеич...

Да, я слышал страшные подробности, но в моём восприятии они никак не соотносились с моим учителем. Добродушным здоровяком, шутником и заботливым наставником с самого раннего детства. Противный запах? Аляпистые блестяшки? Ну и что? Это просто недостатки... Не он это! Вот явно это был кто-то другой, а Янсель просто перепутал, ведь вон сколько лет прошло... Точно перепутал! И ещё...

– А как же Гилон? Ведь Тимофеич – тот самый Гилон! – вклинился я в тихий разговор старших.

– Тифчир – Гилон? Граф Гилон?

С мага даже личина слетела, и Ррык с интересом рассматривал бывшего соперника.

– Как эта скотина стал графом и именно Гилоном?

Янсель кипел от возмущения, мы же с вожакom недоумённо пожали плечами – откуда нам знать-то. И что же? Выходит, Тимофеич соврал и чужое имя присвоил?

– А... – плечи мага поникли, а голос вдруг стал глухим и усталым, – у Лагейна сестра в поместье оставалась... Талина... пятнадцать ей было, когда мы...

Сглотнув сухой комок в горле, спросил у Ррыка:

– Ничего не слышал?

Вожак отрицательно качнул головой. Эх, не нравились мне все эти... вновь всплывающие факты. Всё больше они указывали на то, что злодей полутроль и любимый учитель маленьких оборотней – одна и та же личность.

О-ёй, как сложно-то!

Пока я размышлял и сокрушался о том, что Тимофеич вдруг оказался не тем, кем воспринимался долгие годы, старшие уже о чём-то договаривались.

Маг предупреждал вожакa:

– Не стоит вам с поварихой дожидаться утра. Не дадут вам далеко уйти. Грахиаш люто ненавидит оборотней, людей изо всех сил настраивает против, а тут вы ему все планы ломаете. Ты представить не можешь, что тут творилось, когда объявили, что сестру Авиньи людоеды съели. Уж на что я не в себе был, и то посмотрелся, как оборотней изгоняли, а то и убивали. А одного даже прятал, пока ему не удалось из города выбраться. В

округе сейчас ни одного оборотня не осталось. Даже проездом не задерживаются. Я удивляюсь, как управляющий твои наезды терпел. Уж очень сильно он вас не любит. За что вот?

Ррык пожал плечами:

– Да что там... Я ж с отчётами да с деньгами приезжал. Мне лишний раз задерживаться резону не было. Приехал, сдал всё под расписку и обратно – домой. Даже не ночевал никогда. Не нравился мне Грахиаш, не доверяю я ему.

– Вот и говорю – не дадут вам далеко уйти. Эх, берёг я одну штуку – переносной телепорт называется. Мы с Лагейном его сработали. Думал, воспользуюсь в случае чего, только вам сейчас нужнее.

На наши вопросительные взгляды маг пояснил:

– Портал – это такая хитрость: шаг делаешь, вроде вперёд, а оказываешься далеко в другом месте. До нас их только драконы делали. А нам с Лагейном одна рукопись попалась. Ветхая тетрадь, без начала и конца. Кто писал и о чём – мы долго понять не могли. Но потихоньку разобрали – оказалось, описание создания артефакта. Даже неясно поначалу было, для чего он нужен. А расчёты вдруг указали, что это – артефакт перемещения. Что-то доработать пришлось. Сначала животных помельче перемещали. Собак да кошек. Потом коня. Все живы-здоровы оказались. Позже преступника одного попробовали переместить – князь нам разрешение дал. А дальше, и сами опробовали – до Ляличей как раз через телепорт добирались. Поисками Листавиэль занимались, но и артефакт дорабатывали. У Лагейна артефакт должен был сработать при угрозе жизни. А я так и не знаю – сработал ли. Тогда на месте не понял, а больше и спрашивать не у кого. Не у Тифчира же! А мой артефакт у меня на шее болтался. Простой дешёвый камешек ничем троллю не приглянулся. Потому так и остался со мной. Телепорт на одного человека рассчитан, на расстояние в сорок миль, а направление противоположное тому, к какой стороне света расположишься лицом. Тут мы с Лагейном чуток не доработали. Поэтому очень важно встать правильно. И переместит, думаю, не на расчётное расстояние. Там оно исходя из веса установлено. А вас двое. Уж точно превысите расчётный вес – я-то для себя его делал. Думаю, миль на двенадцать потянет вас двоих.

У Ррыка глаза от любопытства засверкали, но брови озабоченно сдвинул:

– И пары миль уже хорошо будет, если верхами. А лошадей как? Получится с нами переправить? Хотя бы одного?

Всё правильно, субаран и двоих сvezти может.

– Делалось для меня одного с небольшим запасом, но без коня. Как раз в твой вес уложится, Авинья чуть побольше весит... Хм, с лошадьми, уж точно на три мили вас переместит, не дальше... А то и меньше. Действительно, с одной ещё успеете в проход проскочить, а вот с двумя вряд ли. Проход всего ничего открытым держится.

– Ну, что ж, спасибо тебе за помощь, Янсель, – вожак о чём-то ещё задумался. – Только будет у меня к тебе большая просьба. Боязно мне оставлять молодняк в замке. Как бы не приключилось с ними чего? Всё ж, когда сюда направлялись, не знал, что к оборотням здесь до такой степени плохое отношение. Тимофеич уговорил, – поморщился, – да ещё и Уруса с собой увёз.

На вопросительный взгляд Янселя махнул рукой в мою сторону и пояснил:

– Его вот старшего брата и из молодняка пока самого сильного... Есть тут один мой хороший знакомый. Когда-то пришлось ему у наших отлёживаться после заварушки. Вроде к оборотням у него предубеждений нет. Попрошу его за щенками присмотреть. Но и к тебе, Янсель, просьба будет. Помоги им с магией освоиться. Или кого посоветуй. Да и вообще, в жизни они совсем ещё не разбираются. Опасаться не умеют.

Маг внимательно осмотрел меня.

– Да, интересный у тебя племянник. А если и остальные такие же...

Ррык хмыкнул:

– Ну, нет уж. Лагор у нас один такой... особенный!

Я от смущения заёрзал на месте, а Янсель приглушённо ахнул:

– Так это он? Особенный потомок великого оборотня?

– Оборотни считают, что да – это Лагор. Да и Тимофеич пасёт нас с самого его рождения. Не просто ж так. Хитрый он, но не дурак. Очень хотел самых сильных оборотней в Окреш утащить. Понимаю, что князь нам благоволит, но чую, в случае чего, Тимофеич и его переиграет. Выпросил я у князя для своих службу в Лесном, думал, от Тимофеича отдалю, да и самому всё ближе навещать-проверять. А теперь после твоих слов опасаюсь за них. Конечно, молодняк в сопровождении... да что они сделают? Не умеют же ещё ничего. В обычной жизни толком ещё не разбираются, а тут дополнительный противник – Грахиаш. А мне отлучаться от стаи надолго нельзя, там свои проблемы. Ты ж всё-таки калач тёртый, осторожности их поучишь, да и в магии совет дашь.

Янсель, вопреки моим опасениям, отказываться не стал. На том они и порешили.

А мне один вопрос всё покоя не давал. Не выдержал, всё-таки спросил:

– А что такое ретици... перци... ну, то самое – ретицент?

* Реципиент — это объект или субъект, получающий (принимающий) что-либо от другого объекта или субъекта, называемого в противоположность донором.

Второй день в замке

Вожак с Авиньей уехали рано утром. А вернее, поздно ночью. Небо было совсем тёмным, когда искалеченный маг провёл путников через тайную калитку в дальней стене парка, до которой они добирались полных два часа по петляющим дорожкам.

Ррык не спотыкался лишь благодаря ночному зрению оборотней. А повариху тянул за руку Янсель и тихо подсказывал ей, куда наступить да где повернуться. Я думаю, тётушка Авинья сильно удивилась, когда немой садовник вдруг заговорил.

А секретной калитка оказалась, потому что никто о ней не знал, кроме садовника. Видимо, когда-то она использовалась для выхода в город прямо из парка. И за долгие десятилетия, а то и сотни лет, заросла кустами да деревьями, как с внутренней, так и с внешней стороны настолько густо, что, не зная, что где-то здесь есть проход, ни за что не догадаешься.

А со временем об этой калитке и вовсе забыли. Со стены она совершенно не просматривалась, буйная растительность надёжно скрывала примятую траву возле дверцы. А вынырнуть из-под кустов можно было в любом месте.

Своего субарана Ррык увёл к калитке загодя вечером, всё-таки решил не рисковать и выбираться из замка пешком, а не верхом через главные ворота. Чтобы конь мог пройти, Янсель аккуратно проредил заросли кустов возле секретного прохода так, чтобы сильно не нарушить внешнюю маскировку.

Планировалось обзавестись в дороге второй лошадей для тётушки Авиньи. Благо, в нескольких милях от города располагалось торговое село – уж там-то лошадей всяко продают. А не выгорит, так субаран и двоих вывезет.

Тётушка Авинья, конечно, не больно-то обрадовалась пешей прогулке, да ещё и поздней ночью в компании незнакомого оборотня. Про него-то управляющий и предупреждал, что он людоед – правда, кажись, это всё брехня, но...

Она планировала набрать гостинцев сестре да племянникам, рубаху зятю в подарок прикупила. Да и припасов хотела захватить на всю дальнюю дорогу – не голодать же целую неделю, опять же, не одна едет.

И собиралась ехать в возке, ну, может, на телеге. А уж верхом на лошади, никак ей не улыбалось – тётушка и забыла, когда последний раз верхом на коня садилась. Верно, в детстве.

А там... А тут... От плиты оторвали, что успела прихватить, с тем и отправилась в дорогу. Из тёплой одежды на ней кофта да шалёшка, молью подъеденная, что на крючке возле двери мотылялась – в дорогу надеть вроде не жалко, но всё ж, не очень фасонисто, больно вид-то затрапезный...

А со спинки стула хватанула рубаху, что зятю в подарок прикупить успела. Как раз сегодня на замковый двор торговцы завернули, много чего интересного было в их повозке – для женщин платки, ленты да отрезки ярких тканей, а для мужчин рубахи да ещё кой-какое барахло. Вот и выбрала нарядную рубаху – синюю шёлковую, тонким узором по вороту расшитую.

И ни подарков для сестры и племянников прихватить не успела, ни припасов в дорогу. И теперь брела в темноте за садовником, прижимая рубаху к груди, и кляла свою нерасторопность, а заодно и спутников-торопыг. А напоследок ещё услышала какой-то непонятный наказ её спутнику от странного, недавно напроць немого, но вдруг заговорившего провожатого:

– Не забудь, Ррык! Выбираешь направление и становитесь строго к нему спиной, активируешь амулет и без оглядки двигаетесь вперёд...

Не зря садовник предупреждал вожака, не зря не дали тётушке толком собраться. Ох, не зря!

Вскоре после ухода Ррыка с Авиньей я пристроился возле окна, из которого можно было хорошо рассмотреть замковые ворота и казармы, а если высунуться немного, то и фасад замка был виден. Конечно, сидеть и тарачиться в ночь несколько часов подряд после трудного дня тяжело. Было, что и придремал. Но всё-таки не пропустил...

Только поутру ночная стража сменилась, как вскоре между зданием замка, воротами и казармами началось оживлённое движение. А после в ворота вылетел конный отряд, человек в десять. Что-то многовато на двух человек, это если Янсель не ошибся, и отряд послан в погоню.

Эх, кабы узнать – как и кто догадался, что вожак ушёл, и удалось ли Ррыку с Авиньей оторваться от погони?..

Накануне вечером нас познакомили с человеком, который будет нас курировать – вроде как опекать. Куратором оказался тот самый «медведь», что так горячо встретил вожака на плацу. Десятник Тацина – так отрекомендовал его нам Ррык.

И если вечером, знакомясь с нами, десятник улыбался и шутил, то сегодня при встрече после завтрака был хмур и молчалив. Доведя нас до плаца, буркнул: « Бегать!», а сам уселся на обрубок бревна и отвернулся.

А нам что? Нам бегать не трудно. Выстроились вчерашним порядком и потрусили по краю площадки по кругу. Оборотни такой трусцой часами, если не сутками, передвигаться могут. Некоторые умудряются даже вздремнуть на ходу.

Мы всё кружили и кружили по площадке, уже и Марин с Лийсой к нам присоединились, а Тацина так и сидел на месте, глядя на то, что перед замком происходит. Мы, пробегая мимо, тоже шеи выворачивали, заглядывая в прогалы между кустами, отделяющими плац от замковой площади.

А там... Да непонятно, что там происходит.

Людей на площади сегодня было намного больше, чем вчера. Слуги и стражники бегали не хуже нас, только не по кругу, а кто куда, да все в разные стороны. Видно, что и настроение у всех сегодня такое же, как у нашего куратора, совсем не весёлое.

М-да, неужто исчезновение вожака и поварихи так всех всколыхнуло?

А перед замком ещё людей добавилось. Из дверей главного здания вышло несколько важных мужчин, которых мы ещё не видели. Среди них выделялся один, самый напыщенный – моложавый подтянутый мужчина с длинными волосами, собранными в косу, как эльфы любят носить, только плетение у них попримудливее будет. Похоже, что в этой группе он был главным.

С такого расстояния и на ходу не очень-то хорошо рассмотришь, но видно, что одежда на этих мужчинах красивая и совсем не такая, как у слуг и стражей – значит, не служат в замке.

А чего ж тогда они тут делают? Похоже, даже командуют! И все эти слуги, и стражники подбегали к ним и в чём-то отчитывались. А те их опять куда-то посылали.

Любопытно-то как! Надо как-нибудь расшевелить Тацину да расспросить про этих... важных.

Впрочем, те сами решили к нам подойти. Один из стражников показал в сторону плаца и что-то сказал, и теперь все эти важные господа направились в нашу сторону. Десятник сразу подхватился и тревожно оглянулся на нас. А я и не заметил, когда мы сгрудились за спиной куратора.

Впереди неторопливо выступал самый главный, картинно опираясь на резную трость.

– Десятник, ты видел сегодня ведущего представителя оборотней?

– Никак нет, господин Грахиаш, – Тацина вытянулся во весь свой немалый рост.

Ага, оказывается, это и есть тот самый управляющий Грахиаш, который ненавидит оборотней. Действительно, вожака с Авиньей потеряли – прав оказался маг.

Ох, и какой же у него тяжёлый взгляд! Грахиаш в упор рассматривал каждого из нашей группы. Я не оглядывался на своих, чтобы посмотреть, как они отреагировали на такое.

В среде оборотней, как и у хищных зверей, взгляд в упор означает вызов. И теперь этот... проверяет каждого из оборотней на прочность. Сволочь! Похоже, и магией каким-то образом давит.

С усилием заставил себя отвести глаза в сторону, хотя внутри всё протестовало. Пока нельзя...

– Когда вы видели его в последний раз?

– Вчера вечером, когда принял кураторство над подопечными ведущего представителя.

– Хм, и кто самый старший из подопечных?

И этому старшего подавай... Незаметно толкнул Марина, который во все глаза тарачился на подошедших.

Марин тут же с готовностью выступил вперёд, но вопрос о ведущем представителе ввёл его в ступор – просто не понял, про кого спрашивают. Как ни странно, Грахиаш довольно терпеливо объяснил, что имеет в виду вожака Ррыка. Марин с облегчением замотал башкой – нет, не видел.

Я понял, что наступила моя очередь —ещё вчера мы обговорили, что необходимо оповестить об отъезде вожака и Авины. Стандартно, непосредственно перед отъездом, нельзя — иначе, погоня не даст далеко уйти. Без доклада об отъезде тоже нельзя — обвинят в похищении Авины...

С наивным, насколько мог, видом выступил вперёд. Моё сообщение, что вожак с Авиной уехали совсем рано, по холодку, разозлило управляющего — желваки туго перекатывались на побледневших скулах, глаза полыхали. А я разливался соловьём о планах Авины навестить сестру — свидетелей много, не только оборотни, но и поварята с кухни наш разговор слышали. Спросят, так расскажут.

— Кто такой?

— Племянник ведущего представителя, господин Грахиаш, — вытянулся, подражая десятнику.

Мой придурковато-старательный вид окончательно взбесил управляющего. Похоже, его совсем сорвало — на губах показалась пена, и рука с тростью взлетела вверх...

— По распоряжению главного мага Тимофеичера Гилона, — я в упор смотрел в сумасшедшие глаза... и ломал, ломал чужую волю.

Имя главного мага сработало, и Грахиаш отступил, злобно ворча. Вся кампания развернулась в сторону главного здания, а вслед за ними убралась толпа слуг и стражников, занимавшихся розысками.

Тацина с облегчённым вздохом плюхнулся на бревно, рукавом отирая пот со лба.

— Уф! Молодец, парень, вовремя ты вернул про главного мага. У Грахиаша при виде оборотней мозги закипают, совсем соображать перестаёт. Но с главным ему не тягаться! Так что, если взъестся, быстро напоминайте ему, что вы здесь по распоряжению главного мага.

Мы продолжили тренировку на выносливость, и вскоре к нам присоединились люди из десятка Тацины. Позже проверили наши навыки работы с мечом...

А вечером я встретился с магом.

Янсель потребовал, чтобы каждый из оборотней дал клятву о неразглашении. Я оскорбился за своих— мы не предатели...

— Верю. Но бывают ситуации, когда любой непроизвольно может проговориться. Магическую клятву можно построить так, что при возникновении непредвиденной ситуации оборотень ни прямо, ни косвенно не скажет про меня и обучение. Разве что, под ментальным воздействием. Только, найди-ка того ментала...

Увидев моё лицо, Янсель поднял руку в защитном жесте:

— Всё расскажу, только в процессе обучения. А сейчас давай займёмся с тобой заготовками.

Было познавательно.

Заготовки заклинания — вот полное название того, что мы делали с Янселем. Маг брал лист бумаги и разрисовывал его линиями, кружочками, закорючками, иногда вписывая слова. Потом нужно было напитать эти листы силой.

Так как для Янселя этот процесс был весьма проблематичным, то честь запитывания магией представилась мне. Ха! Раз плюнуть! Плеваться пришлось... с досады.

В первой же попытке я просто сжёг сразу всю подготовленную пачку листов, только пыхнуло зелёным светом. Выпученные глаза и отвисшая челюсть Янселя были, конечно, забавны, но мне стало стыдно.

Я ещё не понял, что натворил, но вид опытного мага был красноречив – опять что-то из ряда вон... Так и оказалось.

– Не та беда, что сдуру спалил работу, на которую ушла прорва времени, а вот последствия уничтожения... Любое заклинание можно записать просто так, и это может быть обычной записью. И даже можно сопроводить записи знаками рун, векторов приложения и границами распространения...

Вот, что обозначают эти слова и выражения? Убей – не знаю. А Янсель продолжил:

– ...но если поставить знак, что подготовленная запись готова к подпитке, то всё...

Что всё? Я недоумённо взирал на мага.

– В этом случае заклинание приходит в готовность и самостоятельно чуть-чуть прихватывает магию из пространства. Всего каплю, но этого достаточно. Это уже готовое заклинание, слегка напитанное магией по факту своего существования. Его можно хранить в таком виде и в нужное время напитать силой до полного срабатывания. Или уничтожить. Аккуратно стирать написанное, плавно отпуская магию обратно в пространство. Или грубо – тогда резко высвобождается эта крохотная капля магии вместе с искажённым уничтожением заклинанием. Резкий выброс от слабого заклинания проявляется искрами, шипением, каплями воды или ещё чем-нибудь в зависимости от вида заклинания. Мы с Лагейном в детстве даже баловались таким – рвали слабые заклинания. Иной раз заигрывались до ожогов или обморожений...

А я вдруг вспомнил взорвавшийся нож деда, когда я его бросил в огонь. Это он от заклинания, что ли, взорвался?

– В нашем случае всё намного серьёзнее. Заклинание было четырёхступенчатым! То есть, ты напитываешь магией заготовку, закреплённую одним знаком, оборотень произносит клятву, что усиливает основу и закрепляется вторым знаком. Капает каплю крови, подтверждающую принадлежность именно к этой личности, что дополнительно усиливает напряжение и опять закрепляется. Итоговый знак запускает заклинание в работу со всеми условиями. Ты же понял, что само заклинание содержит множество условий, которые в свою очередь срабатывают в зависимости от той или иной ситуации? Это сильное многоходовое заклинание изначально само по себе энергетически напряжённое – я сутки конструировал его маленькими шажками. Без хвастовства, я достаточно грамотный конструктор заклинаний. Так вот, скажу тебе, что сама напряжённость основы заклинания при резком разрушении весьма опасна. Конструкционные дополнения к привязке из магии крови даже без самой крови делают его фактически смертельным. Ты же! Сжёл сразу пять... ПЯТЬ четырёхступенчатых заклинаний! Мы с тобой должны были ПЯТЬ раз мертвы! И половина парка должна быть выжжена напрочь... Ты что сделал?

Откуда я знаю? Из отповеди мага я понял только, что ничему путному нас Тимофеич не научил... Свечки зажигали... Тьфу!

– Ты же говорил, Тифчир вас всё лето учил. Давай разбираться, чему...

По окончании моего рассказа маг удивился:

– Это что же выходит, Тифчир до сих пор работает с сырой силой? И ничему другому не научился? Странно... И этот неуч – главный маг княжества?

Я припомнил, что как-то видел у Тимофеича стопку бумаг со значками, похожими на уничтоженные.

– Это уже о чём-то говорит, хотя... заготовки ему может кто-то делать. Но всё равно этого мало...

Вспомнились ограждение двора и поляны с элификом, чудесная яблоня, заклинания на ноже и бусах...

– Значит, всё-таки чему-то научился. Ещё бы! Столько времени прошло, а у власти примитивным обаянием не удержишься. Научился... Только вас учить ничему не захотел, сырой силой работать заставлял... А других оборотней обучал?

Услышав мой отрицательный ответ, маг неторопливо перебрал факты и сделал вывод:

– Только единственное приходит на ум... Тифчир заставлял вас работать сырой силой. Конечно же, ею много не сделаешь... идёт огромный выплеск магии – это абсолютно нерационально и расточительно... но, её можно просто собрать в накопители. Наверняка охранный барьер работал уловителем... Как накопители выглядят, знаешь? В основном, это драгоценные камни. Они могут быть вделаны в перстни, подвески...

Отчётливо вспомнилась любовь наставника к многочисленным украшениям с камнями. Не украшения то были, а накопители магической силы.

– Вы трое, ты с братом и вожак – сильнейшие маги. При работе с сырой силой можете выбрасывать настолько огромное количество магии, что нужды заниматься другими оборотнями просто не будет... О, Тифчир поумнел!

Взглянув на моё лицо, маг резко замолчал. А я понял, зачем Тимофеичер забрал Уруса с собой!

– Значит, Ура он забрал из-за магии? – от волнения у меня даже во рту пересохло. Если что, то у брата не будет никаких шансов к спасению. Он верит главному магу, и у него нет умений Янсея...

– Выходит, так, – маг тоже помрачнел, – ты только не переживай раньше времени. Судя по всему, тролль теперь старается действовать тоньше, без последствий, чтобы получить максимум магии. Он считает, что вы ещё долго будете в неведении. Ведь шансов встретить независимого грамотного мага, который разберётся в сути происходящего и объяснит вам, что происходит, ничтожно мало. Фактически нереально. Наша встреча ни в каком сне не могла никому привидеться! Тифчир будет стараться пользоваться ситуацией максимально долго, ему нужны...

Я сам додумал недосказанную мысль Янсея:

– Тимофеичу нужны «дойные коровы», – и содрогнулся от чудовищности сказанного.

Вести и... мясо

На соседней койке беззаботно сопел Сувор. Несмотря на предыдущую ночь без сна, я не мог уснуть.

Слушая вместе с вожакон рассказ о перипетиях Янсея, я ужасался, возмущался и недоумевал. Но воспринимал всё это как бы со стороны. Казалось, такие страшные вещи могут случиться с кем-нибудь другим, но никак не со мной и не с моими близкими.

И вдруг мы оказались фактически в том же положении, что и Янсель. Нас отличала только разница в состоянии здоровья. Надолго ли?

Припоминаемые мелкие нестыковки и несуразности в поведении Тимофеича в свете нового осмысления фактов складывались в логическую картину. Сейчас я чётко осознал, что любимый наставник, которому беззаботно доверял, целенаправленно и хладнокровно использовал нас, наше доверие, здоровье в корыстных интересах... в которых мне и моим близким отводилась роль бессловесных «дойных коров».

Нас, маленьких оборотней, с самых первых лет приучали к мысли, что брать чужое нехорошо и воровать нельзя. А тут достаточно близкий человек просто и походя забирает твои силы, как свои.

Впервые в жизни я осознал суть предательства. Как же это страшно! Хотелось кричать, выть и... убить главного мага. Но с горечью приходилось признать, что ничего... совсем ничего я сейчас сделать не смогу. Просто не

умею. И какой бы потенциал ни был заложен во мне, как все вокруг утверждали, на самом деле я пока совершенно бессилён против главного княжеского мага со всеми его накопителями, которые сам же помогал заполнять.

Не в силах лежать, я вылез через окно на крышу навеса и сел, уставившись в тёмный парк.

Там, далеко в столице сейчас мой брат рядом с безжалостным троллем, готовым пойти на убийство в любой момент. В другой стороне деревня, в которой живут мои родные, но там же сейчас находятся другие маги, которых привёл туда Тимофеич... Почти всех я знаю с детства.

Но теперь, в свете того, что я узнал о своём учителе, я не могу доверять и тем, кого он привёл. С какими целями они туда приехали? Каковы мысли и планы этих магов? Отсутствие тролля в деревне не даёт гарантии безопасности моим близким. Что делать?

Ррык перед отъездом дал пару адресов людей, к которым можно обратиться в острой ситуации. Один из них, Намил, кажется... точно, Намил, может отправить весточку в деревню. Нужно написать письмо вожаку. И даже много объяснять не придётся, Ррык поймёт.

А вот с вестью Урусу, скорее всего, ничего не получится – слишком много придётся рассказать. За разъяснениями Ур пойдёт к тому же Тимофеичу, а тот объяснит по-своему... ножом по венам.

Решено! Посылаю весть вожаку. А брат... За брата только остается молиться, чтобы вернулся живой и здоровый. И больше не разлучаться по возможности.

После принятого решения я успокоился и наконец-то смог уснуть.

Решение принять можно, а вот выполнить его... наверное, тоже можно.

Я подумал, что сначала нужно найти этого Намила, и не видел в этом никакой трудности. Пойду по адресу, а живёт он возле пекарни Ораша, и попрошу отправить весточку в деревню. Да, но для этого нужно выйти в город.

Поутру никто меня за ворота не выпустил!

Сказали – так как мы являемся служащими в замке, то нужно письменное разрешение, выданное управляющим. Или кастеляном, но заверенное тем же управляющим. Вспомнив «ласковые» глаза господина Грахиаша, я приуныл. Решил пойти посоветоваться с Янселем!

Отправив свою маленькую стаю на тренировку, я поспешил к парковой калитке, через которую впервые заходил вместе с Ррыком.

Стражник, охраняющий эту калитку, вытаращил глаза от моей наглости. Что это наглость, я, озабоченный своими проблемами, сразу и не понял.

Думая о своём, ещё пытался протолкаться мимо стражника, когда мимо меня в калитку скользнули две девушки. Столь необычные и красивые, что я, совсем как простофиля, открыл рот.

Одна из девушек мазнула рукой в тонкой перчатке по моей щеке:

– Какой хорошенький!

Этот возглас сработал, как ведро холодной воды, и отрезвил меня.

Болван! Что я делаю? На глазах у всего замка собираюсь встретиться с Янселем, якобы немым садовником, с которым для всех я никак не могу быть знаком! Как ошпаренный, отскочил и припустил прочь от калитки под издевательский хохот стражника.

На тренировку я всё-таки пошёл, а во время обеда в столовой только и разговоров было, что какой-то пацан из приезжих за благородными девушками, раскрыв рот, ходил. Мои оборотни тоже поусмехались, пришлось им объяснить, что это я ходил по делу и наткнулся на тех девиц, а уж свидетели переврали, как им интересно.

Может, проще было бы промолчать, да ведь тот стражник на меня пальцем скоро прямо укажет – тогда уже и свои обсмеют, а это для жоака недопустимо. А остальные пусть, что хотят, говорят. Главное, с Янселем не свяжут.

...Троль горбатый! Почему на соседнем столе у стражников в тарелках мясо тушёное с овощами, а нас опять пустой кашей кормят?

Заедок всяких полон стол – огурцы солёные, капуста квашеная, пирожки с грибами, хлеба вволю... и ни кусочка мяса! Обратней кашей кормят – кому скажи, засмеют! Не один я на соседний стол косился, мои парни тоже в тарелках ложками возили, одна Лийса уплетала кашу за обе щёки.

Вечером на встречу с Янселем в одну из парковых беседок я летел, не чуя ног. Вывалив магу все свои ночные мысли, перепутав с событиями возле ворот и парковой калитки, потребовал от мага немедленно связаться с Ррыком, чтобы предупредить об опасности.

– Лагор, Лагор, – маг качал головой, – согласен с тобой. Наверняка, в деревне есть люди Тифчира. Но не думаю, что они много знают. Троль в отличие от нас очень недоверчив. Вряд ли на свете существуют люди хотя бы наполовину осведомлённые о его планах. И в деревне без его ведома ничего не случится. Если сейчас и стоят уловители, то только от общего фона. В деревнях обратней всегда магический фон повышен. Именно по этим показателям их и находят. Согласен, Ррыка обязательно нужно уведомить, но ни в коем случае не так, как ты пытался сделать.

Я уже осознал свои ошибки и понимал обоснованность выговора.

– Грахишу обязательно доложили, что ты пытался выйти в город. И о твоём появлении у парковой калитки расскажут. Вряд ли он свяжет это со мной, но тобой заинтересуется. Людей Ррыка сдавать ни в коем случае нельзя, давай думать, что скажешь, когда спросят, что тебе в городе понадобилось. А спросит обязательно какой-нибудь человек управляющего.

Что же такое придумать? Все мысли только о мясе. Ужин снова был без мяса. Когда слуги делили жареных кур, мы хмуро жевали творог, запивая молоком.

А это мысль! Хотел выбраться в город, чтобы добыть мяса, потому что не наедаюсь. Поделился мыслью с садовником.

Янсель совсем засмурнел.

– Плохо дело, Лагор! Грахиаш вас провоцирует, на бунт толкает. Был уже такой «мясной» бунт в нашей истории лет двести назад. Тогда управляющий замка воровал и плохо кормил войска, расквартированные у него на постое. Хотя казна оплачивает такие расходы исправно. А самый дорогой продукт всегда – мясо. Вот и экономил, в основном, на нём. А войска на десятую часть состояли из обратней. Всем было худо, но оборотни не выдержали первыми, не могут они без мяса долго обходиться. Тогда бунт чуть в гражданскую войну не перерос. Пока разобрались, что к чему, много народу погибло, уже и о первопричине забыли. Бунт подавили, виновных наказали, но указ издали, запрещающий обратням иметь оружие вне службы. И на службу их брать долго опасались. О том, что бунт был «мясным», мало где упоминается. Соответственно, и причину бунта мало кто знает. По-видимому, Грахиаш из таких знающих... И выход из замка обычно свободный, кроме чрезвычайных ситуаций. Тебя должны были свободно пропустить, просто доложить управляющему. Не пустили как раз по его распоряжению. Знает он, что вам плохо без мяса, и ждёт, когда

взбунтуетесь, чтобы перебить на вполне законном основании. Тут уж и главный маг со всеми своими интересами – не помеха... Всё поправимо. Проблему с мясом решим уже завтра к вечеру, но...

После обсуждения создавшихся по милости управляющего проблем, мы с магом продолжили прерванную накануне работу по заготовке заклинаний клятвы для всей стаи. Для запитывания магией заготовок Янсель предварительно научил меня словесному заклинанию дозированной подпитки.

Почему словесному? Да потому что все элементы заклинания – запускающие процесс, оговаривающие условия и завершающие процесс – все проговаривались очень чётко словами.

Интересно, что всё заклинание было достаточно коротким, но его ни в коем случае не разрешалось записывать на одном листе и даже в одной тетради. Только каждая часть на отдельном листе, хранящемся, опять же, отдельно от других. Иначе последствия непредсказуемы.

Если листы нечаянно соприкоснутся, заклинание обязательно сработает даже просто на фоне магии. И ладно, если просто пшикнет искрами. А то залипнет в неправильном состоянии, когда завершение впереди условий окажется или ещё как по-другому. И большой «бум» может случиться даже от капли магии. В этом случае что-то там срабатывает, как усилитель и детонатор одновременно – ага, делаю вид, будто всё понял.

Маг назвал заклинание:

– Узконаправленное, строго структурированное, мгновенного действия, без вариаций, – и сказал, – пользоваться им можно только в трезвом состоянии и ясной памяти.

Я был трезв и немного возбуждён. Передо мной находились три листа, приколотые на трёх разных досках и слегка освещённые огоньками маленьких свечей. Взять в руки лист с заготовкой клятвы, последовательно с листов считать три части заклинания. Я даже не чувствовал потери магии – Янсель сказал, что по сути её немного нужно. Лист после запитывания слегка темнел.

Под конец я уже полностью выучил заклинание и шпарил наизусть. Но в какой-то момент слегка сбился на одной из последних заготовок – Янсель смотрел на меня, замерев. Не повторяясь на сбившемся слове, я постарался медленно продолжить заклинание. После окончания лист изменил цвет, а маг перевёл дух. Всё обошлось.

Надо же, сколько проблем и суеты из-за одного маленького заклинания!

А утром Лийса перебралась жить к нам на конюшню в свободную комнату. На наши вопросы досадливо морщилась. Позже украдкой рассказала, что по ночам к её дверям повадились ходить прихлебатели из свиты управляющего.

– Приходят, стучатся, чуть двери не выламывают, то ли в шутку, то ли всерьёз зовут посидеть в компании... Всякую похабщину говорят... Ну их! – Лийска покраснела и отводила глаза.

Оказывается, все эти дни она ела лишь один раз в сутки – с нами в обед. Завтракать и ужинать, как и Марин, она должна была вместе с управляющим и его компанией.

Ну, и позавтракала один раз после отъезда Уруса с Тимофеичем... Больше не пошла. И старалась из своей комнаты нос не высовывать, уговорила Марина забирать её утром на тренировки да провожать уже вечером до двери. А нам ничего не говорила и сейчас, случайно проговорившись, больше ничего не рассказывала, только отмахивалась.

Когда я спросил у Марина, почему Лийса не ходила на завтраки и ужины, тот только плечами пожал.

– Наверно, есть не хотела.

Услышав такое, я еле сдержался, чтобы не двинуть ему по широкой роже.

Присмотрелся. А что-то, действительно, щёки у нашего старшего закруглились, и шаг потяжелел! На мой вопрос опять услышал дифирамбы уточке, но уже под сливами, гусю и другим деликатесам. Аж слюна потекла...

Кстати, почему это Грахиаш тогда на плацу спрашивал про старшего, он же его утром и вечером лицезреет? Ага, лицезреть должен, но, по-видимому, не желает – распорядитель в столовой комнате ухитряется посадить Марина так, чтобы он глаза управляющему не мозолил.

А вот Лийсу, наоборот, в тот единственный раз, когда она присутствовала на завтраке, посадили на самое видное место. Она даже удостоилась внимания Грахиаша и его друзей, только Марин не слушал, что там Лийсе говорили. Перед ним поставили блюдо с такими, он даже названия не знает, но очень вкусными штучками. Так что занят был!

Я посмотрел на приятеля своего брата со всем вниманием – мы жили в одной деревне, но, оказывается, я совершенно не понимал Марина. Как можно быть рабом своего живота и совсем не интересоваться тем, что происходит вокруг?

Но... вспомнил, что Марин – сирота. Жил с бабушкой – чистокровным человеком, кстати. А значит, она много слабее оборотней. И жили они небогато, даже бедно.

Конечно, стая помогает таким семьям. Любой взрослый оборотень или человек, сколько ни принесёт добычи с охоты или рыбалки, обязан часть отдать в общину. В деревне установлена норма на человека и очерёдность распределения помощи таким семьям, у которых нет кормильцев.

Наша-то семья не бедствовала, мы считались зажиточными. Нас, детей, баловали и, если хотелось чего-нибудь особенного, то бабка Мьяра или мама, поворчав для виду, готовили и утку с яблоками, и копчёного гуся, фаршированного зайца и пирогов всяких, и... да много чего.

Вряд ли, многое из того, что мы ели, могли себе позволить одинокая пожилая женщина с маленьким оборотнем. Потому неудивительно, что Марин так восхищается изысканными кушаньями.

М-да, Марина деликатесами кормят, а нам мяса совсем не дают!

Ещё утром я потребовал от своих терпеть.

Утром же я поговорил с куратором Тациной, обрисовал проблему с мясом. Десятнику, как и магу, с первых слов не понравилась намечающаяся ситуация – он сразу понял замысел Грахиаша. Сказал, доложит двусотнику, и меры примут, а пока велел ждать.

В обед мои парни еле сдерживались, некоторые тихо заворчали, жадно поводя носами в сторону соседнего стола, на который поставили целого запеченного поросёнка и гуся, фаршированного чем-то невероятно вкусно пахнущим, похоже, паштетом из ливера и других сортов мяса.

Стражники сами онемели от вида и запаха такого угощения. Где ж это видано, и в каком ещё замке будний день на обед простым стражникам праздничные блюда подадут? Такими яствами кормят князя и других благородных господ, но никак не простых служивых людей.

Кажется, и стражники уже поняли, что не просто так в последнее время их кормят деликатесами. В столовой наступила тишина, и многие головы развернулись в нашу сторону. Оборотни уставились на меня.

Я обвёл всех ясным и наивным взором – очень старался – смачно облизал ложку, благо, рот был полон слюны, и с аппетитом принялся жевать ненавистную молочную кашу. Парни, вздыхая, последовали моему примеру. К их чести, больше никто не повернул головы в сторону соседнего стола.

Кто-то из стражников попытался поддразнить нас, но свои же ткнули его носом в тарелку, пообещав, если не заткнётся, отправить на улицу, а его порции найти другого хозяина. Обед в столовой закончился в относительной тишине, прерываемой чавканьем и стуком посуды.

Думается мне, что не совсем прав Янсель – верно, в народе всё же сохранилась память о «мясном бунте». И совсем не глупые люди здесь служат – кажется, поняли, что нас провоцируют на беспорядки. В таких случаях в первую очередь страдают простые стражи, а им-то это совершенно не нужно. А уж нам тем более!

А вечером! О-о, вечером на ужине было представление...

Десятник предупредил, чтобы на ужин в столовую мы подошли на час позже, чем обычно являемся, то есть в другую смену.

Пришли. За столами сидели стражники, среди которых мы с радостью увидели Тацину и его людей. Тут же к столу куратора был придвинут ещё один стол, и нас быстро усадили. Я устроился рядом с десятником.

Пока на столы расставлялись посуда и кушанья, Тацина потребовал тишины и представил нас:

– Господин Весёлый и друзья, представляю вам волчат ведущего оборотня, которого вы все знаете, Ррыка-оторвы...

Последние слова потонули в гвалте приветственных возгласов. У парней и Лийсы глаза выпучились от удивления. Верно, и я выглядел так же. Это прозвище вожака мы ещё не слышали. Послышались выкрики – где медведь прятал стаю.

Э-э, медведь – наверно, Тацина, а стая– это мы?

– Стаю вы все видели на поле, а кормить их господин управляющий велел с замковыми. Представляете? наших парней вместе с замковыми крысами?

Поднялся гвалт, и я совсем перестал понимать. А Тацина с этими... не замковые, что ли?

Между тем, кушанья на столах были расставлены. Эту смену стражников деликатесами не баловали, но кушанья выставили добротные, с хорошими кусками мяса. Перед нами поставили кашу, молоко, творог и... ни кусочка мяса.

подавальщики выглядели смущёнными. Наступила тишина, все находящиеся в столовой рассматривали блюда, выставленные на нашем столе.

– Так, – к подавальщикам развернулся кряжистый мужик, по виду и по отношению к нему окружающих, командир всех этих стражников. – Вашего старшого, который всем этим занимается, ко мне.

Из кухни протиснулся насупленный мужик в кухонной форме, совсем ещё не старый – наверно, действительно люди называют старшими не тех, кто отягощён годами, а возглавляющих какой-то вид деятельности.

Мужик угрюмо ответил на расспросы:

– Ну, а мы-то что поделаем? Время указал кастелян, а меню для кормёжки оборотней установил сам господин Грахиаш.

Что тут началось? Крик, свист, стук.

Командир хрястнул кулаком по столу:

– Тихо! – и сказал не очень громко, но моментально наступила тишина, в которой было слышно, как икает один из подавальщиков. – Вызывай управляющего! Скажи, Весёлый требует!

Пока ждали управляющего, никто не притронулся к еде. Я недоумевал – откуда такая уверенность, что Грахиаш придёт?

Тем временем, Тацина объяснил мне, что успел. Стражники в замке действительно были разные. Замковые, подчиняющиеся Грахиашу – несут службу, в основном, на воротах, на входе в парк и другие службы, требующие охраны замкового имущества.

А княжеская двусотня, подчиняющаяся господину Весёлому, расквартирована в замке, за что в казну лордства идёт оплата за содержание. И двусотня – это гвардейцы, которые в данный момент выполняют функции городской стражи.

Охраняют некоторые помещения в замке, патрулируют стены, а также улицы города, поддерживая порядок. В свободное время тренируются и отдыхают.

Как ни странно, ожидание не затянулось. Управляющий зашёл с надменным видом, опираясь на знакомую резную трость. Позади сопровождение из тех самых лиц – как же их Лийса назвала? – во, прихлебатели.

– Господин Весёлый, вы превышаете свои полномочия, вмешиваясь в мои распоряжения.

– Никак нет, господин Грахиаш! – Двусотник говорил негромко, но слова звучали внушительно. – Это вы нарушаете условия расквартирования нашей двусотни в замке Лесном. Как военный представитель князя отмечу несколько нарушений. Первое – почему приписанных к замку рекрутов кормят специальным меню, утверждённым лично вами? Второе – почему это меню столь специфично и противоречит особенностям этих рекрутов?

– Какое вам дело, господин Весёлый, до рекрутов, приписанных к замку? Они находятся не в вашей юрисдикции.

– В моей юрисдикции в первую очередь находится порядок в Лесном. Я уполномочен вмешиваться в ситуации, угрожающие порядку в княжестве. На данный момент я наблюдаю действия, схожие с первопричиной «мясного» бунта, и обязан предотвратить их. И это является второй причиной моего вмешательства – я вижу целенаправленные действия с вашей стороны к нарушению порядка в замке и в городе с далеко идущими последствиями для княжества.

Управляющий, зло сверкая глазами, упрямо не желал уступить:

– У меня не предусмотрены расходы на дополнительных лиц и...

– А причём тут вы, Грахиш? – Управляющий дёрнулся, как от пощёчины, услышав столь простецкое «Грахиш», да ещё без «господина». – Рекруты приписаны к замку, а не к вам. Вы тут всего лишь управляющий. Вам ли не понимать, что вы сидите рядом с почти хозяином этого замка – это только вопрос времени. Вы думаете, ему нравится, как вы относитесь к его людям? Или вы считаете, что, так как главный маг препоручил вам людей, то и спустит, если с ними что-нибудь случится? Поверьте, не в этом случае. И к слову, эти же рекруты отданы мне в кураторство личным письменным распоряжением князя – это то, что относится к юрисдикции.

Интересно! Что за хозяин замка? Почему нам о нём ничего не говорят? Почему он прячется? И от кого? Но тут же все вопросы забыл, отвлечённый происходящим.

Грахиашнадменно взирал на двусотника, пытаясь «держать лицо», но уже дал слабину.

– Надеюсь ознакомиться с распоряжением светлейшего князя. И, в таком случае, настаиваю на полноценной службе рекрутов, а не гуляния за благородными девицами в служебное время, – ядовитый взгляд на меня. – Кстати, гости замка, вернее, гостя поручена уже мне, но она покинула свою комнату...

Я посмотрел умоляюще на Весёлого. Эх, правильное у него имя!

Командир подмигнул мне, а уже Грахиашу сказал вкрадчивым голосом:

– Прошу не беспокоиться о госте замка, мы также возьмём над ней кураторство. Вы, знаете, господин Грахиаш, мне ещё нужно подумать, о чём доложить князю... И раз вы, господин управляющий, лично занялись меню персонала, то почему ваши стражники ели в обед поросёнка и фаршированного гуся, а нам подали обычные блюда?..

Управляющий ушёл злой, как тысяча троллей, а Тацина смеялся:

– Вяпался Грахиаш! – пояснил. – Обычно он напрямую не приказывает и все свои действия маскирует распоряжениями кастеляна или других служащих, а тут настолько был уверен, что никто проверять не будет, и совсем не озаботился прикрытием. Очень неосторожно с его стороны. Если с вами теперь что-нибудь случится, то это напрямую укажет на управляющего. Так старался человек, так старался... столько дорогой еды на стражников перевёл. А свидетелей-то сколько! Даже если командир не доложит, до князя с магом всё равно дойдёт. А что люди напелсти могут, у-у!

А откуда письменное распоряжение князя? Оно и вправду существует?

Учитель и ученики

А ночью мы пробирались к Янселю. На навес выбрались из окна в нашей комнате, чтобы не сверкать открытыми створками по всему этажу – их и прикрытые может распахнуть сквозняк. Один за другим спустились по стволу, огляделись.

А вот внизу от конюшни пошли в разные стороны человек, двенадцать волков и одна лисица. В зверином виде мы передвигаемся тише и незаметнее, почти не оставляя следов. А вот если четырнадцать человек пройдут друг за другом пусть только раз, то за ними останется уже заметный след. Звери же нырнут в разные стороны и могут сопровождать человека на расстоянии по слуху или нюху.

Стая пока не знала о цели нашей вылазки. Я пообещал всем, что будет интересно и познавательно. Обратни, даже взрослые, любопытны, а что уж о молодых говорить – за приключениями мы всегда готовы бежать.

Возле обговоренной беседки мы с Янселем и встретились. Не успел маг удивиться, что я пришёл один, как один за другим стали появляться и перекидываться остальные.

Садовник с интересом рассматривал процесс перекида. А обратни, наполненные впечатлениями после сегодняшних событий, недоумённо взирали на самого обыкновенного, по их мнению, человека – и что же тут интересного?

Но тут же заинтересовались после его слов, обращённых ко мне. Ещё бы, разговор-то пошёл о магии.

– Лагор, вот я подготовил тебе листы. Это – то же самое заклинание подпитки, но, обрати внимание, с другими параметрами. Они возьмут энергии больше, ты даже почувствуешь это. Но необходимо запитать три охранных контура, чтобы нас не увидели, не услышали и магически не учуяли. Присмотрись, видишь линии? Давай, начнём с внешней, скрывающей магию.

Вглядываясь в листы при свете крохотного огонька, заметил, что, действительно, заклинание подпитки то же самое, а вот два слова, содержащиеся в средней части, другие. Для трёх линий разные. По сути, изменились

только два слова, но каждое из заклинаний вытягивало столько сил, сколько все шестнадцать накануне не забрали.

Кстати, а почему шестнадцать-то? Нас должно было быть вместе с Марином пятнадцать. Но после скандала с Грахиашем решил, что не стоит Марину по замку ночью шастать. Нам проще из отдельного здания выбраться, чем ему. А как дальше сложится, посмотрим.

По мере запитывания магией линии начали светиться. И когда засияли все три, то стало настолько светло, будто свечей штук двадцать одновременно зажгли. С одной стороны хорошо и как-то уютно в этом островке света среди темени парка. С другой стороны, мы теперь, как на ладони у всех. Наверно, даже со стен легко просматриваемся.

Вся беседка – кованые узорные столбы под крышей – насквозь просвечивает. А Янсель о секретности говорил. Какая же секретность при такой иллюминации?

Поняв мои сомнения, маг посоветовал кому-нибудь выйти за линии, только далеко не отходить. Сувор, Лийса и Рьян тут же выскочили из круга. Вышли и стоят, оглядываются и на наши оклики не реагируют. Мы поначалу осторожничали, боялись голос повышать:

– Ну, как? Что видите?

А те стоят, осматриваются, друг друга окликают:

– А где наши-то? Куда пропали? Куда идти-то?

Мы из круга уже орать принялись, всякую осторожность потеряли, зовём вышедших, а те не слышат. Оглянулся на Янсея, а тот улыбается. Магия!

Я засёк местоположение беседки, в которой мы находились, относительно близко растущих деревьев и шагнул из круга. Вокруг сразу сомкнулась темень ночного парка.

В том месте, где должна была находиться беседка, темнело бесформенное пятно. И даже искры света не видно!

Трое вышедших бродили по полянке, тихо переговариваясь, но пятно почему-то обходили. Я шагнул прямо в пятно и оказался в светлой беседке среди возбуждённо галдящих парней.

Развернулся, вышел... темно. И никого не слышно кроме Сувора, Лийсы и Рьяна, которые, как и прежде шарахались от пятна и в результате никак не могли вернуться к остальным.

Подошёл к друзьям, взял лисицу за руку, а парням велел цепляться змейкой за неё, как в хороводе. Так хороводом и завёл их в беседку. Глядя на ошеломлённых испытателей, посмотреть на результаты магии захотелось остальным. И все почему-то шарахались от пятна посреди поляны, так что мне пришлось и других затаскивать змейкой в беседку.

Когда эмоции от такого близкого и яркого проявления магии поутихли, Янсель принялся раскидывать рыхлую землю посреди беседки. Под тонким слоем земли обнаружился железный лист, тёплый на ощупь, почти горячий – а под ним среди потухших углей в тёплой золе лежали бесформенные глиняные куски.

Маг показал жестом, что кусок нужно разбить. Под хрупким слоем глины обнаружилось запечённое мясо кролика.

На ужине мы впервые со дня приезда поели мяса. Тушёное с овощами мясо – простое блюдо, и мяса было там не столь много, как требовал организм растущего оборотня. Но оно было, и мы уже этим наслаждались, поглощая ужин. Вроде бы плотно наелись.

Но... крольчатина – печёная, сочная, душистая от травок-приправ, с тоненькой хрустящей корочкой с одного бока, исходящая паром! М-м-м... Не отказался никто!

– Ешьте, ешьте... Лет сто назад какому-то очередному управляющему вздумалось завести при замке зверинец. Все виды зверей, каких только мог найти, собрал. Ну, и как водится, иногда звери сбегали. То дверцу клетки забудут закрыть на защёлку, то сами звери изгородь прогрызут, подкопают или перепрыгнут. Кого-то ловили, а кто-то сбегал. Только куда здесь сбежишь? За стеной город, а звери бегут в лес – им же непонятно, что здешний лес – это парк. Большой, почти как лес, но отрезанный от всего остального мира. Вот и сбегали сюда, в парк. Прижились кабаны, косули, олени да кролики. Ну, кабанов и косуль всё-таки перебили. Из оленей в последний раз я видел только одного матёрого самца с двумя самками. А вот кроликов извести никогда не удавалось. Размножаются они... как кролики. И такое количество грызунов никакой парк не выдержит. Сначала охотились на них – кто, как и когда захочет. А потом стали устраивать сезонную охоту. Даже праздник к ней приурочили. Сезон обычно наступает в середине осени и длится до середины зимы. Вот в самый первый день и празднуют. Как раз через две недели праздник будет, а потом большая охота на кроликов. Только с прошлой охоты многовато зверьков осталось. В этом году я их и вне сезона отлавливал. Так что, когда захочется, можете полакомиться крольчатинной. Думаю, никто и не заметит.

– Лагор, скоро полнолуние, – подал голос Тарис.

– Да, Янсель, у нас скоро возникнет ещё одна проблема. Мы – молодые оборотни. И нам периодически нужно перекидываться, особенно в полнолуние или близко к нему. Ну, не в комнатах же это делать...

– Мы говорили об этом с Ррыком. По ночам я буду провожать вас в ту часть парка, где вас никто не увидит... А знаете, почему этот парк такой большой? Ведь именно для оборотней он создавался. Вы знаете, кто построил замок Лесной? А кто его первый владелец?

– Ррус Трёхлапый?

– Да, первый владелец – Великий оборотень, а вот строить замок ему помогал его друг дракон.

– Дракон? – тема драконов всегда будоражит умы оборотней. – Ходят слухи, что драконы тоже оборотни.

– О да, драконы – высшие оборотни. И Ррус Трёхлапый имел три ипостаси. Человек, волк и дракон, правда, в своеобразной форме.

Я с улыбкой вспомнил, как удивлялся, почему Рруса прозвали трёхлапым, если все лапы у него были на месте.

– Дракон великого оборотня передвигался по земле на мощных задних лапах, иногда упираясь при ходьбе на толстый и длинный хвост. Издалека со стороны выглядело, будто дракон передвигается на трёх лапах – отсюда и пошло прозвище – Ррус Трёхлапый. А замок Ррус вместе со своим другом построили за сутки с помощью магии.

– А разве такое бывает? И как строить магией? – вопросы на Янсея посыпались со всех сторон.

– Рассказывают, что была долгая подготовительная работа. Год или больше. Они много спорили, считали, свозили материалы. И как итог – за сутки построен замок. Если вам интересно, то я расскажу вам всё, что знаю, но не сразу, а постепенно на уроках магии.

– Магии? Мы будем учиться магии? – удивлению друзей не было предела, ну разве что Лийса восприняла эту новость спокойно.

– Вы же видели, как магичил, правильнее сказать – работал, Лагор? Любой из вас сможет сделать то же самое. Возможно, не с такой силой, но то же самое действие – это точно.

– Но мы не маги, мы оборотни, – возразил Нарцин, и почти все поддержали его возгласами.

Мы с Лийсой только переглядывались и молчали, с интересом наблюдая за реакцией других, вспоминая, как сами удивлялись этой новости.

– А я докажу, что оборотни – самые настоящие маги, вы скоро сами в этом убедитесь. И научу, если захотите. Но независимо от того, будете вы обучаться или нет, вам придётся поклясться магической клятвой, что никому никогда не расскажете о том, что я буду вас учить, обо мне в том числе.

Все, как один, оборотни повернулись ко мне.

– О том, что все оборотни – маги, и вожак, и я знаем давно. Но маги не заинтересованы в наших знаниях. Маг Янсель согласился по просьбе вожака Ррыка обучать нас. Наш зверь это и есть магия. Обучаясь заклинаниям, мы полностью контролируем зверя. А магическая клятва вам самим необходима.

Глядя исподлобья, Сувор спросил:

– Гор, ты тоже будешь давать клятву?

– Конечно, буду! Просто, под клятвой мы не проговоримся даже нечаянно, что учимся магии. Если Грахиаш узнает, что мы маги, он что угодно сделает, чтобы уничтожить нас.

– Тогда и я буду!

– И я!.. И я буду! – посыпалось со всех сторон.

– Ну, что же, раз все согласны, приступим, – Янсель взял первый лист с магической клятвой, – но первую клятву произнесу я, что никогда ни при каких обстоятельствах не расскажу о вас, оборотнях-магах. Я, маг Янсель Липуре, клянусь обучать...

В торжественной тишине мы внимательно выслушали клятву мага, проследили, как он острием ножа ткнул в подушечку пальца, капнул кровью на лист – раздался короткий негромкий звон, как будто звякнул хрустальный колокольчик и тут же смолк, чем-то приглушенный. Лист слабо засветился и... исчез.

Рьян вслух выразил общее удивление недоумённым:

– А чего это он?

Маг развёл руками – так работает эта клятва.

Мы все – я, Тарис, Сувор, Шоран, Рьян, Нарцин и Циран – два брата, Радай, Кайр, Ульяр, Хорош, Форрат, Эльнори Лийса – по очереди произносили клятву, капали кровью и замороженно смотрели, как исчезает лист с текстом клятвы под хрустальный звон. Остался один лист для Марина.

Удивил маг, вот уж не подумал бы, что Янсель тоже решит принести клятву. Наверное, он обеспокоен своей безопасностью и потому потребовал клятву – этим вопросом я выразил своё удивление, когда мы улучили немного времени для разговора после ухода оборотней «домой». Но маг на мои слова только укоризненно покачал головой:

– Лагор, ты так молод, что только это оправдывает тебя. Ты не ощущаешь, насколько ситуация серьёзна. В деревне, под защитой и в окружении оборотней, вы жили беззаботно. Но за эти несколько дней уже должны были понять, как вас «любят». К сожалению, почти весь мир, кроме вашей деревни, будет ещё долго так к вам относиться. Вы должны уметь защищаться. Ты же знаешь, что даже оборотни не все друг к другу лояльны? – увидев мой ошеломлённый взгляд, пояснил. – Терпят и поддерживают друг друга... Между вашими кланами, или стаями, тоже бывают размолвки по разным причинам. Не знал?

Я смутился, стыдно было признавать – на истории нам что-то рассказывали о расправах оборотней, да и в разговорах старших мелькала тема размолвок с какой-либо стаей или деревней оборотней – только я пропускал эти разговоры мимо ушей.

Да, мы в своей деревне жили достаточно спокойно и защищенно. Было ли это заслугой наших вожаков? Или присутствие школьных магов как-то повлияло?

– В Волчихах, действительно очень спокойно. Рядом с... – я помялся, – Тимофеичем ощущаешь себя очень надёжно.

– Но если Тифчир долгое время находился среди вас, то... При всей малости своего резерва этот тролль умеет мощно воздействовать на окружающих. Он удивительно быстро умеет располагать к себе. В его присутствии забываешь об осторожности. Уж я-то тебя понимаю. Мы с Лагейном так же доверились, а ведь тогда он был ещё молод. За три десятилетия, наверняка, ещё лучше научился манипулировать своим обаянием.

О да! Тимофеича у нас любят. И действительно, когда он приезжал в Волчихи после отлучек, казалось, вся деревня наполнялась радостью, будто, даже светлее вокруг становилось, и птицы... А чего это я им так восхищаюсь? Этого...

Янсель задумчиво рассуждал:

– Листавиэль была очень мощной магессой, даже без заимствованной силы. Тролли же магией не обладают, они каким-то образом общаются с духами природы и получают от них помощь... От этого союза получился полуэльф-полутролль. С одной стороны, обладающий пусть слабой, но магией, чего никогда не случалось среди троллей. Все полукровки троллей не маги, но и такого типа полукровок никогда не было – эльфы не любят другие расы, а троллей особенно презируют из-за отсутствия магии. И это его обаяние, которым он беззастенчиво пользуется в собственных интересах... Сказал бы я, что это и есть ментальная магия.

Чего? Тимофеич – ментальный маг?

– А вот это страшно! Если он полный ментальный маг... да нет, не похоже. Обаяние у него убойное. Расположить к себе, втереться в доверие – это ему раз плюнуть. А вот читать других людей? Умение частично воздействовать или всё-таки магия ментала?

Мы с Янселем смотрели друг на друга с оторопью.

– Мы с тобой, Лагор, сейчас много чего надумать можем. Противника недооценивать нельзя, но и пугаться невесть чего не стоит раньше времени. Но оберечься стоит. Буду учить вас в первую очередь защите. От всего, и от ментального воздействия в том числе. Эх, я сам плоховато знаю ментал. Ещё знать бы, что и где искать... Книги, как же нужны книги!

Часть 3. И у замка есть тайны

Служба, обучение и всё остальное

Наше пребывание в замке стало весьма насыщенным. Днём или утром служба, поздно вечером обучение магии где-нибудь в парке.

Перспектива стать волшебником понравилась всем оборотням без исключения, и на уроки к Янселю бегали с удовольствием, хотя служба и тут внесла свои коррективы.

Письменное распоряжение князя на самом деле существовало. Поэтому, уже на следующий день распорядок дня изменился. Нас привлекли к патрулированию города и стен. Пока в качестве стажёров – это так называется.

На самом деле, полноценную службу нам ещё не доверяли. Форму выдали, а из оружия дали пока только ножи в чехлах, которые просто пристёгивались к поясу. Чехлы были неудобными, сделанными из грубой кожи. Нож легко пропарывал плохо выделанную пересохшую кожу. Парни с завистью посматривали на щегольские ножны гвардейцев.

А те посмеивались, называя нас щенками, что злило оборотней. Пришлось провести разъяснительную беседу со своими.

Я понимал Рьяна, самого взрывного среди нас. Мне самому часто хотелось укоротить языки острословам, но в таких случаях напоминал себе о предостережениях Ррыка и Янсея, что нас будут специально провоцировать.

Так и объяснил Рьяну и остальным. Пришлось жёстко потребовать – на подначки отвечать шуткой, а если нечего сказать, то молчать, как «пеньки в лесу».

В общем, в патрулях мы пока были на подхвате, в статусе «мальчиков на посылках» – так выразился Тацина, смеясь:

– Ничего, Лагор, мы все так начинали!

Обещанный праздник, приуроченный к открытию охоты на кроликов, прошёл мимо нас. Мы и так после занятий магией охотились – я в облике оленя пугал кроликов и гнал их на волков, а потом все вместе уничтожали результаты охоты. Оленья ипостась несколько не мешала мне наслаждаться сырым мясом наравне с другими.

А охотники из замка... Посмотрели мы на тех горе-охотников. Пристрелят одного кроля на дюжину человек и, довольные собой донельзя, гордо тащат единственную зверушку на кухню. Да что там им достанется от того кролика? По тонкому рёбрышку на нос?

Первое время нас брали в патрули только в дневное время по городу – кто-то шёл с раннего утра, кто-то с обеда. В свободное время дня – тренировки. В основном по владению оружием. Тацине нравилась наша скорость и сила, но ругал школьных наставников за то, что обучили нас очень слабо – буквально несколькими стойкам и паре-тройке связок. А чего их ругать? Закон запрещал не только ношение оборотнями оружия, но и полноценное обучение владения этим самым оружием вне службы князю. Удивительно, что вообще, чему-то обучили.

А вскоре нас стали брать и в ночные дозоры. В результате получалось три смены.

И если попавшие в утреннюю и дневную смены могли спокойно посещать ночные уроки мага, то идущим в ночной патруль приходилось пропускать урок. Но маг решил, что так даже лучше.

Те нехитрые заклинания, с которых началось обучение, отрабатывать вне уроков Янсель нам запретил – любой, даже самый слабый маг мог засечь всплеск силы. Ладно, если это будет единичный случай. Два уже насторожат, а больше – привлекут нежелательное внимание. Другое дело – на уроках.

Перед проведением обучения маг тщательно выстраивал несколько видов защитных контуров, к запитыванию которых привлекались уже все ученики по очереди из тех, что являлись на урок. Интересно, что эти магические плетения в контуре я видел чётко. Янсель говорил, что ощущает их, как творец. А вот остальные оборотни руководствовались указаниями мага или моими подсказками.

В связи со сменами каждый урок повторялся дважды. И те, кто накануне уже присутствовали на нём, могли не слушать наставления мага, а отрабатывать практическую часть под прикрытием защиты.

Но Янсель строил повествование так, что повторный урок по теме был даже интереснее предыдущего. Потому часто можно было наблюдать, как, раскрыв рот, внимают наставнику и те, кто впервые слушает тему, и те, кто, казалось бы, уже всё это слышал накануне. Уж очень интересным рассказчиком был Янсель.

Все предметы, которые изучались в школе, в повествовании мага теряли границы – исторические факты событий и возникновения того или иного заклинания переплетались с географическими, перемежаясь математическими расчетами приложения векторов направления и площадью или объёмом распространения... Очень часто были важны физические или химические свойства какого-либо предмета или вещества, подвергающегося изменению.

И, как итог, проводился сравнительный анализ зон применения графических видов магии, жестов, словесной и других в той или иной ситуации.

Наставник учил нас, постепенно открывая мир магии от простого к более сложному.

А вскоре Лийса задала мне очень неудобный вопрос. Эх, хотел бы я, чтобы этот разговор случился, как можно позже...

– Лагор, а почему Янсель учит нас по-другому, не так, как Тимофеич?

И что ей сказать? Что Тимофеич использовал нас, а Янсель учит именно тому, чему и положено учить?

Да! Именно так и пришлось сказать, только немного другими словами при поддержке и в присутствии Янселя. Маг несколькими сухими фразами рассказал свою историю – не так эмоционально, как нам с Ррыком.

Лийса выслушала нас и... ушла. А потом до самого утра из-за двери её комнаты слышались рыдания и всхлипы. Я кружил возле двери... К сожалению, лисице понадобилось намного меньше времени, чем мне, чтобы сделать правильные выводы.

И ничего нельзя поделать! Только ждать возвращения брата и на что-то надеяться.

Но тем не менее, с Лийсой ситуация сложилась удачно. Весёлый, узнав, что лисица из семьи целительницы и сама что-то умеет, определил её в помощницы к военному целителю.

Когда Лийса в сопровождении одного из гвардейцев зашла в пристройку казармы, где была устроена целительская комната, Шуть Медный, щуплый мрачный мужик, пренебрежительно перекинулся и выразился в том духе, что девок проходных ему тут не хватало, пусть такая-сякая сразу в казармы идёт без разворотов...

Не на ту напал!

Лийса, хрупкая с виду, росточком ниже того целителя, упёрла руки в боки на манер деревенских, только рот раскрыла ответить... да и закрыла, что-то почуяв. Повела носом и фыркнула:

– Что толку обижаться на свежего покойника! Ты пока языком мели, через полдня уже не до того будет.

Медный и вызверился. Ага, скажи такое любому другому – и то, не понравится, а тут самого целителя в покойники определили.

– ...! ...шалава!.. Указывать будет... Иди ... да... на... Чё, зенки вылупила? П-шла!

– Да-а, кажется, со сроком-то ошиблась. Меньше тебе времени осталось. Вон уже по шее синие пятна пошли.

Шуть шарахнулся к осколку зеркала, что каким-то чудом держался на стене – судя по следам, жалкий остаток от роскошного полотна, висевшего на этом же месте когда-то. Узрев шею, целитель взвыл:

– Что? Что это? Откуда?!

Ох, и ехидная лисица!

– А видать, накануне твоя проходная приворожить тебя пыталась. Зелье наварила, да вместо *чиримы положила серый **шаграф – они по виду схожи, а запах разный. От тебя до сих пор шаграфом несёт за десять шагов! А у неё, верно, нос забит! Да не жадничала, побольше сыпанула, чтоб наверняка получилось. Так что...
– развела руками оборотница.

Мужик метнулся к занавеске, что целительскую перегораживала. А Лийса припустила в свою комнату за универсальным противоядием, что ещё дома вместе с Виреной на всякий случай готовила. Противоядие не так, чтобы совсем уж сильное, но в данном случае поможет.

И помогло...

Что говорить, Шуть Медный резко зауважал Лийсу. А как же? Спасла!

А одна из служанок долго с синяком под глазом ходила. Никто ей не сочувствовал – история-то быстро разлетелась стараниями гвардейца, что Лийсу к целителю сопровождал.

В первое время Марина не брали на уроки Янселя из-за опасений, что за ним пригляд пристальнее, чем за остальными.

Через неделю на тренировке старший, помявшись, встал за Сувором, а ещё через неделю пропустил вперёд Шорана. Таким образом, мы наглядно убедились, как занятия магией влияют на резерв. На силу зверя, как называют это оборотни.

Оставлять Марина без развития было неправильно, необходимо было каким-то образом найти решение. Для начала я отвёл Марина к магу для принятия клятвы, а потом поговорили.

Марин был в смятении – управляющий и его окружение взяли старшего в оборот. Парень уже и деликатесам был не рад.

На него давили, уговаривая отослать отряд оборотней обратно в Волчики. Ну, или хотя бы, часть отряда, можно самых младших. А чтобы нормально добрались, предлагали провожатых выделить.

Мы с магом переглянулись – ясно, провожатые, конечно, проводят, но однозначно не в деревню.

М-да... Ситуацию с Марином придётся оставить временно без изменений... Что бы такое придумать, чтобы Грахиаш забыл об оборотнях?

Янсель задумался и, похоже, забывшись, начал негромко рассуждать вслух – видимо, привык, постоянно находясь в одиночестве, разговаривать сам с собой.

– Так-так... осталось два, ну может, три месяца... обязательно будет... м-м, никак нельзя...

Мы с недоумением прислушались, а маг спохватился:

– Лагор, как бы пару-тройку месяцев продержаться? А там князь прибудет. Думаю, ситуация изменится.

– А что тут думать? Отряд и создавался по личному приказу князя. Тимофеич только нас с Урусом собирался из деревни везти. А там поначалу Лийса добавилась, а потом распоряжение от князя пришло. Тимофеич не очень-то доволен этим был, – посмотрел на озадаченного Марина. – А ведь действительно! Марин, ты же

этого не знал. А теперь можешь говорить Грахиашу, что отряд по распоряжению князя создавался, и без его разрешения ты никого никуда услать не можешь!

На том и порешили.

На тренировке следующего дня Марин с облегчением рассказывал.

На ужине управляющий распорядился посадить старшего рядом с собой и с особой настойчивостью вновь завёл разговор об отсылке части отряда. У него даже имелись рекомендации, кого следует отослать в первую очередь...

Сообщение, что отряд сопровождения создавался по личному указу князя, Грахиаш выслушал с невозмутимым лицом и тут же потерял всякий интерес к оборотню.

А на завтраке Марину определили сидеть уже в дальнем углу, в недосягаемости для глаз управляющего.

Мы с облегчением вздохнули, решив, что уж теперь-то Грахиаш успокоится.

Ещё через два дня была моя очередь идти в ночной дозор. Часть стражей передвигались на лошадях, но центральную часть города возле замка патрулировали пешком.

В каждом патруле была уже сложившаяся группа стражей. Называли их по имени командира, возглавляющего патруль. И со временем конечно кто-либо заменялся, но только по уважительной причине. Причины бывали разные... Радостные – отпуск, повышение по службе. Или наоборот – увольнение, ранение, смерть.

Вот и меня прикрепили к группе Маниша. Сувору повезло, он к Тацине попал. А Маниш...

Серьёзный мужик, комплекцией ненамного пожиже десятника, только... какой-то непонятный – себе на уме. Остальные четверо...

Правильнее выразиться, трое держались наособицу – молчаливые, кажется, они и между собой общались только жестами. Что спросишь – так, буркнут себе под нос – и понимай их, как хочешь. И всегда втроём поближе друг к другу держались.

А четвёртый – Байкус, парень постарше Марина, улыбчивый балагур – его присутствие и примиряло меня с остальными угрюмыми стражами. Он сразу принял меня в компанию, всё время подсказывал, куда направляется дозор, рассказывал о жителях и городских достопримечательностях, травил байки о службе и забавных случаях.

Из его слов я узнал, что в городе восемнадцать трактиров и семь домов увеселений... На мой вопрос, как в этих домах веселятся, Байкус долго хохотал, аж схватившись за живот, до слёз. Маниш непонятно усмехался. Трое, имена которых я толком и не знал, угрюмо отмалчивались.

Мы отработали несколько смен без изменений.

В одно из дежурств я услышал упоминание пекарни Ораша, вспомнил про Намила – человека вожака – и загорелся мыслью всё-таки связаться с Рыком, предупредить его по поводу Тимофеича. Расспрашивая Байкуса о достопримечательностях города, постарался сориентироваться, чтобы определить, где находится пекарня Ораша.

Район, который мы патрулировали, находился относительно недалеко от замка, потому передвигались мы по нему пешком. А вот уже в следующем районе патруль работал днём пешком, а по ночам на лошадях. Окраины же патрулировали только верхом днём и ночью. Интересно, почему такой разный подход?

Вопросов было много, некоторые я успевал задать, которые забывал, а иные придерживал из опасения – на всякий случай. Эх, лучше бы я все вопросы оставлял на всякий случай! Ну, или почти все.

Без всякой задней мысли я стал расспрашивать Байкуса про пекарню Ораша. Где находится? А для вежливости расспросил – чем же хороша та пекарня, да что там пекут?

Оказалось, что когда-то пекарня на самом деле была знаменита выпечкой, да сейчас от былой славы только название и осталось. Наследники Ораша не те оказались – на этих словах Байкус рассмеялся, вот только, что смешного в тех наследниках, я так и не понял. А расспрашивать, отвлекшись на что-то, дальше не стал.

По вечерам во время дневных, переходящих в вечер, и ночных дежурств наш патруль периодически заходил в какой-нибудь трактир – передохнуть, так говорил Байкус. В один и тот же трактир в один вечер не заходили дважды, каждый раз в другой. Куда и когда зайти – решал главный, мы топали за ним.

Маниш, как правило, отходил к стойке или удалялся в сопровождении трактирщика по какой-то своей надобности. А перед нами выставляли тарелки с едой и питьём. Когда я в первый раз полез в карман за деньгами, чтобы расплатиться, Байкус дёрнул меня за рукав, протянул с постоянной усмешкой:

– Не беспокойся. Нас угощают.

Угощают? С какой стати? Оглянулся на остальных, мужики хмуро ковырялись в тарелках. Я пожал плечами. Хотя на мой взгляд, угощать и принимать угощение положено как-то по-другому. Ну, в разных местах и обычаи разные.

Определившись с местоположением пекарни, уже на следующее ночное дежурство мне удалось отлучиться из трактира, в который зашли в очередной раз «отдохнуть». Сказал, что не голоден и хочу на дворе воздухом подышать.

По моим расчётам пекарня находилась в нескольких минутах ходьбы, потому, чтобы не терять время, припустил почти бегом.

На улице уже смеркалось. Добежав до здания пекарни с криво висящей вывеской – ржавым кренделем, увидел искомый дом слегка наискосок, в глубине двора. Узнал по описанию «дом в глубине за пекарней со ставнями ярко-зелёного цвета».

На мой стук дверь открыл молодой парень, оказавшийся тем самым Намилом. А из глубины дома прибежала девчонка, помладше меня. Оказалось, младшая сестра Намила – Овилла. Девчонка – поскакушка, чем-то на Урсуну схожа. Наверно, повадками да любопытством, что, кажется, даже из глаз брызжут.

Намил-то поначалу осторожничал, отпирался от знакомства с оборотнями. Пришлось признаться, что я – племянник Ррыка. А тот стоит и смотрит на меня вопросительно. Чего ещё-то?

Хлопнул себя по лбу – вспомнил! Нужно сказать условленную фразу. Как же там? Во!

– Чтобы не скучать, нужно ёлки в лесу пересчитать.

Вот глупость-то несусветная, ёлки в лесу считать! А этот Намил аж расцвёл от упоминания тех ёлок. Давай меня в дом приглашать, ужинать позвал.

Да какое там ужинать? В трактире, того гляди, вот-вот меня спохватятся. Отговорился, что времени у меня мало, а спутникам не больно-то доверяю. Договорились, что поутру Намил пойдёт вдоль стены, что дальнюю часть парка опоясывает, а я или кто «с ёлками» к нему подойдёт – там и обговорим дела поподробнее. На том и расстались.

Когда я в трактире присел за стол, что нам был выделен, то будто и не бегал никуда – нисколько не запыхался. Присел на лавку, как ни в чём не бывало, придвинул к себе кружку с каким-то питьём. Огляделся.

Маниша, ожидаемо, не видать нигде. За столом, как повелось, трое угрюмых стражей сидят, меж собой переглядываются, но молчат. А вот Байкуса почему-то тоже не видно.

Вот странное дело. Один из молчунов, Левшай его, кажется, зовут, придвинулся и склонился ко мне:

– Ты, паря, с Палачом-то поаккуратнее. Слыхали мы – вы с управляющим не ладите, а Палач с Манишем к нам от него пришли.

Я офигел.

Эти... заговорили. А Палач... слово-то какое неприятное! И кто это? Неужто...

– Байкус?

Согласный кивок. И Левшай быстро отвернулся, уткнувшись в свою кружку.

А от двери уже шёл к столу Байкус-Палач. Запыхался никак?

А ведь он за мной бегал!..

Следил, троллев выползень! Эх, плохо, если он понял, куда я ходил... Чем плохо – пока не знаю. Но то, что ничего хорошего, уже понял.

С трудом я выдержал это дежурство, плетясь в хвосте дозора. Мужики-молчуны вели себя как обычно, держась поближе друг к другу, сторонясь Байкуса, послушно, но без энтузиазма выполняя указания Маниша.

Всего одна фраза объяснила многое – отчуждённость молчунов и непонятные усмешки Маниша. Теперь понятно и «дружелюбие» Байкуса-Палача.

Эх, Лагор, щенок ты ещё несмышленный! Обрадовался, думал – Грахиаш отстал от нас.

Не знаю, за что он так люто ненавидит оборотней. Но в то, что в покое нас оставит, теперь не верю! И боюсь, по-настоящему боюсь за Намила и его сестрёнку, так похожую на Урсуну.

*Чирима – растение, очень сильный афродизиак, почти без запаха. Применимо только к мужчинам в микродозах, на женщин не действует. Превышение дозы может свести с ума.

**Шаграф – растение, по виду совершенно неотличимое от чирима, сильно-ядовитое растянутого действия. Симптомы – голубые, затем синие пятна по телу. Противоядие – только сложносоставленный сбор трав, усиленный магией (без магии не помогает).

Возмездие

В свою комнату отдохнуть после службы я поднялся в самом скверном настроении.

Со смены мы вернулись затемно. Оно и понятно, осень на дворе.

И хотя днём не холодно, даже жарко иногда, то по ночам иногда морозит. Вот что значит местоположение замка – много южнее родных лесов. У нас в это время почти вся листва с деревьев облетает, первый снег норовит выпасть, а здесь листья лишь зазолотились.

После моей отлучки из трактира примерно через час и Байкус ушёл. Просто кивнул Манишу, развернулся и утопал. Ох, как мне это не понравилось! Очень хотелось тоже побежать за ним и проследить, куда пошёл, или Намила с Овиллой предупредить о... не знаю о чём, но предупредить на всякий случай.

Попытался сказать Манишу, что мне нужно... Ага, как же! Ответил, как отрезал, что мы на службе.

М-да, я – оборотень и всяко сильнее. Если уйду, оставшиеся четверо меня не удержат, разве что с помощью оружия. Только что такое дисциплина, нас учили с малолетства. Негоже, если оборотень среди людей вразнос пойдёт. Именно из-за таких случаев люди нас не любят и боятся.

Молчуны шли, привычно понутив головы, а Маниш поглядывал на меня со своей кривоватой усмешкой. Теперь мне было ясно, чего он всё время усмехался – ждал, когда я глупость сделаю. Что ж... дождался.

А я сжал зубы. Хватит! Не буду нарываться. Даже если они доберутся до Намила с сестрой, то не убьют же... Эти могут! Но ведь не сразу... А я посоветуюсь с Янселем, и мы что-нибудь придумаем. И может, я только сам себя пугаю, и ничего Намилу не будет? Может, Байкус и не уследил, куда я ходил? Может...

Позавтракав после смены, я вышел на двор замка и увидел, как в раскрытые ворота въехал возок в сопровождении нескольких верховых. Из возка вытолкали двух связанных людей и одного повели к строению, в которое мы ещё не заглядывали – находилось оно не на глазах, позади кухонного пристроя.

Ещё когда их вытолкали из возка, я узнал Намила и Овиллу. Сжав кулаки от бессилия, смотрел, как парня затолкали в сарай, туда же следом подался Байкус, а Овиллу один из стражников Грахиаша поволок в замок.

За плечом раздался глухой голос Левшая:

– Сейчас господа позавтракают, и развлекаться пойдут. Псарня у них там... А девчонкой управляющий вечером займётся... Потом друзьям отдаст.

Не понял, причём тут собаки? И чем с маленькой девчонкой управляющему заниматься-то?

Глядя на моё непонимающее лицо, Левшай горько хмыкнул:

– Куда ж тебя такого несмышлёныша послали? Как мамка-то пустила?

На мой нетерпеливый жест ответил:

– Собаками парня насмерть затравят, а господа будут спорить на деньги, насколько его хватит. А девчонку вечером управляющий насиловать будет, потом друзьям отдаст. Эх... Это как мужчина с женщиной спят...

– Понял! – мой голос был, как не совсем мой. Хриплый и сдавленный.

Было плохо... Перед глазами плыли круги, и шатало. За что?! Намил просто поговорил со мной... а Овилла – маленький весёлый щенок, нельзя с ней... как с женщиной!

– А Весёлый может помочь?

Левшай покачал головой:

– Он не лезет в дела Грахиаша, если это не касается его людей. А... эти люди – жители лордства, где Грахиаш – управляющий. Лорда нет, а князь далеко.

Понятно. Помочь им только я смогу... если смогу.

Я поднимался по наружной лестнице в комнаты напоказ всем любопытствующим – вот он я, иду отдыхать после ночного патрулирования. Попав в коридор, рассекающий насквозь весь второй этаж, метнулся к комнатам, из которых можно будет рассмотреть псарню.

Не знаю, кто проектировал эту конюшню, но странная она была. Немаленькое здание врезалось в парковое ограждение и играло, с одной стороны роль ограды парка, и в то же время из конюшни на первом этаже

вполне спокойно можно было пройти как на замковый двор, так и в парк через маленькую дверцу. Ерунда какая-то! Но нам было на руку!

А сейчас я метнулся в угловую комнату Лийсы, из которой удобнее всего было рассмотреть псарню. По деревенской привычке мы не запирали комнат, потому я спокойно зашёл – ничего, Лийса понятливая, а я ей объясню.

Ух ты, у Лийсы два окна. Одно окно, как и наше, смотрело на парк. Другое, торцевое, как раз на псарню. Сбоку от окна был сделан декоративный выступ. Не знаю, как в плане красоты, а мне удобно. Даже если высунусь из окна, меня не видно с замковой площади, зато вся задняя часть псарни, как на ладони.

Так, посмотрим...

Псарня – такой же пристрой, как и кухня со столовой. Чуть какая! Зачем огромное здание замка со всех сторон загромождать пристройками, как деревенскую избу у нерадивого хозяина, не умеющего толком спланировать помещения при строительстве.

Неужто, в таком огромном здании не нашлось помещений для различных служб, а, особенно, для кухни и столовой? Тьфу, о чём я думаю? Не до этого сейчас.

Стена, обращённая к конюшне, глухая. А задняя? Ну-ка, что там? Вроде у самой стены замка что-то непонятное виднеется. Всё заросло бурьяном, и толком было не рассмотреть.

Вообще-то неплохо! Никто там не ходит, не лазает. И даже если нет никакой дверцы или окошка, то поддену доску, никто и не заметит.

А как туда попасть? От здания замка к конюшне тянулась глухая каменная стена паркового ограждения и упиралась в угол. Неудобно. Забраться-то, в конце концов, на стену заберусь, а дальше как? Ограждение-то с замкового двора хорошо просматривается. Движение всяко кто-никто углядит!

Ага! Как раз там, где плоскости стен замка и ограды смыкались, тянулось что-то вьющееся, и отсюда смотрелось тонким, но думаю, достаточно прочным, потому что было задревесневевшим. Попробую-ка я со стороны парка подлезть. Но сначала...

Бросился к своей комнате, быстро снял форму и развесил её так, как обычно это делал. Под одеяло напихал всяких вещей, своих и Суворя, придал форму спящего человека. Чуть не забыл – сбросил сапоги возле кровати. Носки тоже бросил. На всякий случай! Накинул домашнюю рубаху и портки.

На улице, конечно, прохладно. Но азарт предвкушения грел. Решил, что босиком даже сподручнее будет. Дома пацанами почти до снега босые бегали.

Через окно выбрался в парк, огляделся – никого. Вспомнился первый день и знакомство с Алеской – давно его не встречал. После того первого дня только два или три мельком видел. Вдоль ограды теснился кустарник. На иных ветках топорщились колючки. Бр-р!

На углу возле стены замка тянулось тонкое дерево. Тонкое, такое меня не удержит, согнётся или сломается. А вот то, вьющееся – лиана декоративного винограда, умница, обвила макушку и ветки нужного мне дерева и дальше по декоративной решётке заплелась. Стена со стороны парка в выбоинах, в которые удобно упираться ногами, так что и дерево только в качестве поддержки пригодилось. Мягко спрыгнул в бурьян позади псарни.

Хорошо получилось, за зданием псарни мои манёвры никому не были видны. Странно, и почему мы тех псов никогда не видели?

Осторожно пробрался к задней стене пристроя. Что тут? Так, продух – совсем узкое оконце. Такие, бывает, в сараях делают, где скотину держат без выгула. Свиной там, кур иногда. Это что же, собак не выгуливают? Обалдело помотал башкой. А ведь всё так и есть. Вон, дух какой крепкий. Так ведь и сбеситься можно!

Оконце было забрано толстой деревянной решёткой. Такая крепким собачьим зубам не помеха, потому что деревянная, но для зверей окно высоко было расположено.

Я подтянулся, рванул решётку. Крепкая, но не железная, та постепенно поддалась. Протискиваясь головой вперёд, раздирая рубаху и штаны, чуть не застрял, но кое-как пролез. Эх, одежду снять надо было. Плечи и руки расцарапал в кровь, и рубаха теперь вся в прорехах. Ладно, на одежду плевать, а чтобы залечить царапины царапины, позже перекинусь.

Попал я, видимо, в какую-то кладовку – вдоль стен были навалены жерди, тачка стояла, да кой какой инструмент кучкой лежал. А вон и дверца. Приоткрыл...

Хм, а за дверцей обнаружилась большая огороженная площадка, по которой носилась небольшая стая собак. Стая-то небольшая, голов шесть будет. А вот собаки оказались непривычного вида. Чёрные, лохматые, с чуть приплюснутой мордой и висящими брылями, а высотой в холке, наверно, мне до пояса достанут.

Точно ли собаки? С волколаками мне не справиться – они оборотней не слушаются. Собаки! Страшные, огромные, но собаки.

Ступил на площадку, ко мне сразу же с рычанием подлетел самый крупный пёс. Ну, давай, пообщаемся. Уставился вожаку в глаза и выпустил своего зверя, пусть прочувствует, даже скалиться пока не буду. Умный пёс сразу понял, кто перед ним, тут же припал к полу, завертел хвостом. И если остальные псы поначалу озадачились поведением вожака, то и до них быстро дошло, кто перед ними.

Собак от остальной части помещения отделяла крепкая железная решётка от пола до потолка, запертая на мощный засов. Только я-то – не пёс, через решётку подsunул руку, поддел и отодвинул задвижку.

Находящиеся за решёткой люди меня пока не замечали. Не до того им... Связанные руки Намила были подтянуты верёвкой к потолочной балке, а ноги, хоть и свободные, но упирались в пол только кончиками пальцев. Видно было, что избивали его так, что даже одежда в лоскуты. А Байкус-Палач как раз подтягивал и закреплял другой конец верёвки на блоке с ручкой возле стены и на шум у собак не обращал внимания – привык.

Только когда большой нос и горячее дыхание обожгли ему спину, удивился и дёрнулся. Сразу и не сообразил, что происходит – почему собаки вокруг свободно вьются – видимо, решил, что решётку забыл запереть. Но и псы с Палачом хорошо были знакомы, лезли под руку, ластились.

Палач же, увидев меня, ничуть не удивился и осклабился в улыбочке:

– А вот и щенок оборотней явился. Решил к дружку присоединиться? Вот господа-то обрадуются, забава совсем весёлая намечается.

Ещё недавно я шутил и смеялся с этим человеком. А сейчас передо мной стоял... Человек ли он? Разве такие бывают?

А Байкус чувствовал себя хозяином положения. Причмокнул, сюсюкая с псами:

– Мои голодные собачки, сегодня вам много вкусного дадут, – и уже приказал мне по-деловому: – Иди-ка сюда, привязать тебя надо. Конечно, отсюда не убежишь, но господам мешаться будешь.

Я был поражён его деловитостью и уверенностью, что мне некуда деваться, до такой степени, что замер, вытаращившись в изумлении. В себя меня привёл хриплый голос Намила:

– Лагор, спаси Вилу. Беги!

Одной ногой Намил ухитрился пнуть Байкуса. Тычок получился слабый, но Палача разозлил. Тот схватился за кнут, но сначала скомандовал псам, указывая на меня:

– Взять его!

И в полной уверенности, что его команда будет немедленно исполнена, сразу же отвернулся к пленнику, поднимая кнут.

Не учел только, что врага нужно знать, если уж ты так его ненавидишь – собаки никогда не нападут на сильного оборотня. Друг друга перегрызут, но оборотня не тронут.

Потому собаки просто сели, а то и легли на пол, поскуливая, всем видом показывая, что команда не понята. Палач, ожидавший услышать лай, грызню и рычание, сначала растерянно оглянулся, потом развернулся к псам и заорал, указывая на меня:

– Ату! Взять его! Брук, рви его! Фас!

Собаки волновались, но, повизгивая и взлаивая, не спешили выполнять команды. Байкус бесновался, лицо его налилось кровью, глаза почти вывалились из орбит, а собаки смотрели на него в недоумении. Схватив вожака за холку, завизжал тому в ухо:

– ..! Троллево отродье! Взять его!

В горле пса заклокотал протяжный рык. Не стоило Палачу смотреть вожаку в глаза и угрожающе орать.

Зверь, любой зверь, считает, что для угроз должна быть причина. И вожак псов считал, что человек, дающий пищу, тем не менее не должен заставлять нападать на того, кто доказал главенство и силу над стаей. Никогда зверь не пойдёт на вожака, доказавшего свою силу! И никто не сможет заставить его это сделать!

Я понимал, что пёс набросится на Байкуса, но всё ж таки столь страшного результата не ожидал.

Вожак, разинув огромную пасть, молча и без предупреждающего рыка вцепился прямо в лицо Палача, ломая тому нос, раздирая щёки и кроша зубы – Байкус захлебнулся своим криком и разом осел. Остальные псы тут же кинулись на человека, с утробным рыком вгрызаясь в живое дёргающееся тело, жадно отрывая куски мяса. Густой запах крови и дерьма перекрыл запах зверей. В тишине гулко звучали утробное рычание и торопливое чавканье.

Оборотни привычны к виду разрываемой добычи, но тут... к горлу подступила тошнота...

Намил обвис на верёвках. Эй, друг! Некогда в обморок падать! Того и гляди, управляющий с прихлебателями нагрянут.

Огляделся, поднятым с пола ножом рассёк верёвки, связывающие руки Намила, и подхватил его на правое плечо. Покачнулся от неожиданной тяжести, опёрся свободной рукой о стену, задумался – куда теперь?

Машинально оглядел стену, на которую опирался. Под ладонью, слабо мерцая, расходилось магическое плетение. Провёл рукой, проступило очертание двери. Интересно! А как она открывается?

Попытался нашарить ручку. Ничего нет. Перекинул парня на левое плечо, правой рукой ещё раз провёл по заколдованной двери. И она... открылась! Вот это да! Только удивляться было некогда, за внешней стеной слышались приближающиеся голоса.

Замок. Закрытая часть

Закрыв за собой дверь, быстро пробежал вглубь несколько шагов.

Странно. Темнота глухая, но поддающаяся моему зрению – очертания стен видны, и дверь впереди проявилась. Но всё равно что-то беспокоило.

Вот оно! Нет запаха людей! Ни люди, ни звери сюда, в этот коридор и дверь, через которую мы вошли, не заходили! Пахло камнем, немного деревом... других запахов не было!

Толкнул дверь впереди. Здесь магических плетений не было. А была...

Кухня. Замковая. Там, где и должна быть. С двумя большими окнами. В цокольном этаже замка. Но эти окна совершенно не видны снаружи!

Большущее помещение было заполнено плитами, столами, шкафами. Кухонная утварь висела, стояла и громоздилась в полном порядке, как и положено. И даже дровницы были забиты поленьями под завязку.

А вот чего не было, так это продуктов и запахов. Запахов кухни, еды, угля, людей... Вернее, запах был. Как ни странно, чистоты... пыли не было совсем. Ну, и так же, как в коридоре, пахло камнем, деревом... вот, ещё металлом.

И куда же мы попали? Неужто в закрытую часть замка? Только это объясняло отсутствие запаха людей и их деятельности.

Уж не та ли эта заколдованная закрытая часть, где несметные сокровища запрятаны? М-да, кастрюли и сковородки на сокровища вряд ли потянут!

А ещё о закрытой части замка как-то упоминал Янсель, обещая рассказать подробно, что знает, но позже. На тот момент актуальнее было изучение заклинания полного щита.

Янсель отговорил нас с Лийсой пользоваться тем щитом, которому нас обучали мама и Урус. Показал другой вариант и научил изменять параметры защиты, чтобы нагрузка была не столь ощутимой для резерва, а результат был более красивым и эффективным. Особенно этот щит был важен для Лийсы с её небольшим резервом. Чуть позже, когда поднатреем в магии, обещал научить тому, чтобы параметры заклинания менялись автоматически в зависимости от изменяющихся условий...

И каким же образом нам вдруг удалось попасть в закрытую часть? Что, если ту дверь обнаружат?

Уложив Намила на крышку какого-то ларя, я скользнул обратно в коридор. Тихо и темно. Ничего не слышно.

Вернулся на кухню и подошёл к окну, выглянул. И отшатнулся. Окно как раз показывало вход в собачью пристройку. Возле двери толпился народ. Казалось, стоит им повернуть головы и тотчас увидят меня.

Но ведь помнилось – когда рассматривал эту стену из комнаты Лийсы, никакого окна здесь не было! Да, очертания оконного проёма были, но виделся тот проём, как заложенный камнем. Однако! По оконному проёму вились плетения магии!

А толпа прибывала. Прибежали стражники, увешанные оружием, с арбалетами в руках. Похоже, собак решили перестрелять. Жалко умных псов. Не та беда, что людоедами стали, а то, что есть люди, которые из великолепных животных создали монстров. Вот их-то и нужно стрелять!

Спихватился. Пока управляющий здесь, нужно Овиллу выручить. А что с Намилом делать? На себе таскать несподручно. И оставлять в таком состоянии нельзя. Очнётся, мало ли что ему в голову без меня взбредёт, может и к этим за окном выйти.

О! Кажется, оклемался! Намил удивлённо осматривался. Ну, всё – можно идти. Попытался уговорить парня, чтобы остался на месте, посидел, подождал меня с Овиллой.

– Не, Лагор, за сестрёнкой я не то что пойду... поползу!

Встал, пошатнулся, но упрямо шагнул. Я вздохнул – придётся вдвоём идти. Только вот куда? В раздумье даже пробормотал вполголоса:

– Ну, Замок, ты спас нас, конечно. Так провёл бы теперь к Овилле, что ли? Её ведь тоже нужно спасти!

Как в ответ – в противоположной стене скрипнула и приоткрылась дверь. Будто от сквозняка. Только сквозняка нету!

Поёжился. Замок живой? Страшновато что-то! И Намил, озираясь, поближе ко мне придвинулся.

И что дальше? Сколько угодно можно стоять и трястись от страха, а делать всё равно что-то нужно! Переглянулись и направились к двери.

Следующее помещение, видимо, было столовой. И одно из окон смотрело прямо в столовую пристроя, в которой народ, сидящий за столами, что-то оживлённо обсуждал. Отметил, что со стороны пристроя тоже никогда не видел оконных проёмов.

Непроизвольно сравнил антураж двух столовых. Расположенная в пристрое явно проигрывала той, в которой мы сейчас находились. И внутренней отделкой, и размерами, и мебелью.

С другой стороны комнаты тоже открылась дверь. Точно! Нас провожают! Надеюсь, всё-таки к Овилле?

Мы передвигались по коридорам, лестницам, каким-то комнатам, ведомые дверями, послушно открывающимися при нашем появлении. И уже не так удивлялись происходящему. Вроде как попривыкли к чудесному.

Конечно, в одиночку я пробежал бы быстрее. Вздохнул. Намил – человек, да ещё избит. Стараются, едва поспевают за мной, но упрямо сопит и торопится следом.

И вдруг мы остановились перед дверью под какой-то лестницей, на поверхности которой переливались магические сполохи. Во всяком случае, я их хорошо видел. А вот Намил, похоже, нет. Заполосно дыша, дёрнул меня за рукав, сипя:

– Чего... стоим?

Огляделся и прислушался, ничего вокруг не открывалось, не скрипело в тишине. Слышно было только сиплое дыхание Намила. А сполохи на двери переливались, как бы давая знак – вам сюда!

Приложил правую руку к двери, вспомнив, что в прошлый раз от левой реакции не было. И сейчас ничего не произошло.

Ни от правой, ни от левой... ни опять от левой и правой – по отдельности и вместе, ладонями и тыльной стороной...

Рядом терпеливо топтался Намил. В полной тишине очень чётко был слышен каждый шорох.

И что дальше?

Развернул ладони к себе и стал пристально их разглядывать. Пожал плечами.

Ладони, как ладони. Ободранные, в царапинах. Почти в середине ладони правой руки заноза от деревянной решётки, даже кровь выступила, но уже подсохла. Обычные руки. Для подростка оборотня нормальные, даже немного мелковатые – эльфийская кровь сказывается.

Кровь! Может, для открытия двери кровь нужна?

Мазнул пальцем по краю раны у Намила, оставленной кнутом. Приложил палец к двери. Не-а, не реагирует!

Посмотрел на свою руку с занозой – рана уже подсохла. Ковырнул, чтобы кровь выступила! Ух ты, зараза, больно! А тогда в горячке даже не заметил, как зацепил.

Мазнул своей кровью по двери. Открылась! М-да...

Эта дверь вела в какой-то тайный ход. Чернильную темноту прорезали тонкие лучики из дырок, проделанных в стене. Что это? Небрежность строительства или?..

Или!

Дырки были устроены на одной высоте так, чтобы через них можно было наблюдать, что делается в комнатах. В одну из дырок заглянул как раз в тот момент, когда в комнату зашёл Алеска с подносом в руках – видимо, ещё не все позавтракали.

Почему-то захотелось чуть задержаться, посмотреть на то, что будет происходить дальше. Ха! Мальчишка оглянулся по сторонам и... поочерёдно плюнул в тарелку и питьё. Крикнул в сторону смежной комнаты, что завтрак подан.

Со сдавленным смешком я продолжил путь дальше. На будущее решил, что никогда не буду есть еду, принесённую Алеской.

Намила приходилось вести за руку. Несмотря на лучики света, прорезающие темноту, он не видел, куда ставит ноги и постоянно спотыкался. Ослабленное состояние от побоев и ран тоже сказывалось. Но ни одной жалобы от парня я не услышал.

Некоторые комнаты пустовали. В одной какой-то мужик писал за столом – кажется, это кастелян.

И Марина увидел. По всему, он тоже завтракал, но почему-то в одиночестве и в своей комнате. Ел старший без аппетита, что было на него совсем не похоже. Нужно с ним что-то делать – парень в раздрае... Ладно, потом подумаем.

После нескольких пустых комнат, почти в конце перед поворотом, ведущего куда-то дальше, обнаружилась Овилла. Уже не связана, одежда сильно помята, но целая. Зарёванная девчонка сидела на краешке стула. Похоже, её заперли на замок.

И как теперь нам вытащить её оттуда? Вопрос невольно вырвался вслух. А в темноте тайного хода что-то мелькнуло. Ага, на стене какая-то палка... Не палка, рычаг.

После поворота рычага открылся проём в комнату. Малышка сжалась, боязливо повернула голову, в распахнутых глазах дрожали слёзки. Увидев нас, она с рыданиями бросилась к брату. Девочка никак не могла успокоиться, цепляясь за Намила. Пришлось срочно выстроить «контур тишины» вокруг брата с сестрой – благо, каждый урок Янсея начинался с установки всевозможных защит.

Выйдя за контур, послушал возле двери. Кажется, никто не обратил внимания на плач.

Так, мы-то уйдём тайным ходом, но обязательно возникнет вопрос – куда делась пленница? Не стоило давать поводов к догадке, что можно прийти со стороны замка.

Значит, приоткроем окно – пусть гадают, каким образом девчонка испарилась без следов через окно на третьем этаже. Может, она того... белка-верхолазка! Кто знает?

Закрыв тайный проём поворотом рычага в обратную сторону, задался вопросом – куда же дальше? Овилла уже успокоилась, прижималась к брату, доверчиво взирая на меня. Голодная, наверно? Так! Времени прошло всего ничего. Интересно, Марин свой завтрак доел? Может, осталось что-нибудь?

По знакомому пути продвигаться было легче. Намила замедляла сестрёнка. Малышка не могла передвигаться с нашей скоростью. Ничего. Всех спасли, можно уже особо не спешить.

Вот и комната Марина. Ага, один! Старший сидел, задумавшись. На тарелках ещё много чего оставалось. Вот и хорошо. Уже привычно нащупав и повернув рычаг, шагнул в комнату.

Марин, разинув рот, уставился на меня, как на привидение. Пока друг не поднял шум, поднёс палец к губам, быстро сгрёб в одну тарелку куски птицы и завернул в салфетку хлеб и пироги. Тихо предупредил:

– О нас никому ни слова. Ты ничего не знаешь, никого не видел. Я потом всё объясню.

Парень понятливо кивнул, с интересом рассматривая пару – брата и сестру. А те с опаской заглядывали в комнату. Вот и хорошо!

С оборотня вся хандра вмиг слетела, в глазах любопытство расплескалось. И Овилла с Намилом приободрились, обрадовавшись спасению. Спасение спасением, а есть хотелось в любой ситуации. На прощание я прихватил со стола кувшин с морсом. В закрытой части замка, конечно, надёжно, но воды я что-то там не видел.

С тарелками в руках вернулись к началу тайного хода. Вышли также, с применением крови. За первым попавшимся столом расположились перекусить. Пленники с аппетитом набросились на угощение. А я задумался о том, что делать дальше?

Понимаю, что спас друзей только чудом. По моей вине они оказались в беде. Похоже, именно я навёл Байкуса на их дом.

Намил будто мысли мои прочитал:

– Лагор, ты не думай, что нас подвёл. Мне этот... всё смеялся, рассказывал, как они Ораша вычислили, что он оборотень. Как издевались над ним и его семьёй.

На мой невысказанный вопрос пояснил:

– Дядька это наш, двоюродный. Он на четверть оборотнем был, перекидывался иной раз... Добрый дядька. Убили его, а мы не знали. Нам весть пришла, что вьюшку в печи рано закрыли по недогляду, и вся семья задохнулась от угарного газа. Мы-то небогато жили в Наринже, а тут в наследство пекарня, хотя мы на это и не рассчитывали. Мама как чувствовала – очень ехать не хотела. Но поверенный, что приезжал известить про наследство, уговорил. Поехали... – вздохнул с затаённой болью, – с обозом. Ещё в конце прошлого лета это было. А на обоз напали. Даже непонятно, кто это такие были. И на разбойников не похожи. Ну, ладно, когда грабят. А тут купец сам всё отдавал, говорит – выкуп за него пришлю. А его под сабли! Разбойники разве так сделали бы? Они обязательно выкуп потребовали бы. Мы уже с жизнью прощались, я Овиллу под куст затолкал, ветками закидал... А тут помощь пришла. Из леса волки выметнулись, всех нападающих перебили. Мы сначала и не поняли, что за волки. А они потом перекинулись, стало видно, что оборотни. У напавших на нас, командир жив оказался, ранен только. Из него и вытрясли, что отряд отсюда, из замка. Напали и всех убивали, чтобы потом всё на оборотней свалить. Скандал был нужен.

Я вспомнил, что действительно год назад была какая-то суета. Вожака и отца подолгу дома не было, куда-то всё ездили. Даже в столицу. И другие самые сильные оборотни где-то пропадали. Тогда-то Гром и поднял голову в отсутствии вожаков...

– Вместе с нами шесть человек спаслось. Наши родители погибли... Отец маму своим телом заслонял... Их так одной пикой и проткнули насквозь... Они всю жизнь вместе, всегда старались поближе друг к другу держаться... И в смерти вместе... только мы с Овиллой уцелели. Главным среди оборотней был Ррык. Когда нас в деревню Лапки везли, он нас всё ёлки считать заставлял, чтобы отвлечь. Шутил, что дорогу ёлками считают. Овилла плакала сильно. А ёлки считает и забывается, плакать перестаёт. Да и я... Можно сказать, он нас этими ёлками спас.

Я вспомнил, как фыркнул по поводу условной фразы про ёлки. Оказывается, у всего есть своё объяснение. И то, что мне показалось глупой фразой, для брата с сестрой оказалось наполненным глубоким смыслом.

Намил продолжил свой рассказ:

– Мы в Лапках какое-то время пожил. А потом я случайно услышал разговор Ррыка с другим оборотнем, что ему нужен свой человек в Лесном. Пусть не в замке, но в городе хотя бы. А у нас-то наследство здесь. Вот я и вызвался! Ррык сначала сомневался, потом согласился, что под видом наследника меня никто не заподозрит. Дал мне клетку с птицами для связи. Овиллу-то я не собирался с собой брать, а она сбежала от оборотней. Представляешь? Я даже далеко уехать не успел. Пришлось её с собой взять. Приехали. Всё нормально, поселились в доме, а соседи косятся. Мы не поймём, в чём дело. Там слово скажут, тут намекнут – я и понял, что со смертью Ораша и его семьи не всё так ясно. Ну, жили потихоньку, иногда пересылали вести, что люди приносили – придут, скажут условную фразу, только после этого я с ними разговаривал. А ночью, когда ты ушёл и появился этот с отрядом, я подумал, что ты нас сдал управляющему...

Я аж задохнулся от возмущения, а потом вспомнил, как корил себя, считая, что навёл Палача на дом Намила. Вспомнил и его фразу про наследников Ораша. Выходит...

– ... выходит, за нами уже следили и готовились захватить. И я понял, что ты тут ни при чём. А я всё-таки сделал подлянку Грахиашу. От этого... который меня бил... проговорился он, что хотели птиц захватить и посылать письма, чтобы выманить вожаков оборотней и убить их. А я их планы сорвал!

Я холодным потом облился, представив, что дядю и отца могли вот так выманить и убить.

– Птиц успел всех выпустить разом. Ночь, конечно. Но их всё равно уже не поймать. А птица отлетит, на ночь забьётся куда-нибудь, а утром полетит к Ррыку. У нас с ним уговор был, в случае чего, я птиц разом всех выпускаю – Ррык сразу и поймёт, в чём дело.

– Значит, хорошо, что я к вам вчера зашёл. А то ведь если б не познакомились, я бы и внимания не обратил, кого там куда повели...

– Да, спас ты нас...

– А ты моих отца и дядю. Это они – вожаки оборотней.

По моему внутреннему ощущению прошло примерно три часа с момента, как я вышел из трапезной. С одной стороны немного, с другой – тем, кому не следует, не нужно знать, что я отлучился из своей комнаты.

Решил – Теруле ничего рассказывать не буду. Она хрупкая и нежная. Узнает, сколько я за сегодня пережил, волноваться будет. Хотя приятно, когда за тебя волнуются. Но... нет! Не стоит!

Терула... Одна из девушек, встретившихся мне возле парковой калитки. Это она мазнула рукой меня по щеке и назвала хорошеньким. Я знаком с ней почти три недели. И часы, проведённые вместе, были приятными.

Очень приятными! И то, что происходило в её комнате, позволяло мне чувствовать себя значительным – по-мужски взрослым! И ...

Ну, вот! Теперь всегда так. Как вспомню о Теруле и о том, что между нами происходит наедине, так сразу загораются щеки и скручиваются мышцы в животе!...

Необходимо было придумать, куда спрятать спасённых до вечера. А там Янсель посоветует, что дальше делать.

Спрятать здесь? В закрытой части замка? Обвёл глазами комнату, в которой мы устроились. Красивая, изысканная, но, тем не менее, уютная обстановка.

А вон на диване женская шаль лежит – как будто хозяйка её только сейчас сбросила и вышла на минутку... Подошёл, тронул шаль. Тёплая. Шерстяная. Чистая. Ни одного оттенка запаха хозяйки не сохранилось. Надо же, и моль её не побила! Сколько ж лет она тут лежит, хозяйку дожидается?

А-а, всё равно, сейчас у этой шали другая хозяйка появится! Подхватил невесомый платок и накинул на плечики Овилле. Хотя здесь и не зябко – это мне, оборотню – а девчонке, видать, по душе тёплая вещь. Вон с каким удовольствием заулыбалась, оглаживая пушистые складки.

Нет, что-то мне подсказывало, что не стоит оставлять спасённых в этой части замка одних. Надо продвигаться в сторону парка, а там посмотрим...

Пустые тарелки и кувшин остались на столе. Не таскаться же с ними!

И уже осознанно обратился к Замку вслух:

– Проводи нас, пожалуйста, в сторону парка, – что-то такое мелькнуло в голове, потому наугад добавил, – и помоги спрятать на время Намила и Овиллу.

И уже не удивился скрипу открывающейся двери. Овилла только глазками блестела, кутаясь в шаль, а вот брат её настороженно оглядывался – ещё опасается неведомого.

Бежать особой необходимости не было, но и задерживаться не стоило. Шли ходко, но и оглядываться успевали.

Проходя мимо большого красивого кресла – вот бы бабуле такое! – углядел книжку с коротким названием «Ментал». Разбираться было некогда, а Янсель про что-то такое говорил, мол, не хватает ему сведений о ментальной магии. Название схожее, вот пусть и разбирается.

В одном коридоре углядели приоткрытую дверь, заглянули, любопытствуя. По виду спальня, потому что сооружение, что громоздилось посреди комнаты, напоминало кровать. Большое и странное... – зачем занавески-то повесили по сторонам? Но подушки и одеяла, пожалуй, только на кровати могут лежать.

Вот и думаю, что спальня, раз подушки и одеяла имеются.

И зачем нас сюда привело? О, а вот и ещё дверь скрипит. Зашли и глаза вытарасили. На полках, что в одежной лавке, кучи вещей разложены. И на палке, прибитой горизонтально, на крючках тоже одежда распяленная висит. И похоже, что одежда-то мужская!

Оглядел свою драную рубаху – в такой, действительно, на глаза посторонним лучше не показываться. Покосился на спутников. Вид ещё хуже, чем у меня.

Раны Намила подсохли уже – Байкус бил так, чтобы рассечь кожу, а выступившей кровью приманить и раздражить собак... А вот одежда – сплошные заскорузлые от грязи и крови лоскутья, неизвестно, чем удерживаемые...

Ну, раз нас сюда занесло, то переоденемся. Похоже, что этого заколдованный Замок от нас и ждёт.

Вся одежда была одного размера – видимо, принадлежала одному человеку. Намилу-то чуть большеватая, а уж, мне и подавно. И такая... Другая!

Всё ж нашли что-то более-менее подходящее. Наверно, хозяин вырос из тех вещей, но хранил зачем-то – может, в память о каком событии.

На моей рубашке маленькая дырочка была, почти напротив сердца. А так... я почти такие же рубахи ношу, только без этих оборок возле горла – как у девки, ей-ей! У Намила такая же рубаха, а оборки ещё и на рукавах телепаются. И штаны нашлись.

Оглядел облачившегося парня. А что? Хорош! И оборки эти, как ни странно, даже мужественности лицу придают. Овилла вокруг него скачет, восторженно верещит чего-то. А парень морщится – досталось ему.

Раны на спине не смертельные, но весьма чувствительные, и надолго Намила не хватит. Подлечиться бы ему, но люди – не оборотни, не перекидываются. Ничего, до Янселя или Лийсы доберёмся, они его подлечат.

И куртка парню нашлась. Из имеющихся самая скромная, но всё равно очень красивая – зелёная с серебряным шитьём. И тёплая, на меховой подкладке.

И снова запахи! Пахнут ткани шерстью, шёлком, мехом, от стен камнем... А запаха человека опять нет! Что за...

А Замок опять дверью скрипит. Понятно. Оделись? Выметайтесь.

Продолжили путь по коридору, а там вскоре и пришли. Коридор вдруг закончился у прозрачной преграды, вроде как из густого воздуха. А за этой преградой с удивлением увидели продолжение коридора и знакомую дверь, ведущую в парк.

Перед выходом две двери. Одна должна вести в каморку с садовыми инструментами, а другая в комнатушку Янселя. Пару раз я побывал у Янселя в гостях, потому всё и знакомо.

Шагнул вперёд, прошёл к входной двери. Никого... вдали слышны голоса, но за деревьями и кустами ничего не видно.

Осень, но листва пока только сменила краски на осенние, а опадать не спешила. Нам такое только на руку. Но всё же, куда тут поведёшь беглецов? Посидеть бы им где-нибудь...

Развернулся. И захлопал глазами – на месте прозрачной перегородки высилась глухая каменная стена.

А-а, похоже, здесь такой же фокус, как и с окнами... Подошёл к стене, но что-то удержало шагнуть прямо в неё. Сначала протянул руку, и... наткнулся на камни. Вздохнул.

Что, снова кровь нужна? Уже привычно раскровив ладонь, приложил к стене. Ну вот, можно и пройти!

Похоже, я понемногу учусь договариваться с Замком.

За перегородкой Намил с Овиллой рассказали, что кричали мне вслед, да и когда вернулся, пытались докричаться, в перегородку стучались. А она их не пропускала, и я, похоже, их криков не слышал.

Я кивнул, что да, не слышал и не видел...

Это что же получается? Я попросил у Замка укрытия для беглецов... И, выходит, он дал им это укрытие! Потому что сейчас для них везде опасно, кроме вот этой части замка.

Все свои вопросы и выводы я высказал вслух. Намил, подумав, согласился со мной.

– Знаешь, Лагор, я здесь как-то спокойнее чувствую, чем там... – махнул в сторону, откуда мы пришли. – Только вот, Овилла...

Девчонка пританцовывала на месте в характерной позе. Ну, это мы мигом сообразим!

Сбежал в каморку с инструментами. Помнится, у Янсея там вёдра хранятся. Принёс ведро с крышкой. Самое то, на время сгодится.

Предупредил Намила, что сидеть им здесь пока до ночи, а мне пора... в постель. Рассмеялся изумлению на лице парня, сунул ему найденную книгу и ушёл.

Длинный день!

Мне удалось пробраться к себе относительно незамеченным. Так, кого-то видел издали, спеша по дорожкам парка в конюшню. Может, и меня кто увидел, но издали – поди, разбери.

Споро разобрал конструкцию на кровати и с удовольствием вытянулся в постели. Мы, оборотни, создания выносливые. Но. Ночь в патруле, и уже полдня на ногах, да ещё такие события пережить – никаких сил не хватит. Сладко зевнул и смежил веки.

Ага! Это для меня, казалось, события закончились, а для других всё только началось!

К нам в комнаты нагрянули с обыском!

Обыскивать пришли замковые стражники. Те, что подчинялись Грахиашу.

Позже я узнал, что управляющий обратился к Весёлому с просьбой о помощи в поисках беглецов, но тот наотрез отказал – сказал, что это не в его компетенции.

Стражники были злы, как соба... Нет, как я посмотрел, собаки злыми не были. Большими, сильными, может, свирепыми, но не злыми. Просто их заставили быть такими – у них выбора не было.

В комнатах нас было пять оборотней – кто после дежурства, кто готовился уже скоро заступить. Естественно, как только поднялся шум, все инстинктивно ринулись ко мне – сработал рефлекс стаи «собраться возле вожака».

Тут и выяснилось, что моя хитрость сработала. Некоторые заглядывали ко мне в комнату, но, увидев, что сплю, не решались тревожить. Нарцин сказал, что приходил Маниш, постоял на пороге, заглянул, хотел зайти, но, увидев, что за ним наблюдают, ушёл. Правильно, что не поленился и сделал муляж...

В общем, стражники разве что не гавкали! Остервенело переворачивали вещи, как будто под штанами может кто-то спрятаться.

Ну, мои парни и посмеялись немного, комментируя происходящее:

– Эй, ещё под носками не смотрел...

– Ага, а у меня трусы переворачивали. Кого они ищут-то? Никак, вошь потеряли.

Стражники краснели от злости и громили комнату.

Я сидел на кровати, друзья пристроились рядом. Нарцин и Циран, как всегда вместе, стояли, опершись на спинку кровати. Форрат и Кайр с другой стороны. Выходит, я в центре. Стая!

Когда один из стражей схватил форму, я сказал, не повышая голоса:

– Испортишь форму – ответишь Весёлому. А я напишу докладную.

Стражнику это не понравилось, расхлябанной походкой подошёл, протянул руку к моему лицу и... заорал, скривившись от боли в вывернутом суставе. Остальные стражи схватились за оружие, а мои парни тут же встали возле меня. У братьев на руках в частичной трансформации проступили когти – каждый величиной с маленький кинжал.

Стражники попятились, один, поумнее, обратился к своим:

– Мужики, я не согласен тут помирать. Господину Грахиашу надобно оборотней пощекотать, вот пусть сам с ними и бодается, а я жить ещё хочу.

Та-ак, выходит, Грахиаш специально их прислал, нас спровоцировать или даже сразу убить. Стражников шестеро, нас пятеро.

Скомандовал:

– Взять всех!

Стражники глазом моргнуть не успели, как оказались безоружными, с заломленными руками. Видимо, эти не наблюдали за нами в первый день после приезда и слухам не поверили, а потом мы уже не демонстрировали свои возможности так явно. Вот они и посчитали, что осият молодняк.

Один всё ругался и сыпал проклятьями, утверждая, что господин Грахиаш лично за него отомстит, с нас шкуру сдерёт, на коврики перед камином постелит... Ну, мне его признания не нужны были, остальные расскажут о происходящем.

Нарцин, скалясь, увёл упряма в коридор. А тот, боязливо косясь на оскал, уже не кричал, а что-то бормотал, обливаясь потом. Ага, все замковые стражники знают про развлечения своего господина, и про кончину Байкуса наслышаны. И, похоже, боятся до умопомрачения быть съеденными псами. Вот и сыграем на этом. Знаком дал знак Цирану перекинуться.

Циран если и удивился, но послушно обернулся. Получилась зверюга в холке повыше тех псов-людоедов.

Волк-оборотень зевнул от души, продемонстрировав ряд острейших зубов, и улыбнулся... Ага, это нам понятно, что улыбнулся. Мои пацаны не знают того, что я видел в псарне. А стражники, видать насмотрелись забав управляющего, их улыбка оборотня пробрала до печёнок, один даже обмочился. Ф-фу!

Мне даже вопросы задавать почти не пришлось. Стражники, косясь на Цирана, перебивая и дополняя слова друг друга, всё рассказали.

Грахиаш был в ярости – сорвалась намечающаяся забава. Собаки, похоже, пленника сожрали и Палачом закусили. А с теми псами никто, кроме Палача, сладить не мог. Он сам их растил со щенячьего возраста, натаскивал на пленников. Что случилось? Почему собаки напали на человека, воспитавшего их? Может, сильно голодными были... Пришлось убить псов.

В разорение ввёл Палач господина Грахиаша, да ещё и сам дал себя убить – ну, не сволочь ли он после этого!

Я только покачал головой, отмечая цинизм ситуации. Зато мои парни обалдели – непривычно им такое отношение.

А тут ещё и девчонка пропала из закрытой комнаты! С девчонкой господин Грахиаш тоже собирался позабавиться, а потом... На этом месте стражи замялись, но после волчьего рыка заговорили. Грахиш потом этих... тех, с которыми позабавится, отдаёт... отдаёт им, стражникам... ну, тоже...

У меня в глазах потемнело. Из груди вырвался рык... сжав кулаки, сдержался с большим трудом, чтобы не разодрать голыми руками говорившего из этих... От моего рыка даже парни сначала отшатнулись, в дверь заглянул Нарцин с круглыми глазами.

А до оборотней стал доходить трагизм ситуации. Они уже не улыбались, а волк Цирана вздыбил шерсть на холке и рычал на стражей. Тьфу! Ещё один обгадился...

Волк чихнул и потёр лапой нос. Ему хуже всех воняет!

– Г-господин Грахиаш рассерчал и велел нам идти к оборотням искать сбежавшую девчонку. А если не найдём, то привести ту рыжую, что сейчас тут живёт. И всех, кто сопротивляться будет, арестовывать, а лучше убивать, как бунтовщиков.

Уже на фразе о Лийсе парни стали порыкивать, а на последних словах скалились все! Даже я! Самки неприкосновенны! Они сами выбирают самца!

Всё! Грахиаш перешёл всякие границы! Похоть и ненависть к оборотням застила ему все мозги! Прямую угрозу мы уже не спустим! Нам законы оборотней это не позволяют!

Но открытая война? Со стороны-то будет выглядеть, как будто мы напали... А ведь Грахиаш именно этого и добивается!

А отведу-ка я этих... к двусотнику! И посмотрю его реакцию на их откровения. А там, если что, будем действовать по обстоятельствам.

Для начала следовало собрать своих. Во всяком случае, тех, кто сейчас не на службе. Если сорву парней с поста или из патруля, это будет расцениваться, как дезертирство. А допускать обвинений по таким поводам никак нельзя.

Форрат понятливо кивнул и скользнул к выходу.

Зрелище, как мы вели стражников к двусотнику, ошеломило многих. Встречные застывали столбом, а потом морщились от вони, пахучим шлейфом стелившейся за нашей процессией.

Подходили к казармам мы уже в сопровождении небольшой толпы, держащейся от нас немного в отдалении. Половину составляли стражники, как замковые, так и из двусотни. Видимо, это не давало замковым грубо отбить пленных стражников, а может, и то, что приказа не поступало.

Хотя... вон, двое или трое побежали в сторону замка – торопились доложить управляющему.

Где находится кабинет Весёлого, я знал. Главное застать его. А иначе, пока ищем двусотника, время начнёт работать против.

Если Грахиаш опередит нас, то придётся уходить и, возможно, с боем...А может, осуществить авантюру по проникновению в закрытую зону замка? Хм!

Услышав шум, Весёлый сам вышел навстречу. И хорошо, что разговор случился на улице, а то вони от этих... не продохнуть.

Уже с первых слов двусотник жестом остановил говорившего и крикнул какого-то Истомку. Истомка оказался здоровенным парнем с пачкой бумаг в руке. Он ловко пристроил листы на доске и начал споро строчить карандашом по бумаге, записывая всё, что произносилось.

Стражников уже не приходилось заставлять говорить. Они поняли, что отвертеться не удастся. Даже тот, что сыпал угрозами, угрюмо отвечал на вопросы.

Двусотник смурнел по мере прояснения ситуации.

– Эх, знал, что идиот! Но не до такой же степени! – бросил в сердцах. И уже Истомке. – Это не пиши.

А стражи выкладывали всё новые и новые факты. И уже из толпы раздавались реплики, поправляющие или дополняющие сказанное. Истомка без усталости заполнял лист за листом.

От здания замка показалась процессия. Впереди, рассекая толпу, двигался Грахиаш со своей неизменной тростью. Ещё издали, не доходя до нас, Грахиаш заорал:

– Господин Весёлый, требую арестовать бунтовщиков. Эти малолетние преступники, которых нам прислали оборотни, убили моего человека...

Двусотник, прищурившись, спросил с расстановкой:

– Значит, всё-таки вашего человека? – намекая на какой-то конфликт.

Как ни удивительно, Грахиаш покраснел – только не ясно, от стыда или от досады, что проговорился. Скорее, от второго.

– Неважно, преступников необходимо арестовать!

– Вот тут вы правы, господин Грахиаш! – двусотник развернулся к казармам и крикнул. – Дежурный отряд, ко мне!

Я в недоумении посмотрел на двусотника и, на всякий случай, оглянулся на своих. Все четверо подобрались ко мне поближе, и уже видны были пробирающиеся к нам Сувор, Лийса, Кайр, Марин, Шоран...

Не знаю, что сейчас случится, но, надеюсь, что оставшиеся сумеют сориентироваться и вовремя ускользнуть из города...

Грахиаш, подбоченившись, стоял в позе победителя, нетерпеливо постукивая носком сапога.

Подошедшему десятку гвардейцев двусотник что-то негромко сказал, скупно жестикулируя рукой. И к чему готовиться? Мои за спиной уже боевым клином выстроились, разве что, оружие ещё не обнажили.

Гвардейцы организованно прошли мимо нас и... окружили Грахиаша с приспешниками.

А Весёлый, заложив руки за спину и глядя поверх голов окружающей толпы, заговорил скучным голосом:

– Согласно полученным сведениям, господин Грахиаш, занимающий пост управляющего замка Лесной, обвиняется в подстрекательстве к беспорядкам, разжиганию межрасовой розни против оборотней, организации убийств, что подрывает безопасность княжества и доверие населения к власти князя. Грахиаш и ряд лиц, частично выявленные следствием, и другие лица, подозреваемые в соучастии, будут арестованы до окончания следствия и вынесения решения Его Светлости и Сиятельности князем Светланом Вторым. Сведения о случившемся, будут запrotocolированы, заверены свидетелями, участниками и соучастниками преступных действий, и уже сегодня будут отправлены Его Светлости и Сиятельности князю Светлану Второму. По мере выявления новых доказательств преступлений против безопасности княжества и других нарушений, новые сведения также будут отправлены в Окреш дополнительно. Приказ об аресте всех подозреваемых и о

начале следствия отдал я, Тишауш Весёлый, двусотник третьей объединённой гвардейско-стражницей двусотни войск Княжества Осиян. Да будет сиять наше княжество!

По толпе прокатилось эхом – да будет сиять...

А двусотник-то, двусотник! Шпарил без остановки, как по писанному читал – ни разу не сбился, не поперхнулся.

Грахиаш стоял, разинув рот и выпучив глаза. Похоже, никак не мог поверить услышанному. Попытался что-то сказать, но гвардейцы жёстко остановили, быстро разоружили всю компанию и повели куда-то за казармы.

Воняющую группу стражей, что приходили обыскивать наши комнаты, повели туда же. Обгадившихся всё-таки отделили и под конвоем повели в мыльню.

А к нам приблизился Весёлый, пристально разглядывая оборотней по очереди, и обратился ко мне:

– А скажи-ка...

– Лагор.

– А скажи-ка мне, Лагор. Этот ваш парень в замке, – и покосился на Марина, – он...

– Старший, – я спокойно смотрел в глаза Весёлому. Сильный мужик. Характером сильный!

– Но не особенный?

– Да.

С весёлым изумлением двусотник хлопнул ладонями по ляжкам и расхохотался:

– Ох, Грахиаш – и болван! И похоже, не только он... Столько людей попадались в эту словесную ловушку. И всё равно никак не могут запомнить, что старший у оборотней – совсем не главный!

Ну, да!

История Замка

На всякий случай, брата и сестру решили не афишировать. О них знали только оборотни и Янсель. А для остальных – сбежали и сбежали... К тому же, Намила все считают съеденным собаками Байкуса. И как немного всё успокоится, так переправим к оборотням в деревню.

Оборотни, маскируясь как и всегда, собрались поздно вечером. Наконец-то, и Марин был с нами. Парень повеселел. Заланировал перебраться к нам в комнаты над конюшней. Уже и его допекли бывший управляющий со своими... Но пришлось остаться в комнатах замка. И только это слегка омрачало радость старшего.

Из-за того, что двусотник прояснил статус старшего, но не уточнил личность особенного, не стоило демонстрировать, кто из нас кто. Это нам посоветовал Янсель. И я, и стая согласились безоговорочно.

Подумав, повздыхав, Марин тоже признал правоту доводов мага. Но уже то, что мог выходить из замка в любое время, радовало парня.

Я аккуратно проходил через закрытую часть замка, и по тайному ходу выводил Марина в парк.

Эта новость, что у меня есть доступ в закрытую часть замка, потрясла мою стаю, и, особенно Янсея. Глаза мага сияли, как свечи, даже иллюзия слетела – правда, его настоящий вид мне не понравился. Истощённый, с ввалившимися глазами...

А Янсель кружил вокруг меня с восторженными возгласами, разве что не танцевал. У нас даже закралось подозрение, что он слегка того... тронулся умом. Он то будто принимался с кем-то спорить, то просто радовался, издавая невнятные восклицания.

Продолжалось такое состояние относительно недолго. Маг вроде уgomонился, и мы успокоились.

Всем было интересно, почему часть замка открыта, а большая часть долгое время была недоступна, да и сейчас впускала только меня.

И Янсель рассказал, что знал или слышал.

То, что часть замка недоступна, знало много людей. А вот причины этого мало кому были известны.

Примерно шестьсот лет назад, Ррус Трёхлапый ушёл. Куда? Никому неизвестно. Ни причин, ни направления... Так он больше и не появился.

В замке остались его сыновья.

Как известно, старший Армет был женат, имел двоих детей. Про младшего брата точных сведений не было. Одни источники утверждали, успел жениться, другие – не было никого, гулял налево и направо.

Братьев зачем-то вызвали в столицу, в Окреш. Были у них какие-то подозрения... А что делать? Подозревай, не подозревай – княжеский приказ не оспоришь. Поехали. Жена старшего брата отправилась с ними.

Никто из них не вернулся, сгинули на подъезде к Окрешу. Вместе с многочисленными спутниками из друзей и охранников, а ведь там большинство были оборотнями. Даже следов не нашли.

И что-то случилось уже в самом замке.

Достоверно известно, что один ребёнок Армета отравился. Специально или нет – не известно. Но замок напичкан магией и заклинаниями. И есть у него функция распознавания ядов. Что случилось? И как в таком случае мог отравиться один из детей? Никто не знает.

Другой ребёнок – опять же, девочка или мальчик, неизвестно – был вывезен из замка то ли кормилицей, то ли женой или невестой Рассверта. В имени снова путаница – звали ту женщину то ли Рианой, то ли Растой – каждый, кто рассказывал, на своей версии настаивал. И след её затерялся.

А Замок был чудесной сказкой наяву! Ему не требовалось много слуг, не нужна была многочисленная стража. Замок сам убирал грязь в комнатах.

Не нужна была стража на крепостных стенах. На стены не мог взобраться ни один лазутчик. Замок сам себя охранял, каким-то образом распознавая намерения посторонних людей. Чужой не мог пройти ни в одну, по виду совсем хлипкую, калитку. А чужими для Замка были все, кто не был носителем крови Рруса Трёхлапого.

Ещё были те, кто имел допуск в замок наравне с хозяевами. Допуск давался каким-то ритуалом в специальной комнате где-то в замке. Это были близкие люди – жена, невеста, друг... Только жена Армета и все друзья уехали вместе с братьями. В замке оставались только дети.

Был допуск у немногочисленной прислуги. Долго потом ходили рассказы отех слугах. Потому что, когда замок покинули последние носители крови Рруса Трёхлапого, стали происходить странные вещи.

И раньше-то мало в какие комнаты Замок допускал слуг. А тут стал вести себя совсем странно.

Стоило человеку выйти из комнаты в сторону выхода, как обратно уже зайти не мог. Таким образом, Замок постепенно очищал свои комнаты от чужого присутствия. До определённого момента. Покои в гостевой части на трёх этажах остались доступными.

Замок спустил флаги, показывая, что лорд покинул резиденцию. Перестал контролировать крепостные стены, ворота, главный вход в здание и упомянутые гостевые покои, в которых сейчас и жили управляющий, его приближённые.

Самые лучшие комнаты были отведены князю, главному магу и немногочисленной свите князя. Многочисленная просто не помещалась. И то, приближённых управляющего на это время выселяли из замка и заселяли в те самые комнаты над конюшней, в которых мы сейчас живём. Там же расселись слуги, сопровождавшие князя.

А конюшня на первом этаже была предназначена для княжеских коней и его свиты. Потому что замковую сейчас частично занимали кони гвардейской двусотни. А оставшаяся часть помещалась в той, что выстроили уже за оградой замка. Туда же на второй день отправили и наших коней.

Много что пришлось построить после того, что случилось... Новую кухню, трапезную, мыльню, помещения для слуг, хозяйственные постройки – это всё раньше располагалось в цокольном этаже замка.

Были построены казармы для двусотни – раньше гвардейцев здесь не расквартировывали. Лорды сами обеспечивали порядок в городе и в своих землях.

Было ясно, что Замок закрылся в ожидании лорда. Где-то существовали носители крови Рруса Трёхлаплого, а иначе, Замок просто потерял бы свою магию. Все функции Замка были завязаны на крови изначальных хозяев – это маги выяснили, изучая стены и пытаясь проникнуть внутрь.

Да и пророчество, полученное на Скале Сияния, прямо указывало на то, что род Великого Оборотня не прервался...

Управляющий назначался князем. В ожидании явления нового лорда управляющий вёл дела замка, города Лесного и всех земель, закреплённых за замком. А были те земли обширными и населяли их в основном оборотни, с которыми не было никакого сладу – уж очень болезненно они восприняли смерть своих лордов.

Болезненным и кровавым было то противостояние с оборотнями. Погибших было много. Всяких. Досталось всем.

Наиболее наглядным последствием катаклизма стало то, что сами оборотни, да и многие люди перестали считать оборотней магами. И стали приравнивать их к нечисти и животным. Хотя оборотни ещё продолжали служить в войсках князей вплоть до «мясного бунта».

В результате оборотни ушли в глухие леса и – тут Янсель замялся, но закончил – одичали. А люди... Что люди? Живут в сравнении с магами мало, и память у них короткая.

Всё изменилось при князе Светломире.

Сначала поступили сведения, что тирриэльские эльфы оборотнями интересуются. Ладно, когда человек – никто и внимания не обратит на него. А тут эльфы через всё княжество, да все в одном направлении чешут. В леса оборотней!

Стали проверять – чем надменных эльфов так прельстили леса диких оборотней. И тут всплыла давняя история с пророчеством и Замком, о котором все и думать почти забыли.

Почти – это потому, что князю необходимо было посещать эти места каждый год.

– Почему, не спрашивайте, – предвосхитил наши вопросы Янсель, – это государственная тайна. Я давал клятву.

А так, замок и прилежащий город в те времена содержались полностью на деньги княжества. И обширные земли лордства были, как бельмо на глазу – не приносили Осияну никакого дохода, так как дикие леса налоги не платили, а были сплошной головной болью для князя.

Оборотни вроде поумерили свой воинственный пыл. Да только суеверные люди всё «боролись» с нечистью. Оборотням среди людей совсем жизни не стало.

– В общем, – горько заметил Янсель, – то происшествие, когда погибли сыновья Великого оборотня, буквально отбросило развитие княжества далеко назад. Народ впал в суеверие и дикость. А великолепных сильнейших магов низвели до уровня, – тут маг опять замялся, – животных. Хотя кто-кто, но маги отлично знали, что оборотни – это истинные маги. И у многих кудесников в предках были оборотни или другие древние. Ведь чистокровные люди изначально амагичны. Впрочем, я вам позже подробнее историю магии расскажу.

Многие кудесники радовались отсутствию конкуренции с оборотнями, как магами. Им была выгодна сложившаяся ситуация, потому прилагались большие усилия, чтобы всё оставалось раз и навсегда неизменным. Они не замечали, что общий уровень развития магов в Осияне резко упал по сравнению с соседними странами.

Но это хорошо видели князь Светломир и его приближённые маги. Вернее, новые приближённые маги. Потому что прежний, выживший из ума за триста лет, главный маг Ледух категорически настаивал на полном уничтожении оборотней.

Слава Сиянию, у князя хватило ума отправить в отставку Ледуха, а на его место назначить молодых магов, готовых к переменам. Ну, что ж, десять лет они исправно работали, пытаясь реанимировать отношения с оборотнями. В частности, были выяснено, кто примерно был повинен в смерти сыновей Рруса Трёхлапого...

Бормит за всем этим стоял. И в те давние времена в Осияне были предатели. Даже в княжеском окружении. Это с их подачи были вызваны братья со строгим приказом явиться в обязательном порядке. А вот куда и каким образом пропала целая толпа народа – узнать так и не удалось. Слишком много времени прошло.

Кстати, оборотни в те далёкие времена ещё служили у того князя, они также не нашли следов Армета и Рассверта – все следы странным образом обрывались у большого камня. Перед камнем следы есть, а на нём самом и за камнем следов уже нет. Изучали глыбу вдоль и поперёк. Самый обычный осколок скалы.

Так ничего и никого не нашли, кроме предателей и шпионов в окружении князя. А потом ещё больше усугубили положение преследованием оборотней.

Кто-то грамотный стоял за всем этим. И успешно нагнетал обстановку всеобщей истерии. Кончилось всё это как-то неожиданно. Похоже, грамотей умер...

Был ещё один факт.

Шестьсот лет назад главный советник короля Бормита был казнён за то, что соблазнил, пусть и не самую любимую, наложницу короля. Король про неё и думать забыл, нежась в объятьях других красавиц. А вот его главный советник Лауб давно любил эту девушку... Её тоже казнили – сварили в масле.

И что интересно – смерть главного советника короля Бормита совпала с прекращением организованного преследования оборотней в нашем княжестве. Умным мужиком был советник Лауб, а погорел на женщине!

Ну, это нам понятно. Мы, оборотни, если встретим истинную любовь, тоже ни на какие препятствия не посмотрим. Истинная пара встречается невероятно редко. Но даже не истинная...

Оборотень женится только по запаху. Ему необходимо перенюхать всех самок в округе, чтобы определиться с наиболее привлекательным запахом.

Но и в этом случае самка должна дать добровольное согласие, ориентируясь на своё восприятие. И только в этом случае формируется пара. И уже смешение запахов фиксирует союз пары, становясь препятствием для измены.

Разрушить такой союз может только появление истинной пары одного из супругов – но уж это событие вообще из области фантастики, настолько это редкое явление.

А невыбранный незадачливый самец... пойдёт дальше нюхать, искать другую соискательницу на роль спутницы жизни. Или она пойдёт.

Вот примерно такую информацию о браке оборотней мы и вывалили на голову ошарашенному Янселю.

На что он, хмыкнув, нам и ответил:

– По веками сложившейся традиции, главным советником чистокровного человека короля Бормита должен быть один из сильнейших оборотней страны. Так что вы правы, та девушка оказалась парой советника.

А Рьян глубокомысленно заметил:

– Выходит, не советник сглупил, он-то пару нашёл, а против своей сути не пойдёшь! А вот король Бормита оказался глупцом. Потерял умного советника из-за жадности – ненужной ему наложницы.

А Янсель задумчиво проговорил:

– Насколько разнятся взгляды со стороны державного монарха и оборотня! Мы тогда не могли понять, почему в самом Бормите вспыхнули волнения оборотней после казни советника Лауба. И короля того вскоре свергнул родной брат. Воцарившись на престоле, он вновь взял главным советником оборотня, и каким-то образом волнения прекратились. Такого кровавого разгула, как у нас, не было. Но и вмешательства в дела нашего Осияна после казни советника Лаубане наблюдалось... Такая малость! Любовь и жадность не поладили, но изменили ход истории и спасли наше княжество от врагов.

Избавление

Мне очень не нравился настоящий вид Янселя. Измождённый и болезненный.

Брата с сестрой маг определил в дальней закрытой зимней беседке, с нашей помощью оградив убежище защитными контурами. Оборотни ушли отдыхать. А мы остались вдвоём.

Маг со вздохом признался, что в последнее время чувствует себя хуже – видимо, конструируя или воспроизводя структуры заклинаний, он всё же теряет какие-то капли магии, которых в его распоряжении и так немного.

– Разве нельзя тебя как-нибудь подпитать, как мы делаем это с заклинаниями? Я бы мог тебе помочь.

– Я думал об этом, Лагор, – маг опустил голову, задумавшись, – можно применить заклинание дозированной подпитки. Но... Так просто это не сделаешь. Даже малая доза силы может снести мой щит. Я не адаптирован к твоей магии. Структура другая. Сил на адаптацию у меня нет... Это, конечно, можно преодолеть большой дозой вливания – то есть какая-то часть рассеется, какая-то усвоится, даст силы для адаптации и всего остального. Магический всплеск такой силы обязательно засекут все маги в округе. А защитный контур такой

мощности выпьет почти все твои силы... Но самое страшное – увеличится отток магии через блокиратор, и Тифчир сразу поймёт, что я жив – и тогда мне останется жить всего несколько секунд, от силы минуту.

Объяснения не радовали.

– До сегодняшнего дня я ни на что не надеялся. Но... Понимаешь, всё это вполне безопасно можно сделать в так называемом зале для магических тренировок. Там, где отрабатываются заклинания. Стены в таких помещениях частично сделаны из породы, из которой делают блокираторы – амарина. Части амарины перемежают другими крепкими породами типа гранита или базальта. По ним пускают сетчатое или ячеистое заклинание, рассеивающее излишки магии и направляющие их в накопители. Таким образом, выстроенная защита полностью отсекает находящиеся внутри от окружающего магического поля по контуру помещения. И ограничивает распространение волн силы размерами зала. Вот в таком зале мы абсолютно спокойно можем делать всё, что угодно. И такое помещение должно быть в этом замке обязательно!

Осталось только его найти!

И я знал, как это сделать. Взяв мага за руку, я целенаправленно направился к магической преграде в коридоре, с виду сделанной из камня. Капли крови вновь стали пропуском.

Я попросил Замок отвести нас в зал магических тренировок. Хорошо, что он был недалеко в ещё неразведанной части замка, а то мне буквально приходилось тащить Янсея волоком.

Учитель стал просто невменяемым при виде разнообразия магических плетений. Слышны были только восклицания, перемежаемые названиями, способами и видами плетений.

– Ох, «эльфийский веночек»! Но как его виртуозно вплели в «шлейф феи»... И как тут смогли присобачить «горбатую гусеницу»? И зачем она тут? Ага, «шаг тролля»...

Звучало, как ругательства.

Я подтащил Янсея почти к самой двери, услужливо проскрипевшей перед нами, когда мага неведомой силой развернуло и прижало к колонне, мимо которой мы как раз проходили в тот момент.

Янсея приподняло немного над полом и впечатало спиной в колонну. Маг, хрипя, извивался всем телом, как дождевой червяк, когда его подхватывают двумя пальцами.

Несколько мгновений я пребывал в ступоре – будто во сне наблюдая, как руки Янсея судорожно шарят по одежде и, наконец, находят искомое. Нож. Садовый нож со слегка кривым лезвием выскользнул из скрюченных пальцев и со звоном полетел на каменный пол.

– Режь, – голос мага надсадно хрипел, – спину...

И я включился, моментально подхватывая нож, подскочил к Янсею, висящему на колонне, как насекомое, пришпиленное к доске острой булавкой. Недолго думая, подсунул ладонь свободной руки под шею и потянул на себя, стараясь освободить верх спины для надреза. Собственных моих сил едва хватило для такого простого движения.

Неведомая сила туго притянула мага к колонне. Каким-то невероятным движением мне удалось сделать кривой поперечный надрез... И этого хватило!

Янсель страшно закричал, изогнувшись. Послышался хруст, из-за спины мужчины плеснула волна крови... И маг по красной струе, как по скользкой ледяной дорожке, скатился на пол, упав навзничь в натёкшую кровь. Ко мне протянулась рука.

И я не придумал ничего умнее – взяв за руку, с перепугу шарахнуть сырой силой хорошую дозу магии!

Невероятно! Но эта моя дурость и спасла Янсея.

Стремительная струя силы буквально пронзила тело мага, снося его многолетний щит и выкидывая чужеродные включения. Напоследок выплеснулась отравленная кровь, что копилась возле блокиратора, и кривые рваные края раны схлопнулись, моментально закипев ожогом.

И вот теперь мне хватило ума больше не давать магии страдальцу, а то ещё одна такая доза в тот момент точно убила бы учителя.

От напряжения из-за резкого выброса большой дозы магии у меня самого из носа потекла кровь. Я сидел на полу и тупо смотрел, как частые капли собираются

и тонкой струйкой втекают в вязкую красную лужу, в которой боком лежал Янсель.

Видно, что он дышит – значит, жив! А остальное... неважно.

Маг зашевелился и попытался сесть. Его руки от слабости подламывались и разъезжались, скользя в кровавой луже. Лицо, волосы и вся его одежда промокли от крови. Впрочем, я выглядел немногим лучше – кровь Янсея и на меня хорошо плеснула, а потом ещё из носа добавилось.

Я сам-то с трудом поднялся, а Янселю после такого кровопускания, каково? Усаживая мага и стараясь прислонить его к стене боком, чтобы оберечь рану на спине, я с тревогой спросил:

– Янсель, как ты? Не слишком ли много крови выплеснулось? Это не опасно?

Маг с трудом удерживался в сидячем положении. Может, ему и сидеть-то нельзя, но спина...

По измождённому, обрызганному кровью, лицу Янсея расплылась счастливейшая улыбка. Сил говорить в полный голос не хватало, маг почти шептал:

– Как хорошо! О, Светлое Сияние, как хорошо! Магия... Представляешь, Гор, я чувствую, как в меня вливается магия, и никакая пиявка ничего у меня не сосёт. Сияющие! У меня будто крылья выросли, Гор! Я взлечу сейчас... И это ты, Гор! Это ты сделал... и Замок!

Я не успокаивался, волнуясь за мага:

– А кровь? Не слишком много её вышло?

Янсель, сфокусировав взгляд, оглядел лужу и какие-то ноздреватые комочки на краю – видимо, остатки от блокиратора:

– Может, и многовато. Но теперь не страшно. Самое главное – от пиявки избавился... Теперь выживу!.. Поесть бы, конечно.

Вопрос питания и для меня встал остро. После занятий магией, как и после перекидов просыпался сильнейший аппетит. Так что после ночных занятий стая с удовольствием занималась охотой на кроликов – очень своевременное подспорье для развивающихся организмов оборотней.

– Сейчас, Янс... Чуть-чуть передохну и пойду искать еду. Чего-нибудь найду...

Вспомнил, как стражники говорили, что на кухне можно купить еды, если не вовремя есть захочется. А на кухне всегда кто-нибудь есть, там тоже дежурства круглосуточные.

Есть хотелось всё острее, даже запах мясной похлёбки почудился.

Кряхтя, как древний старик, и цепляясь за стену, поднялся... манящий запах варёного мяса усилился. Я неверяще помотал башкой. Ни разу до этого я не улавливал в закрытой части замка запаха еды. И даже просто продуктов...

Странно, Янсель тоже затрепетал ноздрями:

– Мне снится? Кажется, супом пахнет...

Ориентируясь на усиливающийся запах, шагнул за колонну, выдравшей блокиратор из спины мага, и оказался в нише. Там уютно расположился стол с двумя мягкими лавками по бокам. На столе исходили душистым паром миски с густой мясной похлёбкой, в тарелках громоздились куски жареных кур, пироги и свежий хлеб, в чашках белела сметана и стояли кувшины с питьём.

Совершенно не задумываясь, откуда взялось всё это великолепиие, подстёгиваемый лютым голодом, я подхватил Янсея под мышки и усадил на лавку у стола. Маг был слаб, его ощутимо потряхивало настолько, что даже ложку не мог удержать в руке. Пришлось его кормить, попутно закусывая.

Посуда почти опустела, когда мы сыто отвалились от стола. И если какие-то вопросы и предположения возникали в наших головах, то сил обсудить их не было. За сытостью пришёл сон. Маг был обессилен большой потерей крови. А я, измотанный событиями последних двух суток и сильным расходом магии, уснул в какой-то момент, кажется, даже толком не прожевав пирог с капустой...

Наверняка, со стороны мы представляли колоритную картину – два невероятно грязных человека в заскорузлой от крови одежде спят, уткнувшись носами в неприбранный стол.

Но, тем не менее, проснулся я полностью отдохнувший, удобно лёжа на лавке. На соседней лавке выводил рулады носом Янсель. Похоже, магу стало значительно лучше.

Странно. Одежда на нас чистая, без следов крови. А ведь ночью по виду мага можно было решить, что он купался в кровавой ванне с головой, прямо в одежде. И вот! Ни пятнышка. Стол чистый. Никаких следов от трапезы. Но живот ощутимо полон до сих пор.

За колонной тоже ни следа от кровавой лужи и осколков блокиратора.

Пока я с недоумением осматривался, проснулся Янсель. Кряхтя, цепляясь за стол, сел, сонно щурясь по сторонам. Сел самостоятельно – значит, ему стало значительно лучше.

– Мне приснилось? – маг прислушался к себе и восторженно засиял глазами. – Лагор, мне не приснилось? Пиявку вытащили?

Я поёжился, вспомнив страшный хруст раздираемой плоти.

– Не то, что вытащили, а прямо выдрали с кровью и мясом! Бр-р... И что это было?

– Похоже, одна из настроек безопасности, чтобы всякая дрянь типа блокираторов и ловителей магии не могла попасть в замок. Гостей обыскивать не будешь, а такая колонна найдёт контрабанду где и у кого угодно.

– Как спина, Янсель?

– Ну, болит, – пожал плечами и зашипел, – да ерунда это. По сравнению с тем, как я жил последние тридцать лет, простая рана в спине – полная ерунда! До вечера потерплю, чтобы организм с магией без пиявки освоился. А вечером целительским заклинанием залечу рану, даже шрама не останется. Эх, Лагор, как жить-то хорошо!

По моим ощущениям ночь была на исходе, но ещё не закончилась, хотя чувствовал себя хорошо отдохнувшим, несмотря на относительно короткий сон. Видимо, Замок каким-то образом простимулировал нас – через еду или питьё, а, может, ещё как.

Кстати, а откуда здесь еда взялась?..

На выходе из закрытой части замка нас встречали.

В каморке Янселя расположилась часть стаи. При нашем появлении из стены все выскочили в коридор, загалдели вразнобой – похоже, волновались. Лийса тут же захлопотала, учуяв запах крови – всё-таки глубокая и обширная рана на спине Янса растревожилась даже при осторожном движении.

Знахарка всегда в карманах держала самое необходимое. Это ещё с деревни повелось – там ребятня вечно обо что-нибудь коленки да локти рассаживала. А здесь взрослые – и люди, и оборотни часто ранились на тренировках. Для оборотней, конечно, это не было проблемой – мы «лечились» перекидом. Потому пациентами лисицы чаще оказывались стражники или слуги.

А в замке посреди ночи случился переполох. Причиной же переполоха оказались мы с Янселем, хотя никто этого с нами пока не связал. Только мои оборотни насторожились...

Сильный магический всплеск почувствовали все оборотни и сразу же кинулись к вожаку. Не найдя меня в комнате, вспомнили, что я остался с Янселем и справедливо связали происшествие с нами.

Версий было несколько.

Или мы с Янселем магичили, потому что других магов в Замке, кроме стаи нет, а они совершенно ни при чём. Или артефакт какой-то совсем небывалой силы сработал... только интересно, у кого такой мог быть? Или Замок чего учудил... парни такому факту нисколько не удивились бы после открытия «закрытой части».

Оборотни решили ждать. Я не появлялся... А в замке началась суета. Из города примчался местный маг Дикальмис в сопровождении заезжего гостя, тоже мага. Дикальмис вопил про катастрофу, кричал про предателей. Поднял всех на уши.

Тем более что многие, видимо, имеющие магически неразвитые способности, тоже прочувствовали всплеск такой силы и заволновались, не понимая, что происходит.

Дикальмис категорически утверждал, что магический всплеск огромной силы случился в замке и требовал с пеной у рта чего-то от двусотника, а вот дальше нёс полную ахинею о войне.

Весёлый подумал-подумал и – для обоснования доклада «наверх» и успокоения магов – выгнал всех гвардейцев и стражников обыскивать замок и парк.

И вот уже добрых полночи в замке никто не спит, и все шарахаются по окрестностям, разыскивая неведомо что или кого. Практически всем это уже порядком надоело. И только Дикальмис со своим приятелем-магом неутомимо рыскали по углам и кустам, как будто, маг, учинивший всплеск такой величины, будет сидеть на одном месте и, как дурак, дожидаться, когда его найдут и схватят.

Я забеспокоился, не наткнулись бы они на Намила с Овиллой.

Янсель покачал головой:

– Контуры запитывал ты, Лагор! Мало найдётся магов, способных выявить заклинания сокрытия с твоей силой. Для этого они должны быть сильнее. Вспомни, как твои друзья блуждали по поляне, пока ты их не завёл в контур. Ты сильнее, потому они ничего не видели и даже случайно не смогли бы зайти без тебя.

В поисках неведомого выяснился ещё один странный факт. Правда, двусотник не склонен причислять его к странностям – скорее, к хищениям...

С кухни пропала приличная часть готовой еды, приготовленная для кормления очередной смены стражников. Вместе с посудой, в которой она была.

Младший повар с ужасом в глазах рассказывал, пришепётывая:

– Я тарелки на подносы расставил. Всё, как полагается. Чтоб, значит, как стражи зайдут, без промедления на стол занести. А то господа, когда голодные, дюже злые! Суп там разлил, гущи побольше – смена Авлиша пустое не любит! Сливка жареных курей наломала, соусом сливочным полила. Хлебушка, пирогов наклали. Я-то отвернулся на момент, а Сливка орёт: «Куда? Нельзя!». Я глянул, а оно... хоп! – один поднос очистился. Хоп! – три тарелки с курями того... – помахал в воздухе руками. – Хоп! – хлеб с пирогами прям из-под ножа растаяли. Я стою, глазами лупаю. А Сливка визжит, в кувшин с морсом вцепилась, а тут два других – хоп! и нету!.. А господин двусотник не верит! Говорит – выпорю, признаетесь куда девали. А я Сиянием клянусь...

Мы с Янсом переглянулись и расхохотались – а мы-то голову ломали, откуда еда взялась. Ясное дело, что не из воздуха. Теперь понятно, что Замок из кухни позаимствовал угощение.

Только теперь придётся каким-то образом объясняться с Весёлым. Повара-то и в самом деле не виноваты.

Парни подивились нашему веселью, а потом один другого в бок толкнул, догадавшись:

– Никак, Замок пошутил...

Вот уж, чего-чего, а шуток от Замка я не видел...

А другая половина стаи на данный момент изображала активные поиски первопричины магического всплеска. Потом менялись, чтобы исправно мелькать на глазах организаторов поиска.

Наконец, закончилась эта сумбурная ночь.

Дикальмис с приятелем убралась, несолоно хлебавши – виновных не нашли, и каяться никто не пришёл.

А на переговоры с Весёлым, чтобы заступиться за поваров, отправили Марина с изменённой версией произошедшего. Двусотник попыхтел, хмуря брови, буркнул:

– Ладно, спишем...

А к вечеру Янсель окреп и объявил, что фактически здоров. И этой ночью мы опять трепали нервы Дикальмису.

Янсель сказал, что мы теперь можем послать магический вестник Ррыку. Наконец-то!

Составили короткий текст: «У нас всё хорошо, все целы, брата с сестрой спасли, Грахиаш под следствием».

Отправляли вестника, выйдя за калитку в дальней стене парка.

Мы с восторгом наблюдали, как Янсель двумя быстрыми небрежными жестами создал полупрозрачный острый треугольник, кинул на него листок с текстом, произнёс короткую фразу закрепляющего заклинания и магическую привязку к получателю. Полупрозрачный вестник моментально растаял вдали. А маг поторопил нас к замку.

Всплеск от магического вестника незначительный. Но отправлять его из замкнутого контура нельзя, иначе он там и останется. Потому лучше и отправлять его в стороне.

А бдительный Дикальмис, если и на этот раз среагирует на магический всплеск, пусть подальше от нас бродит.

Терула

Я вспоминал...

На четвёртый день службы меня и Форрата поставили на пост возле комнаты на втором этаже замка. Мы тогда впервые оказались внутри главного здания и с любопытством глазели по сторонам. На красивое и величественное замковое убранство – все эти люстры, резные колонны, высоченные потолки и лепнину на них...

Разводящий, заметив, как мы крутим головами, пришикнул. Вспомнив инструктаж, постарались умерить любопытство.

А охраняли мы покои отсутствующего князя. Зачем это нужно – охранять пустые комнаты, я так и не понял. Слуги всё равно взад-вперёд бродят, и шпынять их не велено.

Поначалу каждые полчаса нас проверяли. Иной раз мимо открыто проходил разводящий. Вдругорядь из-за угла кто заглядывал. Может, думал, что не заметно?

Только нас с детства приучали распознавать тень зверя или птицы среди колышущихся ветвей деревьев и кустов в лесу. Что нам одиночный неуклюжий человек в почти пустом гулком коридоре. Мы с Форратом только переглядывались молчком да скалились насмешливо.

Вот это самое дежурство возле князевых покоев и оказалось самым трудным. Потому как бестолковым было на наш взгляд.

Оборотни – народ подвижный. А тут стой и не шелохнись! Да было бы зачем, тогда не жалко!

В конце концов, я, стоя столбом, стал мечтать, как стану великим магом... Скосил глаза на напарника. Судя по отсутствующему взгляду, он тоже грезил наяву.

Наши мечтания были прерваны появлением в коридоре тех самых двух красавиц, которых я уже встречал у парковой калитки.

Вспомнился мой восторг, тонкая нежная рука на щеке и издевательский гогот стражника. Краска смущения моментально опалила щёки, что, конечно же, не осталось незамеченным.

Ещё бы! В абсолютно пустом коридоре стоят два болвана, и у одного из них щёки цвета варёной свёклы! Попробуй, не обрати внимание!

Девушки остановились напротив и принялись внимательно нас рассматривать.

– Терула, посмотри это же тот самый мальчик, который тебе тогда так понравился! Действительно, хорошенький!

Я готов был провалиться сквозь землю! А эти вертихвостки не унимались. Девушка по имени Терула подошла ко мне поближе, рассматривая в упор.

– А он и сейчас мне очень нравится.

Глаза внимательно и немного лукаво осматривали меня, а рука лёгкими касаниями, казалось, следовала за взглядом – взлохматила волосы, провела невидимую черту по лбу и пригладила бровь. Щека ещё помнила прикосновение руки, а сейчас её тронули мягкие губы. Одновременно ко мне прижалось хрупкое девичье тело со всеми волнующими выпуклостями.

Я стоял неподвижно, как столб, даже не дыша...

Терула тихонько хихикнула. И вдруг чуть прикусила мочку уха, от чего я ощутимо вздрогнул – было это неожиданно и необыкновенно приятно. Губы враз пересохли, и я непроизвольно облизнулся. Тут же тонкий пальчик на мгновение прижался к моим губам и... всё кончилось. Девушка отстранилась и, помахав рукой, ушла вместе с подругой. А я, наконец, вздохнул полной грудью.

Уф!

Смущённо покосился на напарника. Тот стоял всё также неподвижно, устремив взгляд в противоположную стену, а... палец руки оттопырился в одобрительном жесте.

Стоит ли говорить, что в оставшееся до конца дежурства время, я мечтал уже не о карьере мага?

Сдав пост Сувору и Цирану, после окончания дежурства мы под началом разводящего направились к выходу из здания, когда его кто-то окликнул. Ткнув пальцем в сторону массивных дверей, ведущих на выход, наше временное начальство утопало по своим делам.

Переглянувшись с Форратом и дружно пожав плечами, мы направились в указанном направлении. И почти у самых дверей из бокового коридорчика вдруг появилась Терула.

Лёгонькая, в воздушном платье с открытыми хрупкими плечиками, какие-то цепочки с бусинками на тоненькой шейке. Это самое платьишко меня шибко смущало. Как-то не принято у нас в деревне носить такой фасон. Голых плечей у деревенских сроду не увидишь. Ну, разве, когда за девчонками подсматривали во время купания на речке. И вот, никогда раньше меня чужие плечи не впечатляли. Но у Терулы...

Русые волосы были заколоты на голове как-то по-хитрому, но одна прядь, – видно, всё время выскакивала из под заколки – завиваясь, вдоль стройной шеи падала на гладкое плечо. И выглядело это... О! Я слюнями захлёбывался! Правда, совсем не понимал, почему у меня такая реакция, ведь не съесть же я её хотел.

Девушка, опустив глазки и нежно улыбаясь своим мыслям, медленно шла нам на встречу. Я сразу же полыхнул щеками – как всегда при виде этой красавицы.

А Терула, поравнявшись с нами, вдруг схватила меня за руку и потянула в тот самый коридор, из которого появилась. Не останавливаясь, дробно топоча по узорному полу, пробежала короткий коридор. По узкой лестнице – как я потом узнал, предназначенной для слуг – мы поднялись на второй этаж и забежали в комнату.

Я был ошеломлён и задыхался, хватая воздух ртом. Бывало, что приходилось преодолевать длинные многомильные дистанции с препятствиями, но никогда я так не задыхался, как в тот раз. И никогда до этого мне не доводилось слышать своё сердце. А в тот момент оно колотилось, как сумасшедшее, и всё тело дрожало и вибрировало ему в такт.

Терула тоже запыхалась. О! Вырез платья слегка открывал верх её груди... Изумительное зрелище! От частого дыхания грудь ходила ходуном, чуть не выскакивая из выреза. Каменная слёзка таинственно сверкала из ложбинки между колышущихся полушарий. А у меня все мысли из башки вынесло!

Я пыхтел и пялился на красные пухлые губы, на волнующуюся грудь... А, была не была – не удержался и неловко ткнулся поцелуем – хотел в губы, но каким-то образом промахнулся и припал к ушку. Очумелыми мозгами ещё уловил довольный смешок...

Вот спроси меня – запомнил ли я что из того, что тогда случилось в той комнате?

Что-то помню... Немного стыдно... И сла-адко!

Горячая бархатистая кожа, мягкое податливое тело и несносное платье, которое непонятно как снимается... Короткий смешок Терулы и моё тело – сведённое мучительно-сладкой судорогой. Тонкая рука легко лежит на моём плече, а мои губы перебирают нежные пальчики...

С той поры наши встречи стали довольно частыми и, как правило, в разных местах. Тогда-то я и понял оговорку Ррыка в его рассказе о предназначении беседки. Мне очень понравилось... А моя подруга раскапризничалась – холодно! Хотя я очень старался «согреть»...

Всё мне нравилось! Особенно то, что творилось между нами наедине. Кроме одного... Запах!

Вообще-то истинный запах Терулы я никак не мог уловить. Его успешно маскировали запахи духов и всяких притинок – подруга щедро ими пользовалась. И лишь изредка в минуты горячего наслаждения прорывалась раздражающая нотка – какая-то кислинка... Что-то она мне напоминала, но в горячке страстных объятий тут же забывалась.

О свиданиях договаривались заранее, подстраиваясь к моему неровному графику службы.

Так уж получилось, что о моих ночных отлучках Терула не знала. Клятва клятвой, но и рассказывать ей что-либо мне даже в голову не приходило – нам было, чем заняться и без разговоров о магии. Длительность встреч тоже была достаточно ограниченной – то Терулу время поджимало, то меня.

И вот, впервые по истечении трёх недель наше свидание сорвалось, будучи назначенным на тот день, когда мы с Намилом впервые попали в закрытую часть замка.

Прошло несколько дней, а нам не удавалось увидеться. У каждого были свои дела – Терула даже куда-то уезжала. И вот друзья дежурившие ночью, рассказали, что видели, как сегодня рано утром девушка приехала в возке.

Ближе к вечеру – думаю, полдня хватило моей красавице, чтобы отдохнуть с дороги – я в самом радужном настроении отправился к ней. Я хорошо знал, в какой комнате проживала подруга. Правда, в своей комнате она почему-то не очень-то желала устраивать встречи. Я не настаивал... Терула так хочет, а мне по-любому хорошо было! Благо, укромных местечек хватало.

И сейчас я направлялся к ней только для того, чтобы поздороваться и уговориться о новой встрече.

В качестве извинения за сорванное не по моей вине свидание, я нёс в руках маленького пушистого крольчонка. Девушки любят всяких маленьких и пушистых!

Крольчат мы обнаружили накануне во время охоты в парке. Крольчиха-дура огулялась не вовремя и принесла приплод в зиму. Обычно на охоте тяжёлых самок или с приплодом, да и самих малышей мы не трогаем. А тут – всё равно не выживут, уж слишком были малы... Одного я захватил с собой. Так и так думал сделать подарок.

Лийса покосилась, всё видела и понимала, но Терула ей почему-то не нравилась.

После ареста управляющего по замку можно было ходить открыто. Хотя мы этим не злоупотребляли, изредка навещая Марину. Или вот как я сейчас – решил навестить Терулу в её комнате. Только навестить!

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, столкнулся нос к носу с Алеской. Вспомнилась его выходка, и страсть, как любопытно стало – кому ж это он в тарелки плевал?

Сделал строгое лицо и ухватил мальчишку за плечо:

– А ну, стой!

Пацан опешил и для порядку съёжился, но рассмотрев меня в сумерках служебной лестницы, расслабился и заулыбался. А я, шутливо сделав строгое лицо, начал «допрос»:

– Видел я тебя однажды... три, нет, четыре дня назад...

Алеска пожал плечами.

– Ну и что?

– Ты завтрак принёс в комнату на третьем этаже и... наплевал в тарелки!

Мальчишка побелел и затрясся, судорожно оглядываясь по сторонам. Удивившись его реакции, я поспешил его успокоить:

– Да не бойся, не скажу я никому, мне просто интересно, кого ты так не любишь?

Пацан набычился:

– Господину показалось...

Тряханул мальчишку за плечо и, глядя ему в глаза, проникновенно сказал:

– Не хочешь говорить, тогда я у кастеляна спрошу, чья это комната. И почему спрашиваю, придётся рассказать.

Угроза подействовала:

– Клянись Сиянием, что, если скажу правду, то не будешь ругаться, никому не скажешь и меня отпустишь.

Ничего себе! Моё любопытство ещё больше раззадорилось.

– Клянусь Сиянием, как только Алес скажет, кого он так не любит, я его сразу отпущу.

– Ну, смотри, ты обещал! А плюнул я... этой... Теруле!

Я удивился. За что можно не любить такую чудесную девушку?

– Она противная. С другими притворяется. А сама...

Мальчишка осёкся на полуслове и, неожиданно рванувшись, вывернулся из-под моей руки и помчался по лестнице вниз. Тем более что и держал я его не в полную силу...

Я недоумённо пожал плечами и продолжил путь. Что-то не сходилось. При чём тут девушка и та комната? Она же даже на другом этаже обитает.

Задумавшись о странном разговоре с Алеской, скорее по привычке, чем специально, я бесшумно открыл дверь в комнату Терулы и вошёл.

Дверь была отгорожена ширмой. Умно! Проходящие мимо не могли рассмотреть в приоткрывшемся проёме хозяйку в случае, если она была бы не одета. И лишь зайдя, понял по голосам, что в комнате кроме моей подруги есть кто-то ещё. Терула о чём-то секретничала со своей подругой – Эниной, кажется.

Как-то нехорошо получилось. Неловкая ситуация, будто я прокрался, чтобы подслушать девичьи секреты. Хотел заговорить... или выйти, что ли?

Но замешкался и невольно замер. Хрустальный голосок Терулы выговаривал такое!

– Кто отец? Да этот мальчишка-оборотень. Хорош, стервец! Вот и оплошала в какой-то момент... Сама знаешь, тянуть со сроком нельзя. Замковая знахарка будто чувствует, волком на меня смотрит. Городские неумехи не в счёт! Или толком ничего не сделают, или, наоборот, уморят. Не в столицу же ехать! От папеньки ничего не скроешь – от задания-то отвлеклась!

– Н-да! И у меня ничего не получается. Там девки-служанки котируются!

– Пришлось до Прины-искусницы добираться. Она ругалась, как всегда, но взялась делать. Говорит, если бы я в этот раз со сроком протянула бы, она нипочём эту беременность перед отцом покрывать не стала бы... И с каждым разом берёт всё больше. Зато теперь хорошо! Я опять почти невинная девочка!

Я ошалело потрянул головой.

Это что же выходит? Терула от меня понесла, а потом бегом побежала от ребёнка избавляться? От моего ребёнка?!

Нет, я, конечно, не думал в четырнадцать с половиной лет отцом становиться. Но уж, коли получилось так, то никак не отказался бы.

И ребёнок... какой он? На меня похож или на Терулу?

Болван! Какой ребёнок? Не будет его! От ребёнка избавились!

Придушенно пискнул крольчонок и выдал меня. Опустил взгляд на руки. Головка безжизненно свешивалась – в раже я скрутил шею зверьку.

Терула подлетев к ширме, увидела меня. Видимо, не поняв, что я что-то услышал, запричитала, засюсюкала над крольчонком, надувая губки:

– Ах, зайчик! Что ты с ним сделал? Такой хорошенький. И ты его убил!

Светлое Сияние, какое лицемерие! Как выплюнул:

– Своё дитя не пожалела! Убила и не вспомнила! А над крольчонком слёзы льёшь?

Злые прищуренные глаза и оскаленный рот перекосили красивое лицо.

– Кто ты такой? Полузверь со смазливой рожей! Да только рожей-то и вышел! Был бы ты Особенным – я б вокруг тебя танцевала и рожала бы кого и сколько захочешь!

– А... – меня поразила курьёзность момента.

Ей требовалось особенного окрутить? Да по заданию какого-то папеньки?

И ведь окрутила... «незнамо кого»!

А назовись я сразу особенным, план неведомого папеньки удался бы? Вот она – ловушка! Эх... И как же удачно сложилось-то так, что нас с Марином перепутали. Не иначе, Зверяна уберегла...

Терула мою заминку поняла по-своему. Тон снизила и заговорила тише и ласковее:

– Дурачок! Нам с тобой так замечательно было. Зачем нам дети? Они пищат и пелёнки пачкают. А нам и так хорошо было! Правда? Незачем кому-то знать про нас с тобой, пусть Особенный...

Ясно! Особенному знать про такую-то грязь не нужно! Авось, и получится папенькин план осуществить. Как там подружка обмолвилась? Служанки больше котируются? А вот Марина чуйка не подвела – инстинкты выбрали честных самок, а не этих продажных с...

Вышел и хлопнул дверью!

На лестнице вновь повстречал Алеску. Мальчишка волок полный поднос куда-то наверх. И сбежать от меня у него не было никакой возможности.

– Скажи, а чья та комната на третьем этаже?

Пацан тяжело вздохнул и нехотя процедил:

– Там Дальф живёт, он с управляющим приехал. Но его не арестовали тогда...

Понятно, когда. И почему же? Надо выяснить, а пока:

– Ему несёшь?

– Ага...

Подошёл поближе. Под огорошенным взглядом Алески поднял крышку с блюда и, плюнув в самую середину тарелки с супом, пошёл дальше.

А Терулу постарался выкинуть из головы.

Да, было хорошо и очень приятно. Но произошедшее корбило цинизмом!

Каким-то образом Лийса поняла, что примерно произошло.

– Лагор, ты... – замялась, – эта Терула... Ты очень молод и ещё не знаешь таких...

– Теперь знаю! Не беспокойся, я не расстраиваюсь.

Врал.

Конечно, переживал... особенно при воспоминании о горячих встречах. И наивно мечтал, что Терула жалеет и раскаивается в содеянном. Мечталось – она встречается мне и...

А как же! Встретилась!

Я опять с Форратом на том памятном посту у пустых покоев князя. И Терула семенит под руку с... кажется, его Дальфом зовут? Так же завивается локон вдоль шеи, спускаясь на хрупкое плечо, трепещут ресницы, звенит знакомый нервный смешок... А нежная девушка-нимфа пошло тянет за руку громаму мужика в ту самую комнату, в которой я видел Алеса, плюющего в тарелки.

Поморщился с досадой – доступная девка как щенка окрутила. Как там Шуть Медный выражался?

Проходная! Ага, всех проходящая...

Ведь почти влюбился! Только подспудное что-то не давало мне окунуться с головой в горячие чувства.

Запах! Мне не давал покоя её запах – пару раз нечаянно прорвавшийся в моменты близости. Мне не нравился её истинный запах, и это удержало от многих глупостей! Вот уж, действительно, запах отразил сущность.

– Лагор, – шёпот Форрата простой человек не услышал бы, только ухо оборотня могло различить.

А Янсель упоминал, что есть такое подслушивающее заклинание. Им, наверно, тоже можно расслышать...

– Лагор! Мы с пацанами знали, что она такая. Тебе не говорили – опыта тебе набираться надо. А такие, как она – в самый раз!

Я повернул голову, сердито уставился на напарника и... не стал выпускать зверя. Может, парни и правы?

Мне всё кажется, что я многое знаю и понимаю, а как до дела доходит – щенок я ещё с молочными зубами! Сила есть, а ума немного!

Вспомнил, как Байкус про весёлые дома упомянул, а я его расспрашивал, как же в тех домах веселятся... Ага, так же, как мы с Терулой «веселились»! Дур-р-рак!

Вопрос к хвосту

А занятно получилось со зверем...

Янсель увлёкся той самой книгой, что я нашёл в закрытой части замка, и аккуратно занялся экспериментами. Маг просто был повернут на безопасности и осторожности.

В частности, предложил мне поставить щит, скрывающий настоящую величину магии – или зверя для оборотней. На всякий случай, если кто поинтересуется.

Давно уже доверяя магу безоговорочно, я согласился.

Сделали. При процедуре показа величины магии между руками начинал светиться шар, намного меньше реального. Размерами даже меньше, чем у Тариса и Суворя.

А дальше произошло то самое – занятное.

На тренировке, когда я привычно с разбегу занял главенствующее место, меня вдруг с двух сторон обогнали двое моих сильнейших оборотней. И встали наперерез в позе... Аккуратной позе – вежливого вызова на поединок.

С одной стороны, парни были смущены происходящим, но с другой стороны, они выказывали претензию на место вожака.

Я всегда... ВСЕГДА был лидером в мальчишечьей ватаге, уступая разве что брату.

Оглянулся на стаю. Оборотни замерли в классических позах ожидания «поединка вожаков».

Я был ошеломлён! Стая уже не считает меня вожаком и допускает претензии претендентов! Даже Лийса нахмурила брови, покусывая губы от волнения.

И разговоров не может быть об уступке, но... драться? С друзьями? С какой стати? Какая бешеная муха их укусила?

И вспомнил про щит. Ага, магию скрыли на всякий случай. Так ведь и для моих оборотней она теперь была скрыта.

Как там? Меньше, чем у Тариса и Суворя.

Ну, вот они, Тарис и Сувор, и стоят напротив меня в позе вызова – глаза в глаза!

Немедленно снёс щит, выпуская зверя. Тарис и Сувор моментально понурились, а я обвёл взглядом стаю. Обратни виновато опускали головы.

– Чтобы и впредь не было такого, предупреждаю: это был щит для сокрытия магии-зверя. Янсель специально его разработал. Я и дальше буду применять этот щит – так что держите свои инстинкты при себе. Вы всё-таки не звери!

Стая виновато потрусилась за мной. Придётся Янселю вновь устанавливать щит. Надо его озадачить тем, чтобы по желанию можно было тот щит приоткрывать. Для ясности, так сказать.

А наш куратор стоял в стороне с ошеломлённым выражением на лице.

Тацина никогда явно не интересовался отношениями в группе подопечных. Как-то мы все были для него равны, разве что Марина вежливо выделял. Даже Сувору ему в группу патруля назначил Весёлый – именно двусотник нас распределял.

Но сейчас, наблюдая за нами со стороны, Тацина сильно удивился – чем-то впечатлила его наша демонстрация. То, что произошло, наверное, выглядело со стороны как молчаливое топтание насупленных пацанов в окружении заинтересованных, но таких же молчаливых, других парней. А потом под взглядами одного все дружно собрались и послушно потрусил на тренировку. Не было криков и махания кулаками – именно так повели бы себя наши сверстники-люди в такой ситуации.

После пробежки Тацина всё-таки не сдержал своё любопытство, остановил меня:

– Скажи, Лагор, ведь то, что я видел... это выяснение, кто вожак? Я видел такое, когда был у оборотней.

– В общем, да. Выяснение.

– Так ты, выходит, действительно вожак?

Теперь пришёл мой черёд вылупиться на куратора. А Тацина вдруг смутился:

– Просто ты самый младший. Лёгкий... взгляд доверчивый. Выглядишь слабее других... И я подумал, что ты – племянник Ррыка... поэтому...

– Что-о? – я возмутился: – Причём тут Ррык? В таких случаях у оборотней не имеют значение родственные отношения!

– Извини, не хотел обидеть, – этот «медведь» вдруг покраснел. – А как же тогда Марин? Он же...

– Он – старший! Старше нас всех.

И Тацина, как и двусотник до него, задумался. Вспомнив что-то, стукнул себя по лбу и расхохотался.

– Вот тролль кривоногий, я совсем забыл, что у вас совсем другие обозначения главенства!

Выходит, Весёлый никому не стал рассказывать о нашем разговоре. Вот уж точно, мужик весёлый – хочется ему на других посмотреть, когда они обнаружат то, что он разгадал. Ну, вот ещё один!

Когда же они догадаются – кого считать особенным?

Янсель всегда с интересом наблюдал за процессом нашего оборота после уроков магии. Иногда, перекинувшись, мы охотились, а иногда просто бегали, наслаждаясь реакциями второй ипостаси.

Весёлый увеличил норму питания для нас. Оказывается, раньше, до «мясного бунта», когда оборотни служили наравне с другими расами – норма питания в войсках для них была больше, чем для других. И вот оборотни перестали служить, им запретили иметь боевое оружие, а нормы питания почему-то не отменили.

Хорошо, что наш двусотник – просвещённый человек, и знает такие вещи, о которых мало кто слышал. Именно голодом мы объяснили Весёлому пропажу продуктов на кухне.

У нас же молодые растущие организмы... Потому не наедаемся. И вот так глупо «сорвались», взяв без дозволения еду на кухне. А те чудеса, что повар наблюдал... Ну, вы же знаете о скорости оборотней и их умении скрываться? А тут ещё голодные «деткишки» пошалили... А поварам просто почудилось! Ночь, они тоже устали...

Весёлый, может, и не особо верил – калач тёртый, обмануть его трудно. Только как объяснишь те чудеса, о которых повара в два голоса твердят? И чем больше их расспрашиваешь, тем чудес больше возникает.

А тут оборотни пришли, вину на себя взяли, хоть и подозрительно – вот чует подвох опытная прожжённая душа вояки! – но складно всё объяснили. Кстати, и нормы вспомнились. Пусть оборотни едят дополнительную пайку, зато непонятных чудес больше не будет! А князь пусть на цифры расходов любит, раз личным письмом велел взять под опеку отряд проглотов, подростков-оборотней.

Так что разрешение на фактически круглосуточное питание мы получили. Очень кстати – после уроков есть очень хотелось! И для кроликов не такой сокрушительный урон в поголовье. Будет, кому дальше размножаться!

Янсель как обычно наблюдал за нашим оборотом и вдруг окликнул Лийсу, а потом и меня подозвал. Попросил Лийсу перекинуться в человека, потом в лису и опять в человека...

Кто-то из парней уже умчался в дальнюю пустынную часть парка. А кто-то остался, заинтересовавшись происходящим. Я же недоумевал: что такого необыкновенного в процессе перекида лисицы?

– Лагор, посмотри внимательнее на её хвост. Видишь что-нибудь? Или мне кажется?

Лийса полыхнула щеками, но, помедлив, всё-таки обернулась лисицей, неохотно повернувшись ко мне хвостом.

И я увидел... Достаточно яркий силуэт лисицы. Хвост от туловища почти наполовину шёл нормально, а потом закручивался нитями в путаный клубок, а дальше... дальше расплывался в туманную дымку. Таким же образом, как «съезжало» иллюзорное лицо Янсея тогда – при первом знакомстве.

Я круглыми глазами посмотрел на мага, а тот не дал ничего сказать, приказав:

– Лийса, перекинься в человека, – а когда лисица покорно выполнила указание, – а теперь посмотри на её источник.

Девушка обречённо поёжилась, машинально пытаюсь спрятать живот, но всё-таки встала прямо, давая рассмотреть. А я со всё возрастающим удивлением увидел странность – магический шар внутри лисицы был больше того, что она демонстрировала. Раза в два, самое малое!

Это что ж такое получается?

Я неверяще уставился на мага. А тот, видимо, понимая, к каким выводам я пришёл, утвердительно кивнул головой.

– Так это иллюзия? И большую часть резерва...

– ... она тратит на поддержку очень качественной иллюзии, – закончил маг. – Столько магии вкладывает... почти всю. Настолько, что настоящий хвост рассмотреть очень трудно.

А Лийска расплакалась... да так горько, что маг бросился её утешать. И мне стало совестно, что мы вот так со своим неуклюжим любопытством залезли в тщательно скрываемую тайну лисицы. Остальные оборотни деликатно «растаяли» в темени парка.

А маг ворковал над рыжей головой, доверчиво прижавшейся к его плечу:

– Не плачь, маленькая. Всё можно исправить. Посмотри, какой Лагор сильный маг!

А это к чему он говорит?

– Мы с ним придумаем, что с твоим хвостиком сделать можно.

Эй-эй, я придумывать не умею! Мне брат голову за лисицу оторвёт!

Кто бы принимал моё мнение в расчёт?

Янсель уговорил-успокоил лисицу. Реветь она перестала и даже вроде поверила рассказам мага – что мы такое сделаем... тако-ого наворотим... Это он и меня в это «мы» приплёл?

Я сидел и хмурился – чего-то я в себе ничего такого умного и всемогущего не ощущаю.

Успокоенная лисица ушла спать. А я остался понаблюдать за Янселем. Зрелище того стоило!

Маг носился кругами, возбуждённо ероша волосы и забавно жестикулируя. Наконец, заметив, что я за ним наблюдаю, взялся за меня.

– Лагор! Я примерно представляю, как такие вещи исправляют у магов. В теории.

– Ага, в теории! А Лийска-то совсем не теоретическая...

– Погоди. Конечно, нас этому учил наставник. Нам с Лагейном было неинтересно. Больно нужно мальчишкам «восстановление утраченной части организма у мага и простого человека». Но наставник в нас буквально вколачивал эти знания – и я ему очень за это благодарен! Сейчас я тебе всё объясню – тут всё достаточно просто, но...

Чего? Восстановление части организма? М-да, хвост – часть организма. У Лийски нету полхвоста в обороте. И какая же часть организма соответствует хвосту в человеческом виде? Что-то никак сообразить не могу...

– Смотри, процедура восстановления целостности организма, что у мага, что у человека, копирует процесс перекида оборотня. Кстати, этот момент указывает, что маги по сути наследники оборотней... Ну, ладно, это научные версии... Только в процессе оборот человека происходит не в зверя, а также в человека.

Это как? Человека без руки перекинуть в человека с рукой?..

– Просто запускается процесс восстановления. Вот у вас принято быть волками. И запускается процесс оборота, в котором участвует магия, переводя человеческий организм в волчий...

– Ага, только я олень, – изумлённый взгляд мага. Добавил: – А вся семья волки!

Маг поморщился, досадуя на мои придирки.

– Не сбивай! Вот и Лийсе нужно сделать правильный оборот.

Скептически скалюсь:

– Хочешь сказать, Лийска неправильно оборачивается?

– Вот именно!

Я ошалело помотал башкой. Скажи оборотню, что он неправильно оборачивается, да он... он... Слов не найти, что он сделает!

– Лийса оборачивается всю жизнь. При перекиде у оборотня автоматически запускается магия регенерации. Вы так устроены! То есть хвост должен восстанавливаться. А что происходит?

– Что? – мне как-то чужды такие умные рассуждения.

– Девочка при обороте запускает не регенерацию, а магию иллюзии. Это уникально! Это же открытие!

Возбуждённый маг опять принялся нарезать круги, а я сидел, как по голове стукнутый.

Вспомнился рассказ брата, как Лийска «отращивала» хвост – «отрастит чуть-чуть и хвалится... Лийска, как в детстве первый раз перекинулась, когда с ней что-то страшное сотворили, так года три перекидываться не могла». От догадки, что в детстве лисицы пошло что-то не так...

– Янсель, ты мне вот, что скажи. А магия иллюзии... Её легче сделать, чем регенерацию?

– Кому как. У вас, оборотней, регенерация на уровне инстинктов работает. У всех, только по уровню разная. А иллюзия не у каждого оборотня выходит. Людям же легче иллюзию создать, а хорошая регенерация много сил требует – у многих не получается. А что?

– А у ребёнка оборотня?

– У ребёнка? Так хвост она в детстве потеряла?

Кивнул согласно:

– Похоже, что при первом обороте.

– Ох, ты! При сильном потрясении какие угодно сдвиги в инстинктах могли произойти.

Припомнив, что сам знаю про лисицу, рассказы Уруса и бабки Мьяры, выложил всё Янселю. Маг был потрясён.

– Три года без перекида! С ума сойти. Оборотню, тем более ребёнку очень тяжело не перекидываться...

Только мне говорить этого не надо... Что творится, когда зверь из тебя рвётся, я до сих пор помню.

Сколько травяных успокоительных настоек я выпил ещё совсем малышом?! Сколько дней и ночей во время полнолуния от меня в буквальном смысле не отходили взрослые. У моих друзей и приятелей зверь к восьми-девяти годам ручным становился. А я своего еле в одиннадцать уговорил. Мы с ним недели и месяцы до оборота считали... Эх! Так ждал, а в день оборота перепугался. Смешно вспомнить.

Маг задумался:

– Смотри что выходит. Лийса была очень напугана первым перекидом, когда лишилась половины хвоста, да к тому же её долго держали в звериной ипостаси... Бедная девочка! Конечно, она жутко боялась перекидываться. Лишь благоприятное отношение в вашей деревне помогло ей как-то справиться со стрессом. Но пережитый страх превалировал (чего?), и дала сбой функция регенерации. Нет, она как-то работала. Но вот именно – как-то!.. Ты видел тот клубок из оборванных энергетических нитей? Они должны были запустить регенерацию, а вместо этого – неровно оборванные спутались, неправильно соединились и в результате

заблокировали её на этом участке хвоста. То есть опять же получился блокиратор для регенерации. А что нужно делать с блокиратором?

– Убирать?

– Правильно, любой блокиратор нужно убрать!

Я задумался: и как же убрать блокиратор с хвоста лисицы? Это не амарин, его колонна не выдерет... Но и перед тем, как блокиратор был выдран из спины Янселя, преграду из кожи и мышц пришлось вскрывать ножом.

– Значит, хвост придётся резать?

– Да, резать! Смотри, какая у меня вырисовывается схема действий. Блокиратор придётся резать с хвоста в облике лисицы. Блок удаляем, высвобождаются энергетические нити. Им нужно дать толчок для регенерации. У Лийсы этот процесс, скажем так, ослаблен. Существует, но использовать его в полном виде она не просто не умеет. А скорее, подсознательно боится. И её собственной энергии не хватит, чтобы перешагнуть этот порог. Поэтому нужен ты для вливания силы. На себе испытал, какой пинок получился. Если бы не ты, я б сам не справился и не выжил бы.

Мне, конечно, приятно слышать похвалы, хотя тогда всё по наитию получилось, совсем без участия сознания...

– И нужно будет заставлять Лийсу перекидываться то в человека, то в зверя, подстёгивая силой. И вот тогда инстинкт оборотня должен будет проснуться, и девочка справится. Энергетические нити выстроятся в полноценный контур, и уже согласно контуру хвост восстановится.

– Думаешь, получится?.. – всё-таки я совсем не разбираюсь в теории магических конструкций. – Ты говоришь про контуры заклинаний. А здесь что делает контур? Зачем он нужен?

– Для вас, оборотней, контур особо важен. Контур – это границы формы. Когда вы перекидываетесь, то автоматически задаёте контуры зверя. То есть сначала появляется контур заявленного из силовых энергетических нитей, а потом идёт заполнение формы согласно заявленному. Я так подробно знаю этот момент, потому что так и происходит процедура восстановления целостности организма – то есть, по сути, процесс регенерации.

Вот это да! Умеет же Янсель сложное так просто растолковать!

Сколько я в детстве приставал ко взрослым с вопросом – как происходит оборот? Да разве ж только я? Все маленькие оборотни рано или поздно озадачиваются этим вопросом. И никто никогда не смог получить внятного ответа!

И вдруг меня озарило!

– Янсель, ты говоришь – контуры зверя... То есть, выходит мы сами задаём контур зверя?

– Ну, да. Выбираете вид и задаёте контур по желанию. Потому ты имеешь вид оленя в семье волков.

– Я никогда не хотел быть оленем, – яростно открестился от вероятности желания, – даже не думал становиться оленем. Всегда хотел быть волком, как отец и Ррык.

– Стоп-стоп. Не всё так просто! Вспомни, может, тебе нравилось наблюдать за оленями?

Я пожал плечами. Ну, видел их в лесу. Красивое животное, конечно. Но чтобы впечатлиться до такой степени? Однозначно, нет. Волки мне нравились больше. Я и представлял себя всегда только волком.

– Что-то должно было быть связано с оленями.

А ведь было! Действительно было!

– Бабушка моя часто говорила, что у меня глаза оленёнки. И так... оленёнком называла.

– Любишь бабушку?

– Больше всех... А незадолго до перекида она рассказывала, что олени тоже немного хищники.

– Понятно. Очень любишь бабушку. Она называла тебя оленем, да ещё и о хищности говорила. У тебя в подсознании всё объединилось. Если и противился, когда называли оленёнком, то упоминание о хищности примирило...

– И я сделал приятное бабушке?

Понимание того, что произошло, поражало... и объясняло многое. Я был удручён... Всё могло быть совсем по-другому!

– Да, и получился уникальный плотоядный олень!

Мы с магом переглянулись и захохотали.

А, плевать! Обратни приняли оленя. Я сам уже привык. Главное, что бабке Мьяре нравится!

Лисицын хвост

Янсель с энтузиазмом занялся подготовкой процедуры восстановления целостности организма Лийсы – очень мне нравилась такая заумная фраза, заменяющая простое «регенерация».

Когда Лийсе объяснили, в чём у неё проблема и как её можно исправить, лисица не задумываясь, дала своё согласие на операцию. Даже того, что хвост по живому, без обезболивания придётся резать не испугалась.

Саму процедуру решили проводить в том самом зале для магических тренировок, до которого мы с Янселем так и не дошли с его блокиратором. Зато в этот раз маг весь зал облазил. Сказал бы, всю пыль собрал, только нету там ни пыли, ни мусора, ни запаха чьего-либо присутствия.

Себе Янсель отвёл роль координатора. Всё правильно! Он опытнее – ему и руководить. Меня он заставил выучить заклинание дозированного вливания силы, причём с разными параметрами. Чтобы по команде, не задумываясь, отдавал ровно столько, сколько было необходимо.

Трудности возникли с кандидатом на роль рубщика хвоста.

Поначалу, когда я задал вопрос в стае:

– Кто умеет рубить хвосты?

Со смехом и шутками выступили все.

Но когда уточнил, что придётся рубить хвост Лийсе, все также дружно отступили, сразу став серьёзными. И непонятно, то ли Уруса опасаются, то ли сам факт рискованного действия по отношению к подруге пугал.

Задал этот вопрос Сувору. Из-за дежурств в разное время мы теперь виделись не так уж часто.

– И то, и другое пугает. Ты сам знаешь Уруса, за Лийсу многим от него доставалось. И да, хвост отрублю у кого угодно, а Лийсе... она же самка.

Н-да, самке вредить нельзя – это закон обратной. Всё же удалось уговорить друга. Разъяснив весь ритуал поэтапно, удалось его убедить, что, рубя хвост, он избавит Лийсу от проблем.

А ещё выяснилось, что во время процедуры Лийсе лучше быть обнажённой. Растерялись все, кроме Янселя. Для него всё было нормальным – пациенту для лечения иногда необходимо бывает обнажиться.

Лийса залилась краской, но промолчала. У оборотней женщины не раздеваются догола ни перед кем, кроме мужа – это с одной стороны. С другой – мечта всё исправить, казавшаяся несбыточной, и вдруг... так близко. Девушка смущённо согласилась, а на глазах слёзы блестят – ну, не могу смотреть! Сувор тоже хмурился, отводил глаза.

Всё же решили и эту проблему.

Договорились, что Сувор сделает своё дело и сразу уйдёт. Так что увидит только облик лисицы. Я всё равно буду находиться возле головы, так что поставим небольшую ширму сразу за головой, а я не буду заглядывать туда без нужды. А Янс... Что Янсель? Он магическим зрением будет смотреть – по-другому процесс никак не проконтролировать. А магическое зрение оно такое – ему всё одно, в одежде будет человек или без одежды. На том и порешили к всеобщему облегчению.

Планировали, вроде обо всём договорились. И всё равно, как ни планируй, всегда что-то пойдёт по-другому.

О скамье, выдраенной щёлоком, гладко выскобленной, позаботился Янсель. Он же соорудил рамку-ширму, закрепил на ней простынь.

Положили несопротивляющуюся лиску на скамью. Зажмурив глаза, она покорно терпела все перемещения, пока мы примерялись, как ловчее всё сделать.

Вот Янсель говорит:

– Лийса, сними иллюзию с хвоста.

А та только жалобно смотрит. До такой степени привыкла держать иллюзию, что просто не в состоянии её отпустить.

Под руководством мага стал искать основные узлы, на которых держался конструктив иллюзии хвоста. Распустили... Ох, и глаза были у Сувора при виде страшного полулысого обрубка. Я-то из-за иллюзии обрубок разглядел ещё тогда, когда Янс на него внимание обратил, а он... аж, зубы захрустели! Смотри-смотри, а то отказывался «нанести вред самке».

Сувор примерялся к остро наточенному тесаку. Янсель, сверяясь со мной по поводу прохождения энергетических нитей, наносил углём линию, по которой необходимо было отрубить блок. Лийса покорно лежала.

Из зажмуренных глаз лисицы часто текли слёзы. Шерсть на мордочке промокла, но... ни писка, ни шевеления. И когда уже решили, что пора начинать, её затрясло. Дрожала шкура, лапы ходили ходуном, даже зубы пощёлкивали.

Сияние, ей же безумно страшно! Пережить такое в детстве во время первого оборота настолько, что память о прошлом потеряла. И всё повторить сейчас!

Мы с Янседем переглянулись. Без слов поняв друг друга, ухватили лисицу за лапы. Я, как положено, за передние. Янсель за задние, стараясь не перекрывать поле действия Сувору.

– Руби!

К чести Сувора, рука у него верная... рубанул прямо по разметке. Кровь брызнула струёй! По телу лисы прошла судорога, и она закричала. Негромко... придушенно... как ребёнок... Заскулила жалобно, тонко, заплакала взахлёб.

– Лагор, давай!

Я торопливо воспроизвёл заученное заклинание вливания силы. Лисица выгнулась... и ничего. Перекида не было!

Ещё! Ещё! Бесполезно!

В отчаянии дал сырой силой без расчёта, без заклинаний – столько, сколько душа попросила! Вспышка! И у меня в руках не лисьи лапы, а женские ладони.

Какая там ширма? Рамка тролль знает куда улетела! Глаз невольно скользнул по обнажённому женскому телу – на пояснице разверзлась страшная кровавая рана с обломком кости...

– Лагор, оборот!

Как разряд молнии пустил силу по рукам в узкие ладони. Вспышка, лапы...

– Давай!

Вспышка, руки...

– Давай!..

Я сбился со счёта, сколько раз посылал молнии попеременно – то в лапы, то в ладони рук, когда хриплый сорванный голос мага дал команду:

– Хватит! Всё... Мы сделали.

Без сил, задыхаясь, опустился на пол. Лийска лежала неподвижно. Спина сияла гладкой кожей без каких-либо следов страшной раны. Янсель аккуратно прикрыл девушку простынью, содранной с рамки – вот и пригодилась.

– Что с ней?

Принял от мага кувшин с питьём.

– Пока без памяти. Но уже не страшно. Всё получилось. Я видел хвост. Красивый! Не хуже иллюзорного получился. И спина выровнялась. Выходит, обрубленный хвост в человеческой ипостаси на пояснице у неё отражался. Какие же боли ей приходилось терпеть! И это всю жизнь! Может, и внутренние повреждения были. Мы же не проверяли... Зато теперь всё будет хорошо! Можешь посмотреть – в магическом зрении все линии чёткие, нигде никаких перекручиваний или клубков. Замечательный контур!

– Потом... позже... Устал страшно... А чего так сверкало-то?

– Ты пей. Там травки восстанавливающие добавлены. А сверкало?.. Тому несколько причин. Большая доза силы, принудительные действия к перекиду и конфликт магий – структура немного разная.

– А не повредит?

– Нет. Эльфу, допустим, было бы хуже, мне, человеку, адаптация понадобилась бы. А Лийса – оборотень, структура схожая, энергии на адаптацию уходит мало. Ты вспышек не бойся. Это бывает! А то бывают смертельные заклинания совсем без эффектов. А вспышки можно было убрать. Но отвлекаться на это, брать под контроль... Нам с тобой не до того было. Всё равно никто не видит. Так что, пусть сверкает...

Помолчав, добавил:

– Гор, ты молодец! Сориентировался вовремя! Я, судя по всему, количество силы рассчитал неправильно. Брал данные из расчёта на человека, а по оборотням, выходит, другую формулу создавать нужно.

– Вряд ли для оборотней она ещё раз понадобится. У нас в деревне только Лийса с такой проблемой.

– Может, и не понадобится... Всякое может быть. А ты обратил внимание?

– На что?

– Похоже, сил ты в этот раз больше отдал, чем со мной было. А выглядишь бодрее, и кровь из носа не течёт.

Я оживился – прав Янсель. Хотя в импульс для Лийсы вкладывал меньше энергии, чем одним разом в Янсея влил, но, если помножить на количество, то получается, что магии много больше отдал. И чувствую себя уставшим, но не настолько, чтобы свалиться, как в прошлый раз.

– Возможно, так получилось, что в прошлый раз ты через себя сразу большой поток пропустил? А сейчас более дозировано действовал?

Я пожал плечами, занятый обглаживанием кости. В этот раз, помня про голод после «работы», мы постарались запастись продуктами заранее, чтобы Замку не пришлось, проявляя о нас заботу, вновь травмировать чувствительную психику поваров исчезновением продуктов.

– Давай, когда отдохнёшь, измерим размеры твоей магии! Думаю, после моего «лечения» твой резерв должен подрасти. Свой-то я уже замерил, увеличился почти в три раза против того, что было тридцать лет назад!

У меня глаза округлились:

– Как так? В три раза?!

– Нам наставник рассказывал, что резерв можно увеличить постоянным выкачиванием силы почти до предела. Говорил, процентов до тридцати так увеличить можно. Находились желающие... Только, сам понимаешь, знать – это одно, а делать – это другое. До предела не размотаешь резерв, толку никакого не будет. А до предела доходить... это скажу тебе... то же самое состояние, в каком я пробыл все эти годы. На такое добровольно пойти... да просто не выдержишь долго. И я бы не терпел, если бы Тифчир не поспособствовал. А знаешь, я когда-то мечтал увеличить резерв, хотя бы на двадцать процентов. Сбылась мечта придурка! Тридцать лет как не бывало!

– Зато резерв не на двадцать процентов увеличился, а на все двести!

– Только это и успокаивает... Лагор, я что-то не пойму. Замок столетиями никого не пускал в закрытую часть. Это понятно – ждал наследников крови. Ты пришёл, Замок пустил тебя по крови. И всё! А где атрибуты лордства? Должны флаги подняться над башнями, объявляя о появлении лорда. В летописях упоминаются герб и рисунки на фасаде замка. И где это всё?

Я пожал плечами, не разделяя недоумения мага. Мне и так хорошо и интересно – служим, учимся всяким любопытным вещам, вон, Лийске с хвостом помогли. Подумав о лисице, сразу же вспомнил брата, и тревога за него вновь кольнула...

– Может, Замок не считает меня лордом? Может, ему больше Урус понравится?

О, Лийса зашевелилась. Мы тут же захлопотали над ней.

Лисица, закутанная в простыню, едва сидела от слабости. Но глаза и улыбка её сияли, как... звёзды. Счастливая, рассказывала о том, что никогда себя так легко и великолепно не чувствовала. Казалось, даже волосы стали ярче.

Лийса необыкновенно похорошела – вот Урус обрадуется! И опять что-то кольнуло в груди.

А Янсель, как зачарованный, уставился на девушку. Что-то слишком пристально и долго он её рассматривает!

Рыкнул на мага упреждающе. Лийса расхохоталась, а Янсель негодуя всплеснул руками:

– Да Лийса для меня пациентка!

Ага, скажи оборотню... Мы чувствуем – когда интерес проявляется к пациентке, а когда уже как к девушке.

Накормив лисицу, кое-как её облачили, а дальше мне пришлось на руках нести её в комнату. По столбам с девушкой на весу не попрыгаешь. До комнат пришлось добираться через конюшню, выйдя на замковый двор, и по наружной лестнице подниматься на второй этаж.

Благо, совсем поздняя ночь, и посторонние вроде не видят... Троль колченогий, стражи из дежурного патруля, проходящие через замковый двор, всё-таки углядели нас.

А-а, пусть думают, что хотят! Главное, что Лийсу не узнают, а я могу кого угодно на руках носить. Пусть завидуют!

Княжич

Это случилось на второй день после восстановления хвоста лисицы.

Накануне вечером мы слышали какой-то шум у замковых ворот, но внимания не обратили. Я вернулся из патруля поздно вечером, почти ночью, усталый – сказалось тяжёлое дежурство. Да и магическое истощение после «лечения» лисицы аукнулось. Потому даже на занятие к магу не пошёл.

Присел на кровать передохнуть на минуту, да так, сидя, и уснул. Как Сувор стаскивал с меня сапоги и куртку совершенно даже не чувствовал. А поутру и узнал о вечерней суете и ее причине.

Оказалось, княжич приехал. Старший сын князя нашего Светлана княжич Сивал. Сивал... имя-то какое странное. Сказал бы, как у тролля, а вдруг оскорблю княжье семейство?

Имена наших князей обязательно включали слово «светлый» – Светломир, Светлодар, Светлан... И младшего княжича назвали, как положено, Светлояр. Говорят, княгиня пожелала старшего княжича Сивалом наречь и княжеские родовые обычаи переупрямила.

Понятно, что княжич не один приехал, а в сопровождении свиты. Потому и шум был, который я всё-равно проспал. Как бы то ни было, мне никакого дела не было ни до того княжича Сивала, ни до его свиты. До поры, до времени...

В первый день после восстановления хвоста лисице велено было отлеживаться. А сегодня Янсель разрешил Лийсе приступить к работе, но ни в коем случае не магичить. Знахари-то при изготовлении зелий произвольно задействуют магию. Дар есть дар, и часто даже не сразу и поймёшь, что действуюешь не просто руками, а с применением магии. Хоть руки связывай.

Вот Лийсе и было наказано – никаких приготовлений настоек, мазей и другого. Пусть контур и установился, но границы его еще не до конца укрепились. А девушка всё-равно обрадовалась. Всего день-то прошёл, а ей уже в кровати лежать надоело! Правда, слабость ещё донимала...

Возле главного крыльца маялись конюхи с незнакомыми лошадьми в поводу. Никак, княжич со своими товарищами решил верхами прокатиться по городу? А эти самые лошади сегодня в конюшне, под нами ночевали... Да нам-то что?

Я вместе с друзьями под приглядом Тацины тренировался с мечами на плацу и лишь краем глаза отметил, как Лийса пошла мимо лошадей и замкового крыльца, направляясь в целительскую комнату к Шютю Медному. Отвернулся, занятый учебным боем.

Работать приходилось против Тацины. Ох, и медведь! От деревянных мечей только щепки летели. Опять Тилай, заведовавший изготовлением и починкой тренировочного оружия, ругаться будет. Ну, так пусть Тацина сам сегодня перед ним отчитывается, я в этот раз ни при чём.

Тем временем из замка, по-видимому, вышлите, кого терпеливо ожидали кони и служащие, потому что кавалькада всадников неторопливо потянулась в сторону ворот. Отвлечённый манёвром противника, не сразу заметил, как всадники изменили направление и уже приближались к плацу.

По мере приближения высоких гостей тренировочные поединки прекращались один за другим. И если поначалу мы думали, что княжич возжелал посмотреть на тренировки, то вскоре всем стало ясно, что не бои привлекли гостей, а стройная девичья фигурка с ярко-рыжими волосами.

Мы с десятником тоже отвлеклись от боя – происходящее настораживало. Лийса, солнечно улыбаясь, шла и махала рукой знакомым, пока не замечая интереса со стороны.

И вдруг среди группы всадников я увидел Грахиаша. Он, указывая нагайкой на Лийсу, что-то объяснял светловолосому парню, державшемуся впереди всех – верно, это и был княжич Сивал. Только с какой стати Грахиаш свободно разгуливает да ещё с княжичем беседует, если он должен находиться под арестом?

Как будто отвечая на мой невысказанный вслух вопрос, подошедший Тацина, отирая пот, процедил сквозь зубы:

– Дерьмо не тонет! Выпустили управляющего по приказу княжича. Двусотник ему о нарушениях управителя, а светлейший слушать ничего не желает. Ногами на Весёлого топают, орёт, что двусотника самого разжалует и под арест посадит... Тьфу! – мужчина в сердцах сплюнул: – Ждёт не дожждётся, когда власть получит.

И резко замолчал, видимо, жалея о последних словах. А мне очень не нравилось то, что происходило возле Лийсы.

Светловолосый парень сначала о чём-то заговорил с лисицей, потом спешился, оттолкнув подбежавшего Грахиаша, шагнул к девушке и попытался взять её за руку. Ветер дул от нас и не давал расслышать слова. Лийса отступила и что-то гневно ответила, оглянувшись в нашу сторону. И в этот момент парень схватил её за косу!

Я действовал на инстинктах, не задумываясь. Сам не заметил, как оказался возле девушки, перехватил рыжий жгут волос выше руки светловолосого, вцепившегося в конец косы, рванул, стараясь не навредить Лийсе, после чего задвинул девушку за спину. Светловолосый – я уже понял, что это княжич и есть – полыхнул злыми пятнами на щеках, заорал:

– Да как ты смеешь? Кто такой?

Грахиаш стелился:

– А это, ваша Светлость, тот самый оборотень. Как видите, совсем молокосос, а все беды именно от этого щенка...

– Тот самый, говоришь? – Злой прищур глаз. Да что я ему, этой самой светлости, сделал, если вижу впервые в жизни? – Значит, сейчас я его поучу вежливости, как нужно встречать своего будущего князя! И не смей мне перечить!

Действительно, княжич. И да, одержим желанием власти. И как теперь с ним разговаривать?

Я рассматривал княжеского сына. Молодой, может, на пару лет старше Марина. Белокурые волосы бликовали светлым золотом, забранные в хвост золотой же повязкой. Богатая одежда тоже блестела золотым шитьем и камнями. Я никогда не видел столь чудного мужского наряда – изукрашеного пуще, чем у девок... И на лицо парень видный. Такие девушкам нравятся. Только злой. Может, которой и понравится, но, думаю, не всякой...

Я смотрел на происходящее будто со стороны, ещё не зная, как себя повести. А княжичу Сивалу тем временем подали кнут. И он, зло осердившись, слегка пощелкивал кнутовищем, приноравливаясь. А я удивился: никак, он меня поучить решил?

Ну, нет! Избивать себя в угоду высокородному хлыщу не дам!

Лишь только княжич пустил кнутовищем змейку, пытаюсь концом достать меня, я тут же выпустил магический жгут, захлестнул и рванул оружие из неумелых рук. Не знаю, понял ли кто, что я применил магию? Со стороны должно было выглядеть, что я поймал конец и за него выдернул кнут.

Высокородный остолбенел. А я рассматривал отнятое. Богатая вещь! Рукоять сделана из незнакомого мне дерева и вся усыпана мелкими чёрными камнями. Шероховатая причудливая вязь из камней помогала лучше удерживать кнут в руке. Кожаный хлыст будто вырастал из рукояти – нигде никакой конец не торчал, не топорщился... Гибкие хорошо выделанные полоски заплетались плотной хитрой косицей. Хороший мастер вещь делал! Только на самом конце хлыста обнаружился железный плоский кругляш.

Вроде, княжич себя благородным считает, а вот не постеснялся подлянку в открытую использовать! Этой маленькой железкой не только искалечить, но и до смерти убить можно. У бойцов считалось низким использовать такие приспособления.

В сердцах я рванул железяку из кожаной оплетки, а сам кнут отшвырнул в сторону. И уже не удивился, когда княжич взбеленился, но всё же не ожидал, что тот за меч схватится. Такой же сверкающий дорогой отделкой, под стать хозяину.

Может, княжич считал себя хорошим мечником, а, может, думал, что вооруженный человек всегда уделает безоружного? Но мне уклоняться и уходить от меча в сторону не составляло никакого труда, а вот его Светлость пыхтел, как самовар. Видать, не больно-то его на тренировках гоняли, даже для человека княжич был довольно медлителен.

Я прыгал и маневрировал, а сам ломал голову: что дальше-то? Княжич вспыльчив и злопамятен – я и раньше это слышал, только пропускал мимо ушей. Где я и где сын князя?.. Мне и в голову не могло прийти, что знакомство может начаться сразу с конфликта.

Можно ли было предотвратить столкновение? О том, чтобы не заступиться за Лийсу, даже мыслей не возникало. Как ни прикидывай варианты, а ссоры с Сивалом не было возможности избежать. Судя по репликам Грахиаша и других, они изначально готовили стычку княжича с оборотнями. И высокородный простак примитивно повёлся, как щенок.

Отклоняться и уходить от меча столь неумелого бойца я мог сколь угодно, а вот княжича уже ни злость не поддерживала, ни крики свиты – парень потел и задыхался. Я оглянулся на своих. Напряжённые лица. Обратни не обманывались озвученной причиной ссоры, нас с детства готовили к предвзятости со стороны людей. Рыжая макушка Лийсы терялась за плечами Тариса и Сувора.

Так... прыжок вправо. Ага, со стороны казарм показался двусотник. Спешит – значит, его уже оповестили о княжеской «забаве».

И так неповоротливый, княжич совсем замедлился, дыша со свистом, истекая потом. И злость ему не помогала... Чем-то всё закончится? И вряд ли чем-то занимательным. Так и есть...

Княжич повернулся к двусотнику и засипел, держась одной рукой за грудь, а другой, бросив изукрашенный меч, указал на меня:

– Взять...Арестовать!

Двусотник, озабоченно оглянувшись на меня, вытянулся:

– Какое основание указать для ареста, ваше Светлейшее Высочество?

Никак, Весёлый пытался умаслить спесивца? А парню-то обращение польстило. Лицом посветлел и приосанился. Да толку-то? Княжич к лести привычен, одним великоречивым поименованием его не пронять. Задумавшись на краткий миг над причиной ареста, Сивал насупился и встрепенулся, озаренный мыслью:

– Бунт... Этот оборотень бунтовал против князя!

Весёлый огорченно взглянул на меня. Грахиаш же светился – радовался гад.

Я оглянулся на своих, а они уже боевым клином выстроились... Ишь ты! А Лийса-то перед Форратом место заняла. Освобождённая от поддержки иллюзии сила проявила себя, и, значит, правильно мы всё с её хвостом сделали.

М-да... Уж если меня в бунте обвинили, то не стоило остальных за собой тащить. И пользуясь поднявшейся суетой, крикнул своим:

– Лийсу спрячьте. И сами в случае чего уходите. Приказ!

Часть 4. Лорд Лесной

В тюрьме

Конвоировали меня солдаты из десятка Тацины под командованием самого десятника.

Солдаты угрюмо молчали, направляясь за казармы. Там находилась гауптвахта, где ещё вчера содержался Грахиаш.

Тацина немного неразборчиво и, кажется, непотребно ругался себе под нос. И уже громко витиевато выругался, когда нас догнал посыльный с указанием: посадить «бунтовщика» в камеры замка. Солдаты ещё больше помрачнели. Я же недоумевал. Что такого? Чем камеры замка хуже гауптвахты?

Я совершенно не имел никакого представления о местах тюремного заключения. До этого и видел только солдатскую гауптвахту.

Как-то мы с друзьями добрались до крепкого бревенчатого здания за казармами. Задней стеной здания служила уже сама крепостная стена, огораживающая замковый комплекс. Небольшие окна были забраны железными решётками. Толстая деревянная дверь укреплена широкими железными полосами, воссоздающими рисунок решёток.

Наши кружения возле здания увидел один из десятников – Шарут дружил с Тациной и неплохо к нам относился. Добродушно усмехаясь нашему любопытству, Шарут провёл нас внутрь здания. Объяснил

предназначение гауптвахты, показал, в каких комнатах содержатся провинившиеся солдаты. Была комната и для провинившихся офицеров. От остальных её отличало немного. Кровать, а не нары, как у солдат. Постель была помягче и снабжена одеялом, чем солдат также не баловали. Да из окна был виден кусочек дорожки, так что можно было развлекаться, наблюдая, кто по ней проходит. Тогда как из окон солдатских камер можно было полюбоваться только на камни крепостной стены.

В полной уверенности, что увижу нечто, напоминающее гауптвахту, я спокойно следовал за десятником.

Вход в тюрьму скрывался за неприметной дверью возле лестницы для слуг. За дверью находилась площадка, с которой также шла лестница, освещённая горящими факелами, но уже вниз.

Я с любопытством вертел головой. В деревне внизу под избой располагался только погреб. А тут, смотри-ка, ещё один этаж – только не наверх, а вниз ведёт. О, похоже, что и не один...

Эх, какой же я... несмышленный! Таким и другими эпитетами погрубее я крыл сам себя, когда зашёл в камеру, оказавшейся тесной ловушкой.

Три стены были каменными, четвёртой служила двойная решётка из толстых железных прутьев, каждая из которых запиралась на прочный замок. Камера была меньше, чем каморка Янсея. Ничего здесь не было. Только стены, решётка и каменный же пол. Даже гнилой соломы не было. Если лечь на пол, то я едва поместился бы в длину, а плечи почти упирались в стены.

Ага, ляжешь, если не побрезгуешь загаженным полом. Тут даже ведра не было для отправления естественных нужд! И дерьмом воняло!

Были на этаже и другие камеры – покомфортнее. Разглядел их по мере продвижения, насколько позволял свет факелов. Да только ещё на спуске в тюрьму нас нагнал второй посыльный с уточнением, в какую именно камеру меня поместить – какой-то карцер...

Тацина смущенно потоптался на пороге.

– Слышь, Лагор... ты того... потерпи чуток. Князь скоро будет, он добрый и это безобразие прекратит.

Я благодарно кивнул и попросил:

– Тацина, присмотри за моими... Чтобы больше никто сюда не попал. И самое главное – Лийсу сберегите. Ррык тебе не простит, если с ней что случится.

Подпустил немного шантажа. Откуда я знаю, простит или не простит вожак Тацине, если с Лийсой что случится, но уж точно не возрадуется.

«Медведь» понуро закивал:

– Это да... укроем. Сам прослежу, слово даю, – стукнул кулаком в грудь.

Десятник воткнул факел в крепление на стене напротив камеры, желая хотя бы мелочью облегчить мне несправедливое заточение.

А потом пришёл Грахиаш в сопровождении мага Дикальмиса и двух незнакомых солдат с копьями, видимо, из охраны княжича. Решётку открыли, солдаты направили на меня копыя, и маг опасно подступился.

– Руки протяни.

– Зачем? – я в недоумении протянул руки и вздрогнул, когда на запястьях защелкнулись железные браслеты, скреплённые между собой прочной цепочкой.

Маг быстро отступил и сразу же захлопнул решётку, с облегчением переводя дух. Грахиаш захохотал и даже подмигнул мне:

– Попался!

Вся компания ушла. А я, по-прежнему недоумевающая и рассматривая неожиданное «украшение», стал размышлять о причине радости управляющего. Понятно, что я снова чего-то не знаю и, как следствие, не понимаю, какую гадость приготовил мне Грахиаш, а теперь ещё и его Светлость княжич Сивал.

Правильно ли я поступил, позволив поместить себя в каменную ловушку? Что бы произошло, если бы я не дал своим команду уходить? Ведь явно без боя не обошлось бы...

Нет, всё правильно! Любой бой – это жертвы. А жертв оборотням не простят – пусть мы будем тысячу раз правы!

Огляделся. М-да, тут не то, что лечь, присесть не тянет.

Осмотрел браслеты, что маг защелкнул на руках. И что же это такое? Факел горел неровным огнём. Пляшущие тени не давали толком рассмотреть приобретенные украшения. И я попытался создать световой шарик.

Уже ни для кого в стае не было проблемой зажечь магический огонь. Это умели делать все. Даже Форрат. А я был самым первым, у кого получился шарик, и держался он у меня дольше, чем у других.

М-да, лучше... дольше... только ничего у меня сейчас не получилось. Сколько я ни тужился, световой шарик не загорался.

«Видеть» или магическое зрение... И этому научил меня Янсель. Вернее, научил разделять магическое и обычное зрение.

Нет, видеть магические потоки и границы это, конечно, хорошо! Только замок и его окрестности настолько нашпигованы магией, что по мере улучшения магического видения это самое улучшение стало сильно мешать во многих случаях. И Янсель научил разделять и даже отключать эту полезную функцию. Потому в обычной жизни я обходился простым зрением.

Похоже, что «украшения» на запястьях блокировали магию. Посмотрев на браслеты изменённым зрением, убедился – магическая «дымка» покрывала всё моё тело, кое-где просматривались текущие линии. Наверно, магия, как и кровь, постоянно находится в движении. Но такая картина прослеживалась только до браслетов.

Непосредственно перед браслетами движение замедлялось, часть линий закручивались и разворачивались обратно, продолжая движение по телу, а часть фактически прекращали движение, застывая тонкими слабо светящимися линиями.

Присмотрелся повнимательнее – движутся, но о-очень медленно. И кисти рук покрыты еле заметной сеточкой, почти неподвижной.

Похоже, это и есть те самые блокираторы магии или противооборотные приспособления.

Вли-и-и-ип!!!

Если подумать... Зачем это нужно управляющему и княжичу? Поиздеваться хотят – это ясно. А то и убить! Как-нибудь изощренно, по-садистски. И это скорее всего.

У Грахиаша была очень хорошая возможность это сделать, когда он пришёл с магом и стражниками, вооруженными копьями. Ткнули бы копьем, и одним оленем стало бы на свете меньше. Деваться мне было

некуда – пространство между стенами узкое, да и в глубину моё пристанище не очень длинное. Копье в любом углу дотянулось бы.

А Грахиаш ушёл, лишь обрадовался, что я попался! Выходит, всё ещё впереди? Похоже, «забавляться» будут компанией. Видимо, княжич такой же любитель кровавых забав, как и управляющий.

Сплюнул с досады:

– Добрый князь!.. Что ж сынок-то у тебя такой недобрый? И где такого управляющего-изверга нашли?

И ещё вопрос: если меня здесь в любом случае легко убить, то зачем противооборотные браслеты надели? Или эти знают, что оборотничество и есть магия? Похоже на то. Действительно, человека или зверя всё равно достать можно. А вот с магом поди справься!

Значит, знают. И подстраховались.

А я – доверчивый болван! Ясно, отбиться магией не смогу. А что смогу? Осмотрел камеру. Под ногами загаженный пол. По бокам и сзади глухие стены уходят далеко в высоту.

О, вот ещё вариант – упираясь руками и ногами в боковые стены, подняться к потолку. Можно было бы надеяться и на такой вариант противостояния, если б не было Дикальмиса. Пусть и слабый маг, но достанет... И без своей магии я свалюсь, как спелая груша, к ногам мучителей им на смех. Не-ет, глупо!

И о чём я только думаю? Тюрьма – это тот же Замок! Сейчас посмотрим, какой выход он мне предложит?

А вот никакой...

Сполохи магические иногда пробегали по стенам. И всё! Гоняться за этими сполохами смысла не было. На кровь ни стены, ни решётка не реагировали – хоть перемажь всё сверху донизу! Если Замок принимал кровь родственников Рруса Трёхлапого, то в темнице эти правила не действовали. Мало ли какие родственнички бывают. Подстраховался предок!..

Вот в этот момент меня и пробрало.

Громко хохоча над своей дуростью, уже не обращая никакого внимания на грязь и вонь, спиной по стене сполз на пол и... заревел, уткнувшись в колени.

Ревел громко, по-детски размазывая сопли и слёзы по щекам – всё равно никого поблизости не ощущалось, а, значит, никто не увидит слабости вожака маленькой стаи...

Я не хотел так умирать! Только не на потеху мерзавцев!

Мы ехали сюда в замок с такой радостью. А нас встретили, как... как... Мы ничего никому не делали плохого! А эти ненавидят! За что? Я не хочу умирать! И брат пропал... Урус... бедная Лийска... Ы-ы-ы...

Как ни велико было отчаяние, бесконечно реветь не будешь. Утерев рукавом мокрое лицо, рвано всхлипывая, раздумывал о мрачных перспективах недолгого будущего.

Ну, уж нет! Не дам безропотно себя убить!

Даже без магии я достаточно силён. Могу на равных состязаться и со взрослым человеком. А реакции оборотня всяко лучше человеческих.

Как угодно, но потеху негодьям подпорчу! Копья и выдернуть можно, и решётка им будет мешать... И не посмотрю теперь ни на какой титул. Княжич подвернется – значит, княжичу достанется! Так что рановато я расклеился.

Замер.

На меня кто-то смотрел!

Крыса... крыс

Крыса. Из-за решётки на меня тарашилась крыса.

Смешно шевеля усами, зверёк пытался выяснить, кого запустили на его территорию. Конечно, это ведь он тут живёт. Это его территория. Он... О, да это она, самка – здесь хозяйка. Уж что-что, а в этом я прекрасно её понимал. Только, поди унюхай в такой вони запах чужака.

– Ну, что, хозяйка, давай знакомиться, – предложил хриплым от слёз голосом и протянул руку между прутьями решётки.

Мокрый носик деловито обнюхал пальцы. Крыса смешно фыркнула и вопросительно уставилась на меня.

Ну, да! Кто ж так знакомится? С пустыми-то руками. Усмехнулся, обшаривая карманы. Помнится, я вчера пряник покупал во время дежурства. Обратил моё внимание на лакомство Левшай, с которым я вроде чуток сдружился.

С виду пряник, как пряник – такие нам и мама с бабулей пекли. А этот был с начинкой из орехов... вкусный! Большую часть, там, где располагалась начинка, я сгрыз, а толстый остаток завернул в носовой платок и засунул в карман.

Таскать куски в карманах – это ещё с детства повелось. В лес с друзьями частенько убегали, и такие вот заныканные куски, бывало, выручали. И перекусить можно было, и рыбу половить, а то и живность лесную угостить – белку, бурундука, а то и лося...

Крыса оценила мой щедрый жест, приняла без обиняков. Обнюхала, часть тут же сгрызла, а вокруг остатка засуетилась, примериваясь, как дотащить до норы.

Вход в нору находился тут же в коридоре, напротив соседней камеры – было видно, что там кто-то есть... высунет нос и быстро обратно прячется. Наклонился, стараясь принюхаться сквозь вонь заложенным носом. Умилился. Действительно, моя новая знакомая – кормящая самка. Мама!.. Заботливая!

Так, бездумно наблюдал за забавной суетой зверька. Смотрел, по привычке меняя простое зрение на магическое, и вновь на простое...

Интересно. Ясно, что крыса обыкновенная. И в магическом зрении видно, что нет магии, но видны какие-то линии, очерчивающие контур зверька. Линии, отличающиеся от магических...

Янсель объяснял, что кроме магических бывают природные контуры. Именно, на природные контуры ориентируются оборотни при перекиде. Поэтому в звериной ипостаси им не нужно почти осваиваться. Природный контур сразу даёт букет навыков и инстинктов, свойственных выбранному зверю.

Помнится, тогда маг со смехом закончил лекцию:

– Видимо, из любого правила есть исключения. На какие контуры ориентировался Лагор для своего перекида, неясно, но с инстинктами у него всё в порядке для оборотня. Разве что лесные олени не согласятся.

Парни тоже незлобливо посмеялись...

По ощущениям прошло время обеда, но никто не озаботился кормежкой узника. Мрачно усмехнулся – зачем на смертника тратить?

Я смотрел на крысу. Счастливая! Я тоже хочу на свободу! Пусть и в виде крысы...

Когда маленький оборотень мечтает стать взрослым, то представляет себя в роли престижного зверя – волка, медведя, рыси... Но никто не мечтает стать зайцем или той же крысой. Скажи кому, что мечтаешь стать мелким слабым зверьком – засмеют!

Так вот, сейчас я мечтал стать крысой! Отринув престижность, отчаянно желал стать крысой, чтобы сбежать отсюда!

И, видимо, так сильно желая, наблюдая за зверьком, я и сделал это...

Глядя на зверька, сначала мысленно скопировал природный контур крысы. Интересно, а крысы – оборотни бывают? Нет, наверное... У человека масса тела много больше крысиной.

А вообще-то я не прав...

Лийса-то крупнее и тяжелее своей лисицы. Сам в этом убедился, когда её хвост «оперировали». На руках и девушку, и лисицу держал.

И парни... А ведь их звери тем крупнее, чем больше резерв магии! Точно! Самые крупные волки у Тариса и Суворя. Самый мелкий у Эльнора. Парни ещё над ним подшучивают – мол, своего зверя не докармливают. Разница не бог весть какая, но для оборотней чувствительная. Моего зверя и не рассматривали с этой точки зрения никогда. Олень – он и в лесу олень, всяко тяжелее волка. А мой зверь много тяжелее меня

Это что же выходит? Величина зверя отражает величину магии?

И я непроизвольно выбрал ипостась оленя не только в угоду бабушке, но и потому что волк величиной с оленя – это как-то... пугает? А пугать я никого не хотел, это точно. Стоп! Но у Ррыка волк меньше моего оленя, тогда как его магия больше. Во всяком случае, была тогда летом в деревне... Или это подсознание непроизвольно подстраивается под наше восприятие?

А-а-а, расскажу о моих размышлениях Янселю, пусть он голову поломает, а я в этот момент для себя вдруг уяснил – величина ипостаси не зависит от исходных размеров тела оборотня. Это магия! И её можно и нужно подстраивать под свои нужды.

Так-с, попробуем... Итак, природный контур совмещаем с магическими линиями... ноги в задние лапы, спина, живот...

Выкинуло! Не получилось! Вернее, получилось частично, но из нестабильной формы выкинуло обратно.

Почему?

Обычно мы перекидываемся неосознанно, быстро, фактически мгновенно переходя из одной формы в другую. Заполнение контура происходит непроизвольно.

Вот оно! Быстро и непроизвольно.

А я пытался сделать перекид медленно и последовательно. И Лийсе мы делали перекиды быстро и многократно с минимальными паузами, стараясь «вытолкнуть» её из бесхвостого контура и «запихнуть» в хвостатый. Из одного контура лисицы в контур человека и резко обратно до тех пор, пока не получились два взаимозаменяющихся безукоризненно замкнутых контура.

Хм... быстро и без пауз!

Начинаю!

Контур крысы. Перекид. Не получилось. Обратно. Перекид... кажется, в оленя тянет... обратно. Перекид...

Да! Получилось!

Я лежал распластаный на пузе, с распятыми в стороны лапами, почти уткнувшись носом в вонючий пол. Правда, вонь воспринималась по-другому. Наверно, по-крысиному – фоном к другим запахам.

Куда-то пропали краски – пространство окрасилось в серые тона. Видимо, так крысы видят мир вокруг себя...

Почему я лежу на пузе с распятыми лапами? Особенно неприятные ощущения испытывали передние.

Подтянул и собрал лапы в кучку. Вспомнил. На руках были блокирующие браслеты. Посмотрел на лапы и вокруг. Всё правильно! Вон, браслеты валяются.

А лапы... В лапах пошла циркуляция магии. Похоже, возобновление магии срабатывает, как восстановление циркуляции крови. Во всяком случае, ощущения те же. Бр-р! Лапы же, похоже, раскидало во время перекида из-за браслетов – не догадался свести руки вместе, вот и потянуло конечности в разные стороны.

Послышалось одобрительное фырканье. Крыса всё это время сидела и наблюдала за моими экспериментами. Результат ей понравился. Она улыбалась!

Я ошарашенно помотал башкой, а самка развернулась в сторону норы и оглянулась на меня. Никак, меня в гости приглашают?

Спасибо тебе, крыса-мамка! Только мне в другую сторону.

Я бежал по коридору и представлял изумление на лицах своих несостоявшихся мучителей, когда они увидят пустую запертую камеру.

Волнение за свою стаю подгоняло. Пожалуй, стоило спрятаться всем, посмотреть несколько дней, что будет происходить, а потом решить –остаться или уводить всех домой.

И брат... Как его бросить? Боюсь, что Лийса никуда отсюда не пойдёт, останется ждать мужа.

А для начала стоит встретиться с Янседем, выслушать, что он посоветует...

Выбраться оказалось достаточно просто.

Верхний этаж тюрьмы был более комфортным, чем нижний. Здесь в камерах почти под потолком светились зарешеченные оконца и вентиляционные отверстия такой величины, в которые пролезет разве что кошка... или крыса. Как раз для меня в моём новом теле.

Через продух я вылез почти к стене, огораживающей парк. В ней понизу располагались отверстия для слива ливневых вод, вот через одно такое я и пробрался на территорию парка.

Поначалу было сложно передвигаться в нужном направлении. Не приспособлены глаза крыс для дальних расстояний. Вблизи хорошо можно было рассмотреть каждую травинку в подробностях, а чуть дальше всё расплывалось в серо-бело-черные пятна. Зато слух у крыс оказался феноменальным.

В парке было довольно многолюдно. Солдаты группами и в одиночку бродили по зарослям. Похоже, что-то искали... или кого-то. Не Лийсу ли? Лишь бы не нашли...

Перебежками вдоль стены основного здания добрался до двери, ведущей в коридор, где в кладовке ютился маг. Вот тут и возникла заминка. Дверь-то сплошная, как положено, без дырок. И в стенах здания отверстий, кроме дверей и окон, не предусмотрено. И что теперь делать?

В виде крысы я не смогу открыть дверь. Перекинуться? Вдруг кто увидит...

К счастью, за нужной дверью раздались шаги и голоса. Острый крысиный слух ещё издали уловил разговор Янселя, Тариса и Сувора. Судя по услышанному, их тоже тревожила ситуация и, похоже, они собирались освободить меня. Как же дать им знать, что я уже здесь? Попытался окликнуть друзей – ожидаемо, раздался крысиный писк, в котором даже слова можно было разобрать... если прислушаться.

Вспомнилось, как в детстве мы с Сувором придумали тайную систему знаков, понятную только нам двоим. Жестов и звуков... Стал скрести когтями по двери с выверенными паузами – короткая, короткая, длинная... Короткая, короткая, длинная. На нашем тайном языке это значило: «Я здесь».

Там, за дверью на мои потуги сначала никто не обращал внимания, но похоже, Сувор насторожился. Уж больно часто мы с ним пользовались этим сигналом, вызывая друг друга из дома. Так что эта очередность звуков буквально въелась в мозг.

Дверь распахнулась, чуть не смахнув меня с крыльца. Сувор выглянул, осмотрелся по сторонам и, пока я балансировал на поребрике и примеривался, как проскользнуть между ногами друга, захлопнул дверь.

Я решил продолжить то же самое, только поменять положение, чтобы, как только дверь распахнется, сразу проскочить внутрь. В этот раз хватило только двух повторений сигнала, как Сувор вновь открыл дверь и стал внимательнее осматриваться вокруг. Только взгляд его скользил поверху, не обращая никакого внимания на невзрачного зверька.

Я хохотнул, что выразилось очередным писком, но в этот раз время терять не стал и быстро проскользнул в коридор мимо друга, возмущенного наглостью замковых крыс, о чём он громогласно и объявил. Вполне оправданно, так как я уже по сложившейся привычке держал щит по сокрытию магии. Потому и воспринимался, как простой зверь.

Чтобы не морочить друзьям головы, быстро перекинулся в человека. Ошарашил я их! Даже Янсель не нашёл слов и только вытаращил глаза от неожиданности.

Конечно, сразу же посыпались вопросы. Как, что да откуда?

Только объяснять было некогда, потому прервал поток вопросов обещанием рассказать о своих приключениях, когда всё закончится, и в свою очередь стал расспрашивать.

Рассказали.

Что делать?

Лийсу успели спрятать. После моего приказа, ещё в тот момент, когда меня повели в тюрьму, Лийса за спинами мужчин проскользнула к калитке парка.

Стражники из двусотни уже все её знали, хорошо относились, потому что многим она уже обрабатывала раны, полученные в патрулировании или на тренировочном плацу. Потому в парк она попала без препятствий. А там, обернувшись лисицей, бросилась к Янселю.

Маг, конечно же, спрятал её. В одной из малопосещаемых беседок, дополнительно оградив охранными контурами.

И да, именно Лийсу искали те солдаты, которых я видел в парке. По приказу княжича, который и её объявил бунтовщицей. Небогатая у него фантазия.

Досада парня брала, что девчонка от него ускользнула. Очень уж захотелось княжичу сначала до Лийсы добраться, потому мной до сих пор и не занялись!

А то, что княжич самолично хочет со мной расправиться, мои друзья поняли из восклицаний Светлости и его свиты – эти в разговорах не стеснялись и совершенно не обращали никакого внимания на окружающих. А прицепились ко мне по наущению управляющего.

На мой недоуменный вопрос – чего этому княжичу от Лийсы понадобилось – друзья посмотрели, как на маленького. До меня дошло... Помрачнел... Ничего святого у того княжича нет!

Стали совещаться. Я категорично заявил, что прятаться нужно всем оборотням.

Но оказалось, что к Марину княжич благоволит, похоже, совершая такую же ошибку, что и Грахиаш. По своему ли желанию благоволит к «особенному» или не хочет с отцом ссориться? Не суть важно. Других оборотней он, судя по всему, как и Грахиаш, не любит... Вот и Марин со своей стороны пытался заступиться за меня. Да кто б его услышал?! На это уже благоволение не распространялось.

Оставшаяся стая...

Из комнат, в которых мы жили, всех выгнали, просто выкинув вещи. Без объяснений...

Весёлый хмуρο указал, чтобы оставшиеся оборотни перебрались в казармы. На княжича он не мог повлиять. Тот был выше статусом и в отсутствии отца распоясался, как никогда.

Сивал редко появлялся в нашем замке, и до этого дня никто даже не подозревал, какой у княжича настоящий нрав. При князе он всегда вёл себя примерно. В сторону девушек и не смотрел. Тогда как ещё вечером по приезду изнасиловал одну из молоденьких служанок. Сейчас устроил охоту на Лийсу и запланировал кровавое развлечение надо мной.

Что ему дальше на ум придёт, никто предсказать не брался...

Никто из присутствующих в замке остановить высокородного не мог. Только князь или главный маг Тимофеичер, будучи воспитателем старшего княжеского сына.

Двусотник уже послал депешу князю, только когда ещё результат будет...

Вопрос. С чего вдруг княжич к нам явился, если замок Лесной не числился в его любимых резиденциях?..

Посовещавшись, решили, что прятаться нужно всем, даже Янселю. Нрав княжича Сивала непредсказуем. Похоже, высокородный пошёл вразнос! Обозленному неудачной охотой на Лийсу и моим исчезновением княжичу что угодно в голову могло прийти.

Конечно, Янсель теперь может за себя постоять, но сразу привлечет к себе внимание. С одной стороны.

С другой стороны, оберегаясь, можно опять же попасть в разряд бунтовщиков. И... маги не работают слугами! Это, вызывая подозрение, тоже могут поставить ему в вину.

Долгие годы невменяемой жизни научили Янселя осторожности. Он уже не бросался наобум в авантюры по восстановлению справедливости, как в молодости, а тщательно рассчитывал риск. И не спешил попасть под дурное настроение высокородного негодяя.

Прятаться решили в закрытой части замка, куда ход был только для меня и тех, кого я проведу. Замок же и накормит. Проверено.

Отправив парней за остальными, остались с Янселем вдвоём.

Маг думал вслух:

– Лагор, мы, конечно, все спрячемся... Но представь, что будет в замке, когда княжич всех упустит. Головы полетят в буквальном смысле... пострадают люди. И разбираться никто не будет – виновны они в чём-то или нет... Пожалуй, я всё-таки останусь. Постараюсь быть незаметнее, а в какой-то момент, может, как-то получится кинуть сонное заклинание на дурную компанию. Хорошо бы продержат их до приезда князя в таком состоянии... Зато остальных в замке как-то обезопасим.

– А такое заклинание получится спрятать?

– К сожалению, не получится, – вздох.

– Но тогда я могу сказать, что я это сделал.

– Хм, возникнет вопрос – а откуда ты знаешь это заклинание?

– А... помог в городе проезжему магу. Он меня в благодарность кое-чему обучил.

– Лучше – дал тебе одноразовый, но мощный артефакт, который после применения рассыпался. Если Тифчир поймёт, что ты что-то умеешь, то это выдаст нас с головой. А воевать с ним я пока ещё не готов. За тридцать лет он заматерел, кое-чему обучился, поддержкой обзавелся. А я даже половины прежних умений не восстановил, хотя резерв и увеличил.

– Значит, мы с тобой не прячемся?

– Не хотелось бы тобой рисковать, но вдвоём у нас больше шансов справиться с компанией. Я тут на досуге амулет физической защиты сделал, как чувствовал, что пригодится. Надолго не хватит, минуты на две. Если ухитришься во время драки подзарядить его, то и надолго. Хотя, может, вместо подзарядки будет действеннее сырой силой оградиться. Ну, там посмотришь...

На том и порешили – всех, кроме Марина и нас, спрятать, мне с амулетом защиты на шее вернуться в камеру. А Янсель постарается проследить за княжичем и его компанией. И если им всё-таки придёт мысль расправиться со мной, то маг набросит на них сонное заклинание, применение которого я возьму на себя.

Так и сделали.

Я завёл Лийсу и парней в закрытую часть, попросил Замок кормить их по мере необходимости и никуда не выпускать без моего разрешения.

Когда парни поняли, что я решил вернуться, а, может, даже и сцепиться с княжеской компанией, то тут же собрались со мной. Приятно, конечно, что друзья не хотят оставлять меня в опасности, но в данном случае они скорее мешали, чем помогали. Пришлось надавить властью вожака. Парни, ворча, нехотя отступили.

Перекинуться повторно в крыса оказалось так же легко, как в оленя. Мелькнула мысль, что надо бы как-нибудь попробовать ипостаси других зверей...

Обратный путь прошёл почти без происшествий... Ага, почти!

Я добрался до стены замка и искал тот самый продух, через который выбрался из тюрьмы. Нашёл!

Крысиный нюх оказался намного острее оленьего, только работал на относительно коротком расстоянии. И верхнего чутья совсем не было. Обнюхав участок стены замка, начиная от парковой изгороди, нашёл свои собственные следы и определил отверстие, ведущее на верхний этаж темницы.

Цепляясь коготками, подтягиваясь, активно помогая хвостом, взобрался по камням стены к отверстию. Нюх подтвердил, что да – это, именно, тот продух, через который я выбирался. Но, почти протиснувшись в помещение, я понял, что здесь я не бывал – мало того, это была совсем не тюрьма!

Как я мог ошибиться? Но звериный нюх упрямо твердил: «Впереди незнакомое пространство». Так, выбираемся! И я попытался развернуться.

Отверстие, до того достаточно просторное и позволяющее свободно двигаться, вдруг стало тесным! Едва вздохнуть! Узкое пространство не давало развернуться, и я попятился назад. А зад вдруг уперся в препятствие.

Вот хвостом клянусь – сзади стена сомкнулась! Как такое могло быть? Или как мои парни говорят – Замок «шутит»? Знаю я эти шуточки! Кровавые...

Делать нечего. Замок определённо требовал, чтобы я двигался туда, куда ему необходимо. Да и другого выбора нет...

Ох, да что ж ты, окаянный, творишь?

Заднее препятствие, что не давало отступить, вдруг резко меня толкнуло, вышвыривая вперёд в темноту. Я вылетел из отверстия стремительно, как пулька из рогатки. Потому и падать стал не вдоль стены, а пролетев какое-то расстояние вперёд по горизонтали, лишь потом моё тело повлекло вниз.

Падая в непроглядную тьму, инстинктивно напряг лапы, готовясь в любой момент встретиться с поверхностью.

Ага, встретился! Только не с поверхностью...

Сначала в тело воткнулось что-то острое. Вспарывая тонкую крысиную шкурку, ломая хрупкие ребра, проткнуло лёгкое... и, наконец, мои лапы коснулись поверхности и судорожно заелозили, стараясь удержаться на цыпочках как можно выше. Хлынула кровь... Я чувствовал, как моё тело стремительно покидает не только кровь, но и магия.

Ещё одна пиявка, чтоб её! И не видно ни зги!

Скорее! Скорее освободиться и перекинуться! Пока это непонятное хищное нечто не выпило до конца мою магию, а вместе с ней и жизнь.

Дрожащие лапы, разъезжаясь в кровавой луже, судорожно пытались приподнять тело и снять его с кола, или что там его заменяло.

Жутчайшим усилием я напряг лапы и сдернул себя с неведомой смертельно-острой штуки. Раздирая лёгкое, доламывая вдребезги рёбра, разрывая мышцы и шкуру. Дышать почти не мог, кровь потекла уже из пасти.

Жить! Хочу жить!

Последние усилие вложил в оборот. Тело дернулось, проехалось по крови и куда-то упало. Куда? Я уже не видел, не чувствовал, не ощущал, теряя сознание...

На расправу

Очнулся. Ну, надо же – очнулся! Неужто живой?

С трудом разлепил глаза. Полумрак, какие-то пляшущие тени, как от факела. «Может, и правда факел?» – подумал отстраненно. Слабость. Не просто сильная... а такая... что ничего нет, кроме слабости. Ни сил, ничего...о По ощущениям лежу на чём-то мягком и вроде чистом.

Пить! Ох, как хочется пить! Скосил глаза. Рядом на полу стояла чашка с питьем. Только как же её взять?

Подтянул руку, попытался протянуть её, а она бессильно упала. Рука? Помнится, в последний раз я её ощущал лапой. А сейчас, смотри-ка, и вправду рука! Я рассматривал бессильно лежащую на груди конечность, как невидаль какую...

Но пить очень хотелось!

С усилием, кряхтя и постанывая, перекатился на бок. Чашка оказалась перед самым лицом. Если попытаюсь взять рукой, то точно опрокину!

Та-ак! Проталкиваем ладонь сначала под щёку, дальше под ухо... Хорошо. А теперь ладонь второй руки таким образом, будто я собрался исправно заснуть со сложенными ладошками под щекой. Голова приподнялась, но мало. Стал сжимать одну руку в кулак. О, вот так! Теперь можно было попытаться и выпить хотя бы глоток...

Ох, божественно! Я медленно, по каплям цедил напиток, бездумно наслаждаясь процессом, пока не задумываясь – а что я, собственно, пью? Что-то необычайно сильно укрепляющее! Потому что допивал, уже сидя и держа чашку в дрожащих руках. Нет, конечно, не восстановился, но к жизни вернулся.

Огляделся. Где я?

В тюремной камере. В карцере, в который меня определили по приказу княжича Сивала. Вон и крысиная нора напротив соседней камеры. И любопытная мордочка знакомой крысы из торчит из отверстия норы. Только сама камера изменилась.

Стены раздвинулись, увеличив площадь пола вдвое, а то и больше. Вони как не бывало! Пол и стены блещут первозданной чистотой – точь в точь, как в закрытой части замка. Сам я лежу... уже сижу на чистом мягком матрасе. Кроме чашки с чудесным питьем на полу стояли тарелки, накрытые крышками и кувшин. Знакомая картина, однако!

Приподнял одну из крышек. От одуряющего запаха жареного мяса сразу же потекли слюни... Кажется, таким голодным я не был даже после того сумасшедшего дня, когда Ррык заставлял меня многократно перекидываться.

Моментально со всех тарелок были скинуты крышки, и я приступил к трапезе. Я насыщался, пока отринув все вопросы.

Моя знакомая крыса опять заняла своё место по ту сторону решётки, заинтересованно принюхиваясь к вкусным запахам. Ну как же не поделиться со зверьком, так вовремя натолкнувшим меня на мысль об ещё одной ипостаси? Уплетая еду, исправно делюсь с гостьей каждым угощением, заметил в углу знакомые браслеты, скрепленные цепочкой. Этот факт дополнительно указывал, что я нахожусь в своей прежней камере, просто преобразенной Замком.

По мере насыщения в мыслях стали всплывать вопросы.

Как я тут оказался? Почему Замок меня сюда перенёс и столь тщательно вдруг стал обо мне заботиться? Почему он сразу не отозвался на мою кровь? И самое главное! Что же случилось в той страшной темноте? То страшное событие произошло настолько быстро, что я не успел воспользоваться магическим зрением. Судя по ощущениям, потерял очень много крови. Не только по крысиным, но и по человеческим меркам.

Если хорошо вспомнить и проанализировать, то рана была смертельной. Меня спас перекид. Но каким образом я смог оказаться уже здесь, в камере? Совсем не помню. Может, Замок меня перенёс?

Хихикнул: «Ага, на руках...»

Ещё. Посмотрел на доступные взгляду части тела. Так и есть! Вернее, нет. Магии нет! Я полностью «высушен»! Даже амулет, что мне дал Янсель, бесполезно болтается на шее.

Хм, даже у Янсея после извлечения «пиявки» наличествовали какие-то капли магии. У меня же совершенно ничего нет! Не ощущается и даже не просвечивает...

Задумался. Янсель рассказывал, что случается маги «выгорают». То есть тратят магию в ущерб жизненным силам. И всё! Проходя какой-то предел, перестают быть магами!

А как это происходит у обратней? Хмыкнул невесело – похоже, у меня появился шанс это узнать...

После еды потянуло в сон. По ту сторону решётки воодушевленно суетилась крыса, перетаскивая полученные кусочки угощения в нору, а там всю слышалась радостная возня и изредка возмущенный писк обиженного крысенка...

Сначала насторожилась крыса, замерев, а потом издав звук, после которого в норе наступила тишина. Узнав на собственном опыте, насколько у грызунов тонкий слух, насторожился и я.

И действительно, через некоторое время различил шум голосов нескольких людей, судя по всему, направляющихся ко мне. А к кому ещё? На этом этаже заключённых больше не было. Да и на предыдущем никого не видел.

Идущие вели себя громко, не стесняясь. Топали, громко переговаривались, смеясь, бряцали оружием. Ещё не видя, я различил голос княжича, звучащий чаще всех.

Я обречённо замер. Ладно, нет магии. У меня её и с браслетами на руках, считай, не было. Но тогда я мог маневрировать и драться, чего не скажешь сейчас.

Сил только и хватило на то, чтобы цепляясь руками за стену, встать на дрожащие ноги и, стараясь удержаться в вертикальном положении, прислониться к стене.

Ни отпрыгнуть, ни увернуться! О том, чтобы отклонить или вырвать оружие из рук противника, и думать не стоило. Полчаса назад и чашку-то в руках удержать не мог...

Посетители приблизились к моей камере. Н-да, а лица всё те же. Княжич Сивал впереди. На полшага за ним Грахиаш. Маг Дикальмис и другие из свиты. Все в разной степени опьянения. Лишь два стражника с копьями трезвые.

– Слышь ты, собака, – пьяно икая, обратился ко мне княжич. Остальные угодливо засмеялись, показывая, что оценили «остроумие». – Пёс шелудивый! Вот ты кто. А я твой князь! Ты должен на коленях передо мной ползать! А ты посмел руку на меня поднять! Умри, собака!

С этими словами высокородный выхватил свой сверкающий меч и попытался достать меня через решётку.

И в этот момент!.. Поверх решётки разлилась золотистая плёнка и отразила выпад меча.

Судя по всему, княжич немало сил вложил в посыл – меч из его руки вывернуло так, что тот загремел дальше по тюремному коридору. А самого Сивала хорошенько приложило о решётку – на скуле заалела ссадина, а вокруг неё стремительно стала наливаться синева.

Свита ошеломлённо молчала, пока Светлость выражался.

А княжича перемкнуло. Видимо, не сообразил, что произошло, и напустился на своих:

– Чего встали? А ну, бейте его! Я за вас всё должен делать?

А я расхохотался, представив на секунду, как благородные руки делают за какого-то слугу что-либо из повседневного быта...

Мужики-то из свиты оказались поумнее своего хозяина, а может, просто потрезвее. Делали вид, что стараются изо всех сил, и всё же опасались касаться решётки, чтобы, не дай сияние, не схлопотать отдачу. Но суетились исправно, даже Грахиаш чего-то там командовал.

Откуда взялась плёнка защиты? И весьма сильной, к слову сказать. Было непонятно. Янсель? Он амулет на две минуты сделал, да и тот бесполезно на шее мотался. А тут защита столько времени держится! Силища-то какая!..

Нет, не Янсель. Похоже, Замок в очередной раз сюрпризы преподносит, заботится о носителе крови великого оборотня.

До Светлости, похоже, дошло, что бьются они в магическую защиту, которую простым оружием не пробить. И не нашёл ничего умнее, чем приказать мне:

– А ну, убери! Кому сказал, убери! Я, твой князь, приказываю убрать эту...

Поорав, помахав кулаками перед решёткой, наконец-то, догадался, что не у того требует – кто ж курице приказывает, самой отправляться в суп на кухне?

Теперь княжич принялся требовать от Дикальмиса, как единственного мага из присутствующих, чтобы тот убрал защиту.

Маг, поначалу пьяный и весёлый, как и остальные в компании, при виде золотистой плёнки побледнел и разом протрезвел. Уж, кто-кто, а маги хорошо знают, что магия редко бывает видима простым глазом, и такая показательная демонстрация возможностей – неспроста...

Слабый маг, но не дурак! Попытался объяснить княжичу премудрости защиты, но тот закусил удила:

– Давай шар! Этот... – покрутил пальцем в воздухе – огненный шар... Давай, колдун недоделанный! А то...

И занёс меч над головой мага. Тот, косясь на меч, пустил небольшой огненный шар, но ума хватило – по касательной к плоскости защиты.

Да только в последний момент его под руку подтолкнул Грахиаш, гадко улыбаясь. И шар полетел прямо на золотистую плёнку, ожидаемо, отскочил и вернулся к хозяину, припечатав его в лоб.

Дикальмис вспыхнул факелом сразу по всему телу и буквально в течении минуты сгорел дотла.

Ошарашенный княжич, так и стоял с занесённым мечом над пылающим телом. И в какой-то момент отскочил, ругаясь и тряся рукой, обожженной раскалившимся металлом.

– Не кормить, воды не давать! Пусть сдохнет с голоду!

А сопровождающие княжича удивлённо таращились на многочисленные тарелки с остатками еды в моей камере.

– Откуда у него столько еды? Мне только семь перемен подали, а этому... – я опустился на свою подстилку, подтянул ближайшую тарелку и демонстративно запустил зубы в жареную куриную ногу.

Побесновавшись вволю, помахав кулаками, княжич плюнул с досады и развернулся к выходу. Компания потянулась за ним, а я задумался.

Что же происходит? И как такое могло случиться? Постарался тщательнее припомнить...

Найдя по нюху продух, через который выбирался, забрался обратно, а попал совершенно в другое место. Где меня – не важно, в каком виде – чуть не убили кровопусканием да к тому же выкачали почти всю магию.

Остатков едва хватило на перекид, а иначе бы истек кровью до смерти. Потом неведомым образом попал обратно в камеру, совершенно преображенную. Был аккуратно уложен, накормлен и, мало того, максимально защищен от нападения.

Фантастика какая-то!

И если поразмыслить, только одно приходило на ум, что такое мог проделать только Замок. Непонятно другое...

Зачем ему устраивать мне кровопускание и отбирать магию? Похоже на ритуалы Тифчира, как это описывал Янсель. Но ведь потом накормил и защитил! Почему?

Голова раскалывалась от мыслей и вопросов, но дикая слабость и усталость вскоре победили.

Я уснул, так и не успев толком посокрушаться о потере магии.

И кто лорд?

Утром меня разбудил десятник Тацина, тряся за плечо. Невиданное дело для оборотня – обычно мы спим достаточно чутко. Насколько же я был опустошен и обессилен, что меня с трудом добудились?

– Вставай, Лагор. Князь с главным магом поутру прибыли. Тебя требуют.

Растирая заспанное лицо руками, спросил:

– А сколько сейчас времени?

– Да уж обед скоро!

Ничего себе, поспал! Прислушался к себе – а магия, похоже, набирается! Значит, не перегорел. Хорошо!

Огляделся. Посуда с остатками еды прибрана. А вот в коридоре кучка пепла от Дикальмиса так и лежит. Вот изверги! Даже об останках своего дружка не обеспокоились!

Предупредил Тацину, гремящего замками на решётках:

– Тацина, вы тут поосторожнее! Вон та кучка пепла – это то, что от Дикальмиса осталось. Прибрать бы. Родственникам сообщить...

Стражи побледнели, а Тацина неожиданно сильно грохнул решёткой.

– Вот из-за этого Дикальмиса ты уж извини, Лагор, но руки я тебе должен связать. Приказ такой. Сказано – особо опасный, мага убил.

Я засмурнел. М-да, только свяжись со светлостями – прав ли, виноват – никто разбирать не станет. Князь, всяко, за сына вступится и слушать ничего не станет в оправдание.

Протянул. Не воевать же мне со стражами! Они – люди подневольные. Приказали – делают. Да и за столом мы рядом сидели, и на плацу тренировались вместе. Не своей волей меня вяжут, а чужой... Чего с ними-то драться?

Вот княжичу Сивалу я с удовольствием в ухо двинул бы – чтобы не запросто так страдать!

Зашагали на выход. А за спиной раздался крысиный писк. Улыбнулся – будто благословляла крыса-мамка.

Меня ввели в приёмную комнату, в которой толпился народ. Кто сидел, кто прохаживался, поглядывая с нетерпением на другие двери, возле которых стояли стражники из нашей двусотни Весёлого. Видать, за теми дверями и находились князь Светлан и Тимофеичер – главный маг.

Нас остановили и велели постоять в сторонке – мол, князь особенного гостя принимает! Что ж, можно и подождать – я на расправу не тороплюсь.

А по толпе гулял слухок, и до меня доносились кое-какие слова. Шептались, лорд Лесного Замка объявился! Интересно, кто ж это такой?

Из высоких, разукрашенных хитрой резьбой, дверей выскочил взбудораженный парень, спросил чего-то у стражников, а те кивнули на нас.

Парень кинулся к Тащине.

– Десятник, скажите – где найти оборотня по имени Лагор? Князь...

– Да вот он! – Тащина указал на меня.

При виде моих связанных рук у парня округлились глаза, но, тем не менее, он был вежлив:

– Прошу вас в кабинет, господин Лагор. Князь Светлан зовёт вас.

Тащина рядом со мной, два стражника чуть позади. Вошли в большую комнату, в огромные окна лился солнечный свет. И светил прямо в глаза входящим!

Из-за слепящего света ничего не было видно, зато слышно, как уже знакомый злой голос разнёсся эхом по комнате:

– Отец, вот он – бунтовщик!

Ослепленный, я, тем не менее, увернулся от плюхи, которой хотел меня наградить княжий сын. Зато ему не повезло! Вложил в удар немалую силу и, промахнувшись, по инерции пролетел мимо меня и шлепнулся на пол.

Наступила тишина. У княжича, похоже, на языке вертелись только непотребные слова, но при отце выражаться опасался. А остальные присутствующие молчали, разглядывая меня.

Переместившись в результате нападения княжича, я вышел из полосы резкого солнечного света и смог оглядеться

У стены стоял Грахиаш. Весёлый и Марин напротив возле окон. Ближе к дальней стене на красивом стуле с высокой спинкой восседал видный мужчина средних лет – со светлыми, слегка волнистыми волосами и усталыми глазами. Рядом на стуле попроще сидел Тимофеич и, как всегда, переливался камнями. Только теперь я знал, что не любовь к украшательству подвигла мага обвешаться блестяшками, а страсть к обладанию силой. И все эти сверкающие камушки, от мельчайшего в вышивке до самого большого в подвеске на груди, являлись накопителями магической силы. И часто именно сила заставляла их переливаться настолько ярко.

Главный маг в полной тишине произнёс:

– Позвольте представить, ваша светлость, особенный оборотень Ар-Лагор из рода Щир.

Прошёл ко мне и встал напротив.

– Лагор, что тут творится? Почему ты связан? Что натворил?

Княжича, как подкинули, подскочил и зашипел змеёй, брызгая слюной, всё равно что ядом:

– Натворил... он бунтовал, поднял на меня руку! Отец, его нужно казнить!

Князь сидел с каменным лицом и молчал, разглядывая меня. Тимофеичер, успокаивающе и ласково потрепав по плечу княжича, объяснил мне:

– Княжич молод ещё, горяч. Прости его!

Высокородный, было, ворохнулся возмущенно, только маг сильнее сжал его плечо. Да, видать, нехило сжал – ишь, холеное лицо перекошилось.

– Лагор, объясни, что произошло.

Скажу, как есть, и плевать, что будет!

– Его Светлость по приезду молодую служанку насильовал, а потом к Лийсе начал на виду у всех приставать, за косу ухватил... Я заступился. На Лийсу охоту объявили, а меня, как бунтовщика, в темницу бросили.

Тимофеичер прищурился. Сейчас он никак не походил на того доброго учителя или рубаху-парня, каким его знали у нас в деревне.

– А ты вот сразу и подчинился? А, Лагор?

– Я оружия не обнажал, если ты об этом, Тимофеич! Тому свидетели есть. А за самку, сам знаешь, всегда вступлюсь против кого бы то ни было. А уж за Лийсу тем более!

Тимофеичер глаза отвел, промолчал.

– Он Дикальмиса сжег! – встрял княжич.

– Как это случилось?

– Никого я не сжигал! У меня и магии в тот момент ни капли не было. Просто Замок мою камеру защитной плёнкой закрыл. Все её хорошо видели. Его светлость велел Дикальмису в меня огненные шары кидать. Тот пульнул, да его ещё этот, – кивнул на управляющего, – под руку толкнул. Защита и отразила шар обратно. Вспыхнул ваш маг! Как бумага! А эти его даже тушить не стали.

– Врёшь! Ты всё врёшь! – стиснув кулаки, затопал ногами княжич.

– Замолчи!

Сказано было негромко, но княжич замер. Тимофеичер поморщился.

– Выйди! С тобой позже поговорим.

Силён князь! Магия в нём какая-то есть, но совсем другая – отличная от оборотней, мне непонятная. Но и кроме магии, у мужика характер – кремень!

Князь поднялся со своего стула, прошёлся по комнате, подошёл к окну.

– Развязать!

Я с облегчением растирал запястья. Тацина со всей своей медвежьей силой завязывал, накручивал. И вроде недолго в путах был, а кисти рук занемели.

Маг, попеременно поглядывая на меня и на князя, спросил:

– А почему у тебя не было ни капли магии?

Говорить про то, что в крыса смог перекинуться? Нет, не хочу. Но и врать не было никакого желания. Нужно как-то так сказать, чтобы не выдать себя.

– Меня Замок выпил и кровь пустил... много. Даже перекинуться пришлось, чтобы выжить. И перекинулся с большим трудом. Досуха он меня... Думал, перегорю... А он потом меня накормил и защитил, когда по мою душу пришли.

Тимофеичер вопросительно уставился на князя, а тот стоял спиной к нам возле окна.

– Всё верно, но что-то не договаривает...

Эх, вроде, убивать пока не собираются? Княжича выставили. А князь похоже как-то враньё чует... Как в прорубь!

– Я в закрытую часть замка пройти могу.

Тимофеич удивлённо отшатнулся, а князь развернулся и впился глазами.

– Девчонку малую от этого изверга увёл, – кивнул на побледневшего Грахиаша. – И брата её, для потехи схваченного, чтобы собаками затравить. Его я тоже увёл.

Грахиаш трясся, с ужасом взирая на князя.

Тимофеич с князем задумчиво посмотрели друг на друга и чуть не в один голос спросили:

– Когда это случилось?

– Когда замок тебя выпил?

– Да в прошедший вечер произошло, почти ночью. Аккурат незадолго, как эти заявились, – кивнул на Грахиаша, который уже еле стоял на ногах, обливаясь потом.

Князь подошёл ближе, пристально рассматривая меня. Что-то в этом взгляде было такое, что заставляло собраться и поступать взвешенно и продуманно. Так же, как и под взглядом Рыка или отца.

Князь произнёс негромко:

– Ну, здравствуй, лорд Лесной. Очень рад, что ты нашёлся!

Я, раскрыв рот, захлопал глазами. Сбоку пророкотал Тимофеич:

– Не торопитесь, ваша светлость. Может, ещё доказательства поищем?

– Куда уж больше, господин главный маг? – князь вдруг светло улыбнулся и спросил меня: – А ты знаешь, что твой Замок сегодняшней ночью учудил?

– Откуда? Я в тюрьме сидел.

Оказалось... Поздно вечером затрещали стены всех построек, которые были пристроены непосредственно к зданию замка. Люди в страхе выбегали на улицу. И как только помещение покинул последний человек, здание пристроя начало рушиться.

На всех башнях замка, до которых было невозможно добраться, вдруг поднялись флаги, оповещающие, что лорд в замке!

Ночью все следы пристроек пропали, как не бывало. И ворота замка вдруг сами заработали в непонятном режиме. Перед самым носом некоторых посетителей калитка захлопывалась. А подводу с молочными продуктами вообще чуть не зажало створкой ворот. Ворота так и не впустили молочника.

Все окна, с виду заложенные камнями, засияли стёклами. А на фронтоне замка появились силуэты танцующих драконов.

Потому и слухи сразу пошли, что лорд Лесной объявился. Потому и народу в приёмной столько набилось.

Кто поспешил на новоявленного лорда посмотреть, самым первым представиться – а вдруг получится подружиться? А кого и нужда привела – давненько суда лорда не было. Шестьсот лет с последнего прошло. А проблемы-то за это время только копятся! Так вот и уповают некоторые только на справедливый суд лорда... Это не мои измышления, эти самые слова я ещё в приёмной от одного старичка мимоходом услышал.

– Вот так, лорд, ваши люди лишились кухни, столовой, сараев с инвентарём, курятника... Сияющая с ним, с курятником, но кухня замку необходима. Как из положения выходить будете?

Князь вопросительно смотрел на меня.

– А... так кухня же есть! И столовая тоже. Только, он что же и продукты по... того... ликвидировал? Это я про замок, – пояснил.

– Нам сегодня еду из городского трактира доставляли, – буркнул маг.

– А, может, вы, лорд, проведёте нас по замку? Ознакомите со своими владениями?

Так незнакомо прозвучало это обращение – лорд. Придётся привыкать. И, конечно, я согласился провести экскурсию для князя по комнатам, которых никто не видел больше пятисот лет.

– Как раз одна из дверей ведёт в закрытую часть замка. Можем начать с неё, чтобы не беспокоить уважаемых господ в приёмной.

Князь изъяснялся настолько правильным и уважительным языком, что мне стало стыдно за свой деревенский говор. Подошёл к указанной двери и уже привычно потянулся к ножу, совсем забыв, что его отобрали ещё там, на плацу, после приказа княжича «задержать бунтовщика».

Дверь, не дожидаясь кровавого подношения, заскрипев, приоткрылась. И я повёл высоких гостей по замку. Кровь пускать не было нужды, все двери теперь открывались беспрепятственно. А я недоумевал: с чего вдруг такое благоволение со стороны Замка?

Князь и Тимофеичер осматривали всё внимательно, удивляясь окружающей чистоте. Всё-таки замок был закрыт несколько веков, и, ожидаемо, думали увидеть «пыль столетий».

Позже я понял, что правитель хотел лишь убедиться, что Замок действительно впускает меня. То есть, это была проверка. Но уж коли двери открылись, и даже пыли нет – почему бы и не посмотреть то, чего давно никто не видел.

Впрочем, для мага прогулка оказалась не очень приятной.

Когда мы проходили мимо одной из колонн, похожей на ту, что выдрала блокиратор из Янсея, Тимофеича вдруг резко дёрнуло и прижало к этой колонне, но и отпустило довольно быстро.

Князь изумлённо посмотрел на происходящее, но ничего не сказал. Тимофеичер, отлепившись от колонны, раздраженно отряхивал руки и рассматривал её с подозрением, но ещё не догадывался о каверзе, учиненной Замком. А я наблюдал магическим зрением, так что видел, как Замок в буквальном смысле «разрядил» мага.

Были странные моменты, когда с разных частей тела Тимофеичера вдруг протянулись нити к колонне. Нити были разной толщины, цвета и структуры. А из подвески на груди вырвался шар солнечного цвета, который также впечатался в колонну. Один из перстней на пальцах мага лишился камня – он просто осыпался песком. Может, ещё, где что разрушилось – я не заметил, настолько быстро всё произошло.

Я вёл гостей по этажу и гадал, когда же Тимофеич догадается, что за подлянку ему устроил Замок. Я же делал вид, что ничего не заметил... Хотя интересно, из Янсея Замок только блокиратор вытащил и совсем не препятствовал поступлению магии. Наоборот, даже поспособствовал поддержанию сил. Тогда как сейчас он «высушил» Тимофеичера, а тот этого даже не заметил – магия-то не своя.

Ещё раз подтвердились слова Янсея, что своей магии у главного мага немного и пользуется он в основном силой из накопителей. А накопители – это не свой резерв, их не прочувствуешь.

В кабинете уже никого не было, кроме секретаря – того самого парня, что был отправлен на поиски оборотня Лагора.

Вернувшись в кабинет, князь ещё раз повторил, что рад появлению правителя самого большого землевладения в княжестве. И добавил, что в помощь для поддержки в первые годы назначает мне советника.

– А с советником, я думаю, вы знакомы, лорд. Это достойнейший м-м... человек, оказавший нашему княжеству множество услуг. В частности, он меня спас в детстве от ужасной участи. Это мой хороший друг – вожак оборотней Ррык из рода Щир. Кажется, это ваш дядя?

– Брат деда, – поправил машинально.

Я был удивлён и обрадован. Здорово! Рядом будет Ррык, а не кто-то чужой, и непонятно насколько лояльный к оборотням...

Удивлён был и Тимофеичер, но совсем не обрадован. Кажется, ему самому хотелось курировать меня и лордство. Из этих соображений попытался ещё раз повлиять на князя.

– Не торопитесь ли, ваша Светлость? Может, под присмотром управляющего...

– Управляющий уже скомпрометировал себя, граф! Что там за ним числится? Убийства, изнасилования, незаконные преследования оборотней? Надеюсь, преступник арестован?

Князь говорил негромко. И с виду был невозмутим и спокоен, но маг склонил голову:

– Я распоряжусь, ваша светлость.

– И проследите за своим воспитанником, граф. Он завёл неподходящих друзей и ведёт себя неподобающе с подданными княжества.

Я был ошарашен! Князь Светлан говорил о собственном сыне сухо и отстраненно, как о постороннем человеке... Впрочем, от такого родственника я тоже захотел бы откреститься.

А князь уже обратился ко мне:

– Лорд Лесной, жду вас вечером для ритуала. Вам необходимо с ним ознакомиться. Завтра утром будет сделано официальное оглашение о вашем вступлении в титул. И заранее извиняюсь, что мы не сможем остаться на праздник по случаю вступления в лордство. Сами понимаете, дела не терпят. У вас есть какие-либо вопросы, лорд?

– Только один. Я нигде не видел своего брата. Он уехал с Тимо... главным магом в Окреш.

Князь сделал Тимофеичеру приглашающий жест к разговору. Только мой школьный учитель вдруг отвёл глаза, но ответил как всегда бодро:

– Он задерживается. Думаю, завтра уже прибудет.

Не понравилось мне, как сказал маг. Что-то он недоговаривал. В груди разлилась тревога за Уруса. Остро глянул в глаза прежнего наставника.

– Да ничего с ним не случилось! Под магический удар попал. Оклемается! – рявкнул.

Князь искоса и непонятно глянул на своего мага и отвернулся. Не очень-то он ему нравится, как погляжу. И если князь чувствует обман, то, судя по его реакции, Тимофеич сказал правду, но не всю.

Я ещё больше встревожился. Откуда мог прилететь магический удар на Уруса? Разве что, тренировался сырой силой так же, как Тимофеичер проводил с нами на занятиях? Отрикошетило? Как с Дикальмисом угораздило случиться?

Ещё раз глянул на Тимофеича – не скажет ведь правду! Может, и не соврёт из-за князя, но умолчит обязательно.

Так. Стерпеть до завтра. Главное, чтобы Урус был жив! А там удар... или блокиратор... Вытащим! И не приведи Сияние... Тифчир тогда живым не уедет – пусть мне будет грозить княжеское наказание, даже смерть. Клянусь!

Я молчал, но Тимофеичер занервничал:

– Думаю, Ваша Светлость, лорду Ар-Лагору необходимо освоиться с новым статусом, озаботиться организацией питания в замке, подготовиться к вечернему ритуалу.

– Да, согласен. Лорд, жду вас вечером, – вопреки холодно-вежливому тону, взгляд был участливым.

Я откланялся. А выйдя за дверь, сразу был атакован вопросами многочисленных посетителей в приёмной.

– Парень, слышь, что там про лорда говорят?

– Эй, пацан, нового лорда видел?..

Я растерянно огляделся. Возле стражников у выхода стояли Весёлый и Тацина. Может, служивые чего присоветуют?

Первые шаги

При моём приближении двусотник и десятник вытянулись, отдавая честь. Чего это они? А-а... они же присутствовали, когда князь вёл разбирательство со мной.

Весёлый, было, открыл рот для приветствия по всей форме – видел я, как он рапортовал княжичу на плацу – но я его опередил:

– Господин двусотник, не подскажите, чем в первую очередь нужно озаботиться? Мне сказали, хозяйственные постройки обрушились.

– Да, так и есть...

Я не дал двусотнику продолжить, потянул его за дверь.

– Не здесь. Пусть ещё погадают – кто да как? – поёжился, оглядываясь на толпу желающих пообщаться с князем и новым лордом. – Я как-то не совсем ещё готов к такому вниманию.

Двусотник чуть хмыкнул, но моментально подобрался и даже нахмурился, чтобы соответствовать своему званию.

– Причины разрушений расследуются. Для питания стражников и слуг задействованы походные кухни. Для князя и его спутников организована доставка еды из городских трактиров.

Докладывал двусотник лаконично и по существу. Я невольно скопировал его манеру:

– Господин Весёлый, расследование прекращайте. Я знаю причины разрушений. Просто Замок «проснулся». А кухня... Идёмте, посмотрим.

Пошли.

Стоило нам войти в центральные двери основной части здания замка, так сразу же попали в переднюю комнату. И была она настолько большой, что мой родной дом в Волчиках, как пить дать, поместился бы в ней вместе со стенами, крышей и половиной двора. А здесь эту комнату все называли вестибюлем – язык сломаешь, пока выговоришь. А я б сказал, совсем бестолковая комната. Почти пустая. Так, пару кресел по углам спрятались. Да на стенах висели зеркала и кой-какие картины. Ого, и портрет Грахиаша тут же примостился! Важный... в красной накидке да с мечом в руке... А управляющий-то не стеснялся, хозяином себя прочувствовал!

И вот в правой стене этой комнаты была врезана дверь, что вела, как я понимаю, в гостевое крыло, которое Замок не стал закрывать. Именно там и обитали все «поколения» управляющих и другие временные жители замка. Проходы в левую и центральную части замка были скрыты.

Я остановился посреди вестибюля, разглядывая и гадая, что по логике строения любого дома как раз из передней прихожей ведут проходы в разные части дома. А значит, где-то тут должны быть двери.

И они себя обнаружили!

Со стен вдруг посыпались зеркала, картины. Портрет обнаглевшего последнего управляющего, треснув, шлёпнулся плашмя, а со стен полетел остальной мусор, что поналепили за шесть веков.

Вокруг оглушительно трещало и грохотало. Взметнулась густыми клубами пыль. Ух! Настоящее столпотворение! Но я почему-то совсем не тревожился, подсознательно доверяя Замку.

Тацина со стражниками тут же подскочили ко мне и попытались увести на двор, но я отмахнулся, перекивая шум:

– Тацина, Замок меня не тронет! Он вообще никого не убил. Так что, перестань меня дёргать!

– Но, ваша милость...

Кто милость? Я офигел. Это меня вдруг милостью величать стали?

– Тацина, прекрати меня милостью звать!

– Но...

– Приказываю! Чтоб ко мне как всегда обращался! Мне так удобнее... И другим скажи.

Ага, десятник головой кивнул, но глаза отвёл. Одно дело, простого мальчишку, хоть и оборотня, шпынять, другое дело – с лордом-то по-свойски болтать. Ох, уж это человеческое почитание титулов! Но хоть тащить из холла и прикрывать своим телом перестал.

Через пару минут стало потише, и сквозь клубы пыли стало видно, как в стенах обозначились ещё две двери: одна напротив центрального входа, а другая с левой стороны. Похоже, это те самые, которые вели в основные замковые помещения.

Невольные зрители впечатлились увиденным. А ну-ка, такая масштабная магия!

Двусотник сразу же отдал приказ выставить охрану к вновь открывшимся дверям. Правильно! Нечего всяким любопытным по замку шастать. А десятник... не откликнулся на приказ. Тацина, по-детски раскрыв рот, замороженно смотрел на то, как менялась комната.

Мусор, осыпавшийся со стен, с тихим шорохом куда-то исчезал. Казалось, какие-то невидимые работники споро занялись уборкой. Трещины на стенах и косяках затягивались прямо на глазах. На дверях обновлялась краска, поправилась сбитая резьба, и даже нечто чёрно-заскорузлое начало блестеть ярко начищенной медью, оказавшись резными накладками и фигурными дверными ручками в виде драконов. А прежде грубоватая дверь, ведущая в гостевое крыло, резко изменилась под стать проявившимся: вдруг раздалась чуть вширь и резко вверх и засверкала гранями хрустальных вставок среди золочёной резьбы.

Завораживающее зрелище! Наглядная магия, редко наблюдаемая простыми людьми.

Двусотник собственноручно потрянул Тацину за плечо, возвращая того в реальность. Тот встрепенулся, кротко выслушал повторный приказ, выставил пост: деловито и без лишних слов. А я ощутил, что десятник вот именно в эти минуты резко изменил своё отношение ко мне. Только пока не понял, в хорошую сторону или не очень.

Пожал плечами. Не до того сейчас. Кажется, нам налево...

За левой дверью обнаружился широкий нарядный коридор, через десяток дверей повернувший направо. Двинулся вперёд. Двусотник, десятник и несколько стражников за мной. Нам проскрипела вторая левая дверь после поворота. Очередной коридор попроще вывел к столовой и кухне. А там обнаружилась вся моя стая... и Янсель!

Парни сидели за столом и трапезничали, а я сделал вид, будто так и должно быть. Хотя было интересно: а Янсель-то сюда как попал? Да и остальных я возле выхода в парк оставил, а он вроде бы с другой стороны замка. Хм... Видать, Замок сам решил, что раз этих людей привёл я, то... дал допуск – кажется, так Янсель называл эту ситуацию.

Весёлый с Тациной, если и удивились тому, что оборотни оказались внутри закрытой части раньше всех, то спрашивать ни о чём не стали. Военные! Дисциплина и любопытством совладеет. Одно дело – со стажёром разговаривать. Другое дело – у лорда спрашивать.

Н-да, уважение, конечно, приятно. Но и досада брала, что мало кто теперь со мной по-свойски перемолвится, будут в рот заглядывать, как княжичу. Так думаю, он и заносчив сверх меры именно потому, что никто ему перечить не смеет из-за титула. А Сивал глупо верит в свою исключительность.

А на кухне... Оказалось, Замок ничего просто так не рушит и перенёс сюда, в исходную кухню и кладовые, все припасы. Да и посуда переместилась, хотя тарелок и кастрюль, оставшихся со времён Рруса Трёхлапого, тоже хватало.

Вот мои оборотни за отсутствием поваров и принялись командовать. Обед им Лийса спроворила, парни помогли, кто как смог. А я вспомнил, что время обеденное, а до сих пор маковой росинки во рту не было.

Лийса и нам с Весёлым и Тащиной тарелки выставила. А перед стражниками руками развела – особо не рассчитывала на лишние рты.

Послали одного из стражников за поварами и кухонными работниками.

Я с наслаждением уплетал сытную похлёбку, которую часто готовили дома. Судя по тому, как работали ложками Весёлый и Тащина, им блюдо тоже по вкусу пришлось.

Мои парни молчали, терпеливо дожидаясь, пока мы насытимся, хотя и ёрзали от нетерпения. Янсель тихо встал, отошёл к шкафам и будто растаял среди них. Правильно, пусть пока не проявляет себя. Тимофеичер сейчас почти без магии, но мало ли... не стоит пока Янселю маячить перед троллем.

Стоило только отодвинуть пустую миску и потянуться к кувшину с травяным чаем, как на меня посыпались вопросы. Как отбилса от княжича? Что случилось? Откуда я привёл двусотника и десятника?

Я улыбнулся, тронутый, что за меня переживали. Рядом со своими оборотнями я чувствовал себя надёжнее, чем за спинами всей двусотни Весёлого. Всё-таки двусотник предан прежде всего князю. И как бы ни был он расположен к кому-то, не поможет против желания правителя, что последние дни и показали. А моя маленькая стая готова была до конца бороться за меня против всех.

Волшебство Замка почувствовали на своей шкуре все присутствующие. Парни попытались вылезти из окон вслед за мной – Замок не дал им открыть створки. А когда Нарцин попытался разбить стекло, то активного оборотня шандарахнуло молнией по нижней части спины – не смертельно, но обидно и болезненно.

– И как такое могло случиться, если я стоял лицом к окну, а прижгло мне зад? – пожаловался оборотень под смешливые комментарии друзей.

Весёлый официально объявил моей стае, что я – лорд Лесного Замка. Мои конечно подозревали, что особенный как наследник Рруса Трёхлапого является и владельцем замка и всех принадлежащих ему владений. Но одно дело – подозревать, другое – убедиться в этом. И парни в отличие от военных не тушевались при звуке высокого титула, а по-дружески хлопали меня по спине, поздравляя.

Повара с помощниками буквально ворвались в кухню! И слушать никого не захотели, выгоняя всех и ворча, что народ и новый лорд голодные, а тут эти расселись, понимаешь ли...

Форрат, было, попытался обратить их внимание, что я и есть лорд. На что один из поваров решительно ответил:

– Ты, парень, мне голову не морочь! Мы знаем, что этот пацан с вами приехал. Нечего розыгрыши устраивать. У нас времени нет! Лорду встречу нужно готовить, князя кормить... А лорда, чтоб ты знал, князь привёз!

Железная логика!

Я показал недоверчивому повару короткий путь на улицу, через который мы с Намилом впервые попали в закрытую часть замка. Такие выходы выручали в случае быстрой доставки продуктов и дров напрямую с улицы. И если дверь раньше выходила в сарай, где содержались собаки-убийцы, то после того, как проснувшийся Замок разрушил все пристрои, эта дверь должна была вновь служить своему предназначению – открывать короткий путь с улицы на кухню.

Мы вышли из столовой в коридоры замка и остановились, обсуждая куда направляться дальше. Комнаты над конюшней у нас отобрали, в казармах мы расположиться не успели. А я был озабочен пожеланием князя: присутствовать на каком-то обряде. Необходимо было вымыться как следует, и переодеться в чистую приличную одежду.

Весёлый кашлянул, привлекая к себе внимание:

– Извините, милорд! – жестом остановил моё возмущение. – Вам придётся привыкать к такому обращению, милорд! Одно дело близкие люди, другое дело – остальные. Негоже, чтобы с вами поступали так, как сейчас выставили повара из кухни собственного замка.

Я раздраженно дёрнул плечом, буркнул:

– Мне было не принципиально.

– И всё-таки посторонние и челядь должны знать своего милорда. Панибратствовать не советую, – Весёлый говорил, а я всё больше злился. Молча, пристально посмотрел ему в глаза, выпуская силу зверя. И двусотник почувствовал, отвёл взгляд, но всё-таки мужественно закончил, – но поставить себя, чтобы уважали... советую.

Я задумался. Может, Весёлый и прав. Нужно взрослеть и принимать нормы взаимоотношений в том обществе, куда мы попали. Глупо насаждать среди людей простые правила, принятые среди оборотней. Ведь что-то же мы приняли...

– Хорошо, господин Весёлый, я подумаю о ваших словах.

Двусотник одобрительно крякнул, его опыт общения с высокородными юнцами подсказывал, что те не склонны прислушиваться к советам. А я решил спросить совет у бывалого человека:

– Подскажите, куда мне с друзьями податься? Наши комнаты заняты...

– Сияние с вами, милорд! У вас огромный пустой замок в собственности, а вы ищете свободную комнату.

М-да, с этой точки зрения я Замок не рассматривал.

– Прежде, чем устраивать друзей, вам стоит обозначить их статус при вашей особе, милорд.

Меня озадачили слова о статусе моей стаи.

– Нехорошо будет, если ваши друзья будут устроены лучше, чем князь или главный маг.

Хм-м...

– А, может, предоставим Замку решать, как нас расселить?

– Простите, милорд. Как может замок что-либо решать? Это же здание. Груда камней...

– Эта груда камней, как вы говорите, по воле его создателя теперь будет очень деятельно участвовать в жизни людей, которые ступили в его владения.

– И в жизни города, а то и княжества, – вставил Сувор.

Парни согласно загомонили.

Замок не разочаровал.

Мне досталась комната и ещё... в общем, не одна комната, а сколько – я пока выяснять не стал. Почти рядом с моими покоями располагался вход в апартаменты, состоящие из двадцати пяти комнат, выходящие в общий холл.

Каждый из парней занял по комфортабельному помещению с удобствами. И ещё для других остались. Думаю, со временем приглашу ещё оборотней из нашей деревни или других поселений. Поддержка своих никогда лишней не бывает.

Эльнора послали за Марином. Пусть перебирается к нам поближе. Тяжело пришлось парню жить наособицу, непривычно. Лийсу, как ни странно, Замок в те комнаты не пропустил, указал на обширные покои напротив моих. В конце концов, стая как-то устроилась. Непривычно.

Двусотник молча бродил за нами, наблюдал за расселением. О чём думал? Спрашивать не стал, а он не спешил делиться мыслями.

Возле моих комнат двусотник тоже выставил пост с наказом не пропускать в покои лорда посторонних. И гвардейцы прониклись ответственностью... Так, смена, явившаяся на замену отдежуривших свои часы, не хотела пропускать меня в комнаты.

После проведения ритуала с князем я был жутко уставшим, с головой, распухшей от новой информации.

– Лагор, извини! Знаю, ты – парень хороший, но к лорду просто так в гости не ходят. Так что вали-ка ты отсюда подальше.

– Троль горбатый! Да я и есть лорд. Не верите, выясняйте у Весёлого! А я устал...

Один из стражей попытался меня остановить, но я, разозленный, отшвырнул его в сторону и прошёл в комнату, чтобы свалиться на ближайший диван, сбросив только сапоги.

Устать-то устал, но только что произошедшее царапало неправильностью. Чего, спрашивается, сорвался?

В комнате неожиданно оказался Янсель. Он сидел в кресле возле холодного камина. Я заметил мага лишь в тот момент, когда тот движением пальцев зажег дрова в камине.

Янсель спокойно спросил:

– На обряде был?

– Да.

– Значит, теперь знаешь – на чём зиждется безопасность нашего княжества, – то ли спросил, то ли сделал вывод.

– А ты тоже знаешь? – удивился я.

– Ты забываешь, что я был правой рукой главного мага. Мы многое знали. И этот обряд в обязательном порядке.

Помолчали. Я спросил первым:

– Что случилось тогда, Янсель? С княжичем... У тебя не получилось их проследить?

Маг коротко пояснил, не оправдываясь:

– Получилось. Поначалу. Проследил за княжичем и его свитой до дверей тюрьмы. Там даже стражников не было. Зашёл следом в дверь и, – усмехнулся невесело, – вдруг оказался в компании твоих оборотней. Хода назад не было. Сидел вместе со всеми, переживал, – и почти сразу, без перехода задал свой вопрос: – А ты не расскажешь, что сейчас произошло?

Из-за резкого тона и перемены темы разговора я не сразу не понял.

– Ты о чём? Как Замок меня признал?

– Мне конечно интересно, как Замок тебя признал. А вот что сейчас перед самой дверью было?

– Стражники пускать меня не хотели.

– А ты? – голос мага звучал отстранённо.

– А я разозлился! Сказал, что я лорд, оттолкнул стража и вошёл.

Молчание. Укоряющее. Да что не так?

Я не выдержал:

– Что неправильно я сделал? Я что, неправду сказал?

– Сказал-то ты правду... Да проблема в том, как ты сказал и показал.

Я обиделся. Меня лорда изображать не учили!

– Скажи, если бы ты, как прежде был простым оборотнем, ты стал бы орать на сослуживца и отшвыривать его с дороги?

Я невольно представил, какой выглядела ситуация со стражем со стороны. А повёл-то я себя, как... как княжич или Грахиаш! Стало нестерпимо стыдно и противно! Противно, что уподобился этим... чуть только мне воли дали. Но упрямство не давало признать свою ошибку.

– Я очень устал.

– Ты видел князя. Он устал?

Пауза.

– Да, очень.

– Ты слышал, чтобы князь на кого-нибудь повышал голос или раздавал подзатыльники?

Оглушённый таким нелепым вопросом, оторопело уставился на Янсея.

Я увидел-то князя впервые только сегодня днём. Но общаясь с ним, даже представить не мог, что он на кого-то кричит или толкает.

– Он же – правитель! Ему неместно подзатыльники раздавать. Да и народу придурочный князь не нужен... – и осёкся, осенённый смутной догадкой, к чему Янсель ведёт весь этот разговор.

– Так вот, лорд – это тот же князь для своих людей. Скажи, хорош тот лорд, что на своих людей орёт и бьёт за то, что они чего-то недопоняли, потому что в замке бардак, и они не виноваты, что их поставили на пост, а кто лорд – не объяснили?

Маг замолчал, а я буквально взмок от стыда из-за такого видения ситуации.

Тролля пятка, я же всегда вёл себя выдержанно, стараясь подражать Ррыку и отцу. И ведь получалось. А стоило немного пообщаться с негодяями, как стал уже им подражать. Последняя мысль меня доконала.

Как есть, босой, вылетел за дверь. Стражники вытянулись, отдавая честь. Похоже, их уже просветили о личности лорда. У одного на скуле светился синяк.

Я лупал глазами и переминался на месте, не зная как быть в такой неловкой ситуации. Стражи тоже стояли, вытянувшись в струнку. Молчали. Им положено молчать – они на посту. А вот мне теперь что делать и говорить – не ведаю.

А-а... как был простым парнем всю жизнь, так и нечего кочевряжиться! Кивнул головой тому, что с фингалом.

– Извини!.. Устал как тролль, не сдержался. Ты это... не держи зла...

Теперь уже стражу было неловко. И чего ответить-то – не знал. Потупился, полыхая щеками, нервно переступив на месте.

– Ну, хочешь, стукни меня в отместку!

От такого предложения у обоих стражей рты пооткрывались.

– Или вот! – задумчиво почесав в затылке, предложил: – Можешь на тренировке мне по хребту надавать? Честно, не обижусь.

Страж словно язык проглотил, только головой кивал будто заведённый.

– Ну, я пошёл, – вздохнул облегчённо.

В комнате Янсель встретил доброй улыбкой. Только мне-то было всё ещё неловко.

– Я извинился...

– Да, немного не так, как обычно это делается, но это исправимо. Главное, чтобы ты остался прежним Лагором, который всегда заступает за своих людей. А у тебя твоих людей теперь целое лордство.

Я устало плюхнулся на диван и сгорбился, обхватив голову руками.

– Удружил предок!

На плечо легла рука.

– Не горюй. Поначалу трудно осваиваться, потом привыкнешь, может, даже и понравится.

– Вот уж не знаю.

Несмотря на усталость, спал плохо. Точила тревога за брата. Не верил я Тифчиру!

Ожидание

Встал рано, ещё по темноте. Осень. Светало-то уже поздно.

В рассветных сумерках я слонялся по замковому двору. Сначала шарахался от приветствий проходящих стражников, а потом, попривыкнув, только кивал.

Никто, кроме повозок с продуктами, сеном и дровами, в замок не въезжал. Вот вроде день настал, а всё равно как-то серо на улице. То ли из-за плотных облаков на небе, слава Сиянию, пока ещё не разродившихся дождём. То ли из-за моего тревожного беспокойства за брата.

Тю, заминка в воротах! Одинокий всадник... Нет, не Раг-Урус!

Всадник направился напрямую к центральному крыльцу, окликнул меня:

– Парень, не проводишь меня к князю Светлану? Он сейчас в вашем замке должен гостить.

Задумался. Может ли лорд проводить приехавшего гостя к князю или ему это невместно?

Вчера перед сном Янсель мне целую лекцию о правилах поведения прочитал. Обозвал их этикетом и указал, что соблюдать эти правила необходимо, особенно, первым лицам государства. Оказывается, я теперь тоже к этим лицам отношусь.

А-а, можно-нельзя! Раз к князю, значит, можно!

Князь накануне отказался перебираться в прежде закрытую часть. Поблагодарил за налаженное питание и сказал, что в следующий приезд рискнёт остановиться во внутренних покоях. Я сделал вид, что понял сказанное, но решил при случае расспросить Янселя о непонятных выражениях.

Повёл приезжего в гостевое крыло, искоса оглядывая его с ног до головы. Ну и как не оглядеть, если я рядом с ним в своей добротной, но простой деревенской одежде чувствовал себя, как... курица-пеструшка рядом с Тимофеичевым павлином. Лучше б я стражницкую форму надел! Всё солиднее выглядел бы.

Одежда на госте запылилась, а местами и грязью была заляпана. Сразу понятно, человек с дальней дороги, а не из мыльни... Да не в том дело! Она... видно, что одежда-то недешёвая. Такая же, как у Тимофеичера и других из свиты князя. И примерно как та, что мы с Намилом рассматривали в комнате, когда найденные рубашки переодевали.

Чего-то как-то... неловко мне стало. Может, найти ту комнату с рубашками в оборках? Думаю, ради того, чтоб потомок не ударил лицом в грязь предок поделится?!

А этот... вылупил ехидные глаза... ну, не вылупил, но всё равно видно, что усмехается. Я про себя рассердился, к тому же приезжий шёл наравне со мной и даже пытался слегка обогнать. Но вчера Янсель чётко разъяснил, что обгонять меня может только князь – мой сюзерен. Ну, может, телохранители в случае опасности.

Такие же лорды как я и графы должны идти наравне, а все остальные титулованные: бароны и прочие – слегка позади, согласно рангу. Соответствие рангу обещал объяснить в следующий раз всем парням сразу, чтобы не повторяться.

Как же повезло, что у нас есть Янсель! Без него мы уже сто раз наделали бы ошибок и точно вляпались бы в какую-нибудь неприятность.

Так что я старался хотя бы в этом не уронить своего достоинства – не дать опередить себя этому... Ясно же, что рядом идущий – не князь, а, значит, должен идти позади меня... ну ладно, раз не знаю титула гостя, разрешу наравне идти... Нетушки, вперёд не пушу!..

Вот так мы с этим приезжим, пытаясь обогнать друг друга, мигом припылили в приёмную, где нас встретил порученец князя. Тоже ранняя пташка!

Порученец поклонился согласно правилам этикета сначала мне:

– Доброе утро, лорд Ар-Лагор Лесного замка.

Потом приезжему:

– Князь вас с вечера ожидал, барон Вожогра. Прошу вас немного подождать. Князь облачается после сна и скоро примет вас.

У этого самого Вожогра челюсть отвисла, когда он услышал, как порученец меня величает. Склонился в поклоне:

– Позвольте выразить вам свои извинения за неучтивость. Не знал, что обстоятельства столкнут меня с легендарным лордом Лесного Замка.

И чего ж ему на такие заковыристые слова ответить? Ну и брякнул по простецки:

– Позволяю.

И покраснел, когда барон неприкрыто ухмыльнулся во весь рот:

– Не смущайтесь, лорд. Вы молоды, вам простительны маленькие ошибки.

Ага, как же! Так я тебе и поверил! Ещё и посмеёшься за спиной с друзьями. И мне, будет время, припомнишь «маленькие ошибки». Посмотрим, каков ты окажешься, барон!

Тем не менее, я решил наплевать на незнание этикета и расспросить Вождя:

– Барон, вы никого не видели? Может, обгоняли кого по дороге к замку?

– Я много кого обогнал, так спешил к князю. Кто вас конкретно интересует, лорд?

– Я жду своего брата. Тимоф... главный маг граф Гилон сказал, что он не совсем здоров, но скоро прибудет, и до сих пор его нету, – развёл руками.

Поднятые брови Вождя продемонстрировали недоумение. Барон пожал плечами, пробормотав:

– Оборотень не совсем здоровый? Нонсенс! – и закатил глаза к потолку. Я тоже туда посмотрел. Чего это он?

Барон склонил голову к плечу, будто припоминая:

– В двух часах отсюда, ещё по темноте, я обогнал повозку в сопровождении нескольких оборотней, кажется. Во всяком случае, я узнал представителя оборотней – некоего Рыка из рода Щир, – непонятно хмыкнул.

Я облегчённо вздохнул. Не знаю, в каких отношениях с этим бароном вожак, а для меня самое важное, что брат скоро будет здесь.

Развернулся к выходу из приёмной, но спохватился – на всякий случай отвесил поклон Вождю:

– Спасибо, барон, за известие.

По одобрительной улыбке барона понял, что сделал всё так, как полагается.

Снова развернулся к выходу из приёмной, но в дверь уже протискивался Тимофеичер.

– О, Лагор! Узнаю раннюю птаху. Опять с рассветом вскочил? Веришь ли, Вождя, этот мальчик... Ох, извини, молодой человек – мой ученик и есть тот самый особенный оборотень!

– О, я слышал об исключительных талантах вашего ученика, уважаемый граф.

И что это за треп? Нет, никогда я не научусь этикету!

Дёрнулся к двери, в которую уже вливалась разряженная Терула с опущенными глазками. Скромность, что ли, изображает?

– Мой мальчик... Ох, извини, дорогой лорд Лесного Замка, позволь тебе представить мою прекрасную дочь Терулу. Верно, ты её видел? Но сейчас ты можешь познакомиться с ней поближе.

Терула медленно подняла глаза и, узрев меня, побледнела.

Мой тон был холоден – Янсель не зря мне вчера продемонстрировал, как разговаривать строго и пренебрежительно.

– Мы очень хорошо и тесно знакомы с госпожой Терулой. Ей не понравилось наше знакомство настолько, что она решила не рожать нашего с ней ребёнка, – выдал я, гордо решив отплатить чистой правдой лживой красавице.

Какой же я был дурак! Моя «чистая правда» оказалась во сто крат хуже самой чёрной лжи...

У Тимофеичера вдруг резко посуровело лицо – глаза потемнели и заострились скулы. Он посмотрел на свою дочь пристально и непонятно – так, что Терула буквально посинела, испуганно сжавшись. Куда делась волшебная доброжелательность Тимофеичера ко всему и всем? От мага повеяло почти смертельным холодом. Это что такое сейчас происходило? Трольская обратная сторона дара очарования?

Мне даже на какой-то миг стало жалко девушку. Хм-м... проходную недевушку. А вот и нарисовался таинственный папенька с заданием «окрутить особенного».

Тимофеичу мало того влияния, что он имел на меня. А ведь раньше я ему в рот заглядывал! И дальше бы слушался, не разобравшись в сути мага, если бы не встреча с Янселем. И, похоже, полутроль инстинктивно чувл, что я ускользаю из-под его влияния. Решил подстраховаться с помощью красавицы-дочери? А ведь чуть не получилось!

Я случайно подслушал не предназначенный для моих ушей разговор. А Терула просто ошиблась в опознании нужного объекта. И не она одна! И вот тщательно продуманная интрига разрушилась. А я ещё раз уверился в правоте Янсея – Тимофеичу ни в чём нельзя верить! Его хорошее отношение говорит только о том, что ты каким-либо образом вписываешься в его планы. Без учёта твоих интересов, конечно. Только для его, Тимофеича, пользы.

Похоже, то же самое соображение действовало и по отношению к собственной дочери. И то, что она, хорошо зная своего отца, дрожит и отступает от него подальше, однозначно говорило об этом. В глазах плескался ужас, губа закушена до крови – она даже не замечала тонкой струйки, протянувшейся по подбородку. Несколько красных капель уже упали на пышное кружево, обрамляющее глубокий вырез. А Тимофеичер, прищурив глаза, смотрел на дочь, на её ужас и метания...

Невольно стало жаль девчонку, даже пришлось мысленно себя одёрнуть. Что со мной стало, если б я поддался очарованию дочери Тимофеича? Что-что?! «Дойная корова»!

Оглянулся на других свидетелей сцены. Порученец с каменным лицом перебирал бумаги, демонстрируя, что происходящее его совершенно не касается. Воюгра с большим интересом наблюдал за дочерью и отцом. А ведь он тоже заинтересованное лицо – пришла в голову мысль. Только каковы его цели? Или он тоже стал жертвой похожей комбинации?

Ай, пусть разбираются между собой! Отец с дочерью друг друга стоят! Слава Сиянию, и спасибо моему невольному пренебрежению честным поведением, что позволило услышать разговор подруг. Зато избежал ловушки, а, может, и умнее стал!

Как хозяин замка, я обязан был присутствовать на завтраке с князем Светланом. Трапезничали в столовой комнате гостевого крыла.

Разглядывая убранство и вспоминая интерьер столовой в закрытой части, я сделал вывод, что столовой эта комната изначально не была. Видимо, её просто приспособили под эти нужды. И весьма давно, судя по стёршимся от времени некоторым элементам декора.

Интересно, Замок доберётся до переделки этих комнат? Как посмотрю, даже убираются здесь горничные, и до уровня чистоты Замка они не дотягивают.

За столом я чувствовал себя неловко под взглядами присутствующих. Кто глазел намеренно, стараясь смутить деревенщину, а кто пялился просто из любопытства. Тем более, что посадили меня по правую руку от князя.

По левую руку сидел хмурый Тимофеичер граф Гилон – главный маг. С чего он хмурился? Может, с того, что я его место по правую руку занял? Или до сих пор злился, что дочь ошиблась? А может, обнаружил, что накопители вдруг ни с того ни с сего опустели?

Я нечаянно уловил высказывание, что объявление меня Лордом Лесным – это какой-то политический ход князя. А на самом деле, ничего особенного во мне и нет. Вернее, особенное состоит в том, что я очень молод, а потому легко поддаюсь влиянию. А замок, мол, открыл Тимофеичер. На то он и главный маг.

Вот же наивные!

И теперь я сидел возле князя и гадал. Люди действительно думают, что главному магу под силу открыть замок, или сам Тимофеичер такой слух пустил?

До этого не я, такой умный и разбирающийся в интригах, додумался. Об этом Янсель, в своё время поварившийся в придворном котле интриг и заговоров, предупредил. А я ему ещё не поверил! Думал – преувеличивает!

А народ-то за столом по себе мерет. Думают, что говорят негромко, только соседу слышное, да и расстояние громкость скрадывает, а о том, что слух оборотней и в человеческой ипостаси острее обычного, забывают. Так что, сидя рядом с князем, я слышал многое, а порою разбирал о чём говорили почти на самом дальнем конце стола.

За меня разве что Весёлый заступался. Кто прислушивался к мнению авторитетного двусотника, а кто отмахивался – мол, военные политику князя поддерживают, потому Весёлый и говорит, что ему велят.

Князь Светлан, не обращая ни на кого внимания, ел спокойно и даже красиво. Вина не пил, попросил чаю с травами и мёдом. Выглядел отдохнувшим после вчерашнего обряда. Между переменами блюд спросил, что меня беспокоит.

Ответил честно:

– За брата боюсь. Почти полдня прошло, а его всё нет. Не знаю, в каком он состоянии...

Князь покосился на Тифчира, что-то оживлённо обсуждающего с Вожогрой – явно, у них какие-то общие интересы имелись – склонился ко мне.

– Сочувствую, Лагор. К сожалению, видел я твоего брата, – помялся, – если доберётся сюда живым... это будет чудом.

Как по голове стукнул, честное слово!

Сухая тёплая рука легко коснулась моей.

– Извини, что расстроил.

Я поднял взгляд на правителя. Глаза князя светились участием. Пожал плечами:

– Спасибо, что правду сказали, Ваша Светлость. Буду надеяться на чудо! А что случилось, не знаете?

Лёгкое качание головой.

– Я видел твоего брата раза три, не больше. В первый день после приезда его представил граф. Второй раз – на охоте. Он в одиночку кабана завалил. А третий раз – перед самым отъездом, когда господин маг уведомил, что твой брат попал под магический удар. Я в этом совершенно не разбираюсь. Хотя... магических ударов у нас во дворце никогда не бывало.

Я впился взглядом в князя, а тот только руками развёл.

Тимофеичу наш приватный разговор не нравился, и он попытался выяснить, о чём я могу разговаривать с князем. Не знаю, спрашивал ли он о чём князя, а ко мне подкатился сразу же после завтрака. Хотя когда ещё ему подкатывать, если отъезд должен был состояться сразу после оглашения моего нового статуса при скоплении людей.

– Ты, Лагор, с правителем поаккуратнее в разговорах. Это я вас с пелёнок, считай, всех знаю. А князь чуть что, сам понимаешь...

Я опешил – с чего вдруг такие предупреждения. Хорошо, что сдержался. Только кивнул – учту, мол.

А маг не унимался:

– О чём князь говорил-то?

Ага, значит предыдущее предупреждение – затравка для последнего вопроса. Ответу, а как же.

– Сказал, чтобы я не волновался, постепенно освоюсь. Спросил...

– Что? – Тимофеич жадно подался ко мне.

– Что меня так беспокоит? Сказал – за брата беспокоюсь, жду его...

Вот тебе правда, как она есть! Тимофеичер не выдержал, скривился. Отвернулся, якобы, его кто окликнул.

А ведь маг избегал упоминаний про Уруса! Что же ты скрываешь, граф Гилон Тимофеичер Нол, укравший не только не только магию, но и жизнь, титул, имя и пост у своего предшественника?

На грани

Этот уклончивый разговор с полутроллем ещё больше взвинтил мою нервозность. Что с тобой, брат? Увижу ли живым?

Машинально глянул на Тимофеичера магическим взглядом и поразился. Он до сих пор ходил без магии! Похоже, Замок или «выпивал» его... хотя маг двигается довольно бодро, или блокировал, что вероятнее. Непонятно, полутроль до сих пор не понял, что отрезан от магии, или мастерски скрывал своё бессилие?

Перед отъездом князя было назначено моё официальное представление народу. Пора было выходить. Провожающие и сопровождающие высыпали на крыльцо, собираясь присутствовать на церемонии.

Ждали выходя князя.

Ещё вчера пригревало слабое осеннее солнышко. И листья на деревьях облетели едва наполовину. С утра я не особо обращал внимание на погоду, не до того было. Помню, что ни дождя, ни, тем более, снега не было. Сейчас же небо хмуро серело и сыпало крупными мягкими хлопьями первого снега.

Погода воцарилась под стать моему настроению. Лишь сердце заходило в неровном ритме ожидания беды.

Народу же, несмотря на промозглую погоду, набилось полный замковый двор. Люди обсуждали кандидатуру лорда, по-простецки тыкали пальцами в предполагаемых лордов, с энтузиазмом отстаивая своё мнение.

В «лорды» попал и Вожогра, как человек по виду представительный, нарядно одетый и незнакомый никому. Кто-то прочил в «лорды» княжеского распорядителя. Пытались Весёлого определить в хозяина замка. А что? Выглядит внушительно, мало ли что военный, а вдруг...

На меня никто не догадался указать пальцем.

В представлении людей лорд должен быть видным, в годах, но никак не деревенским подростком-оборотнем. И даже то, что кандидаты совсем не оборотни, никого не смущало. Хотя все знали, что потомки дракона Рруса Трёхлаплого могут быть только оборотнями и никак не могли передать наследство человеку.

Пользуясь тем, что князь задерживался, ко мне приблизился Тимофеич. По-дружески приобнял, склонился к самому уху:

– Лагор, я там распорядился. Думаю, Сувора с собой возьму, мне помощник требуется...

– Нет!

Сначала брат! Теперь друг...

Громко, во весь голос заявил, глядя прямо в глаза троллю:

– Граф Гилон! Я отказываюсь давать вам людей!

Сглотнул. Следовало перед всеми этими людьми обосновать свой отказ...

Знаю я, зачем ему Сувор – «дойная корова» нужна! По мнению Тимофеича я не подозреваю о подоплёке необходимости в помощниках.

– У меня сейчас очень трудная ситуация. Всё люди наперечёт, они мне самому нужны!

Вот не был мой голос басовитым и основательным, как у того же Тимофеичера или Вожогры, даже немного дал «петуха». И не воспринял бы всерьёз мой протест этот прожжённый интриган, но я в отчаянии выпустил своего зверя-магию. И стал давить...

Похоже, чуть переборщил. Прогнулся не только маг, но и остальные, находящиеся на крыльце, и люди, стоящие ближе всех...

Отпустил. Главный маг, насупившись, отступил. Вожогра и остальные смотрели на меня уже другими глазами, нежели в столовой.

Сбоку от крыльца заметил людей в замковой форме и высмотрел Алеску. Подманил пальцем мальчишку и негромко отдал приказ:

– Беги к моим парням и передай, чтобы ни в коем случае ни с кем не уезжали. Скажи Сувору, что я запрещаю ему ехать с главным магом. Знаешь Сувору?

– Знаю. А можно я потом сбегаю, после того, как объявят? Страсть как хочется узнать – кто наш лорд?

Я разозлился, но не желал применять силу магии для приказа, потому только рявкнул:

– Я – ваш лорд! – и пригрозил: – И если ты сейчас не выполнишь мой приказ, если кто уедет, я... я тебя съем!

Только мальчишка ничуть не испугался. Подумав, решил исполнить приказ, но поставил мне условие:

– Ты врешь! Но я сбегаю к твоим парням, и ты мне будешь должен!

Я был согласен на любой шантаж маленького проныры, лишь бы ни Сувор, ни кто другой не отправился с Тимофеичем. Мы с Янселем не распространялись о роли Тифчира в судьбе мага. Зря...

Появился князь в сопровождении порученца и дал команду начинать. Вперёд выступил распорядитель, в котором тоже пытались угадать лорда.

Что вещал распорядитель, я уже не слышал, потому что в воротах появился возок в сопровождении нескольких усталых всадников. Стражники на воротах попытались воспрепятствовать проезду, но Тацина, оказавшийся рядом, остановил их, увидев Ррыка.

Я в отчаянии обернулся к князю. Его светлость тоже заметил повозку и жоака узнал. Поняв моё нетерпение, кивнул головой и склонился к порученцу, дав ему какое-то распоряжение.

Я подскочил к двусотнику и, указав на возок, сказал, что необходимо доставить пассажира к крыльцу как можно скорее. Правильно сделал! По знаку двусотника стражники быстро организовали коридор в толпе, по которому возок с сопровождающими проследовал прямо к крыльцу.

Я бросился к возку, но меня остановил Ррык, усталый и хмурый, как никогда.

– Лагор! Урус совсем плох. Ничего ему не помогает. Даже перекид...Напрасно силы теряет. Только проститься с ним успеете.

Я упрямо потрянул головой. В возке лежала тень от моего брата!

Подхватил лёгкое тело на руки и взбежал по ступеням. Прямо передо мной, улыбаясь, стоял Тимофеичер. И отшатнулся, наткнувшись на мой ненавидящий взгляд.

С братом на руках я бежал по коридорам замка по указке поочерёдно открывающихся дверей. Навстречу попался Сувор, одетый по-походному, отбивающийся от настырного Алески. Я лишь кинул ему:

– Хочешь через месяц стать таким, как сейчас Урус, то езжай с Тимофеичем!

Сувор ошарашенно уставился на Уруса. Я с тревогой присмотрелся к брату. Он едва дышал – поверхностно, рвано и часто.

– А сейчас быстро найди Янсея, он мне срочно нужен!

И бросился к очередной, нетерпеливо скрипевшей двери.

Вдруг бег по коридорам кончился. Я оказался в комнате...

Почти пустая небольшая комната с окном, только добрую её часть занимало возвышение, напоминающее габаритами большой треугольный стол с двумя длинными сторонами и одной покороче. А вот на поверхности этого – не пойми чего – торчал небольшой стальной колышек с тремя острыми режущими гранями!

И что-то мне это напомнило!

Сейчас не было даже следов от лужи крови, выплеснувшейся из жалкого крыса-оборотня... И окна этого не было... Но я готов был поклясться, что именно эта комната и этот колышек выпили из меня кровь и магию!

С братом на руках я попятился и развернулся к двери, чтобы бежать прочь из этой страшной комнаты! Но... Всё случилось одновременно.

Незримая сила выдрала брата из моих рук и швырнула его спиной прямо на стальной колышек, а меня откинуло на закрывшуюся створку двери и прижало к ней.

Я кричал и рвался к брату! Орал до хрипоты, до потери голоса! Локти, ладони и костяшки кистей рук ободрал и сбил в кровь, изо всех сил пытаюсь оттолкнуться от полотна двери и добраться до «стола».

А на возвышении творилось нечто странное и непонятное.

Насколько я мог видеть, стальной стержень воткнулся в спину Урусу, но крови не было видно. Зато над братом клубился золотистый туман и укутал его полностью полупрозрачной сияющей пеленой.

Я замер. Одежда на Урусе вдруг стала трещать и расходиться, обнажая кожу, быстро вспухающую язвами. Язвы лопались под напором... какой-то чёрной маслянистой субстанции, которая вытягивалась туманом и застывала в нём жирными кляксами.

Вдруг меня швырнуло от двери к «столу».

Машинально, стараясь смягчить удар, я выставил руки ладонями вперёд. Стоило рукам коснуться пусть и боковой поверхности, как в ладони каждой руки воткнулось несколько игл, которые не столько «пили» кровь, сколько качали магию.

С последнего момента расхода магии прошло чуть меньше двух суток. Сила поднабралась, конечно, но полностью ещё не восстановилась. Но если это поможет Урусу, я был согласен даже «перегореть».

За спиной раздался шум распахнувшейся и снова захлопнувшейся двери. А рядом «пришпилились» Сувор и Янсель. Уставились на меня ошалелыми глазами.

Сувор, морщась от болезненных ощущений, спросил:

– Гор, что происходит? Как нас сюда затащило и зачем? Ай, больно же!

– Это Урус лежит, – просипел сорванным горлом. Под чернеющим кляксами туманом фигура брата уже едва просматривалась. – Замок лечит его, но ему не хватает магии. Он берёт мою. Но, похоже, и этого мало, вот он и вас притащил.

У Сувора от услышанного открылся рот, а у мага фанатично заблестели глаза.

«Учёный, чтоб его! – подумал незлобиво. – У него магию качают, а он ещё исследовать что-то пытается».

В таком состоянии мы не могли следить за временем, но оборотни потом рассказали, что длилось всё это действие около часа. Чувствуя, как из тела уходит сила, обратил внимание, что скорость забора постоянно менялась. То увеличивалась до горячего жжения в ранках, в эти моменты даже дыхание перехватывало, то замедлялась, давая вздохнуть свободно. С моими друзьями происходило то же самое, но не одновременно, вразнойбой.

А пелена над Урусом из золотистой окончательно стала дегтярно-чёрной и вдруг, сыто чавкнув, сползла с брата и стекла в сторону, постепенно впитываясь в камень пола. Наши руки тут же освободились.

Я сразу же стал ощупывать брата. В прорехах одежды там, где нарывали язвы, розовела молодая кожа. Дыхание, как у здорового спящего человека – глубокое и ровное. Восковую бледность сменил слегка розоватый цвет лица.

И я... хрипло завыл!

В этом вое выплёскивалось всё! Боль и страх за брата, моя ненависть к главному магу и, наконец, радость и благодарность Замку. Мой вой подхватили Сувор и оборотни за распахнувшуюся дверь. Стукнув створкой, в комнату с криком ворвалась Лийса. Подхватила угасающий вой и кинулась мужу на грудь, орошая её слезами.

Я моментально подхватился, вспомнив про стальной гранёный стержень, воткнувшийся в спину брата.

Но... стержня уже не было! Не знаю и знать не хочу, куда он девался. Урус лежал столе, или что он там другое, и спал сном выздоравливающего.

Попытался взять брата на руки, но даже приподнять не смог – я опять был «выпит». Тарис отодвинул меня, легко поднял Уруса на руки, лишь спросил:

– Куда?

Провёл рукой по своей щеке – странно, мокрая... Подумал вяло и отстраненно: «Наверно, ревел...»

– Пошли.

Проскрипела соседняя дверь по коридору. Ясно, нам туда! В комнате всё что сейчас необходимо: стол с лавками и мягкая кушетка с подушками.

Пока суетились, укладывая Уруса, на столе появились тарелки с едой: когда и как – не заметил никто.

Самыми голодными, ожидаемо, оказались мы трое: Сувор, Янсель и я. Возле нас же обнаружили чашки с укрепляющим питьём. Это Сувору было внове, а мы с Янселем воспринимали происходящее уже как должное.

Когда мы почти насытились, встрепенулась Лийса, присевшая рядом с мужем. Урус застонал. Мой взгляд наткнулся на чашку с зеленоватым питьём, стоящую на маленьком столике рядом с изголовьем кушетки. Вот клянусь, когда мы заходили в комнату, этого столика не было!

Сколько раз я проклинал Замок, особенно сидя в тюремной клетке! Но ещё чаще он выручал и спасал меня и моих друзей.

«Слышишь, Замок? Спасибо тебе! Я благодарю тебя за жизнь брата, за магию Янселя, за спасение друзей и за то, что защитил меня от верной смерти!»

Урус жадно пил предложенный напиток. Стая с умилением взирала на воскресшего друга. Лийса, кажется, не замечала слёз, катившихся по щекам. Последние дни нелегко достались лисице. Её поддерживало ожидание встречи с любимым, но никак не с умирающим! Она чуть было не сломалась. Кажется, если бы Урус умер, то и лисица не прожила бы ни одной лишней минуты.

В дверь постучали.

Удар под дых

В проёме нарисовался ошарашенный Тацина, растерянно осматривающий стены.

– Тацина, – пришлось хлопнуть по плечу остолбенелого десятника. – Эй, Тацина, что случилось?

– Меня послали вас искать. А оно того... – неопределённо повёл рукой, – скрипит, зовёт и в другие двери не пускает.

Ясно, Замок в своём репертуаре.

– Тацина, Замок волшебный и помогает идти туда, куда тебе нужно. Теперь всегда так будет.

– Как это? – дикий взгляд.

– Ну, удобно же... Говоришь, кого найти нужно. И время не теряешь. Приводит как по ниточке! Замок-то огромный. А так он тебе сам помогает. Хорошо же?

– Хорошо! – поёжился десятник.

– Ладно, кто там нас искал?

– Ррык, ещё твой... ваш отец. А князь уехал. Отдал бумаги Ррыку и уехал.

– Надеюсь, не обиделся... Ладно, пошли к отцу и Ррыку.

Вожак нашлись в гостевом крыле. Усталые и, наверное, голодные.

Лишь зашёл, как в меня впились два взгляда – затравленные, в ожидании непоправимого. У отца в руках зажата пачка бумаг, но он, похоже, их даже не ощущал. И скулы сведены до желваков!

Мне стало стыдно. Мы там едим, расслаживаем, а старшие места тут себе не находят.

– Пап, всё хорошо! Урус будет жить. Замок его вылечил!

Два неверящих взгляда.

– Правда! Живой и здоровый! Только слабый. Спит он.

У отца вдруг задрожали, заходили ходуном плечи. Руки метнулись к лицу, роняя бумаги... Я бросился к отцу, обнял его. И этот сильный оборотень вцепился в меня с глухими рыданиями.

Всю долгую дорогу от столицы отец видел безнадежное состояние любимого сына. Первенца. Мысленно старался примириться с его смертью. Правильно сказал Вожогра – оборотни не болеют. Они перекидываются и восстанавливаются... или умирают.

Урусу не помогало ничего! У отца даже мелькала мысль прервать мучения сына с помощью удара ножа. Останавливало то, что Лийса не простит, если ей не дадут увидеться с мужем. Да и о моей привязанности к брату знал.

Всю долгую дорогу отец умирал вместе с сыном! И отпуская нас с Урусом на руках, ни на что не надеялся. Думал, что тот доживает последние минуты, и мы прощаемся с Уром.

Душа отца горела от безысходности! Прошёл час... и два...

И вдруг... жив, здоров! Это счастье! Но счастье непереносимое. Удар под дых, когда подавишься костью – нестерпимо больно, но даёт сделать живительный вдох.

Отец приходил в себя... Вожак тоже был потрясён:

– Мы ж в столицу чего стронулись? У матери те бусины рассыпались. Коралловые, что ручейница вернула. Вроде все нашлись. А на нитку одна никак не цепляется. И так, и сяк её бабы цеплять пытались... уж, и мы с Аритом к этому делу подключились. А бусина катается, что живая горошина, и в руки никак не даётся. Бабы в рёв! А тут тревожные вести от вас пошли. Знаю же, что Грахиаш – сволочь, да только не ожидал, что настолько! И почему-то сердце в столицу тянуло. Думал, с князем переговорю да в Лесной кинемся – вам на подмогу. А там Урус...

Бусина не исчезла! Только эта мысль поддерживала вожakov. Они боялись лелеять надежду на чудо. Но чудо свершилось!

Отец с Ррыком сразу же захотели увидеть Уруса. И я с удовлетворением их проводил, попутно объясняя принципы передвижения по Замку.

Старшие дивились хитроумности предка!

Урус, подкрепившись живительным питьём и ложкой бульона, вновь уснул. Счастливая Лийса не отходила от мужа. Хоть какой... пусть больной, но рядом!

Парни ушли на тренировку, несмотря на непрекращающийся снегопад. Оборотней непогодой не напугаешь. И даже Сувор поковылял за всеми.

Возле Лийсы с Урусом остался только Янсель.

Маг был занят разгадыванием загадки чёрной субстанции, вытянутой Замком из тела Уруса. Оказалось, Янсель успел урвать несколько капель черноты. Додумался сделать кулечек из фольги от конфеты.

Конфетой в фольге его как-то Лийса угостила. Конфету Алеске скормил, а фольга так и валялась в кармане. А когда мага затащило в комнату, и он понял, что из Уруса выходит какое-то вещество, то сразу стал обдумывать, как бы его исследовать. И вспомнил о фольге в кармане.

Видимо, не всю силу Замок из него выкачал, потому что все манипуляции с субстанцией он проводил с помощью магии. Разглядывал, нагревал, выпаривал, что-то ещё делал.

Наблюдать за магом было интересно, но я сам еле держался на ногах от усталости. В последнюю неделю никак не получалось восстановиться полностью. Вот и сегодня – «выпит» был почти насухо, но несколько об этом не жалел.

Когда, налюбовавшись на спящего Уруса, мы покинули его, маг пошёл с нами.

– Лагор, это «пиявка».

– Как пиявка? Она же жидкая...

– Вернее, растворена. И принцип работы такой же, как у других.

– Как такое может быть?

– Быть может всякое! А мне интересно, неужели Тифчир смог сам до такого додуматься? Что-то на него не похоже. По натуре тролль – не исследователь. На его мать, скорее, похоже...

– Но Листавия мертва, – присоединился к разговору Ррык.

– Мертва ли?

– Ведьма упала в воду и больше не показывалась. И никто её не видел.

– А вода?

– Что вода?

– Изменилась? Какие-то свойства приобрела?

– Озеро... она упала в озеро, и оно очень изменилось.

– И что это значит? – спросил отец.

– Похоже, Листавиэль поменяла форму жизни...

– То есть, Листавия жива? – Ррыка аж шатнуло, еле на ногах удержался.

– Нужно посмотреть то озеро.

Лийса украдкой поделилась недоумением. Придремала возле мужа в той комнате, в которую мы поместили Уруса после очищения. А проснулись в покоях, которые для них определил Замок.

Я уже не удивлялся. Посоветовал лисице и всем остальным пользоваться преимуществами передвижения по Замку и не заморачиваться удивительным.

Эх, и шумели повара поначалу. Шутка ли, готовая еда вдруг в никуда пропадает. Приготовишь тут обед для высокого лорда, а он р-раз... и пропал! И на стол подавать нечего. И времени нету готовить ещё один обед.

– А перерасход-то продуктов какой! – хватался за голову главный повар.

Пришлось провести разъяснительную лекцию по особенностям поведения Замка.

Так, в первые дни после каждого исчезновения готовой еды главный повар устраивал расследование – рыскал по коридорам и комнатам, проверяя – точно ли еда попала по назначению. А как-то раз всё ж таки высказал мне, что негоже господам столоваться по разным укромным углам, как... Для этого в замке аж три столовые комнаты имеются. Одна при кухне, для челяди и стражников. И две господских. Малая для семейных трапез. И большая парадная, для приёмов высоких гостей.

Вот интересно, повара знали, столько столовых в замке имелось, и где они находились. А я, кроме той что при кухне, об остальных даже понятия не имел.

Кстати, Замок активно занялся кадровыми вопросами. Часть тех же поваров перестал впускать. И часть стражников упорно заворачивал на выход. У них просто не получалось пройти вовнутрь здания. Входя через дверь, оказывались на улице перед дверью, в которую входили – и так до бесконечности.

И Алеску в буквальном смысле шпынял. То пропускал свободно, а то заворачивал, как тех стражников. Мы сначала не могли понять причину. Но как-то раз, будучи свидетелем, как в очередной раз Замок заворачивает мальчишку, кое-что вспомнил.

Поймал мальчишку за ухо:

– Признавайся! Опять кому-то в тарелку плюнул?

Пацан покраснел, чем выдал себя.

Кстати, подавать еду в комнаты теперь мало кому приходилось. Престарелому кастеляну, непривычному к новшествам, да немногим гостям. И то, как посмеивался Янсель, для антуражу – и что означает это слово?

Алескины сокровища

Урус проспал почти трое суток с перерывами на перекус и естественные надобности. Маг объяснял это тем, что «пиявка» была буквально растворена в крови. Воистину Замок совершил невероятное, вытаскивая её из крови и мышц тела. Янсель не уставал восхищаться гением создателей Замка.

Тем временем Ррык и маг рьяно взялись за моё обучение управлением лордством.

Что сказать? Я к такому не был готов. И слова «отчёт» никогда не слышал. А уж когда мне объяснили, что оно означает, а, главное, как составляется и сколько видов отчётов необходимо делать, то взвыл в буквальном смысле слова.

А этикет? А снабжение и бухгалтерия замка, города и лордства? Экономика лордства, княжества и сопредельных государств? Изучение законов лордства, как субъекта княжества, самого княжества и взаимоотношения с другими субъектами княжества? Расоведение, изучение языков и множество других дисциплин? И это, не считая магии, необходимо всё изучить... Жуть!

Кроме того, Янсель указал, что мне необходимо утвердить хотя бы малый штат замка, а позже и расширенный. А для начала устроить праздник по случаю вступления в титул. Народ долго ждал лорда!

Когда мне разъяснили, что такое штат, то первым делом я зачислил туда Янсея на должность главного мага лордства. Попутно выяснилось, что он до сих пор ютится в каморке возле выхода в парк. Эх, стыдно! Я сам виноват – невнимателен к своим людям.

Увидев моё удручённое лицо, Янсель неожиданно подмигнул.

– Ты давно у меня не был, Гор! С помощью магии любую конуру во дворец превратить можно. Лишь бы она была, магия!

Понятно, что от учёбы не отвертишься. Троль горбатый, как же не хотелось мучиться в одиночестве!

В результате раздумий поставил своих учителей перед дилеммой. Изучать науки управления необходимо всем наследникам Рруса Трёхлапого. И если не все, то многие из заявленных дисциплин необходимы были и для приближённых оборотней и людей. Следовало собрать возле себя группу надёжных и компетентных помощников.

Ррык, отец и маг, переглянувшись, согласились со мной. Только Янсель посетовал, что не справится в одиночку с таким объёмом обучения и учеников. Потому было решено постепенно набрать необходимый штат преподавателей.

И тут возник вопрос финансов!

Казна лордства при отсутствии лорда была почти пуста. А попросту разворована! То есть деятельность управляющего практически не контролировалась.

Янсель был потрясён. По его словам – в своё время он самолично выезжал с главным княжеским казначеем на ревизию в Лесной. Совсем немалая казна была в порядке! Тому способствовали налоговая часть, оставляемая лорду, и оплата за расквартирование военных – а князь был достаточно щедр на оплату таких услуг.

Если при старом князе казна была в порядке, то произошедшие метаморфозы мог разъяснить только Грахиаш. Именно он распоряжался казной лордства последние пятнадцать лет.

Возникал вопрос – где сейчас Грахиаш? Был призван двусотник господин Весёлый для прояснения местонахождения бывшего управляющего.

Двусотник только пожимал плечами, ему команды арестовать бывшего управляющего не поступало. Как же так? Я собственными ушами слышал, как князь указал Тимофеичу арестовать Грахиаша и провести расследование.

Нашёлся свидетель. Один из десятников видел, как уезжал управляющий. В спешке, сам верхом и на поводу вёл тяжело навьюченную лошадь. А провожал его... главный маг граф Тимофеичет Гилон.

– Вот тебе и выполнил распоряжение князя!

М-да, троль ещё раз показал, что действует только в своих интересах, даже игнорируя приказы правителя.

Ррык вздохнул тяжело:

– Князю скажу, но бесполезно...

Янсель удивлённо воззрился:

– Я слышал, что Светлан справедлив. Почему...

Вожак досадливо махнул рукой.

– У них с Тимофеичем какой-то ритуал проведён.

Янсель побледнел.

– Вот как... Как же его угораздило?

– Да это не он! Отец его. Тогда два самых сильных мага княжества пропали – это, выходит, вы с твоим другом. И Светлан пропал. Да не один, с друзьями – сыновьями самых важных людей княжества. Тут такой переполох поднялся! Мы с Листавией воевали. Когда княжича с друзьями освободили, не до представлений ко двору было. Я отца, жену, сестру и братьев хоронил, мать и Арита оставить не мог. Отправили с княжичем и друзьями двух братьев Марша и Кирьяса. Братья молодые оборотни, семьями ещё не обзавелись. Собирались на службу податься. Доставить княжича живым и здоровым – замечательная рекомендация для службы. Вот и отправились... И всё, с концами! Никто о них больше не слышал и не видел! В общем, в столицу княжича с друзьями вдруг доставил Тимофеичер. Что он там наплёл князю, неизвестно. Только в награду получил графство Гилон и пост главного мага. Про сестру прежнего графа я так ничего и не слышал. Узнал я это всё не сразу. По кусочкам картинка складывалась. Светлан молчит, видать, нельзя ему напрямую ничего говорить. Почему князь Светломир сына слушать не стал? Тоже не знаю. Только князь через год после освобождения сына – а был тот в годах Лагора – провёл обряд связи княжича с Тимофеичером. У княжича и согласия спрашивать не стали. Старый князь полностью Тимофеичеру доверял. Кажется мне, Тимофеич Светлану память пытался подчистить. Дружки его в один голос твердят – Тимофеич их спас и вывел. А Светлан другое помнит. Как мы их из той пещеры вытаскивали, поили, кормили, в сухое одевали. Там же сырость промозглая была. И заболевшие были, лечили их. Одного ещё пару недель подлечивали, потом я его в столицу увёз. Вот этот Ютлан только и подтверждал слова Светлана. У самого Светлана период между тем, как мы его с друзьями уже в дорогу отправили, и когда Тимофеичер в город их завёл, из памяти стёрт. Не помнит, и всё! А как старый князь умер, Светлан так и остался с Тимофеичером связанным. Только то хорошо, что Тимофеичер магически на князя действовать не может. Сразу же на себе всё чувствует. А себя он любит!

– А если Светлан на Тимофеичера будет влиять?

– Про то не знаю. А вот князю Светлану все закидоны Тимофеичера терпеть приходится. Тот до сих пор сильно не наглел. Но вот... – вожак развёл руками.

– А что, Янсель, шибко плохой обряд? – спросил мага.

– Это обряд взаимопомощи. И партнёры во всём зависят друг от друга. Делают такие обряды, когда маги друг в друге уверены, и где сильный всегда готов поделиться силой со слабым... – и задумался.

– А кто из них сильнее? – потеребил задумавшегося мага.

– Да вот и думаю, зачем старый князь настоял на таком обряде? Какие цели преследовал? Тифчир, конечно, слаб, но у Светлана магия другого рода. Троллю она не подчинится и не сольётся. О чём он думал, когда шёл на обряд?

Все задумались. В добрые намерения Тимофеичера уже никто не верил. И можно было гадать до бесконечности, как хотел тролль использовать связь с князем. По крайней мере, уже выяснили, что приказы князя маг исполняет, если они его устраивают. В противном случае делает всё по-своему и никому не отчитывается.

– Это что же выходит? Тролль творит всё, что ему хочется, и никто его не может остановить? – возмутился я.

– Думается мне, не всё так просто, – проговорил задумчиво Ррык. – Похоже, у князя тоже есть рычаги влияния на Тимофеичера, только время...

– Нашёл!

Нас прервал Алеска. Тот самый пацан, который неизвестно, что делает в замке, да ещё за это получает оплату. Шельмец! Кто его в комнаты пустил?

– Нашёл! Лагор... ой, лорд, я нашёл!

– Что нашёл?

– Только, Ла... лорд, того... половину мне!

– Половину чего?

Алеска, оглядев с подозрением жожака, отца и мага, громким шёпотом осведомился:

– Думаешь, этим верить можно?

У Ррыка заплясали в глазах смешинки, а отец не сдержался – откровенно расхохотался в голос. Янсель же задумчиво заметил:

– Мальчику тоже необходимо изучать этикет.

Алеска же настаивал, указывая пальцем:

– Верить им?

Я проследил за пальцем и подумал, что Янсель прав – Алеску нужно учить этикету. Торжественно произнёс, стукнув кулаком в грудь:

– Верю, как себе!

– Сокровища я нашёл, – загробным голосом провещал мальчишка.

Я вытаращил глаза:

– Врёшь!

– Да спали меня Сияние, да сожри меня тролли, не вру! Я за управляющим подглядывал, – зачистил Алеска. – Он знак нашёл, таскал магов, чтоб сказали, что это такое.

– Ну, и?..

– Сам слышал! Один сказал, что это знак на сокровища показывает.

Отец решил вмешаться:

– Да какие...

– А такие, – пацан ошетинился, – тут драконы жили! Их сокровища я и нашёл! Не хотите, я главному магу скажу. Он...

Мы переглянулись. Ещё Тифчира тут не хватало!

– Показывай! – махнул рукой.

Гурьбой припустили за мальчишкой. Янсель почему-то с нами не пошёл.

На бегу мальчишка, задыхаясь, возбуждённо делился подробностями.

– Он и псарню здесь завёл для охраны. Всё мечтал открыть сокровищницу.

По мере продвижения к нашей группе присоединялся народ: мои оборотни, кое-кто из стражников. На замковом крыльце Лийса с Шутем Медным о чём-то беседовали, попеременно крутя в руках какую-то склянку. Тоже припустили за нами...

– Не забудь, Лагор, ты мне половину обещал, – Алеска торжественно указал на стену. – Вот он!

Мы смотрели на знак в полном обалдении.

– Правда, знак такой таинственный?! Как думаешь, много там сокровищ?

Первой захихикала Лийса, потом грохнули все остальные. Хохотали до слёз. Вповалку...

Этим знаком все оборотни с незапамятных времён обозначали отхожее место!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ ЦИКЛА «МАГИЯ ОСИЯНА»